С. А. БУТУРЛИН

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ОХОТНИКА

ВСЕКОХОТСОЮЗ
1930

С. А. БУТУРЛИН

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ОХОТНИКА

2-е переработанное и дополненное издание

с рисунками

ИЗДАНИЕ
ВОЛОГОДСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА ОХОТНИКОВ
„ВСЕКОХОТСОЮЗ“
1930

ЧИТАТЕЛЬ!
Просим сообщить
Ваш отзыв об этой книге
по адресу: Москва, Центр,
Никольская ул., Ветошный
проезд, дом № 5.
Издательству Всекохотсоюза.

Окрлит № 203 (Вологда). Тираж 13000 экз.

Типография Полиграфтреста „Северный Печатник".

Посвящаю памяти моего друга и учителя Александра Петровича Ивашенцева, бескорыстного, талантливого и неутомимого работника на пользу российской охоты вообще и российского малоимущего охотника в особенности.

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

„Настольная книжка охотника", выпущенная в самом начале 1925 г. Уральским областным к.-п. союзом охоты в количестве 15 000 экз., разошлась так быстро и встретила такой горячий прием у читающих охотников, что необходимость выпуска второго издания наступила уже давно.

Первое издание было строго ограничено размером в 16 листов и задумано было (да и озаглавлено самим автором в рукописи) как карманная книжка. Поэтому изложение было очень сжатое, многое приходилось совсем опускать. Между тем получавшиеся в большом количестве отзывы, начиная с таких всем нам известных и уважаемых товарищей, как М. М. Пришвин, и кончая молодыми охотниками глухих углов Сибири, указывали на крайнюю желательность расширения многих отделов, а также увеличения числа рисунков в книге.

В особенности порадовало меня то, что ни один из многочисленных, почтивших меня письменными отзывами читателей, — даже из числа очень, судя по их письмам, малограмотных, — не находил изложения книжки трудным, тяжелым для понимания. Большинство высказывалось за крайнюю желательность некоторого увеличения и текста книжки и числа рисунков в ней.

Второе издание идет навстречу этим пожеланиям: оно все пересмотрено, исправлены ошибки первого издания, печатавшегося по необходимости без моей корректуры (напр., досадная путаница некоторых подписей под рисунками); все данные, несколько устаревшие, заменены новыми, все измерения переведены в метрические меры, добавлено много новых данных и много рисунков. В общем книжка с 16 листов доведена до 20.

Все же книга моя и в этом увеличенном почти в полтора раза виде не дает полного ответа на все могущие возникнуть у охотника вопросы. Ведь охота — целая наука. Вернее сказать — она охватывает целый ряд отдельных отраслей очень многих и разнообразных наук. По каждому из отдельных вопросов могут быть интересно и содержательно написаны целые томы. Об охотничьих собаках, их разведении и натаске написаны на разных языках толстые книги. О каждой из многочисленных охот на разных зверей и птиц можно написать не меньше. Об одной стрельбе пулей мне случилось лет 18 назад написать два тома в 60 листов. Поэтому никак нельзя все научные и технические вопросы,

относящиеся к охоте, и все искусство охоты — втиснуть в один небольшой томик.

Эта книга предназначена в первую очередь для того, чтобы дать молодым или неопытным охотникам понятие о том, какое важное, большое, сложное и интересное дело — охота; чтобы дать им возможность сколько-нибудь разобраться в отдельных сторонах ее и усвоить себе правильный подход к их изучению; наконец, чтобы содействовать им более полно и организованно помогать дальнейшему росту охотничьего дела в нашем Союзе.

Несомненно, что, несмотря на эту книжку в 20 печатных листов, имеется надобность в более полном и подробном руководстве по всем отделам охоты, примерно листов на 60 печатных. Такое руководство должно будет выполнить то, что сделал в свое время превосходный „Охотничий календарь" проф. Л. П. Сабанеева. И хотя даже такое подробное руководство не вместит всей охотничьей науки и не устранит необходимости создания охотничьих библиотек и разработки вопросов в охотничьих журналах, — все же оно позволит охотнику, подготовленному по краткой „Настольной книжке", пойти значительно далее в самообразовании в охотничьем деле.

С другой стороны, наличность „Настольной книжки" в 20 листов — не устраняет необходимости в издании еще более краткого и сжатого, чисто практического справочника карманного формата, объемом в 8 — 9 печатных листов. Такой справочник мог бы быть, при тираже в 25 — 30 тысяч экз., выпущенным по крайне дешевой цене, что сделало бы возможным проникновение начатков охотничьих знаний и туда, где цена в несколько рублей (или даже в 95 коп. — как первое издание „Настольной книжки") является трудно доступной.

И я приношу искреннюю благодарность всем тем из своих читателей, которые дали себе труд поделиться со мной своими замечаниями и пожеланиями. В особенности я благодарен д-ру Э. М. Сенкевичу, давшему для этого издания целую статью по своей специальности, и инж. А. А. Зернову, изложившему свои замечания на все почти отделы книги в целой довольно большой рукописи, а также Л. Н. Гешелю. По возможности все пожелания и замечания, с которыми можно было мне согласиться, были учтены при составлении второго издания.

Я учитывал, однако, и то, что теперь, в 1930 году, наши читающие охотники имеют много такого, чего в 1924 году они не имели. По отделу собак есть превосходные книжки Н. Н. Челищева о гончих и борзых, несколько хороших работ о лайках (напр., Ливеровского), о натаске (Языкова и Зворыкина). Есть или печатается ряд работ о разных охотах

(Рахманина, Ширинского, Зворыкина, Петрункевича), об отдельных пушных зверях (напр., о зайце, выдре, норке и др.— Каверзнева). По оружию есть мои книжки о дробовом и о пулевом ружьях, о спортивной стрельбе и об уходе за ружьем, имеются также книжки В. Я. Генерозова о стрельбе. Понятно, что просто списывать или кратко излагать в „Настольной книжке" то, что уже отлично и более полно сказано в этих недавно вышедших, имеющихся в продаже и недорогих книжках, было бы вещью совершенно непроизводительной. Поэтому, когда уже по сдаче рукописи этой книги, доведенной согласно заранее условленному плану до 23 печатных листов, выяснилась необходимость спешно сократить ее на несколько листов, я нашел возможным вовсе исключить главы об оружии.

Поэтому также я сознательно принял для своих дополнений во втором издании такое правило. Говорить несколько подробнее о тех вопросах, по которым ничего или почти ничего нет в общедоступной охотничьей литературе; так же поступать в отношении вопросов, в которых я не вполне разделяю ходячие охотничьи мнения. Те же вопросы, по которым имеются недавно опубликованные хорошие работы, более или менее подробно их освещающие, мною оставлялись в смысле полноты изложения в том виде, как они были в первом издании. Конечно, при таком порядке нельзя было избежать некоторой пестроты, неоднородности в отношении языка: сжатое, „словарное" изложение в одних и более обстоятельное, разъяснительное изложение—в других случаях. Полагаю, что в смысле практической пользы для читателей надо было именно так поступить.

И в таком виде, разумеется, книга эта не может служить полным руководством по охоте: для такого руководства надо было бы иметь в распоряжении от 60 до 100 печатных листов. Но ни по какому руководству нельзя выучиться быть хорошим охотником. Книга может только помочь тому, кто сам хочет работать над собой и самостоятельно учиться на деле, на практике по той единственной, вечной книге, в которой скрыты все знания, вся мудрость прошлых и будущих веков, и которая всегда перед нами—по великой книге живой природы.

Еще два необходимых слова лично о себе. Я начал писать эту книгу — второе издание — еще в 1927 году, но вскоре серьезная и длительная болезнь, продолжающаяся и сейчас и сильно ограничивающая мою обычную трудоспособность, прервала работу и сильно замедлила ее окончание. Только урывками, с большими промежутками мог я приниматься за нее и заканчиваю ее с большим запаздыванием и без возможности все отделы привести к одному уровню. Надеюсь, что это не слишком отразилось на книге. Во всяком случае, я сделал все, что мог.

Как всегда, я буду благодарен всем читателям за всякие замечания, поправки, дополнения и пожелания, в каком бы виде ни были они высказаны и доведены до моего сведения, по адресу ли редакции „Охотника“ или непосредственно по месту моей службы (Москва, Воздвиженка, д. 4, помещ. 12, Комитет Севера при президиуме ВЦИК).

С. А. Бутурлин.

30 ноября 1929 г.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Охота, добывание в лесах и болотах диких зверей и птиц есть одна из крупных отраслей народно-государственного хозяйства и, конечно, самая древняя. Многие, многие тысячи лет назад, когда не только не было фабрик и городов, но не знали люди и оседлого земледелия, когда не было даже и кочевых скотоводов,—так как и скот еще не был одомашнен,—в те отдаленные времена бродячие, дикие предки современного человечества жили одною только охотой и рыбной ловлей. Охота и кормила, и одевала, и защищала их от крупных хищников.

Фабрика, хлебопашество и даже скотоводство и сейчас далеко не всюду проникли, вытесняя охоту, как фундамент хозяйственной жизни. Но где это вытеснение совершилось, охота остается, как лучший, самый здоровый отдых для нервов, утомленных работой за станком, конторкой или письменным столом.

Но будет ли охотник промышленником, снискивающим себе пропитание охотой, или же только любителем, охотящимся только для отдыха и здоровья, много ему надо искусства и знания, чтобы быть дельным, хорошим и добычливым охотником.

Изучить науку охоты и овладеть искусством применять эти знания на деле невозможно из книг. Только личный опыт, любовный труд, внимательное, многолетнее наблюдение окружающей природы, жизни зверей и птиц в их вольной обстановке могут дать охотнику нужные знания и навыки. Книги могут только облегчить этот труд, сократить необходимые годы ученичества.

Тем более маленькая карманная книжка не может дать всего необходимого молодому или неопытному охотнику. Дело такой книжки—обратить внимание читателя на те главные вопросы, с которыми ему следует ознакомиться, дать ему самые общие основные наставления да указать, где надо искать более подробных сведений.

Именно теперь, когда рухнула земельная собственность, когда бессчисленные „кабинетские", „удельные", помещичьи и иные частные угодья стали доступными всем, потому что принадлежат всему народу, особенно настоятельно чувствуется потребность в первоначальном, простом и кратком руководстве для охотника как любителя, так и промышленника.

До революции много издавалось охотничьих календарей и справочных книжек, но они были приспособлены только

к нуждам помещика и состоятельного горожанина, оставляли совершенно в стороне охоту как промысел; они мало могли дать рабочему и крестьянину-охотнику. Кроме того, даже лучшие из них, как двухтомный календарь Анофриева, перепечатывались из года в год без достаточной проверки и накопили на своих страницах достаточное число грубых ошибок и неверных указаний. Поэтому я решился, несмотря на большой потребовавшийся для этого труд, не „составить" с помощью клея и ножниц новое руководство из лоскутков старых статей и календарей, но написать эту небольшую книжку совершенно заново, по новой программе, затрагивающей все главные стороны охоты-промысла и охоты-техники, охотничьей науки. И я надеюсь, что она будет полезна молодым и недостаточно опытным охотникам как в промысловой и полупромысловой полосах, так и в районах чисто любительской охоты (также очень важной для народа и государства).

Я взял на себя смелость составить всю книжку единолично, так как за сорок лет постоянной охоты и постоянного изучения ее нужд и потребностей во всех отношениях я имел счастливую возможность не только испытать всевозможные „любительские" охоты в средней полосе России, а также в превосходно в свое время охранявшихся угодьях бывших столичных губерний и Прибалтийского края, но, равным образом, месяцами и иногда годами кочевать и промышлять с промышленниками-чувашами Поволжья, самоедами Колгуева и Новой Земли, ламутами Якутской области, чукчами заколымской тундры, киргизами приалтайских степей. Непрерывная работа с 1888 г. почти во всех русских и многих иностранных охотничьих журналах создала мне большую сеть корреспондентов на местах и близко познакомила с местными охотничьими нуждами и тех районов, где не удалось лично побывать. Ружье, ружейная техника, стрельба из ружья, в особенности пулевая, с детства привлекали меня, а главная работа всей жизни—научное изучение орнитологии, т.-е. птиц, а также других промысловых животных, их распространения, жизни, хозяйственного значения и охраны,—все эти многолетние занятия помогли мне в составлении настоящей книжки.

Но один человек всего знать не может, и многие из наших опытных охотников многое и многое знают лучше меня. В отдельных случаях и молодые охотники могут оказаться более осведомленными. „Век живи, век учись". Я всегда помню это правило и очень прошу всех своих читателей в какой угодно форме указать на все замеченные недочеты и ошибки этой книжки печатно, письменно или устно.

Июль 1924 г. *С. А. Бутурлин.*

ЗАПОВЕДИ ОХОТНИКА-ПРОМЫШЛЕННИКА И ЛЮБИТЕЛЯ

1. Дикого зверя с птицей никто не разводил и не кормит, да они-то кормят множество людей: потому бей их с расчетом.

2. Сбереги матку весной,—она к осени выводок приведет.

3. Дай вешним зверю и птице покой,—осенью получишь с лихвой: за ними не пропадет.

4. „Не я, так другой" и „на наш век хватит",—говорит истребитель народного достояния. Не будь головотяпом, не грабь самого себя, береги дичь.

5. „Союз охотников"—твой союз: вались к нему, не откармливай кулаков.

6. „Серый помещик" гусями да овцами берет с крестьянина двойную разверстку: не спускай ему.

7. Уходишь с привала,—залей костер: на гари не будет ни зверя, ни птицы.

8. Не запыживай бумагой или хлопком: не жги народные леса.

9. Не думай, что ружье не заряжено: так думают только ротозеи, калечащие людей.

10. Никогда не направляй дула на человека или на скотину.

11. Никогда не стреляй на авось или на шум: можешь человека убить.

12. На привале, на езде вынь патрон, сними пистон, подложив на шпильку кусочек кошмы или шерсти.

13. Не ставь ружья к дереву или к стене,—хорошенько повесь дулом книзу.

14. Не вытаскивай ружья за дуло.

15. Бери зверя пониже, а птицу влет вперед и повыше.

16. Дальше верного выстрела не бей: не в последний раз видишь дичь.

17. На облаве с места не сходи до конца, на соседа не бей, распорядителя слушай.

18. Собаку не горячи, к стойке не беги, к убитой птице не кидайся.

19. Хороший охотник скорее ружье одолжит, чем собаку.

20. Бездымный порох отвешивай, а меркой не клади и с черным не мешай.

21. Прочищай стволы почаще, а замки пореже.

22. Береженого ружья на целый век хватит.

ГЛАВА I

ОХОТА КАК ЧАСТЬ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

ДОХОДНОСТЬ ОХОТЫ

В нашей стране огромные пространства на Севере, в большей части Сибири, включая и Дальний Восток, а частью и на Кавказе и Туркестане, заняты глухими лесами, обширными болотами или дикими горными хребтами, где нет земледелия, или оно, вместе со скотоводством, дает слишком мало для жизни. И населению этих пространств приходится прирабатывать, а то и целиком кормиться только тем, что оно может добыть в окружающих лесах, реках и болотах.

Житель дальнего Севера кормится рыбой, дичью и звериным мясом; летом ходит в одежде из ровдуги (самодельной замши), зимою защищает себя от жестоких морозов двойной и тройной меховой одеждой. Одежду и сапоги жена ему шьет сухожильями от убитого зверя, при свете самодельного светильника, в котором горит костяной или иной жир того же зверя. Звериные шкуры служат ему постелью и материалом для летней палатки (чум, ураса), а местами и для лодки, сыромятные же ремни заменяют в его обиходе не только веревки, но и гвозди: связанные ими без гвоздей санки („нарты") выходят гибкие, пружинистые, а потому много прочнее сколоченных. Шкуры служат ему и для обивки лыж, и для переметных сум, и для обтягивания вьючных ящиков, и для иных упаковок („чемодан"—целиком снятая шкура нерпы).

Из кишок или иных внутренностей местами шьют легкую непромокаемую верхнюю одежду, из рогов и костей делают манки и пищики, застежки, пуговицы и прочую мелочь, из рогов и копыт варят клей.

Словом, для всего обихода семьи,—для жилья, одежды и пищи,—идет добыча собственной охоты. И так живут целые племена на нашем Севере и во многих местах Сибири.

Но и в хлебородной и в фабрично-заводской полосе и крестьянин и городской охотник не уклоняется от случая положить в котел вкусный и питательный кусок—утку, зайца или иную дичь—и нередко мастерит себе теплую заячью шапку или куртку. Вся такая охотничья добыча, идущая на

собственные надобности охотника, никем не учитывается, но так как охотников с их семьями у нас миллионы, то в общем годовом обороте хозяйства страны такой добычи идет очень много.

Некоторое понятие о размерах личного потребления дают такие цифры. В Сибири перед войной добывалось и поступало на рынок ежегодно 13—20 миллионов штук пушнины (в среднем около 15—16 млн. штук), огнеприпасов же потреблялось не менее, чем на 80 миллионов выстрелов. Из них на промахи, потерю подранков, добивание их и т. п.— если считать половину, то и тогда добыча дичи и пушного и копытного зверя выразится в 40 млн. штук, да еще большое количество дают черканы, пасти и т. п.

Легче учесть то, что идет на продажу или обмен, становясь товаром и попадая на рынки. К сожалению, и в этом отношении наша статистика всегда была очень слаба, так что полный подсчет приходится делать гадательно, по косвенным данным. Например, пух и перо, шкуры и кожи, рога и копыта, кишки, шерсть—обычно учитываются вместе и от диких и от домашних животных, и трудно разделить, что дает охота, что—домашний скот. Но все же главный продукт охоты—пушнина—учитывается.

Главными продуктами охоты являются пушнина и дичь.

Пернатой дичи в предвоенное время ежегодно поступало к заграничному вывозу около 170—180 тысяч пудов, считая по 27 шт. на пуд, по 6—8 руб. пуд по местной цене, при чем около того же количества шло в столицы. Одних рябчиков поступало на рынки до двух миллионов штук, на сумму до 600 тысяч рублей золотом, по местным ценам (по ценам крупных наших рынков—до 1 миллиона рублей). Добывалось же, вероятно, до 4 миллионов штук.

Учитывая всегдашнюю неполноту официальных данных и дичь, не попадавшую на железные дороги и крупные рынки, надо думать, что всего на рынки поступало ее на сумму до 4 миллионов рублей, если брать цены мирового рынка. Принимая же во внимание очень значительное потребление птицы населением Севера, а частью и деревни, общую добычу надо оценивать не менее 60 миллионов штук в год, на 12—15 млн. руб. по тогдашней продажной местной цене.

Добычу копытных зверей Н. В. Туркин и К. А. Сатунин, незадолго до японской войны считали свыше миллиона с четвертью штук в год.

Для времени перед мировой войной осторожнее (и, может быть, слишком осторожно) следует оценить их так:

Добыча копытных зверей до войны (в год)

Лосей (сохатых) около. . .	80 000	шт.,	в среднем по	30 р. шт.
Изюбрей и маралов около .	25 000	»	» »	» 55 р. шт.

Северных оленей (диких) около	20 000	»	»	»	»	15 р. шт.
Косуль (диких коз) около. .	200 000	»	»	»	»	5 р. шт.
Кабанов (свиней) » . .	50 000	»	»	»	»	25 р. шт.
Кабарги около	35 000	»	»	»	»	3 р. шт.
Итого	410 000 шт. в год на сумму около 6 430 000 руб.					

а по ценам мирового рынка и более, не считая еще аркаров и чубуков, а равно сайгаков (полвека назад сайгачьих рогов вывозилось в Китай свыше, чем на миллион с четвертью руб. в год, теперь они почти истреблены), других антилоп и зайцев на тушки. В послевоенное время добыча копытных зверей значительно уменьшилась: в среднем добыча лосей уменьшилась не менее, как в 10 раз, косуль—процентов на 30, и остальных пород—приблизительно вдвое. На прежнем уровне осталась лишь добыча зайца, оценивающаяся различными исследователями в размере 10—16 миллионов штук.

Важнейший продукт охоты—пушнина. Это товар легкий, легко сохраняемый и перевозимый, на который всегда есть спрос, и цены на который при всех случайных колебаниях в общем все растут.

С оборотом пушнины интересно познакомиться несколько ближе, в виду ее основного значения в государственном охотничьем хозяйстве. Конечно, я здесь имею в виду именно дикую пушнину, добычу охотника, а не каракуль и тому подобное „меховое сырье".

В довоенное время на рынки поступало около 20 миллионов штук разной пушнины, а иногда несколько больше, а если принять во внимание и мелкие местные рынки, то до 30 миллионов штук. Несколько больше половины этого количества составляла белка, около одной пятой части—заяц-беляк и русак, около одной десятой части—суслик (евражка). Хори—главным образом белый—поступали в количестве около 1 миллиона штук, сурок и тарбаган—в несколько меньшем количестве (не считая транзитного монгольского). Лисы всех сортов, включая корсака, давали почти полмиллиона; горностая добывалось немногим более того. Добыча колонка не достигала и четверти миллиона штук. Песца, включая и норника и крестоватика, добывалось от 100 до полутораста тысяч штук в год; добыча же куниц, норок, барсука, волка определялась только десятками, а для соболя—очень немногими десятками тысяч; для медведя, рыси, выдры, россомахи—только тысячами шкурок в год. Крот, водяная крыса, летяга, хомяк вовсе не добывались, а бурундучок обыкновенно отдельно не учитывался.

За последние 7—6 лет статистика пушного оборота значительно улучшилась. Она показывает, что на крупные

рынки—главным образом для вывоза за границу—поступает в общем не меньшее количество шкурок, чем до войны (в 1928/29 г.—около 30 млн. шт.), но происходит это главным образом за счет развития добычи зверей, ранее вовсе не добывавшихся, например, водяная крыса, которой добыто свыше 16½ млн. штук), или за счет значительного усиления добычи, скажем суслика, которого теперь добывается более чем вдвое против прежнего,—или зайца, добыча которого с 2½—3 миллионов доведена в 1925/26 г. до четырех с половиною, и в 1927/28 г.—до 9 миллионов (не считая местного потребления). Добыча лисы держится приблизительно на одном уровне, но добыча соболя—самого ценного нашего пушного зверя—сильно сокращается и достигает приблизительно 12 000 штук. Всего более тревожно то, что уменьшается также и добыча главной нашей пушнины—белки. В сезон 1923/24 г. белки было заготовлено 15 371 тысяча штук, но из них часть была добычи еще времен пушной монополии и низких цен; собственно свежей же—всего около 13 миллионов. В 1924/25 г. заготовлено около 14¾ миллиона, в 1925/26 г.—11⅓ миллионов и в 1926/27 г.—немногим более 10½ миллионов штук, несмотря на то, что на добычу пушнины обращается все более усиливающееся внимание в виду ее валютного значения для СССР.

Значение пушнины в нашей заграничной торговле прежде и теперь видно из следующей таблички официальных цифр, где все суммы (и теперешнего вывоза) взяты для сравнения по средним довоенным ценам.

Вывоз по средним довоенным ценам в миллионах руб.

	В 1913 г.	В 1925/26 г.	В процентах к 1913 г.
Зерно хлебное . . .	594,5	115,8	19,5
Лесные материалы .	165,9	38,1	23,1
Лен и кудель . . .	94,1	20,8	22,2
Яйца	90,6	16,1	17,9
Масло	71,5	24,9	34,9
Пенька и пакля . .	24,8	2,2	9,7
Пушнина	17	23,8	139,9
Птица и дичь . . .	6,5	2,2	33,7

Вместе с другими, более мелкими статьями общий уровень нашего вывоза составлял в 1925/26 г. всего 30,6% вывоза 1913 г., если все считать по ценам 1913 г.; одна только пушнина показала не уменьшение в 3—10 раз, а, наоборот, увеличение, приближающееся к полуторному; она перешла с седьмого на четвертое место. Однако, по действительно вырученным за нее ценам пушнина стоит даже на втором или третьем месте, так как за ряд последних лет мы выручаем за нее за границей от 50 до 60 миллионов рублей и более. В 1927/28 году пушнина стала даже на первое место.

Кстати заметим, что не по числу шкурок, а по ценности, в общей массе нашего пушного вывоза белка составляет, в разные годы, около 40—50 процентов, лисица — около 11 — 14%, песец — 7 — 10%, горностай, хорь, куница—около 2—4% (каждый вид), так же стоял и заяц, теперь значительно повысивший свое значение. Остальные виды, включая и соболя, входят только очень незначительными суммами.

Рост цен на пушнину, а не увеличение количества шкурок объясняют вышеупомянутый рост значения пушнины в нашем обороте. Нет еще и 30 лет, как первосортный песец стоил на Якутской ярмарке 5—6 руб., а перед войной— 15 руб.; в начале 90-х годов лиса и куница стоили по 4 руб. Вот по некоторым видам пушнины сравнение предвоенных цен с обязательными предельными ценами (синдицированными или конвенционными) — на ближайшие годы (конечно, на первосортный выходной товар).

	Ц Е Н Ы		
	Предвоенные	1926/27 г.	1927/28 г.
Белка сибир. . .	0,43	1,00— 1,50	1,00— 2,00
Лиса	7,50	10,00—30,00	11,00 —30,00
Песец	15,00	38,00—45,00	45,00—50,00
Горностай	1,00—3,00	1,20— 2,75	2,50— 4,00
Колонок	1,75	3,00— 4,00	4,50— 6,00
Куница	13,00	17,00—22,00	20,00 —30,00
Хорь	1,35	0,95— 3,25	1,80— 4,50
Заяц	0,35	0,50— 0,70	0,30— 0,70
Волк	8,00	10,00—28,00	15,00 —35,00
Крот	—	—	0,40— 0,50
Ласка	—	—	0,50
Водяная крыса .	—	—	0,25

Однако заготовляющие пушнину организации нарушали эти предельные ставки Народного комиссариата торговли и платили, конкурируя друг с другом, еще более высокие цены, в общем процентов на 10—20, а в отдельных случаях и больше. Так, на всю заготовку, в процентах, и принимая предельные цены на 1924/25 год за стопроцентную норму, дело, по данным Наркомторга, обстояло так:

	Для 1924/25 г.	Для 1925/26 г.	Для 1926/27 г.
Предельные цены (лимит. и конвенц.)	100%	105%	115%
Уплачено заготовляющими организациями . .	110%	120%	135%

Не надо думать, конечно,- что все это попадало всегда именно в первые руки, самому добычнику-охотнику, так как мы далеко еще не вполне избавились от разных посредников.

В пушной торговле издавна имеется обычай оценивать пушной сбор не в рублях, а в так называемых „беличьих единицах", т. е. в переводе на главную нашу пушнину.

Интересно и полезно знать этот способ выражения, хотя теперь он не применяется.

Сибирская беличья единица:

Белка	1	Хорь	1½
Лиса	15—40	Горностай	1½
Соболь	35	Барсук	1
Песец	25	Тарбаган	1
Куница	20	Заяц	¼
Выдра	20	Ласка	¼
Рысь	15	Бурундук	⅛
Росомаха	12	Суслик	1/10
Волк	10	Летяга	1/10
Медведь	6	Крот	1/10
Корсак	4	Хомяк	1/10
Колонок	3	Вод. крыса	1/10
Нерпа	2		

Отношение беличьих единиц разных районов:

Сибирская	100	Северо-западная, Средне и Нижне-Волжская	60
Дальневосточная	110		
Казакстанская	90	Центр.-промышленная и центр.-черноземная	55
Уральская	85		
Башкирская	75	Западная	45
Северная	70		

Выше говорилось о ценах заготовительных, то-есть наших, внутренних. Цены мирового рынка, где мы являемся крупнейшими поставщиками пушнины, доставляя почти третью часть всей мировой производительности, — конечно, значительно выше. Вот для примера цены некоторых видов в 1923/24 г. в рублях.

	Заготовительная	Продажная за границей
Белка северная	0,70	1,50
Лиса южная	8,00	18,00
Песец туруханский	45,00	85,00
Хорь белый	1,35	4,00
Заяц-беляк	0,30	1,30

В среднем и беря в круглых цифрах—продажные цены заграничных аукционов вдвое выше наших заготовительных цен. Но это вполне понятно. Заготовительная цена не может равняться продажной, так как много приходится затратить труда и средств, пока пушнина с мест промысла будет доставлена до заграничных центров; все накладные расходы прибавляются к заготовительной цене и входят в состав себестоимости.

Надо признать, что накладные расходы наших заготовляющих организаций в 1923/24 г. доходили до ужасающей цифры в 83,9% к заготовительной цене, т.-е. к каждому рублю, уплаченному за пушнину, прибавлялось накладных расходов почти 84 коп. Но уже в 1925/26 г. эти расходы удалось снизить до 61,96% и в 1926/27 г.—до 56¾% (по государственной торговле, а по кооперации даже до 51,38% в 1925/26 г. и до 44,37% в 1926/27 г.).

Желательно и несомненно возможно и дальнейшее их понижение—может быть процентов до 35—40 к заготовительной цене, но вообще эти расходы не могут не быть значительными. Это видно из их сложного состава:

Накладные расходы по госторговле на пушнину в 1926/27 г. в процентах к заготовительной цене

Организационные расходы периферии:	
Содержание личного состава	14,08
Помещение и хозяйственные расходы	2,64
(*) Местные налоги и сборы	0,88
	17,60
Накладные расходы периферии:	
Перевозка от мест заготовки до вагона	1,30
Очистка, хранение, упаковка	1,00
(*) Ветеринарный сбор	0,40
Комиссионные выплаты по заготовке	2,85
	5,55
Расходы от погрузки в вагон до борта парохода („фоб"):	
Перевозка до центральной базы	1,40
Расходы на центр. базе	1,30
Понижение стоимости при пересортировке	1,00
(*) Ветеринарный сбор	0,40
(*) Пошлина и таможенные сборы	6,00
Расходы по перевозке от базы до парохода („фоб")	0,60
(*) Уравнительный сбор в 2% себестоимости („фоб")	2,20
	12,90
Стоимость кредита (проценты на затраченный капитал):	
(*) За время от заготовки до борта парохода	7,0
(*) За время от „фоб" до продажи	2,0
	9,0
Расходы от погрузки на пароход до продажи:	
Морской фрахт, перевал	0,50
Морская страховка	0,80
Доставка на склад, хранение там и страховка вывоз из склада	0,50
Платежи аукционные, брокерские, скидки покупателям	4,50
(*) Комиссия торговому представительству	2,90
	9,20
Организационные расходы центра	1,50
Разные уценки, списания долгов и др. потери	1,00
Всего к заготовительной цене	56,75%

В сравнении с другими товарами, расходы по перевозкам, перегрузкам и тому подобные, как видно из этой таблицы, очень не велики. Это объясняется легкостью и высокой стоимостью пушнины: так, расходы от центральной базы до

*) Значком (*) отмечены те расходы, которые поступают в доход государства или в местные средства и о которых, поэтому, жалеть не приходится. Их всего здесь 12,78%, а если к ним причислить и стоимость кредита — главным образом по Государственному же банку, — то и 21,78%.

борта парохода слагаются из железнодорожных тарифов и сборов выгрузки, хранения в порту и портовых сборов, доставки до парохода и погрузки на него. Это стоит около 9 руб. 60 коп. за 100 *кг* (1 руб. 57¼ коп. пуд). Но в среднем по всей вывозимой пушнине — ее заготовительная цена выходит 1600 руб. за 100 *кг* (262 руб. 08 коп. пуд), и потому эти 9 руб. 60 коп. составляют лишь 0,6 процента к ее стоимости (заготовительной).

Интересна весовая стоимость по некоторым отдельным видам пушнины.

Самого мелкого (якутского) беляка идет на 100 *кг* 1300 шкурок (на пуд 213), что при цене 30 коп. составляет 390 руб. за 100 *кг* (или 63 р. 90 к. за пуд). Самый тяжелый, камышловский беляк доходит до 610 шт. в 100 *кг* (100 шт. пуд). И так как он стоит вдвое дороже (60 коп. штука), то 100 *кг* его = 366 руб. (1 пуд — 60 руб.).

Вот для белки табличка по измерениям С. Лазарева (цены я беру конвенционные 1927/28 г.), при чем, однако, все перечисленные в статье Лазарева цифры или неточны, или с опечатками, и потому мои цифры несколько отличны от его. Взяты средние числа, колебания же доходят до 7% в одну и до 7% в другую сторону. Взята чистая выходная белка; синюха и подпаль — процентов на 5—8 тяжелее.

	Штук		Цена в рублях	
	В 100 *кг*	В 16 *кг*	За 100 *кг*	За 16 *кг*
Белка русская северная	5119	838	6655	1089
„ печорская	4942	809	6425	1052
„ томская	4557	746	6380	1044
„ енисейская	4319	707	6479	1061
„ обская	4281	701	5993	981
„ иркутская	4166	682	6666	1091
„ якутская	4135	677	6616	1083

Другие меха беру по своим измерениям с покойным Губониным (цены той же конвенции, но не высшие, а по средним кряжам или по ценам кряжа, наиболее многочисленного).

Конечно, по продажным ценам стоимость 100 *кг* (или пуда) пушнины будет вдвое выше, и в этом интерес этого товара, легко переносящего дальние перевозки и накладные расходы.

ШКУРКИ	В 16,38 *кг* (1 пуд)	На общую стоимость
Соболь	210	(21000,00)
Песец	68	3060,00
Крестоватик	120	(360,00)
Куница мягкая	210	5250,00
Норка	240	2880,00
Горностай русский	1070	3210,00
„ ишимский	1000	4000,00
Хорь черный	235	1057,00
„ белый	264	792,00
Колонок	480	2160,00
Суслик	350	175,00
Кошка степная	100	150,00
Лиса красная	40	1000,00
„ светлая	50	750,00
Корсак	93	465,00
Сурок	65	97,00
Выдра	24	(2400,00)
Барсук	24	36,00
Рысь	21	735,00
Росомаха	23	690,00
Ласка	4200	2100,00
Бурундук	4200	504,00
Волк	7	175,00

А кроме того—это товар, мировая цена которого склонна в общем, несмотря на временные колебания, всегда расти. Ведь лесов на земле становится все меньше. Распахиваются, осушаются, приводятся в порядок и заселяются и всякие другие охотничьи угодья. Растет население земного шара. Растет благосостояние. Сильно растут автомобильное движение и авиация, требующие теплой одежды.

В общем предложение пушнины все сокращается, а спрос все растет. Все питомники и зоофермы всего мира выбрасывают на рынок ничтожное количество шкурок (в 1928/29 г. около 150 тыс. шт.) сравнительно с десятками миллионов дикой пушнины. Кроме того, пушнина питомников, как продукция интенсивного хозяйства, конечно, относится в общем к самым ценным сортам, спрос же растет на всякие сорта. И в результате — неуклонный рост мировых цен. Вот табличка роста мировых цен пушнины в процентах:

МИРОВЫЕ ЦЕНЫ					
1913 г.	1914 г.	1916 г.	1918 г.	1919 г.	1924 г.
100%	105%	142%	161%	186%	Более 200%

Этот рост идет и дальше: для примера приведу, что в мае 1923 г. в Лондоне горностай стоил 2 р. 75 к., а в апреле 1928 г. в Нью-Йорке — до 7 р. 60 к., наш белый песец в мае 1913 г. в Лондоне — 76 р. 50 к., а в феврале 1928 г. в Нью-Йорке — до 130 руб.

В общем статистики считают, что наше сельское население на каждые 100 рублей всего своего дохода получает от добычи пушнины: на Дальнем Востоке, в Якутии и Бурято-Монголии — около 15 руб., в Сибирском крае — около 4 р. 12 к., в Уральской области — 1 р. 76 к., и даже в Крыму — 50 коп., считая поголовно на всех.

При этом принимается, что общая сумма дохода земледельческого населения от реализации пушнины достигала: в 1925/26 г. — 43 млн. руб., в 1926/27 г. — 46 млн. руб. и в 1927/28 г. — значительно выше 50 млн. руб.

Кроме добычи и вывоза сырья, переработка пушнины в меха и изделия составляла до войны довольно заметную отрасль кустарной промышленности. В Московском, Слободском (Вятской губ.), Казанском, Арзамасском, Дуниловском районах тысячи и тысячи кустарей занимались выделкой мехов, при чем в 1912 г. нашей пушнины перерабатывалось на вывоз на $2^1/_3$ млн. руб. и для внутреннего потребления — почти на 8 млн. руб., и иностранной пушнины перерабатывалось почти на $2^1/_4$ млн. руб. В 1925/26 г. перерабатывалось в меха почти на 8 млн. руб., но в эту сумму входит очень значительное количество мехового сырья (мерлушка, козлина и т. п.). Производство это все растет.

Производство это очень выгодное: если считать местную цену заячьей шкурки в 30 коп., а „хлебная“ (лучшая) выделка обходилась около 15 и не более 20 коп., то выделанная шкурка ценилась в 1—2 руб.

Однако вывозить мы должны главным образом сырые шкурки. Во-первых, главнейший рынок потребления пушнины — Соединенные Штаты Северной Америки — ограждает свою меховую промышленность запретительной ввозной пошлиной (около 40% стоимости); во-вторых, заграничный рынок определенно считает нашу выделку пушнины порчей ее и только нашу выделанную зайчину и, отчасти, белку признает за превосходный товар.

Вот, если принять во внимание и выгоды нашего государственного баланса от вывоза пушнины и прочих продуктов охоты (дичь, мясо, пух и перо, панты, мускус и пр.), — взамен чего мы можем ввозить машины, орудия, лекарства и т. д., — и огромное внутреннее, учитываемое и не учитываемое потребление этих продуктов, то мы увидим, что прямой доход от охоты для государства отнюдь не меньший, чем от рыболовства,—больший, чем от льноводства, и много больший, чем от виноградарства и пчеловодства вместе взятых.

ВАЖНОСТЬ ОХОТЫ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА

Помимо того, что охота кормит и одевает миллионы людей и дает государству на многие десятки миллионов золотых рублей товаров для ежегодного вывоза за границу, — она имеет многостороннее значение в жизни страны.

Во-первых, многие продукты охоты перерабатываются внутри страны и дают возможность приложить к себе труд сотен тысяч кустарей и фабричных рабочих.

Все наши кустарные производства, потрясенные войной, могут быть не только восстановлены, но и расширены. Наши химики и техники могут и должны добиться того, чтобы все продукты охоты не вывозились сырьем, а у нас же перерабатывались в меха и шубы, пух — в фетр, дичь — в консервы, кабарговая струя — в мускус и т. д.

Во-вторых, охота создает требования на орудия охоты и разные принадлежности, чем опять-таки дает приложение народному труду. До войны мы ежегодно ввозили от иностранцев до 120—150 тысяч штук охотничьих ружей разного рода, да наши казенные и частные заводы и кустари производили почти столько же, и все-таки в глухих местах чувствовался в ружьях недостаток. Теперь недостаток оружия среди охотников громадный, и так как невыгодно покупать за границей то, что можно сделать дома, то и это производство, конечно, должно быть широко развито.

В-третьих, занятие охотой выучивает сотни тысяч и миллионы людей обращению с ружьем и хорошей, быстрой и точной стрельбе. Приучает легко переносить труды и лишения лагерной жизни.

В-четвертых, охота полнее, чем какая-либо другая отрасль добывающей промышленности или какой-либо другой спорт, сближает человека с природой, открывает ему вблизи без искусственных прикрас жизнь лесов, болот и полей, домашние дела зверей, птиц и всяких иных животных в их тесной зависимости от времен года, погоды, растительности, друг от друга. Это сближение с природой, постоянное и необходимое для охотника наблюдение жизни и нравов животных, имеет большое значение в двух отношениях. По мере того как человек овладевает тайнами природы, раскрывает ее законы,—образовывается его ум, расширяется кругозор на все стороны жизни, совершенствуется техника его, и труд становится производительнее. И охотнику, при надлежащем подходе к делу, легче, чем кому-нибудь другому, приобрести правильное представление о явлениях природы. С другой стороны, охотники могут играть очень важную роль в деле научного изучения природы, в деле собирания

необходимых материалов и фактов для работы ученых специалистов и научных учреждений, — музеев, лабораторий, институтов и т. д.

Очень много сделано в деле научного изучения законов природы за последние 200 лет, но все же это — только начало, и остается сделать неизмеримо больше. В нашем охотничьем деле мы ведь до сих пор не знаем еще всех зверей и птиц, водящихся у нас, не знаем достаточно подробно их распространения, их количества, корма, образа жизни. А то, что уже известно—известно главным образом только качественно; для правильного же планирования хозяйства нужно знание еще и количественное, точные цифровые расчеты. Для каждого животного каждого района надо иметь возможность сделать то, что старый охотник и ученый зоолог, А. А. Браунер, сделал для степной части Украины.

По его расчету лиса здесь за зиму истребляет около 6000 штук мышей. Каждая мышь за год с'едает 4 кило зерна или сена, а 6 тыс. мышей—24 тонны. При цене сена 12 руб. тонна (20 к. пуд) эти мыши с'едят за год на 288 руб., а за зиму—на 100 руб. сена (а считая частью на зерно—на гораздо большую сумму). Шкурка же степной лисы стоит в среднем вдесятеро дешевле. Значит, каждая убитая в степи лиса—в общем убыток для хозяйства на 100—300 и более рублей. Ни в одной, самой богатой стране нет такого числа ученых специалистов, чтобы они могли сами, своими руками, собрать все нужные для научной работы—шкурки, скелеты, чучела и другие материалы, производить все нужные наблюдения в поле. Во всем этом толковые любители, особенно охотники, всегда были и будут необходимыми сотрудниками для науки. Недаром столько крупнейших писателей и ученых вышли из среды охотников: Аксаков, Тургенев, Л. Толстой (кроме лет старости), Некрасов—создатели русского литературного языка и русской поэзии, а из ученых: Дарвин, Уоллес, Брем, Нансен, Пржевальский, Северцов, Зарудный, М. Богданов и множество других.

Несомненно, что во всех этих сторонах охоты, в росте истинного образования, в умножении научных коллекций и собрании материалов из жизни природы государство столь же заинтересовано, как и в улучшении военной подготовки населения, в истреблении вредных для сельского хозяйства животных и т. д.

Во всем этом, как сказано, охота промысловая и охота любительская играют весьма важную роль.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧЬИХ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (ВСЕКОХОТСОЮЗ)

Наше охотничье население различно исчисляется: от полутора до двух миллионов, не считая членов семейств. Надо сказать, что для такой страны, как Союз советских республик, это вовсе не много: в Соединенных штатах Северной Америки выбирается в год свыше 7 миллионов охотничьих свидетельств, да предполагается (самими американцами) около миллиона безбилетных охотников. У нас же общее количество населения приблизительно на 30 процентов больше, а площадь страны без малого втрое больше Соединенных штатов. В то время как на каждого охотника в Соед. штатах приходится в среднем около 2,7 $км^2$ (около 255 десятин),—у нас приходится около $10\frac{3}{4}$ $км^2$ (около 983 десятин).

По составу наших охотников можно разделить на две основные группы.

К одной относятся те охотники, которые затрачивают на охоту свои средства, добываемые иным трудом. Они охотятся, следовательно, ради отдыха, ради удовлетворения врожденной страсти к охоте. Мы их называем охотниками-любителями. Это почти исключительно жители городов и крупных промышленных центров, главным образом, фабрично-заводские рабочие и служащие советских учреждений, охотящиеся по праздникам и во время отпусков.

Охотников-любителей у нас около четверти миллиона человек, то-есть никак не более 16, а вернее около 12 процентов всей охотничьей массы, но значение этой группы довольно велико.

С одной стороны—это в общем наиболее образованная, интеллигентная часть охотников и наиболее дисциплинированная. С другой стороны—охотничья страсть распространяется у них и на всю техническую обстановку охоты и заставляет их не жалеть на нее сил и материальных средств. Поэтому охотники-любители разрабатывали и разрабатывают научную сторону охотничьего дела и в области охотничьей зоологии, и оружейного дела, и собаководства, и в области правильного охотничьего хозяйства. Они же являются в республиканских и других центрах тем охотничьим активом, который совершенно необходим для организации охотничьего дела, и который вольно или невольно, но неизбежно осуществляет мудрый завет великого вождя нашей революции о смычке города с деревней, завет, столь же необходимый в охотничьем деле, как и во всех других сторонах нашего

хозяйства. Поэтому старинная насмешливая кличка „воскресные охотники“ или старая же острота относительно „серебряной дроби“ (так как добытая дичь, конечно, обходится этой группе охотников много дороже, чем ее можно было бы купить на рынке)—объясняются только непониманием той крупнейшей органической роли, которую исторический ход упорядочения государственного охотничьего хозяйства возлагает на городских и заводских охотников-любителей.

Ко второй основной группе охотников относится вся та охотничья масса, которая не тратится на охоту, а, наоборот, больше или меньше прирабатывает ею, как одною из статей своего хозяйства. Для этой многочисленной массы охота является промыслом, почему мы их и называем промышленниками.

Ошибочно однако было бы думать, что для промыслового охотника охота—только способ заработка, только тяжелый, но неизбежный труд. Это в огромном большинстве случаев не так. Огромное большинство промышленников любит свои леса и тундры, любит самый процесс охоты. Это и понятно: охотничьи инстинкты, спортивная страсть к преследованию, к борьбе с хитростью, чуткостью и проворством дичи или силой крупного зверя слишком глубоко заложена в самой природе человека.

Но огромная масса охотников-промышленников отнюдь не однородна и естественно распадается на две крупные подгруппы, границы которых определяются не всеми одинаково. Иногда считают промысловыми охотниками тех, у кого доход от охоты является основной или главной статьей в хозяйстве. Остальные признаются полупромысловыми. Другие требуют для признания охотника вполне промысловым—чтобы охота составляла не менее 40% бюджета. Однако, оба эти признака случайны. В одном районе может случиться особо хороший „урожай“ песца или белки и недоход рыбы, или обратное явление. Тому или другому может посчастливиться убить особо ценного зверя, в роде черной лисы,—и доля охоты в хозяйстве данного лица или целой округи может подняться или упасть на много процентов. И почему именно 40%, а не 39 и не 41 должны служить границей? Дело, конечно, не в этом. Если доход от охоты является необходимым для поддержания существования семьи, для поддержания хозяйственного равновесия, то это и является промысловым хозяйством. Если же этот доход является лишь желательной или полезной добавкой, без которой однако же концы с концами могут сходиться (то-есть добавкой, не необходимой для поддержания хозяйства), то это хозяйство—полупромыслового типа.

Если проведем на карте линию, отделяющую места, где средние урожаи зерна дают на „душу“ населения достаточно

хлеба для существования в течение года, или где некоторый недостаток местного зерна покрывается приходом от скотоводства или отхожих и кустарных промыслов, то эта линия отрежет обширные пространства Севера и Северо-Востока нашей республики, где в общем преобладает промысловая охота. Конечно, и здесь, особенно в тундрах, есть группы населения, правда малочисленные, вполне удовлетворяющие своим потребностям путем своеобразного скотоводства (оленеводство). Здесь, даже в таком рыбном краю, как Печорский бассейн, в общем охота дает 40%, хлебопашество и оседлое скотоводство—32%, рыба—20% и оленеводство—8% всего хозяйственного бюджета. И даже у одних кочевников самоедов-оленеводов нижней Печоры оленеводство дает 45%, охота—50% и рыболовство—5%. Понятная причина этого: гораздо бóльшая товарность охотничьей добычи в виде лесной и дорогой пушнины, тогда как громоздкий и сравнительно дешевый продукт других промыслов (мясо, рыба и т. п.) вдали от оборудованных путей сообщения товарностью почти не обладает, т.-е. не выдерживает расходов перевозки и потому не находит сбыта. Это не мешает, конечно, иметь этим продуктам громадное потребительское значение в натуральном хозяйстве тундры.

Тундровой самоед или чукча, имеющий около 1000 оленей, которых ему некому сбывать, и которые вдали от факторий местами и теперь ценятся номинально в 3—5 руб. за голову, но которые зато тепло одевают и сытно кормят всю его семью,—конечно, богаче таежного тунгуса, кочующего с винтовкой на дюжине или полутора десятках оленей, служащих исключительно для странствий в поисках белки, и добывающего в зиму полтораста—триста белок. Между тем номинальный денежный доход этого тунгуса во много раз выше.

Общая численность промысловых охотников никак не менее четверти миллиона человек, главным образом туземцев нашего Севера и Северо-Востока, включая и хребты южной Сибири. На долю полупромысловиков, имеющих от охоты только некоторый приработок к хозяйству, приходится до полутора миллионачеловек, главнейшим образом крестьянского нашего населения.

Если считать, что именно отдельное хозяйство получает от охоты, то заработок промыслового хозяйства несравненно выше, чем охотничий заработок полупромыслового: он местами иногда доходит до 2000 руб. в год, в среднем же колеблется от 100 руб. (и даже меньше—в таких местах, как Нарымский край) до 300 руб. (а на Дальнем Востоке и больше). Но если мы сравним доход, приходящийся на единицу земельной площади (кв. километр, или, скажем, гектар), то картина получится иная, и густо населенные

округа в роде Ярославского или Рязанского, окажутся дающими с равных участков земли примерно такой же охотничий доход, как огромные пространства Севера или Востока,— от 2 до 7 рублей с кв. километра (2—7 коп. с гектара) от одной только пушнины (лучшие угодья Сибкрая до 11,5 руб). Это не так мало, если вспомним, что наша лесная площадь, предполагается, должна давать около 8 руб. чистого дохода с кв. километра.

Если взять всю массу поступающей на рынки пушнины (не считая мехового сырья — кож баранов, коз и т. п.), то лучшую по качеству (но в общем только около одной трети одной четверти по общей сумме стоимости) дают наши районы Крайнего Севера; если же взять все районы промысловой охоты, то их доля в добыче пушнины приблизится к ½ или ²/₃ всего сбора. Остальная треть или даже побольше дается нашими земледельческими, промышленными и скотоводческими районами. Этот замечательный факт имеет очень важное значение во многих отношениях.

Не менее замечательно и то обстоятельство, что Германия с ее громадным развитием фабрично-заводской промышленности, с ее чрезвычайно интенсивным сельским хозяйством (средний урожай — 3717 *кг* на 1 гектар вместо наших 645 *кг* на гектар) и с народонаселением в 16 раз более густым, чем у нас, давала от охоты в среднем мяса диких зверей и птиц свыше 7 *кг* в год на 1 *км*² площади страны, тогда как мы получаем (и то, что идет на рынок, и то, что непосредственно используется населением) приблизительно в 15—20 раз менее. Таким образом, хозяйственное значение полупромыслового, крестьянского населения средней и южной полос нашего Союза в области охоты чрезвычайно велико, но различие между ним и чисто промысловым северным населением заключается в следующем. Последнее искони веков существует охотой, знает, что без охоты ему не прокормиться, и в длинном ряде поколений успело выработать известное разумное, хозяйственное отношение к охотничьим угодьям и промысловым животным. Нередко эти отношения, эти древние охотничьи обычаи успели уже принять форму религиозных заветов и предрассудков, но происхождение и вполне хозяйственная сущность их от этого, конечно, не меняется.

Промысловик-туземец бережет тайгу, бережет места гнездований птиц и логовища зверей, добывает в общем только то, что необходимо ему для пищи или для равновесия его бюджета. Совсем иначе относится к охоте главная полупромысловая масса наших охотников,—не хозяйственно, как промысловик, а более или менее хищнически. Тысячелетия борьбы с тайгой, понадобившиеся для того, чтобы

разделать из-под нее обширные теперешние наши поля, внедрили какую-то ненависть к лесу: срубить без необходимости дерево, сломать ветку, уйти от костра, не залив его,—самые обычные вещи. Сознание, что охота может дать выгодную прибавку к доходу, но что и без нее можно прожить, также не способствует развитию бережливости к зверю и птице, и когда полупромысловое население переселяется с насиженных мест в более богатые дичью места в Сибирь или на Камчатку, оно иногда более или менее полно переходит — хотя бы на время — на охотничий промысел (в этом смысле соболь был, конечно, главным врагом земледелия на Камчатке, а вовсе не ее климат),—но сохраняет нехозяйственное хищническое отношение к его использованию. Только школа и общественная дисциплина смогут изменить это и дать полупромысловому населению тот хозяйственный, бережный подход к охоте, который у коренного промысловика возращен самой историей его хозяйства.

Основою нашего охотничьего дела во всяком случае остается охотник-промышленник, живущий охотой, и полупромышленник, существенно подкрепляющий свое хозяйство охотничьей добычей. Но как вознаграждается труд промышленника? Промышленник местностей, где собирается пернатая дичь, законтрактованный вперед скупщиком, до революции не дополучал 20—25% и более сравнительно с ценами ближайших ярмарок и торжков; в Приуралье часть промышленников сорганизовалась в кооперативные артели, и в 1913 г. члены кооператива выручили за дичь по 48 руб., а не-члены — всего по 20—29 руб. В более глухих местах дело еще хуже. Так, исследователь Туруханского края А. Я. Тугаринов для трехсот слишком хозяйств местных тунгусов подсчитал, что они фактически получали в среднем за свою пушнину по 142 руб. на хозяйство и, чтобы кое-как просуществовать, должны были еще набрать продуктов в долг у торговцев по 129 руб. на хозяйство; если бы они продавали свою пушнину на ближайших к ним рынках, то они за нее выручили бы не 142, а 477 руб., и, значит, вместо 129 руб. долга, имели бы остаток в 206 руб. на семью (206, а не „348“, как иногда подсчитывают).

В первые годы после революции упорядочение хозяйства далеко не сразу проникло в тайгу и тундру, и очень часто положение временно, но значительно ухудшалось. Например, осенью 1921 года в Лондоне наш белый песец стоил 100—125 руб., 1 апреля 1922 г. в Лейпциге — 80—90 руб. по качеству, а акц. об во „Хлебопродукт“ платило в 1922 г. на Печоре за песца 1 пуд муки (белой), а за белку меньше 1½ фунта. По сообщению „Советской Сибири“ от 29 ноября 1922 г., № 270, „Сибторг“ снарядил весной 1922 г. экспедицию в Якутскую обл., при чем лучшую белку („ясак“) брал

по 70 коп., а товары давал по цене: мануфактура—70 коп. аршин, сахар, мыло или махорка — по 50 руб. пуд, мука сеянка—18 руб. пуд и спирт по 10 руб. золотом бутылка (!!!).

Нельзя ожидать ни в Москве или в Якутске, ни тем более на месте сбора—американских цен: фрахт, пошлина и лицензия, страховка, пересортировка, выколотка и хранение—все это неизбежные накладные расходы, как и организационный процент. Точно так же местный скупщик должен учитывать и свои разъезды, и вьючные перевозки, потери или убытки на некоторых партиях, и крайнюю медленность (местами до года) торгового оборота в глуши, и очень, в сущности, малый его размер, при котором процент накладных расходов естественно повышается. Но, и учитывая все это, надо признать, что перекупщики и посредники получали львиную долю и снимали сливки с охотничьей добычи. Позже, в сезон 1924/25 г., когда на дальневосточного песца Наркомвнуторг установил лимитную цену сначала в 40 руб., затем до 50 руб., в действительности фактории Охотско-Камчатского акц. об-ва (состоявшего главным образом из Дальгосторга и Центросоюза) в среднем платили: за песца — 24 р. 35 к., за красную (превосходную камчатскую) лису — 21 р. 16 к., за росомаху — 16 р. 19 к., за белку—98 коп., за пыжика оленьего—1 р. 18 к. и за нерпу—от 50 коп. до 1 руб. (дважды проверено как мною лично, так и анадырским и чукотским уревкомами). В то же время эти фактории продавали (там есть и спрос на это, у береговых чукчей на оленное сырье, и у чукчанок — на росомаху) там же росомаху — по 56 р. 25 к., а пыжика — 6 руб. 30 к. На другие товары цены были: топор (колун) — 6 руб. 40 к., пила-ножовка—9 руб. 28½ к., эмалированная кружка—3 руб. 72 к., самый ходовой местный патрон (30—30 винчестер) — 20 коп., винтовка винчестер 30—30 — 101 руб. 25 к. (т.-е. 5 песцов), а ее прейскурантная цена у Винчестера — 42—46 руб.

Надо при этом иметь в виду, что Камчатка — порто-франко, т.-е. от ввозных пошлин свободна, патрон 30—30 в Америке по прейскуранту стоит 9 коп. (фактически оптовая цена ниже), а фрахт ложится на патрон (их идет 40 тысяч на тонну) десятыми долями копейки.

Только соединяясь в кооперативные объединения под общим руководством Всекохотсоюза, смогут промысловые и другие охотники действительно взять охотничье дело в свои руки, продавать свою добычу по действительной ее стоимости и покупать оружие, огнеприпасы и все необходимое для себя самым выгодным образом. Другого пути для охотников, кроме пути хозяйственного, кооперативного объединения, нет.

В марте 1917 г. под гром революции петроградские охотники, главным образом рабочие, объединились в Петроградский

союз охотников, под лозунгом „охота для всех". Быстрый рост союза заставил 15 ноября 1918 г. переименовать его в Северный союз охотников, а на первой конференции промысловых и трудовых охотников Северной области в Петрограде в марте 1919 г. он был объявлен Всероссийским. 1-й съезд Всероссийского союза охотников в Петрограде в июне 1920 г. представлял 25 губерний и около 150 тысяч организованных охотников и принял устав союза, совершенно переработанный по принципу производственности на 2-м съезде, в Москве, в июле 1921 г., где были представители около полумиллиона охотников от 46 губерний.

Устав был утвержден „в изъятие из общих правил" президиумом ВЦИК 24 октября 1921 г., но 3-й съезд (Москва, июнь 1922 г.) принял некоторый кооперативный уклон, а 4-й (февраль 1924 г.) совершенно правильно решил перейти всецело на кооперативно-промысловую организацию. Устав охотничьей кооперации и был утвержден в августе 1924 года.

Таким образом, до последнего времени все короткое время своего существования Всероссийский союз охотников, как, впрочем, и все другие учреждения и вся наша великая республика, провел в организационной работе, в нащупывании форм и путей своей работы и в постоянном приспосабливании их к быстро меняющейся обстановке. В обстановке голода и холода и гражданской войны 1918—1921 гг., при полном отсутствии средств, вести серьезно операционную работу было немыслимо. Эта операционная работа, — продажа продуктов охоты от своих членов и снабжение их всем необходимым,—требует таких основных и оборотных средств, которые могут быть даны только кооперативной организацией и которых поэтому до сих пор не было. Зато была проделана огромная и необходимая подготовительная работа пропаганды и агитации: вначале, 9—8 лет назад, над союзом, да и над самим делом охоты, кроме самих охотников, почти все только смеялись; теперь же во всех ведомствах и учреждениях вкоренилась мысль о громадном государственном значении охоты и о том, что только Союз промыслово-охотничьих кооперативных организаций — Всекохотсоюз, организуя сознательные трудовые охотничьи массы, может помочь правительству сохранить и приумножить народное достояние, в виде ценного зверя и дичи, и использовать их самым выгодным образом.

Что сделала молодая охотничья кооперация (являющаяся организацией РСФСР, а не всесоюзной), лучше всего видно из следующих цифр.

На 1 октября 1929 г. она объединила 42 союза и 708 товариществ, охватывающих свыше полумиллиона охотников (около 880 000 человек), из них свыше 70 процентов

промысловых и полупромысловых. Да кроме того еще не вошедших в систему Всекохотсоюза имеется около полусотни охотничьих организаций. Баланс Всекохотсоюза на 1 октября 1929 г. превысил 32 млн. руб., а участие его в сборке пушнины достигло 22 процентов общей заготовки, а для всей системы охотничьей кооперации — даже 25%.

Весь оборот системы охотничьей кооперации исчислялся в 1925/26 г. — 21 млн. руб., в 1926/27 г. — 52 млн. руб., в 1927/28 г.—около 120 млн. руб. и в 1928/29 г.—140 млн. руб. В настоящее время эта система, начав почти с нуля, имеет собственных средств свыше 20 млн. руб.

Ход самой жизни, неудержимое стремление самого населения, с местными (до краевых и областных включительно) советскими и партийными организациями во главе, возложил на молодую охотничью кооперацию новое и трудное дело организации интегральной, то-есть охватывающей все стороны хозяйства, единой кооперации на дальнем Севере.

Огромные пространства полярных тундр и северной тайги, бездорожные и трудно доступные, с их крайне редким бродячим населением, принадлежащим преимущественно к разнообразным мелким туземным народностям, являются и для более южных и культурных частей нашего Союза, а частью и для южной Азии, средиземноморских и западно-европейских стран как бы огромным природным питомником водяной и болотной дичи. Эти пространства дают мировому рынку лучшую пушнину. По мере их обследования и улучшения сообщений эти северные пространства могут давать все более и более ценных ископаемых богатств: золота, платины, исландского шпата, свинца, цинка, железа, угля, соли, нефти и мн. др., месторождения коих и сейчас уже местами известны. При развитии воздушных сообщений кратчайшие пути между крупными культурными центрами западной Европы с одной стороны и восточной Азии и западной Америки—с другой лежат через приполярные районы. Наконец, тундра и северная тайга являются тем природным пастбищем северных оленей,—а в тундре и овцебыков, —которое должно будет давать прекрасное и дешевое мясо растущему промышленному населению фабрично-заводских и городских центров по мере вытеснения массового скотоводства из южных и средних широт более интенсивным сельским хозяйством.

Туземное население Севера, включая и вполне прижившееся там исстари белое население, великолепно до мелочей, и в физическом, и в бытовом, и в хозяйственном отношениях вполне приспособилось к суровым и своеобразным условиям полярных стран. Без этого населения страны эти были бы непроездными и недоступными для белого человека. Но хищная, эксплоататорская политика столетий царской

власти разорила северное хозяйство, оставила туземное население, честное, гостеприимное и способное, неграмотным, темным и нищим. Только кооперирование этого населения, сохранившего еще сильные следы первобытного коммунизма, может помочь ему в его трудной борьбе с суровыми природными условиями. Притом несомненно, что северная кооперация должна быть интегральной в виду редкости и малограмотности населения и тесного сплетения всей хозяйственной жизни в одно целое, — и что эта кооперация обязательно должна иметь промысловой уклон. Это постоянно подчеркивалось с самого начала его работы Комитетом содействия народностям северных окраин при президиуме ВЦИК. Это же и было причиною того, что места настояли на передаче охотничьей кооперации кооперативного обслуживания Тобольского севера, Туруханского и Нарымского края, Камчатки и ряда других районов. И пятый (1928 г.) расширенный пленум Комитета Севера при президиуме ВЦИК признал, „что в деятельности Всекохотсоюзом впервые, по сравнению с другими снабженческими организациями, проявлен хозяйственный подход к экономике Туруханского края, результатом чего явился ряд мероприятий и начинаний в области развития и укрепления промыслов: приступлено к снабжению оленями бедняцких хозяйств туземцев, поставлено снабжение их оружием и огнеприпасами в порядке долгосрочного производственного кредитования, положено начало опытному звероводству, приступлено к подготовке кооперативных работников из местного населения, в области рыбного промысла — проводится инструктаж и налаживается дело сбыта местной продукции"...

Таким образом, Всекохотсоюзу несомненно предстоит трудная, но широкая и многообещающая задача: стать не только охотничьей, но и Северной кооперацией, которой придется восстановить и расширить оленное, охотничье и рыболовное хозяйство путем объединения в колхозы туземного населения Севера. Надо только итти планомерно и осторожно вперед, не шагая слишком широко, чтобы не слишком напрягать еще не окрепшие финансовые возможности молодой кооперативной системы.

Другой огромной и благодарной, но, правда, гораздо более простой задачей для Всекохотсоюза является создание или участие в создании охотничьего оружейного производства. Нового охотничьего оружия в оборот с начала мировой войны почти не поступало, а поступающие изредка небольшие партии носят характер случайного неумелого подбора и обходятся непомерно дорого. Старое оружие сильно износилось и попадается в продаже все реже и тоже по мало доступным ценам.

Совершенно необходимо установить полную станочную, строго стандардизированную, массовую выработку, по предельным размерам, нескольких наиболее подходящих для наших промысловых и любительских охот типов оружия. И типы, и системы давно намечены. Время и практика показали, что организации военной промышленности слишком заняты своим прямым огромным и ответственным делом и слишком мало связаны с потребителем-охотником, чтобы, как следует, быстро справиться с этим делом. Кстати, необходимо сказать, что в самое последнее время в этом отношении виден значительный сдвиг, о чем будет сказано в своем месте.

Рис. 1. Северный олень (Енисейская тундра)

Организованный потребитель—Всекохотсоюз,—как только баланс его позволит затратить на это необходимое и крайне выгодное даже коммерчески дело миллиона полтора рублей, непременно должен будет ближе этим делом заняться. Только такое производство даст подходящее, хорошее и дешевое оружие нашему охотнику.

Неуклонный и быстрый рост молодой системы охотничьей кооперации естественно вызывает недоброжелательное отношение тех организаций, которые с некоторым основанием или без него претендуют на сборку такого выгодного товара, как добываемая охотниками пушнина. Поэтому не раз и не два со стороны работников и старой системы потребительской кооперации, и молодого Животноводсоюза по адресу охотничьей кооперации высказывались такого рода „кооперативные приветы", которых невозможно было бы ожидать со стороны идейных кооперативных работников и строителей социализма. А конкуренция государственной торговли в глухих местах доходит до того, что работникам охоткооперации приходится держать под рукою заряженные револьверы (доклад Комитету Севера проф. Д. К. Соловьева, обследовавшего летом 1928 г. Туруханский край).

К сожалению, Народный комиссариат торговли РСФСР пока стоит на такой же точке зрения и всячески затрудняет развитие работы охотничьей кооперации (не даром в результате обследования летом 1929 г. Всекохотсоюза коллегия РКИ высказалась за необходимость поставить охоткооперацию в одинаковые условия с другими заготовителями пушнины). НКТорг РСФСР отказался в 1928 г. причислить охоткооперацию к числу основных заготовителей второстепенных

продуктов экспорта: пуха и пера, волоса, орехов, грибов и т. п., хотя сборка этих продуктов, несомненно, связана прежде всего с деятельностью охотника. Он запретил охоткооперации,—единственной из всех систем, заготовляющих пушнину,—покупать ее на ярмарках и базарах, хотя годовые ярмарки—обычное место съездов промысловых охотников. По планам на 1928/29 г. Наркомторг предоставил охоткооперации только около одной трети (37%) всех охотничьих припасов, хотя этот рынок уже был охвачен более, чем на три четверти (76%), охотничьей системой, и хотя охотничьи припасы являются орудием производства охотничьего промысла. Он уменьшает участие Всекохотсоюза в планах заготовки пушнины, предоставив ему на 1928/29 год сборку лишь на 9 млн руб., хотя в 1927/28 году Всекохотсоюз фактически собрал ее на 10 с лишком миллионов. Наконец, НКТорг РСФСР внес осенью 1928 г. проект о косвенном уничтожении этой системы путем слития ее с Животноводсоюзом и включения в систему сельскохозяйственной кооперации.

К счастью для охоты и охотников, наши директивные органы, как и высшие правительственные органы, и Наркомзем, стоят на более широкой государственно-хозяйственной точке зрения и, ясно понимая необходимость сохранения и развития пушно-сырьевой базы и упорядочения охотничьего хозяйства работою организованных и объединенных охотников,—поддерживают систему охотничьей кооперации.

Все сознательные, понимающие свой интерес охотники, несомненно, должны всеми силами поддерживать свою кооперативную систему.

КАК ВЫГОДНЕЕ СНИМАТЬ И СОХРАНЯТЬ ШКУРКИ

Пушнина идет главным образом на заграничные рынки, очень требовательные не только в отношении качества товара, но и его наружного вида, так что правильно и аккуратно заготовленные шкурки всегда оплачиваются дороже. К сожалению, не только охотники-любители, но часто и настоящие промышленники не считаются с этим и тем сами себя наказывают. Так, безобразная правка белки „лягушкой", с растопыренными лапками и спрятанным хвостом, сильно понижает ее стоимость. „Ишимский" горностай оплачивается в 2—3 раза дороже других сортов не столько за качество меха, сколько за необыкновенно чистое и тщательное приготовление шкурок местными татарами и заимствовавшими это у них русскими промышленниками. А получить вдвое за ту же шкурку—это не пустяк. В общем итоге наши охотники теряют, несомненно, близко к 20%, т.-е. к одной пятой части всего своего заработка от неумелой, грязной или неправильной съемки и правки своей добычи, от отрезывания хвостов и лапок, концов морды и т. п. обычаев.

Зверь не должен быть разбиваем слишком близким выстрелом, или слишком крупной пулей, или дробью. Нельзя также позволять зря трепать его собаке, так как каждый лишний кровоподтек или царапина понижает ценность шкурки. Добивать тоже надо осмотрительно (лучше задушить), так как кровоподтек на мездре портит шкурку.

Во всяком случае, случайно поврежденные или оторванные части тела должны аккуратно пришиваться на место.

Снимать шкурку с тушки необходимо как можно скорее после убоя. Это важное правило слишком часто нарушается, отчего даже в морозы портится мездра.

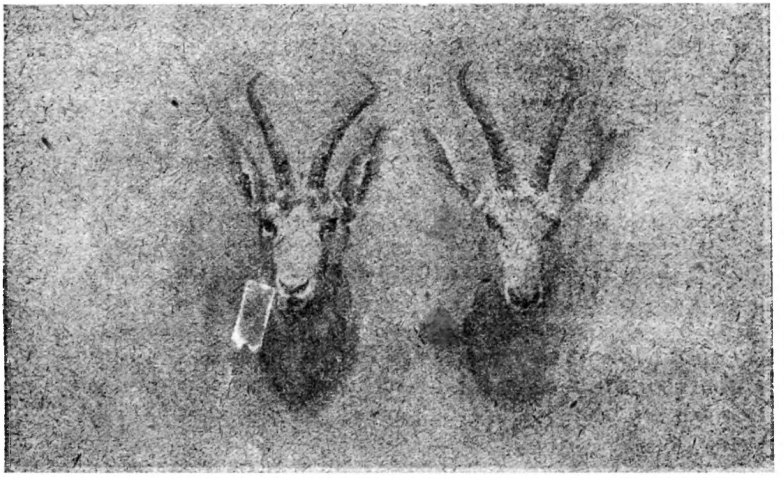

Рис. 2. Джейран (кара-куйрюк), зимний
Gazella subgutturosa

Открытая или коровья съемка („ковром") применяется к копытным зверям, от косули до сохатого (лося), кроме самых молодых северных оленей (выпоротков и пыжиков); разрез проводится от нижней губы до заднего прохода, обходя половые органы; от этого срединного разреза разрезаются все четыре ноги по внутренней их стороне. Так же снимаются тигр и барс.

Барсуки и сурки (тарбаганы) и крупный суслик также снимаются ковром: распластываются по брюху для более легкой очистки от жира и затем пластом растягиваются и так просушиваются. Растягивать их можно—или прибивая гвоздиками к доске (волосяной стороной к дереву), и тогда нужно проветривать, чтобы волосяная сторона не подопрела, время от времени снимая с доски, или же лучше растягивать на раме, как медвежью.

Крупных тюленей, а в большинстве случаев и нерпу, также снимают ковром.

Медведь для ковра снимается так разрез идет от нижней челюсти прямо до нижнего конца грудной кости, отсюда раздваивается, направляясь прямо к передней части заднего окорока и вдоль внутренней его стороны к пятке. Передние ноги раскраиваются вдоль внутренней их стороны от пятки к пятке, прямо поперек грудного разреза. По съемке треугольный лоскут шкуры с брюха пришивается кромками к шкуре задних лап, заполняя пространство между ними и значительно увеличивая кажущуюся длину шкуры.

Второй, также правильный „промысловый" способ съемки медведя: разрез идет прямо вдоль груди и брюха от нижней челюсти (подбородка) до заднего прохода включительно, обходя половые части. Передние ноги также разрезаются крестом через грудь от пятки до пятки. От середины живота дополнительные разрезы ведутся вдоль внутренней стороны задних ног к пяткам. После съемки кромки двух лоскутьев шкуры живота сшиваются частыми стежками.

Остальные звери снимаются „чулком", т.-е. мешком, без продольных разрезов. Чулком можно снимать как с зада, так и с головы.

С зада — с огузка — снимают так: разрезают шкурку вдоль внутренней стороны задних ног от заднего прохода к пятке, осторожно перерезают прямую кишку и осторожно отделяют кожу от ног и хвоста. Чтобы вытянуть из хвоста позвоночник, можно пользоваться расщепленной палочкой, ухватывая ею, как клещами, кости и протягивая их в расщепе, задерживающем шкурку. Но у более крупных зверей, как волк, даже лиса, — надо снизу вдоль вскрыть шкурку хвоста, кроме самого основания и кончика. То же приходится делать, в меру необходимости, и у более мелких зверей, если репицу не удалось вполне выдернуть. Но лучше и у мелких раскраивать вдоль хвост.

Шкура затем постепенно заворачивается к голове, при чем более крупных зверей, как заяц и др., удобно повесить за кости одной или обеих задних ног. Передние ноги также снимают чулком, а при выворачивании головы осторожно подрезают кожу у глаз, ушей, губ и носа, отнюдь не повреждая волосистых частей шкуры; губы прорезают внутри, оставляя наружную кожицу, также весь нос остается при шкуре, прорезывается носовой хрящ. Из ушей осторожно, без повреждения шкурки, вынимают хрящ.

Что касается лап, то у лисы, песца и др. более крупных зверей раскраиваются передние лапы от локотков до пяток, и разрезаются все пальцы для удаления костей. У более мелких зверей, до соболя, куницы и выдры, — пальцы часто не вскрывают, а отрезают внутри, оставляя их кости

при шкурке, без мяса, при чем у соболя, куницы, колонка, песца, лисы в особенности важно сохранить и когти. Но несравненно лучше и у мелких зверей очищать пальцы от костей, для чего нет необходимости разрезывать каждый палец отдельно, а достаточно сделать разрез на более широкой, основной части подошвы. Конечно, последний, когтевой сустав оставляется при шкурке.

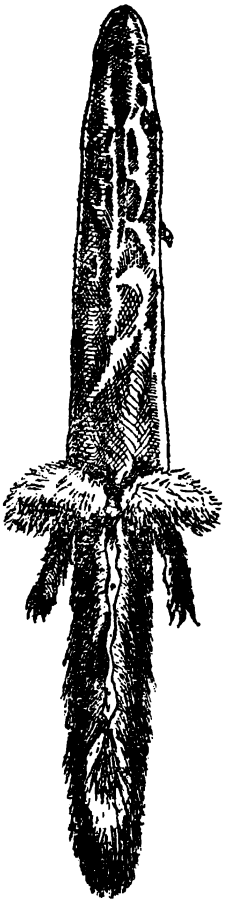

Рис. 3. Тип улучшенной съемки и оправки шкурки белки, вид со спинки

Рис. 4. То же с черевка

При снимании шкурки важно не прорезать ее; чтобы не пачкать ее кровью и жиром, а также содержимым желудка, хорошо перед съемкой заткнуть задний проход, ноздри и глотку, а также раны клочками пакли, шерсти, бумаги и т. п., при съемке— разрезы и обнаженные поверхности присыпать картофельной мукой или мелкими отрубями, сухой гнилушкой и т. п.

Съемка с головы ведется так же, но в обратном порядке, т.-е. сначала подрезается кожа вокруг рта, по задней стороне губ, и выворачивается на голову и шею, при чем подвешивают за шею. С головы, через рот принято снимать: горностая, колонка, ласку, белого хоря и соболя. Можно так снимать и куницу.

Для остальной пушнины теперь предпочитается съемка с огузка. Хотя важно собственно не то, откуда произведена съемка, но то, насколько хорошо и чисто снята шкурка и правильно посажена и выправлена.

При случайном разрезе или разрыве при съемке шкурки надо тщательно сшивать разрез и раны „через край".

Снятую шкурку надо скорее и как можно лучше очистить с мездры, осторожно, очень тупым ножом или обухом ножа соскабливая частицы мяса и жира и следы кровоподтеков, остерегаясь попортить мездру. Очистку эту удобно производить на приспособленной для этого доске, нижним концом упирающейся в пол, а более узким с тщательно закругленными краями концом вставленной внутрь снятой мешком шкурки. Чистят шкурку, скобля сверху вниз, т.-е. от головы к заду.

Шкурки горностая и колонка особенно выигрывают в ценности от тщательной очистки.

Легкий способ очистки мездры уже слегка подсушенной шкурки: из волосяной веревки (аркан, вожжи) связать кольцо 35 *см* в поперечнике и, став в эту петлю ногой, пропустить в нее же шкурку и, держа ее одной рукой за голову, другой— *за зад, быстрыми движениями взад и вперед* обшаркать мездру о веревку дочиста. Однако при этом легко повредить корни волос и совсем испортить шкурку. Да и вид ее при этом не получается вполне чистый и белый. Надо еще оговорить, что у хомяков, сусликов, водяной крысы и тушканчика (земляного зайца) можно и проще отрезать когти, а у водяной крысы и тушканчика — отрезать и хвост. Крота и водяную крысу, сняв чулком, надо распластать по брюху и сушить пластом. В настоящее время некоторые весьма авторитетные лица предлагают и соболя, и даже белого хоря снимать для однообразия с огузка. В прежнее время для ценной пушнины предпочиталась съемка через рот,— а мне кажется — для белого хоря, с его жирной шкурой, разрезать огузок нежелательно,—но, конечно, вполне можно снимать и с огузка, при всегдашнем условии тщательной очистки от жира и тщательного проветривания при сушке.

У горностая и вообще у мелких зверей передние и задние лапки лучше не раскраивать, а снимать чулком, все же, конечно, удаляя кости ног и пальцев (кроме когтевого сустава). Хвост у них тоже можно не вскрывать, но, чтобы он хорошенько засыхал, вставлять в него соломинку или сухую травинку, — но, пожалуй, лучше вскрывать (кроме основания и кончика) по низу прямо и ровно.

Золой—старый способ, отнюдь не надо пользоваться даже при съемке такой грубой шкуры, как медвежья.

Нельзя медлить и с просушкой снятой и очищенной шкурки, при чем, прежде всего, надо правильно „посадить" шкурку. На важность для стоимости шкурки правильной ее „посадки", к сожалению, и настоящие промышленники не обращают достаточного внимания.

Указать для посадки точных цифр нельзя, а только общие правила. Посадка должна быть однообразная, от этого выигрывает вся партия, — красивая, подчеркивающая достоинства шкурок, и никоим образом не кривая: серединная продольная линия хребта должна образовывать совершенно прямую линию.

Однообразная посадка не значит — совсем одинаковая. При двух зверках даже одной породы и совершенно одной величины шкурку очень пушистую следует выправить несколько подлиннее во избежание чрезмерной косматости, шкурку же полуволосую, наоборот, придется посадить несколько пошире, чтобы не казалась слишком „тонкой", а была пушистее. Точно так же при зверках одной породы, но несколько различного размера, следует более крупную немного посаживать в ширину, а мелкую, наоборот, затягивать в длину. Во всяком случае надо соблюдать меру и держать в памяти более или менее естественный вид зверка в несколько сплющенном виде, с протянутыми вдоль тела вниз лапками, с прямыми линиями боков.

Голову, шею и плечи приходится расправлять несколько в ширину, оттягивая лапы к брюху и укладывая их вдоль шкуры к низу; заднюю часть зверка затягивают несколько в длину, при чем задние лапы и пахи оттягивают внутрь к брюху, а также и середину огузка, если он не распущен.

Таким образом, все части равномерно выправляют так, чтобы лицевая часть шкурки образовала поверхность ровную, с хребтом по самой середине, с ровными, постепенно расширяющимися к низу боками, а противоположная сторона была образована брюхом со втянутыми пахами и горлом. Словом, шкурка будет приближаться к натуральной форме зверка, лишь будучи несколько уже внизу, в огузке.

На прилагаемых рисунках показаны: соболь, слишком узко и длинно растянутый, а также соболь, хорошо посаженный и потому пышный.

Малоценного зверя, как белку, можно выправлять менее тщательно, однако и ее равномерно затягивая в длину так, чтобы огузок был несколько шире и оставался открытым для осмотра волоса.

Растягивание и посадка шкурок производится на особых „пялках". Для шкур, снятых чулком сзади, пялки делают из двух связанных концом кольев, со вставленной между ними распоркой, для волка, рыси, россомахи. Для более мелких зверей пялки—рогульки вырезывают из раздвоившихся молодых деревец или веток. Надев вывороченную мездрою кверху шкурку на пялки, мордой задевают в месте соединения кольев или приколачивают гвоздиками, а затем шкуру натягивают и выправляют, привязывая задние ноги крепко бечевкой на соответствующей половине пялок. Для шкурок,

снятых с головы, пялки делают из двух досок, которые вставляют через рот в вывороченную мехом внутрь шкурку широким краем к заду зверка, при чем рожок доски должен войти в заднюю ногу шкурки. Затем мордочку шкурки натягивают по возможности по пялкам и прибивают к одной

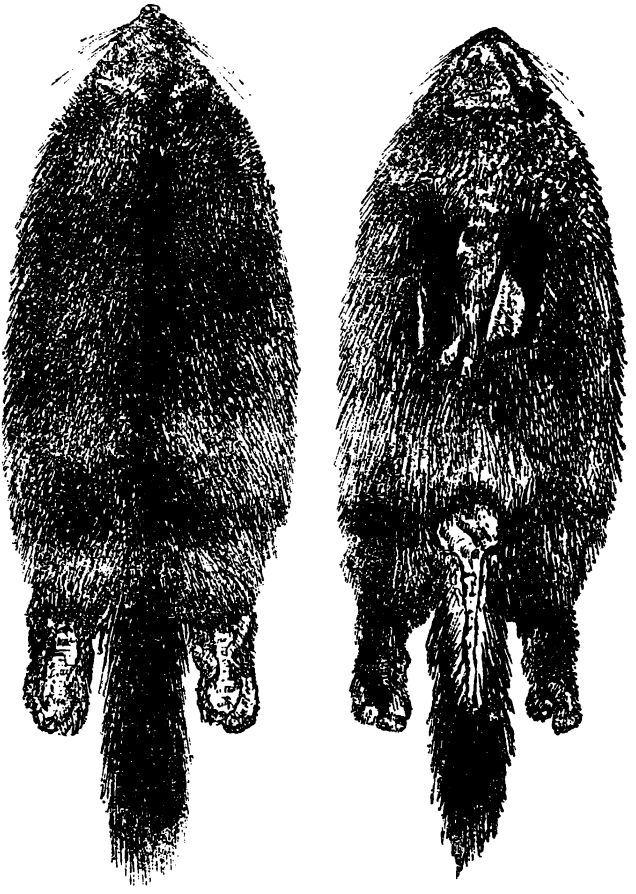

Рис. 5—6. Шкурка соболя, нормально снятая и посаженная по типу восточно-сибирских соболей, — вид со спинки и с черева

из дощечек гвоздиком, и затем обе доски раздвигают деревянными досками—клиньями. В передние лапки лисы вставляют натуго жгуты прямой ржаной соломы или сухой травы. Хвост лисы или куницы и т. п. привязывают ниткой к соответствующей длины лучине.

Пялки по длине и ширине должны соответствовать породе зверя.

В Америке в большом ходу пяла из оцинкованной проволоки. Они легки, удобны, и при них, как и при пялах из веток, шкурка хорошо проветривается. Пяла из досок (для

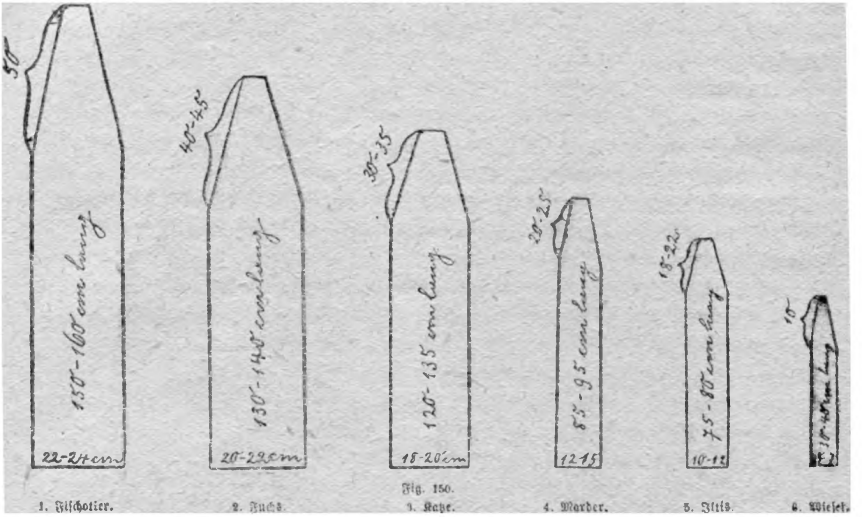

Fig. 150.

Рис. 7. Пялки для сушки шкурок: 1—для выдры, 2—для лисы, 3—для кошки, 4—для куницы, 5—для хоря, 6—для горностая; размеры в сантиметрах.

лисы — 4 *см*, для куницы и хоря — около 2 *см* толщиной, по нашей практике) позволяют лучше расправить шкурку и при работе на месте достаточно удобны.

Во всяком случае даже и дешевую пушнину гораздо выгоднее расправлять и сушить на пялах, чем оставлять ее высыхать „комом“ или чем набивать соломой и сеном. На прилагаемых рисунках я даю в некоторых случаях и принятые в Германии размеры (в сантиметрах) пял для некоторых зверей.

Двойные соболиные пяла вставляют сложенными широкими плоскими сторонами, оставляя передние узкие концы торчащими изо рта, затем за задние концы их повертывают вдоль так, чтобы узкие внутренние ребра пришлись одно к другому, что иногда делается с некоторым усилием. Затем задние лапки бечевкой крепко привязывают к задним концам (рогулькам пял) и между половинами пял легкими ударами загоняют спереди и сзади небольшие клинья. Когда шкурка растянется, клинья вбивают глубже или заменяют более толстыми. Потом мездру шкурки смачивают теплой водой и начинают с середины как бы собирать поперечные складки

руками по направлению к голове, постепенно затем отпуская задние лапки и расширяя клином переднюю часть пял. Повторяя эти приемы много раз, и получают широкую и пышную шкурку.

Хорошие пяла изображены также ниже; даны здесь размеры для песцовых шкур; для лис должны быть соответственно больше. Пяла состоят из двух гладких досок, соединенных в вершинной части. Их длина по 112 — 137 *см*, ширина 4 — 6½ и толщина 0,9—1,8 *см*; морда упирается в вершину, задние ноги крепко привязывают на расходящихся концах. Хвост расправляют и привязывают на отдельной доске, вставляемой между концами пял. Размеры этого нахвостника: длина 111—112, ширина 4 — 7, толщина 0,9—1,2 *см*. Передние лапки расправляют и привязывают на „лапках", длиной 22—31, шириной 4,8 и толщиной 1½—2½ *см*. Наконец, уши расправляют на „тутушнике" — доске, имеющей 25 — 27 *см* длины при ширине 3,1 — 3½ и толщине 0,5—0,7 *см*; она пропускается через оба ушные отверстия поверх головной части пял, т.-е. между пялами и шкурой затылка, и уши к ней привязывают в расправленном виде.

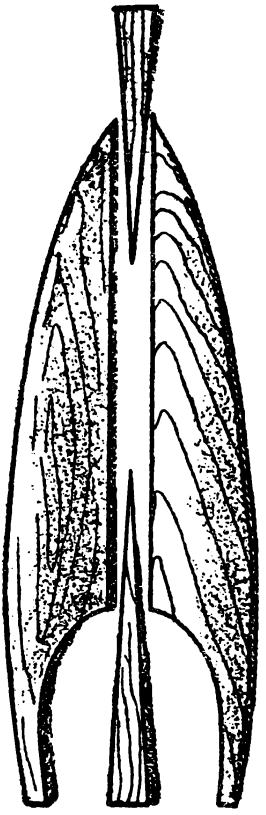

Рис. 8. Тип овальной раздвижной правилки для собольих шкурок из дерева.

Шкуры копытных зверей для сушки просто расстилают, медвежью же шкуру натягивают на широкой четырехугольной раме, связанной из кольев; к кольям шкуру пришивают по кромкам крепкой бечевкой, которая после каждого стежка охватывает и соответствующий кол рамы. Ежедневно ее приходится перетягивать в раме, так как она отвисает. Так как медвежья шкура очень жирна, то ее полезно посыпать с мездры ежедневно и обильно овсяной мукой, смешанной с мелкими опилками (или только последними), и когда она напитается жиром, соскребывать обухом ножа.

Раму с медвежьей шкурой или кладут на подставки мехом вниз, мездрой наверх, или ставят так, чтобы голова была вверху.

Расправленные на пялах шкурки вешают головой кверху для просушки в сухом, но прохладном месте, во всяком случае не в слишком жарком, — например, отнюдь не близ печки и не на солнце.

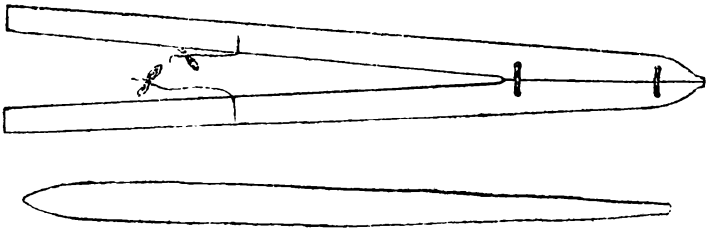

Рис. 9. Пяла (правилки) для шкур.

Заячьи и беличьи шкурки засушивают и оставляют невывороченными и после снятия с пялок; остальные сушат только до тех пор, пока, даже будучи снятыми с пялок, они не перестают садиться, т.-е. съеживаться. Тогда их снимают с пялок и выворачивают — всегда через рот — мехом наружу (кроме горностая, ласки, белого хоря и, по большой части, колонка), т.-е. продают „на волосе", горностая же, колонка, ласку и белого хоря, летягу, хомяка, бурундука и суслика следует хранить и продавать „на мездре" волосом внутрь.

Медленность сушки полезна, но нужен достаточный приток воздуха, поэтому следует внимательно следить за сохнущей пушниной и чаще переворачивать ее, чтобы не подопрела и не пересохла: мездра, будучи достаточно сухой, должна сохранять мягкость и эластичность. Важно, чтобы и голова, и лапки хорошо высохли.

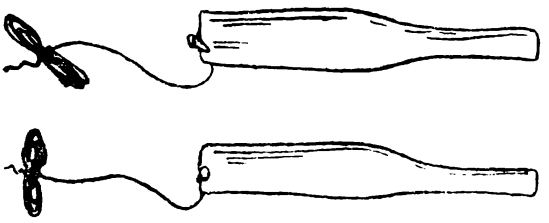

Рис. 10. „Лапки" для сушки шкурок.

Вывороченную пушнину выколачивают тонким (например жимолостным) прутом, осторожно прочесывают и сметают веником. Если оказываются после сушки загрязненные места, то их осторожно оттирают отрубями или мукой; полезно затем натереть мелкими, совершенно сухими и теплыми, но отнюдь не очень горячими отрубями или опилками березы или иного несмолистого дерева, как с мездры, так и с

волоса, многократно, быстро вытряхивая и вновь посыпая; после чего, как сказано, выбить прутом. Если же случилось несколько пересушить шкурку (кроме зайца и белки) так, что мездра может ломаться, то полезно обтирать мездру тряпкой, смоченной раствором половины столовой ложки соли в стакане чистой воды.

Готовую пушнину следует хранить подвешенной головой кверху в сухом, прохладном, чистом и более или менее темном помещении, а особо ценную, в роде соболя, черно-бурой лисы, куницы, хорошо еще заворачивать в кусок какой-нибудь темной материи.

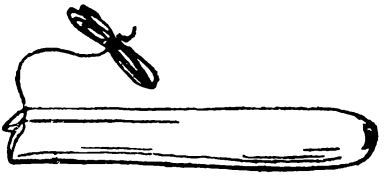

Рис. 11. Тутушник для сушки ушей.

Все заботы и труды при надлежащем выхаживании пушнины с избытком окупятся охотнику при ее продаже, так как она ценится в полную цену, а плохо снятая и не выправленная идет со скидкой в 25—50%.

При составлении этой статьи я пользовался указаниями такого знатока дела, как покойный Е. С. Губонин.

Таким образом, в общем ход правки и сушки такой: очищенную от жира шкурку расправляют и садят на пялах волосом внутрь; лишь для пушнины, продаваемой „на волосе", окончательно досушивают вывернутую осторожно через рот (т.-е. всовыванием головной части внутрь) волосом наружу.

Еще раз подчеркиваю: обращая внимание и тратя силы и время на аккуратное выхаживание пушнины, охотники поднимут общую расценку нашей пушнины за границей, поднимут расценки отдельных кряжей, расцениваемых не только по природным качествам меха, но и по распространенным в районе способам съемки и правки, и в конечном итоге довольно значительно улучшат и свои собственные заработки.

ГЛАВА II

ОХОТНИЧЬИ БОГАТСТВА И ИХ СБЕРЕЖЕНИЕ

НАШИ ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Мы можем перечислить лишь самым кратким образом наших промысловых животных.

Пушные звери хищные—см. рис. зубы (нижняя челюсть) хищника-куницы.

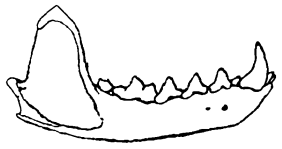

Рис. 12. Зубы хищника.

Семейство кошек: тигр, леопард (пантера, на Кавказе—барс), ирбис (барс), гепард, манул, амурский кот, длиннохвостый кот, лесной кот, каракал, болотная рысь, лесная рысь.

Семейство гиен: полосатая гиена.

Семейство собак: волк, красный волк, лисица, караганка, афганская лиса, корсак, песцы — белый и голубой, шакал, енотовидная собака.

Семейство куниц: соболь, кидас, лесная куница, белодушка, тяншанская куница (или „кашгарский соболь"), харза, черный хорек, белый или степной хорек, колонок, суслик, солонгой, ласка, горностай, перевязка—три подвида, норка, выдра, морской бобр, ратель или медоед, барсук (несколько хорошо отличимых форм), россомаха.

Семейство медведей: белый медведь (ошкуй)—два подвида, бурые медведи, включая уссурийского, сахалинского, тяншанского, памирского, камчатского всего, 11 видов и подвидов бурых медведей, черный уссурийский медведь.

Из ластоногих: морской котик.

Из насекомоядных (см. рис.: зубы—нижняя челюсть насекомоядного ежа): крот, выхухоль (хохуля).

Из грызунов (см. рис.: зубы—нижняя челюсть грызуна зайца): заяц беляк, (ушкан), русак, куяк, толай, полчок, пищуха, бобр, сурок, тарбаган, суслик (евражек), бурундук, белка (векша) обыкновенная, белка черная, белка закавказская, телеутка.

Звери непушные. Из китообразных: полосатик, горбатый кит, касатка, нарвал, белуха, морская свинья и другие дельфины.

Из копытных непарнокопытных: кулан.

Из парнокопытных нежвачных: кабан, или дикая свинья.

Рис. 13. Зубы насекомоядного.

Из жвачных полурогих: зубр, качкар, чубук (снежный баран), аргали, аркал, уриал муфлон, тур, винторогий козел, киик, черный козел (серна).

Из антилоп: сайга, джейран, дзерен, яман (горал).

Из оленей: кабарга, северный олень, лось (сохатый), настоящий олень, марал, изюбрь, пятнистый олень, манджурский олень, бухарский олень, косуля (дикая коза) европейская и сибирская.

Из хищных ластоногих: морж, сивуч, хохлач, лысун (кожа), морской заяц, нерпа и некоторые другие тюлени.

В этом перечне кидас,—вероятно, помесь соболя и куницы. С другой стороны, здесь не приняты во внимание так называемые подвиды или расы, т.-е. различающиеся по разным областям породы одного вида. Одних зайцев уже описано: беляков пять подвидов и русаков столько же.

Еще тоньше, чем ученые зоологи, различают разные виды пушнины меховые торговцы. Так, белки различают в общем свыше 25 разных названий.

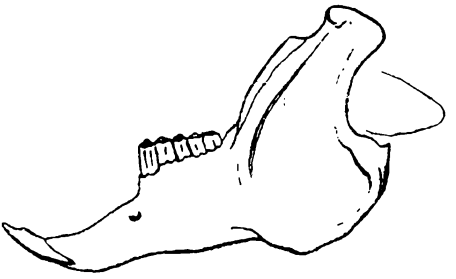

Рис. 14. Зубы грызуна.

Что касается птиц, то, в зависимости от требований заграничного рынка для разных дамских украшений, промысловое значение получают самые различные виды. Например, лет 30—35 тому назад усиленно скупались сороки по 15 коп. (тогда заяц со шкуркой стоил 10 коп.). Крупные совы, в особенности западно-сибирский филин, скупались и перед войной по 3 рубля шкурка (на чучела, для охоты на хищных птиц с филином).

В пищу собственно могут итти всякие птицы: в Англии, где состоятельные классы привередливы на еду, издавна воскресным помещичьим кушаньем являлся пирог из грачей. Сорок и даже ворон я всегда ел с удовольствием. Дрозды, свиристели, снигири обычно выносятся в больших городах на базары. Но ниже я вкратце перечислю только птиц, более обычно и нормально признающихся охотничье-промысловыми.

Из куриных птиц: обыкновенный глухарь (4 подвида), черноклювый или каменный глухарь (2 подвида),

обыкновенный тетерев (4 подвида), кавказский тетерев, белая куропатка (4 подвида), тундровая куропатка (4 подвида), рябчик (7 подвидов), дикуша или черный рябчик, горная индейка (4 вида с несколькими подвидами), серая куропатка (4 подвида), бородатая куропатка (2 подвида), каменная или красноногая куропатка (5 или более подвидов), серогорлая курочка, турач (2 подвида), перепел, забайкальский перепел, кавказский фазан (4 подвида), красногрудый фазан (5 подвидов), чернозобый фазан (2 подвида), киргизский фазан (4 подвида), белобровый (2 подвида).

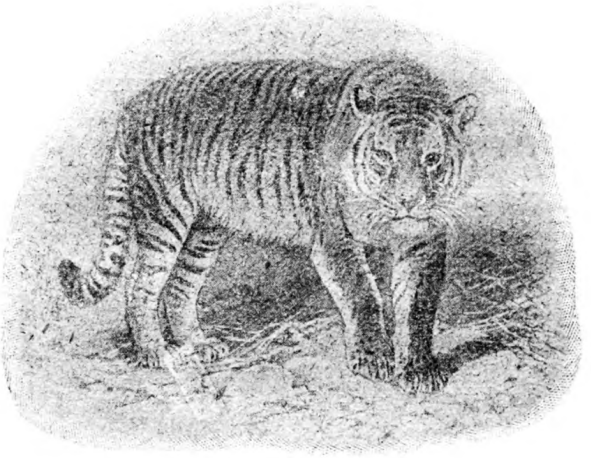

Рис. 15. Монгольский тигр.

Из рябков: саджа или копытка (2 вида), рябок (3 вида).

Из триперсток: 2 вида.

Из пластинчатоклювых: краснокрыл (фламинго), лебедей—5 видов и подвидов, сухонос, белый гусь, голубой гусь, серый гусь, горный гусь, белолобая казарка (2 подвида), пискулька (2 подвида), коротконосый гуменник, камский гуменник, длинноклювый гуменник (2 подвида), малый гуменник (5 подвидов), черная казарка (3 подвида), белощекая казарка, канадская казарка, краснозобая казарка, пеганка, красная утка, кряква, пестроносая кряква, серуха (тростянка), шилохвость, широконоска, касатка, клоктун (марадушка), чирок-коростелек, чирок-половой (свистунок), мраморный чирок, мандаринка, свиязь (2 подвида), гага (неправильно—„турпан", 5 видов), каменушка (2 подвида), турпан (3 подвида), синьга (3 подвида), хохлатая чернь, морская чернь (3 подвида), красноголовый нырок, белоглазый нырок (2 вида), гоголь (3 вида), аулейка (морянка, неправильно—„савка"),

красноносый нырок, савка, луток, хохлатый крохаль, длинноносый крохаль, большой крохаль (2 подвида), чешуйчатый крохаль.

Из куликов: вальдшнеп, гаршнеп, дупель, горный дупель (2 подвида), лесной дупель, азиатский бекас, бекас (2 подвида), кулик-лопатень, краснозобик, чернозобик (3 подвида), балтийский песочник и 13 других песочников, песчанка, грязовик, цветной бекас, перепончатопалый песочник, бекасовидный улит (2 вида), веретенник (4 вида и подвида), куликов-поплавков—2 вида, кроншнеп (8 видов и подвидов), мородунка, турухтан, большой улит, перепончатопалый

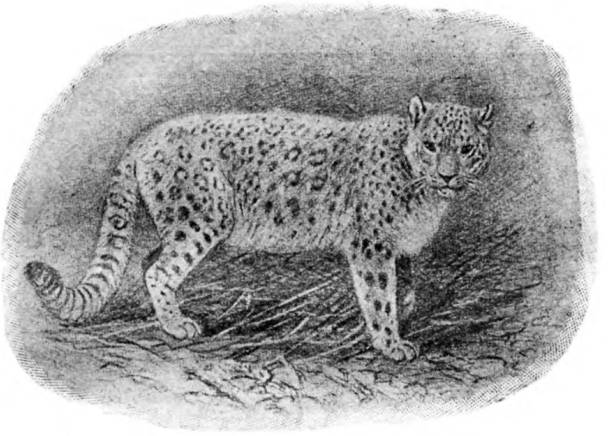

Рис. 16. Ирбис, снежный барс.

улит, черныш и 8 видов других улитов, ходулочник, шилоклювка, кулик-сорока (4 вида и подвида), серпоклюв, камнешарка (2 вида), тулес, хрустан, ржанка (3 вида и подвида), галстучник, желтоглазый зуек и 11 видов и подвидов других зуйков, кречетка, пиголица (чибис) и 3 близкие к ним вида, бегунок, тиркушка (красноустик, 3 вида), авдотка (2 подвида).

Из пастушковых птиц: дрофа (4 вида и подвида), стрепет, черный журавль, серый журавль (2 подвида) и 5 других видов журавлей, дергач (коростель), лысуха, султанская курица (синий кашкалдак), камышница и 10 других видов и подвидов пастушков.

Из голубей: вяхирь (3 подвида), белобрюхий голубь, бурый голубь, клинтух (2 подвида), сизый голубь (3 подвида), скалистый голубь (4 подвида), большая горлица (3 подвида), египетская горлица, обыкновенная горлица (2 подвида), малая горлица, ошейниковая горлица (3 подвида).

Из цапель: каравайка, уссурийский ибис, колпица (2 подвида), черный аист, белый аист (3 вида), кваква (2 вида), выпь (2 подвида), волчок (3 вида), серая чепура (2 подвида), рыжая чепура (2 подвида) и 8 видов белых и белокрылых цапель.

Из веслоногих: олуша (2 вида,) пеликан (баба, 3 вида), большой баклан (2 вида), малых бакланов—5 видов и подвидов).

Из гагаровых: чомга, серощекая поганка (2 подвида), красношейная поганка, черношейная поганка, малых поганок—3 подвида, гагар—7 видов и подвидов, топорков—4 вида, люриков—4 вида, чистиков—5 видов, кайр—4 вида, конюг—5 видов, гагарка.

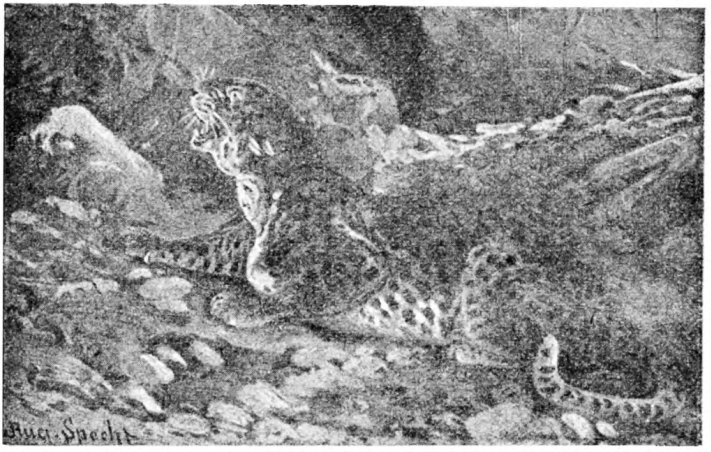

Рис. 17. Барс, леопард.

Наконец, из длиннокрылых: поморников 3 вида, болотных крачек—3 вида, малых крачек—3 вида, гигантских крачек—2 подвида и остальных крачек (мартышек)—7 видов и подвидов, вилохвостая чайка, розовая чайка, трехпалая чайка (3 вида и подвида), белая чайка, черноголовых чаек—8 видов и подвидов, белокрылых чаек—3 подвида, серокрылая чайка, сизая чайка (2 подвида), хохотунья (3 вида), клуша (4 вида и подвида), морская чайка, тонкоклювая чайка, чернохвостая чайка.

Конечно, и между птицами и между зверями многие местные расы еще неизвестны, и могут быть найдены и новые виды, да ряд подвидов и описан уже после составления этого списка. (Сами читатели могут ознакомиться из книги „Определитель промысловых зверей" Бобринского и моей книги „Определитель птиц СССР").

НЕОБХОДИМОСТЬ ОХРАНЫ НАШИХ ЖИВОТНЫХ

Несколько сот лет назад страна наша была чрезвычайно богата зверем и птицей, но заселялись пустые места, а в особенности безрасчетно вырубались леса, распахивались степи, охота велась зря, не во-время, а круглый год,— и дичь пропадала и пропадала. Когда Иван Грозный шел через Рязань и Промзино на Казань, то войско его кормилось главным образом охотой. Позже, в XVII веке, один из писателей сообщает о наших южных губерниях, что там такое огромное количество диких коз в степях и лесах, что каждый крестьянин убивает их до тысячи в год; зубров, диких лошадей и оленей также было великое множество. Еще в середине XVII века много диких лошадей было даже в окрестностях Воронежа. Но о степных турах память сохранилась только в былинах; последняя дикая лошадь, тарпан, убита в 1876 году, беловежские зубры погибли на наших глазах, и даже в последнем убежище зубров, горных дебрях Кавказа, их осталось 20—30 разрозненных голов,—значит, и тут они не выживут. Настоящие олени сохранились только на Кавказе да несколько штук в Крыму. Не далее, как 30—40 лет назад, в лесах Поволжья лоси бродили стадами по 10—20 штук и попадались на каждом шагу; дупеля вываливали в таком количестве, что легко было брать 50—100 штук в день на ружье; выводки гусей были обычны; старики-охотники помнили и выводки лебедей, а уток было столько, что пара чирков ценилась в 15—20 коп. Сейчас лося и даже лосиный след едва увидишь за зиму, 50 дупелей не убьешь на 5 ружей за 5 лет, да и утки становятся редки.

Рис. 18. Каракал.

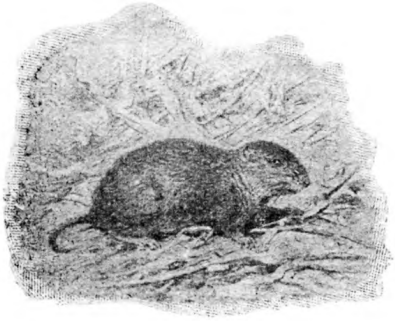

Рис. 19. Водяная крыса.

Не лучше обстоит дело и в Туркестане и в Сибири. Дикий марал в Тянь-Шане, в тугаях Аму- и Сыр-Дарьи, в Алтае почти начисто истреблен, как драгоценный пятнистый олень в Уссурийском крае. Сайгака, огромными табунами бродившего 100 лет назад по Бессарабии, и рогов которого

на нашей памяти вывозилось в год на сумму до миллиона рублей и более, теперь приходится охранять в Туркестане. Бобр сохранился лишь в небольшом числе в Полесье, в Воронежском и Тамбовском округах, на северном Урале и в Урянхайском крае.

Даже в самых глухих углах дело не лучше: еще 85—75 лет назад соболь добывался тысячами в Колымском крае, на северо-востоке Якутской области, а в 1905 году я уже не застал там ни одного старика, помнящего, какой бывает соболь.

Рис. 20. Тарбаган, сурок.

Как это отражается на промысле, понятно. Возьмем того же драгоценного соболя: на Якутскую ярмарку привозилось ежегодно соболей 80—60 лет тому назад 10—20 тысяч штук; около 30 лет назад 5—6 тысяч; в 1900—1905 годах 3—4 тысячи; в 1906—1910 годах 150—200 штук, а позже—лишь десятками. Во всей же стране добывалось соболя в 1909 г.—20 000 шт., в 1910 г.—10 000 шт., в 1911 г.—8000 шт. и в 1912 г.—6000 шт.

Возьмем дешевый товар, но важный для нас, так как по сумме он составляет около половины стоимости нашего пушного вывоза: белку. В 1810 г. через одну Кяхту вывезено было одной сибирской белки 10 миллионов штук. На Ирбитскую ярмарку привозилось ежегодно 1891—95 г г. свыше 5 миллионов белки, а в 1910—14 гг. уже менее 4 миллионов. На Нижегородскую—в 1910 г. привезено $3^1/_2$ миллиона, а в 1913 г. лишь 2 миллиона. На Якутскую ярмарку привезено в 1901—05 гг. по 800 тысяч штук в год, в 1906—10 гг. по 700 тысяч, в 1911 г.—650 тысяч, в 1913 г.—450 тыс. И такое уменьшение добычи наблюдается несмотря на увеличение числа промышленников и на сильное повышение цен.

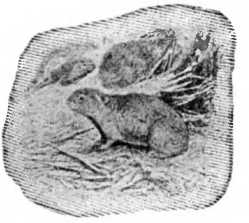

Рис. 21. Пищуха, сеноставка.

Вот еще несколько цифр добычи за последние годы сравнительно с довоенной (в штуках):

	До войны	В 1927/28 г.	В 1928/29 г.
Песец (все возрасты)	128 000	77 000	54 000
Куница	53 000	42 300	29 400
Выдра	13 000	8 000	6 800
Сурок	1 150 000	806 000	594 000
Медведь	3 000	1 923	1 336

Это последние, повторно проверенные данные Наркомторга.

То же происходит и с пернатой дичью: привоз на Ирбитскую, Обдорскую и Печорскую ярмарки был в 1907 г.—370 тонн, в 1910 г.—250 тонн, в 1913 г.—180 тонн. Общий вывоз ее за границу за 1904—1908 г.г. по 1807 тонн в год, за 1909—1913 гг. по 1290 тонн.

Лица, живущие от торговли пушниной, нередко указывают на цифры добычи пушнины за последние годы, из которых будто бы видно, что пушной зверь и сейчас многочислен. Это не верно. Надо из цифр теперешних сборов не только откинуть тот товар, который ранее не добывался или добывался не усиленно, попутно,—напр., крот, водяная крыса, летяга, хомяк, тушканчик, суслик. Надо еще учесть два обстоятельства. Во-первых, число охотников в прежнее время было несравненно меньше, чем теперь. Статистики в этом отношении у нас совершенно не было, но всякий старый охотник для своего района прекрасно знает, что число охотников растет не только вместе с ростом народонаселения вообще, но и несравненно быстрее: в центральных частях РСФСР за 20—30 лет число охотников увеличилось раз в 20. Переселения за Урал, японская, а в особенности мировая война, относительно слабый рост цен на зерно и сильный рост на пушнину—все это способствовало сильному росту числа охотников, особенно полупромысловых. Ясно, что 5 охотников в определенном районе добудут больше и из меньшего наличного количества, чем 1 охотник при большом количестве дичи и зверя. Притом надо иметь в виду, что промысловый охотник, в особенности туземец, бережет зверя и птицу и не склонен добывать больше, чем необходимо для обеспечения годового бюджета. Чем дороже пушнина (по отношению к местным товарным ценам, конечно), тем меньше он ее добывает, так как и малое количество дорогой пушнины обеспечивает его семью (поскольку, конечно, скупщики не развращают его соблазном спирта, карт и разной ненужной ему „роскоши“). Совсем иное дело полупромысловик и особенно переселенец. Имея обычно бóльшие в общем жизненные запросы, чем туземец, и строя хозяйство на ином фундаменте, он зверя не бережет, и чем шкурка дороже, тем с большей энергией он гонится за этим добавочным приработком.

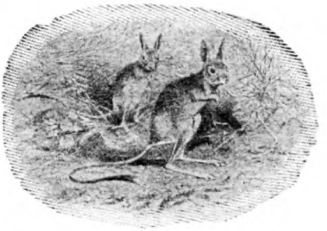

Рис. 22. Земляной заяц или большой тушканчик.

Наконец, чрезвычайно показательно и то, что специально промысловые пространства нашего Севера, прежде дававшие главную массу нашей пушнины, теперь дают всего около

одной четверти общей добычи, а в районах полупромысловой охоты поступление пушнины усиливается.

Вот для примера в круглых цифрах поступление на рынки лисьих шкурок:

Откуда:	Украина	Кавказский край	Казакстан	Итого
до войны:	20 000	40 000	20 000	80 000
в 1925/26 г.:	50 000	90 000	90 000	230 000

Мы выше отмечали, что в общем по всей стране добыча лисы стоит приблизительно на одном уровне. Значит, несмотря на сильное увеличение числа охотников и сильнейший напор заготовляющих организаций (в виду необходимости получать валютный товар), добыча пушнины в тех районах, где промысел велся издавна,—сильно сокращается, а общее количество сборки пушнины пополняется за счет усиленной добычи в тех районах, где 15—20 и более лет назад на пушнину обращали мало внимания и не успели истощить.

Словом, наша громадная страна, чрезвычайно богатая самыми разнообразными угодьями, несмотря на довольно редкое население (кругом около 14½ гектаров на голову),—все быстрее обращается в охотничьем отношении в пустыню. И в других странах звери и птицы сильно истреблялись, но во многих из них давно взялись за ум и стали относиться к этим богатствам бережно, и они снова стали размножаться.

Нам нужно твердо помнить, что не только на наших внуков и детей, но и на наш век птицы и зверя уже нехватает. Надо браться за ум и беречь их, если не хотим остаться не только без охоты, но и без пушнины, без мяса, без кож.

ГЛАВНЫЕ ВРАГИ ПУШНОГО ЗВЕРЯ И ДИЧИ

Главный враг всякого зверя и птицы, в том числе и промысловых животных,—сам человек, и это надо твердо помнить. Как мельник в крыловской басне, упустив пруд, потом швыряет поленом в курицу, пришедшую напиться из оставшейся лужи, так и наши охотники готовы обвинять лисиц, хорьков и ястребов, куниц, соболей и сов в том, что эти „хищники" объедают их, дерут зайцев, рябчиков и куропаток в огромном числе.

Однако, все эти хищники множились и плодились миллионы лет на земле, и леса и поля прямо кишели и ими,

и всякой другой дичью; только когда размножившийся и всюду проникший человек стал за последние сотни лет слишком нерасчетливо хозяйничать, стали исчезать и „хищники“, и не хищные промысловые звери и птицы. Стало быть, надо не на хищника кивать, а на себя оглянуться.

Поскольку дичь страдает просто от необходимого расселения человека в новые просторные места, от необходимых распашек и порубок,—против этого ничего не скажешь: ведь дичь нужна для человека, а не человек для дичи. Но главная беда лежит не в этом. Исстари у переселенцев в Сибири утвердился обычай пускать „палы“, т.-е. производить поджоги степной и лесной растительности. Помимо всяких других бед, эти палы, захватывая нередко необозримые пространства, из года в год губят огромные количества зверей и птиц, а кроме того целые обширные площади, иногда в миллионы гектаров в одном куске, приводят в такой вид, которого избегают всякие животные, так как им нечем там поживиться. Надо твердо помнить: всякий, кто пускает палы, кто в степи или в лесу уходит от костра, не залив и не затоптав его как следует, тот—расхититель народного достояния, злейший враг охотника.

Рис. 23. Летяга.

Пастьба скота в поймах и лесах, понятно, тоже вредна для дичи, но заменить пастьбу стойловым содержанием, как, например, в Дании,—не так-то просто,—для этого нужен полный переворот всей системы сельского хозяйства. Но очень сильно ослабить вред от пастьбы—можно. Например, можно оставлять участки, не ценные в хозяйственном отношении, но удобные для дичи (заросли, трущобники), и в эти „заказники“ не пускать стада. И в особенности можно и должно наставлять ребят—пастушат (да и взрослых пастухов), что разорение нор и гнезд, собирание яиц и даже просто причиняемое гнездящимся птицам беспокойство—дело непозволительное; оно ведет к быстрому исчезновению и дичи и прочих полезных животных.

Содержание без призора и корма большого количества ненужных собак, в особенности помесей с охотничьими собаками, также приносит большой вред, так как голодные и бездельные псы таскаются кругом деревень и заимок и

уничтожают гнезда, зайчат, поршков разных птиц. Сторожить двор гораздо лучше будет собака на привязи, и при стаде одна толковая и привычная собака лучше полдюжины щенят выборзков и полугончих. От таких бесхозяйных, бродячих собак есть и другой страшный вред: они легко заражаются от волков и других зверей бешенством, болезнью, которая передается только заражением, и от которой нет лекарств (кроме того, что указано в главе о собаках). А между тем она передается и человеку, и всем домашним животным, и не мало людей гибнет от нее ежегодно.

Наконец, охотники, которые бьют зверя и птицу не вовремя, когда животные эти спариваются и выводят потомство, или которые употребляют способы ловли истребительные и захватывают много больше дичи, чем могут использовать,—они-то, пожалуй, самые злые и опасные враги и самим себе, и другим охотникам.

Бороться со всеми этими врагами надо соблюдением охотничьих законов, о которых сказано ниже, затем способами хозяйственными, о которых говорится далее в этой же главе, и самое, быть может, существенное—учением, разъяснением таким истребителям, какой вред они приносят и другим, и даже себе самим.

ЗАПОВЕДНИКИ И ЗАКАЗНИКИ

Много пород зверей и птиц истреблено дотла неправильной охотой. Одних птичьих пород, сметенных таким образом с лица земли, ученые люди насчитывают более трехсот. И порода животных, совсем истребленная, никогда уже не может быть создана человеком вновь.

Рис. 24. Кулан (дикий осел).

Между тем наука и техника растут год от года, и человек научается все лучше использовать разные растения и животных, использовать нередко с таких сторон, о которых раньше и не думали. Мы знаем, как легко приручается индийский слон, и какую пользу извлекают люди из его ума и богатырской силы. Кто знает, если бы родственник его, мохнатый сибирский мамонт, не был истреблен еще на заре жизни человеческого рода, какого работника в нем могли бы иметь мы в СССР.

Разные, даже очень близкие породы животных часто кормятся не совершенно одним и тем же кормом, имеют не совсем одинаковые привычки, делают логовища и гнезда не совершенно в одинаковых местах. Так, на участке поймы, где гнездится десяток крякв, и для одиннадцатой никак не найдется места, смогут поселиться еще несколько чирков, а, может быть, и одна-другая серуха и шилохвость. И наверное найдется место для нескольких гоголей и черни. И если никаким уткам места более нет, то найдется место для лысух, болотных куриц, бекасов и куликов. Все равно, как в горшок, полный доверху картошкой, можно еще всыпать изрядно гороха...

Словом, общий в природе закон: чем больше на участке земли (а стало быть и на всей земле) разнообразия пород животных, тем большее количество их, тем большую массу мяса может содержать этот участок.

По всем этим причинам очень и очень невыгодно такое истребление полезных зверей и птиц. А ведь очень часто достаточно бывает довести породу до того, что остается очень мало голов, что сохранились они только на небольшом пространстве, например, на одной группе островов, в долине одной реки, в лесах одного округа,—и уже порода эта в любой момент, без дальнейшего истребления со стороны человека, как бы сама собой вымирает дотла: от какого-нибудь поветрия, от особенно неудачной зимы или засухи и т. п.

Для того, чтобы сохранить разные породы животных навсегда, давно уже стали устраивать такие участки земли, где бы не только не охотились, но и вовсе не беспокоили животных: ни рубкой леса, ни распашкой, словом—оставляли бы эти куски земли в полной неприкосновенности. Животные там множатся и, размножившись, выходят за границы участка и населяют окрестные места, где уже можно охотиться.

Особенно ценных животных можно иногда ловить и в таких участках и перевозить для разведения в другие места.

Кроме того, такие „заповедные“ участки или з а п о в е д н и к и очень важны тем, что дают возможность ученым людям своими глазами видеть и подробно изучать, как живут разные травы, деревья и другие растения, а также птицы и всякие другие животные сами по себе, без вмешательства человека, как такая жизнь отражается на почве, на работе вод и т. д. Словом, на таких участках легче и лучше изучать законы жизни природы, без изучения и овладения которыми человек не может быть полным хозяином на земле. И не только для ученых, но и для школьников и студентов посещение таких мест поучительно и полезно, и для всякого посетителя оно может быть приятным

и полезным отдыхом, и потому число таких заповедников или „национальных парков“ в культурных странах все растет.

Но заповедник, чтобы быть действительно спокойным убежищем, должен быть достаточно велик,—часто на многие сотни тысяч десятин. Для удобства охраны он должен иметь естественные границы. Выбрать такой кусок, составить план его устройства и управления—требует большой работы знающих лиц, больших издержек, требует стеснения местного населения в государственных интересах. Поэтому сеть заповедников может расти с осторожным выбором, в порядке законодательства.

Таковы у нас заповедники: Крымский, Кавказский горный, Баргузинский и некоторые другие.

Несравненно проще, дешевле и вполне доступно местным властям, не только окружным, но и районным, устройство небольших временных „заказников“—участков, где навремя запрещается охота, а если нужно, то и некоторые другие виды пользования,—рубка, покос, собирание ягод, грибов, рыбная ловля. Такой заказник может быть устроен и на год (от этого, впрочем, толку мало) и на 5—6 лет или более, или заказ может повторяться из года в год. Много есть таких мест, даже под самыми селениями и городами, которые хозяйственного значения не имеют, а между тем для размножения дичи очень удобны. Истоки или мокрые елошники, заросли, болотины, пруды мельниц или заводов,—очень часто кусочек в какие-нибудь 50—100 гектаров, даже меньше, может служить отличным заказником, если это крепкое место, где из года в год будет выводиться дичь и после разлетаться по соседним угодьям. Кроме того, очень полезно устраивать краткосрочные заказники,—года на два, а лучше три-четыре,—большей площади, разбросанными по охотничьим угодьям района или округа. Размер желателен такой, чтобы охота у границ заказника не отзывалась беспокойством на всей его площади.

По окончании срока заказа на нем,—а гораздо лучше на части (половина) заказника,—открывается охота, но заказываются на 3—4 года соседние участки. Таким образом, постоянно на площади охотничьих угодий района будут иметься разнообразные куски земли, где дичь может спокойно выводиться и укрываться, и с течением ряда лет „заказ“ вернется на прежнее место.

Можно даже заказывать местами только птичью или же только зверовую охоту. Конечно, не с первого года, но все же через небольшой срок такой порядок отзовется значительным умножением дичи и улучшением охоты.

Часто можно большую помощь оказать дичи и кроме заказа целых участков, просто при разных хозяйственных

работах, помня о ней: при больших рубках можно обойти участок, где имеется глухариный ток. При порубках в поймах можно оставлять полосу зарослей вдоль берегов, не оголяя озер; можно оставлять нетронутыми отдельные дуплистые деревья, старые ветлы и т. п., в которых любят гнездиться гоголи, крохали и другие нырки. Можно не трогать ивняков и других кустарников по оврагам и балкам. Там и куропатки, и зайцы укрываются; и эти поросли задерживают рост оврагов, съедающих не мало пахотных полей во многих частях Союза. При покосах можно щадить ягодники, а также обкашивать осторожно отдельные гнезда и т. п.

Благодетельно отзывается и так называемый „запуск", т.-е. заказ или закрытие охоты на более или менее обширной площади, даже при коротком сроке запуска на один какой-либо вид дичи. Так, с сезона 1913/14 г. по сезон 1915/16 г. был общий запуск на соболя. На Камчатке, где население сочувствовало запуску, он сказался так: в Укинском районе (северная часть полуострова: бассейн рек Озерной, Уки и Воянполки, Караги) добывалось в год.

ДО ЗАПУСКА		ПОСЛЕ ЗАПУСКА	
Годы	Количество соболей	Годы	Количество соболей
1909/10	900	1916/17	1100
1910/11	600	1917/18	650
1911/12	400	1918/19	500
1912/13	350	1919/20	325
		1920/21	130

На добыче отдельного промышленника (взяты средние цифры для селений Верхнеозерное, Ука и Хайлюли) запуск отразился так:

в Укинском районе:

До запуска

в 1910/11 г. . свыше 11 соболей
„ 1912/13 г. . . . 3¾ „

Запуск

в 1916/17 г. . . . 12½ соболей
„ 1921/22 г. . . . 1⅛ „
„ 1922/23 г. . . . 0,9 „

в Мильковском районе (южная часть полуо-ва):

До запуска

в 1912/13 г. . . . . 1,4 соболя

Запуск

в 1916/17 г. . . . . 9 соболей
„ 1917/18 г. . . . . 6,3 „
„ 1918/19 г. . . . . 3,6 „
„ 1922/23 г. . . . . 3,6 „
„ 1923/24 г. . . . . 1,2 „

Цифры эти очень наглядны, и не даром промысловое население Камчатки снова настояло на запуске на соболя в последние годы.

ПРАВИЛЬНОЕ ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

„Дикий зверь и птица, как дерево в лесу: ничьи, никто их не растил, нечего их и беречь". Да, лет с тысячу назад так оно и было. Народа у нас было мало, и крестьянина лес давил: от деда к внуку приходилось ему вырубать и корчевать дремучие леса московские, владимирские и другие. А дикая птица да зверь и посевы его топтали, и крупный зверь обижал скот, а то и его самого. И до сих пор у русского человека осталась еще привычка небрежно относиться к лесу.

Рис. 25. Соболь.

Теперь, однако, давно не так дело стоит. Поселения, пароходы и железные дороги, а особенно газеты и целлюлозные изделия, поедают леса во всем мире, и все государства заняты вопросами об их сбережении. И лес, и исчезающие с каждым годом лесные и болотные звери и птицы уже не враги наши, а драгоценные сокровища: государственное достояние, на которое надо жить нам и потомкам нашим, на которое мы из других стран выменяваем сельскохозяйственные орудия, машины и прочее, нам нужное.

Когда тебе нужно дерево,—ты идешь в лес и рубишь, или выменяваешь на хлеб или что иное у того, кто срубил.

Тебе нужен кусок мяса или шкурка,—и ты идешь в лес или поле и бьешь зайца. Значит, и лес, и зверь — твои, сколько на тебя приходится, и твоих соседей, а не „ничьи". И если казна тратит деньги на лесную стражу, несет издержки по надзору за охотой и пушной торговлей, то уже нельзя сказать, что леса и зверя никто не растит. Есть надзор, есть забота, есть расходы, — значит, есть хозяйство. Делает это казна, государство, а ведь государство—мы же сами, и казна из наших взносов и налогов составляется и на нас же, на поддержку и улучшение жизни в стране, тратится: на дороги, школы, больницы и многое другое.

Но, кроме общих государственных забот об охотничьих богатствах, охотники на местах, соединяясь в отделы Всероссийского союза, могут переходить от беспорядочной охоты к упорядочению ее, следовательно к правильному хозяйственному использованию дичи. Частью такого правильного хозяйничанья являются заказники.

Но вообще для всякого хозяйства, значит, и для охотничьего, нужно составить инвентарь и план хозяйства. Надо учесть, чем мы, охотники, на данной площади волости или уезда владеем: какие и где удобные угодья, сколько имеем зверя и птицы, где они выводятся и чем кормятся, где укрываются в остальные времена года. Нужно, значит, составить план или карту местности с охотничьей точки зрения. По порошам подсчет зверя сделать не трудно; толковые охотники даже и для утиных выводков могут приблизительный подсчет сделать.

Имея учет, можно примерно годовой приплод подсчитать и, откинув половину его на убыль от случайностей и болезней, установить, сколько на участке может быть убито без убыли в этом году, а даже с прибылью: с увеличением дичи на следующий год. Понятно, это я говорю грубо, приблизительно: у лося или оленя, у которых матка приносит раз в год по 1 или 2 теленка, приходится оставлять на приплод больше половины, а у зайца или белки, приносящих по несколько штук и во многих местах не один, а два, даже три раза в год,—можно оставлять меньше половины.

Чтобы не перебить лишнего, устанавливают между собой—больше чего нельзя на 1 ружье в 1 день или в один выход на охоту убить, и больше чего за весь сезон не вправе один охотник взять. Также сокращают и сроки охоты, даже против общих законных сроков. Конечно, все это возможно не в очень диких и пустынных местах, при добросовестном взаимном товарищеском надзоре. И выгоды такого хозяйства для всех скоро скажутся.

Подкорм применять может быть очень полезным для размножения дичи и далеко не всегда хлопотно и дорого.

Есть, например, заграничные растения, очень любимые дичью и легко и прекрасно размножающиеся у нас при простом подсеве в воду. Таков для водяной дичи канадский или индийский рис, а также валлиснерия, в меньшей степени.

У нас имеется множество своих ягодных и плодовых кустарников и деревьев, очень любимых охотничьими птицами, также ягодных и зерновых растений такого же свойства. И не только для того, чтобы их при случае беречь, но и подсевать и подсаживать время от времени, вовсе не требуется затраты каких-то особенных средств.

Не так уж сложно и согласовывать другие хозяйственные действия с интересами дичеразведения. Например, при порубках в борах обходить, не ломать отдельные деревья рябины. Или, наоборот, в нерубленых местах повалить одну — другую осину на корм зайцам. Оставлять в лугах или полях отдельные кустики или небольшие ржавцы, при планировке лесосек обходить токовища глухарей и т. п.

Даже один человек, работая понемногу, но упорно из года в год, может многое сделать, а тем более объединенная группа людей, целое товарищество или союз.

Многое, конечно, зависит от возможности для кооперативного товарищества брать отдельные участки леса или поймы, отдельные охотничьи угодья в свое заведывание, чтобы таким образом у угодья был свой заинтересованный в ходе дела и ответственный перед государством за его правильное ведение—хозяин. Об этом будет речь далее.

При таком охотничьем хозяйстве имеет смысл и уничтожать хищников мохнатых и пернатых, только с толком.

Что касается настоящего ухода за дичью и разведения ее, ручной прикормки и т. д., то об этих способах напряженного (интенсивного) охотничьего хозяйства говорить у нас в большинстве мест преждевременно: для этого требуется много знания, много рук и расходы, которые оправдываются только при удобном сбыте дичи по высокой цене.

ПОЛЕЗНЫЕ И ВРЕДНЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Жизнь всей природы представляет собою одно целое, одну общую, тесно переплетенную сеть причин и последствий. Жизнь зверей, птиц, рыб и множества насекомых и других мелких существ до таких, что не видны и глазу, жизнь всяких растений, — все это влияет одно на другое очень сложным образом. Во всех учебниках зоологии приводится указанный великим натуралистом Чарльзом Дарвином пример, как в одной местности истребили кошек, от этого размножились полевые мыши; сильно истребили гнезда шмелей, а без шмелей местный клевер перестал давать урожаи, так как сам не мог опыляться, а пыльца

его ранее переносилась шмелями. Поэтому вовсе не легко решать, какие животные действительно вредны и какие—полезны. Для этого необходимо очень хорошо знать всех местных животных, их образ жизни и привычки, их корм в разное время года, их друзей и врагов, их болезни, а также все особенности и нужды местного хозяйства. Надо сказать, что всех этих сведений в совершенно полном количестве не имеют для своих исстари образованных и сравнительно маленьких стран даже заграничные ученые. Там и до сих пор целые научные институты и опытные учреждения работают над дальнейшим исследованием этих вопросов.

У нас таких сведений собрано еще очень мало, так как и работников по изучению природы еще не много; поэтому часто без разбора пользуемся заграничными, чаще всего немецкими сведениями. Между тем, в Германии и вообще в средней Европе и климат другой, и растительность иная, и,—что не менее важно,—все хозяйство иначе поставлено.

Рис. 26. Сокол (дербник) у гнезда.

В немецких лесах, содержимых, как парки, где каждое дерево на счету, очень нужно считаться с тем вредом, который, например, приносят белки, поедая семена сосен. А у нас, где не только семена, но и тысячи гектаров самих сосен остаются без учета и призора, и где беличьих шкурок вывозят за границу на 15—20 миллионов рублей в год,—смешно и ошибочно говорить о вреде белки. В Германии черный дрозд живет в садах и вредит винограду, вишням и т. д., а у нас он живет, главным образом, в глухих лесах и никакого вреда им не приносит.

Наконец, надо твердо помнить: как ни важна охота, но сельское хозяйство для нашей страны еще много важнее. При нашем порядке хозяйства поля часто и сильнейшим образом страдают от размножения всевозможных мышей и хомяков и от сусликов (евражков), а также от саранчи, кобылки, гессенской мухи и других вредных насекомых. И леса вблизи степной полосы сильно страдают от непарного шелкопряда, златогузки и т. п. вредных

насекомых. Поэтому в подобных местах хорьки, ласки и лисицы, больше всего кормящиеся евражками и мышами, и сойки, грачи и т. п., и кукушки, кормящиеся златогузками и шелкопрядом, должны считаться лучшими друзьями сельского хозяйства и леса, а не вредными животными. Даже ворона, которая причиняет такие разгромы гнезд диких уток и куликов в поймах, — и поэтому в этих местах крайне вредна для охотника, — в сухой степи кормится главным образом насекомыми и мышами и потому полезна. Зимою, кормясь падалью и всякими отбросами и тем очищая воздух, она также полезна. Значит, не всегда и не везде надо ее истреблять. Затем бывает, что охотник, считая ворону вредной, усиленно истребляет ее зимой. Весной ведь стрелять не полагается, осенью охота мешает, а зимой, у боень, свалок и т. п. стрелять ворон очень удобно. Между тем, те вороны, которые действительно вредили весной гнездам и яйцам, теперь зимуют на более теплых полях Германии, Голландии и Бельгии, а охотник (я говорю о том, что видал в Северо-западных частях—бывших Петербургской, Псковской губ. —Эстляндии, Лифляндии) вместо них бьет ворон, прилетевших сюда на зиму из полупустынной, богатой дичью полосы Лапландии, то-есть вовсе не особенно вредных там весной и полезных зимой здесь.

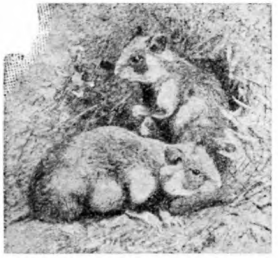

Рис. 27. Хомяк.

Много есть в этом отношении упорных предрассудков. Напр., рыбаки часто обвиняют чаек, крачек, всех тюленей во вредительстве рыбе. Между тем есть породы тюленей (напр., морской заяц или усатый тюлень—из крупных северных тюленей), которые рыбы не едят, питаясь бокоплавами и другой мелочью. Чайки и крачки истребляют много вредных насекомых и их личинок и поедают рыбы не так много, как думают, да и то по большей части слабую и больную мелочь, плавающую у поверхности.

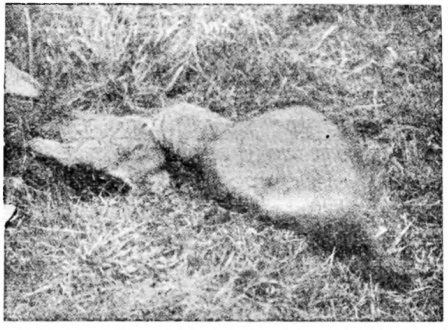

Рис. 28. Хорек.

У нас еще даже „образованные“ охотники почти во всем этом не разбираются и смешивают в одно понятие „хищный“

и „вредный“. Хищным может быть животное по устройству своего тела, а между тем иметь привычку кормиться растительной пищей или насекомыми, по крайней мере преимущественно, или зверками, но вредными; так уже сказано о хорьке (белом или степном), так можно сказать о большинстве мелких соколов. С другой стороны, совершенно не хищное животное может быть очень вредным, — например, из грызунов-мыши и евражки, масса видов насекомых.

Рис. 29. Ласка.

Очень многие животные могут стать временно вредными там и в тех случаях, когда они непомерно размножаются, и тогда местные союзы охотников с помощью местных властей должны с ними открывать войну.

С другой стороны, такие животные, которые сами по себе очень ценны или очень редки, никак не могут считаться вредными, чем бы они ни питались. Соболь—страшный хищник и питается рябчиками, куропатками, белками и т. п.

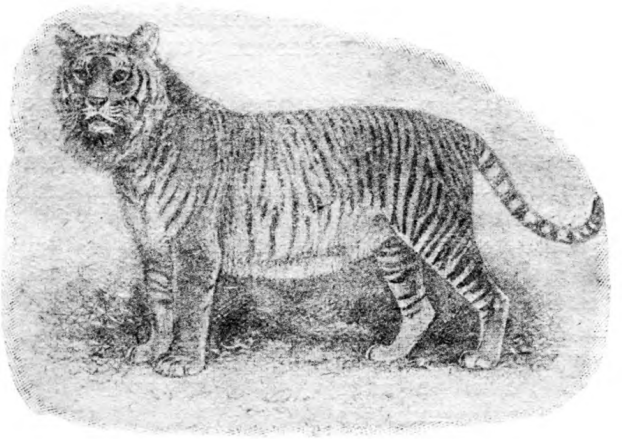

Рис. 30. Туранский или каспийский тигр.

Но шкурка его драгоценна, и его надо беречь, а не истреблять. Кречета питаются главным образом дикими утками, гусями и голубями, но они так редки, что сами по себе гораздо ценнее той дичи, которую съедят. Да и водятся-то они там, где дичи еще очень много. Даже страшный тигр: он не редко повалит и корову и даже верблюда. Но

все-таки главнейшая его пища—чушка, дикий кабан, которых он истребляет множество, и которые без него совершенно разоряли бы баштаны и огороды и другие посевы. И, не будь тигр опасен для человека, у нас в Туркестане, несмотря на коекогда сожранную скотину, его, в общем, пришлось бы считать полезным.

Рис. 31. Лесной кот.

Наши „охотничьи общества“ старого режима, состоявшие из „образованных“ охотников, бывало, из года в год назначали и выдавали премии за истребление „хищников“, а иногда даже штрафовали тех членов, которые мало истребляли их. Кто же страдал от такой „охраны“ дичи? Истребляли „ястребов“, так как ястреб действительно вреден. Но так как из ста наших охотников 99 не знают, что такое ястреб, то на самом деле истребляли полезнейших птиц, разных сов, соколов и канюков (сарычей), именуя их „ястребами“.

На самом деле единственным зверем, всегда и везде вредным и для крестьянина и для охотника, является волк, затем встречающаяся изредка в Закавказьи и на юге Туркестана—гиена. Сюда можно присоединить еще крупных и мелких кошек: тигра, леопарда (пантеру), рысь и диких котов. Другие, как медведь, лиса, россомаха, вредны только местами и когда становятся изобильны. Да и то лиса сама по себе так ценна, что ей редко дают сильно размножаться, и истреблять ее, когда шкурка не в поре, вряд ли рассчетливо.

Рис. 32. Манул.

В Туркестане и других местах (Брянск. губ.) местная власть уже взяла под охрану медведя. На Камчатке и в северо-восточной Якутии медведя множество, но ни людей, ни скота он не трогает там, питаясь главным образом ягодами, кореньями, сусликами и рыбой.

Интересно, что в альпийском заповеднике для серн, где охрана и учет велись тщательно, а крупных хищников всех истребляли, с течением времени заметили, что в стадах серн постепенно все больше и больше попадалось слабых и больных животных. Догадались в конце концов, что это— от слишком ленивой и спокойной жизни в заповеднике. Решили в конце-концов перевезти и выпустить в заповедник пару волков, самца и самку, и затем оставляли в нем всегда один выводок, не давая волкам размножаться далее путем отстрела и капканов. Конечно, волки хромых, больных и слабых серн переели и в дальнейшем не давали таким зверям долго жить и размножать ослабленную породу, остальным же эти волки давали совершенно достаточно гонки и страха, чтобы поддерживать их в бодром и здоровом состоянии.

В Норвегии было масса белых куропаток. Желая иметь их еще больше, норвежские охотники по старой германской моде с девяностых годов стали усиленно истреблять ястребов и других хищных птиц. Сначала это повело к размножению куропаток, но с 1912 г. между ними начали все более распространяться повальные болезни, и куропатки начали сильнейшим образом вымирать, и к 1926 г. их осталось чрезвычайно мало. Еще до названного года, испуганные все растущей гибелью куропаток местные охотники (Бергенское общество охоты и рыбной ловли) поручили профессору Бринкману исследовать, в чем дело, и этот ученый, после тщательной работы нескольких лет, выяснил, что все дело заключается в недостатке ястребов и т. п. хищников. Куропатки и раньше болели заражением эймерией, но больные птицы быстро истреблялись хищниками, не давая потомства и не успевая широко заразить почву. С 1912 же года они свободно болели, заражали далеко кругом почву, заражали свое же потомство, а молодежь от эймерии быстро гибнет. Так болезнь распространялась все шире и шире. Приходится норвежцам сделать то, что ранее уже сделано в Англии: не истреблять хищников, а только не давать им чрезмерно размножаться.

Рис. 33. Россомаха.

Из птиц все совы и сычи, легко узнаваемые по их пушистому оперению, большой круглой голове и оперенным лапам, очень полезны, питаясь главным образом мышами. Только огромного филина (сова с довольно длинными „ушами“, или рожками из перьев) можно считать

вредным для охоты, где их много водится, да, пожалуй, еще полярную сову у нас зимой.

Из большого отряда „дневных“ или настоящих хищных птиц большинство очень полезно, истребляя мышей и многих насекомых. Таковы канюки, осоеды, многие луни, большинство соколов, змееяд и некоторые другие. Даже орлы, коршуны в степных и лесостепных местах бывают очень полезны, если же повадятся навещать дворы и птичники, то там, конечно, оказываются вредными и должны быть отбиты. Грифы, уничтожая падаль, также скорее полезны. Всегда же и безусловно вредными из них надо считать только двух ястребов—голубятника, или тетеревятника, и перепелятника, да—и то не везде—болотного луня.

Рис. 34. Гриф (кумай).

Вот как легко различать более обыкновенных из этих птиц. Коршуна сразу видно по выемчатому хвосту, в роде того, как у стрижа или касатки, только не так сильно.

Всех „соколов“ (см. рис.: нога сокола-дербника),—от крупных и редких кречетов, сапсанов и балобанов до мелких кобчиков и дербников,—легко узнать по узкому, острому крылу (в крыле 1-е и 2-е или 2-е и 3-е снаружи маховые самые длинные), по манере открыто бить добычу сверху и по резкому, пронзительному, частому крику у гнезда в роде „эпе-эпе-эпе“. Плюсна у них, как видно на рисунке, покрыта спереди и сзади некрупными многоугольными щитками, имея сетчатый вид.

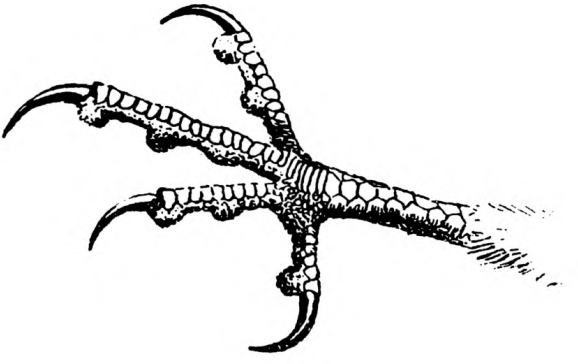

Рис. 35. Нога сокола.

Всех орлов, даже и мелких (есть и такие), легко узнавать по тому, что вся нога до лап кругом покрыта перьями.

Налету хвост кажется коротким, крылья широкие, тупые, он машет ими медленно. Если нога оперена спереди и с боков, а сзади голая полоса, то это мохноногий канюк. Если у птицы „уздечка" между глазом и основанием клюва покрыта не щетинками или волосиками, а округлыми, как чешуйки, перышками, то это осоед.

Признаки луней такие: крыло не очень тупое; когда сложено, то конец 1-го махового лежит ближе к концу крыла, чем конец 7-го махового, а конец 2-го пера ближе к вершине крыла, чем конец 5-го махового. Лапа слабая: длина среднего пальца до основания когтя не больше, чем половина длины плюсны, и заметно меньше, чем 1½ раза взятая длина клюва от оперения лба прямо до кончика клюва; плюсна сзади покрыта не большими поперечными пластинками, а неправильными щитками. Если у луня в пятом от края крыла маховом пере наружная бородка или „опахало" имеет не одинаковую ширину по всей длине, но резкое сужение или выемку (а также на внутреннем опахале 4-го махового), и притом птица крупная (сложенное крыло всегда длиннее 38—39 *см*, плюсна всегда длиннее 8,4 *см*, клюв от переднего края „восковицы" на хребте клюва по прямой до кончика длиннее 2,03 *см*), — то это и есть камышевый или болотный лунь.

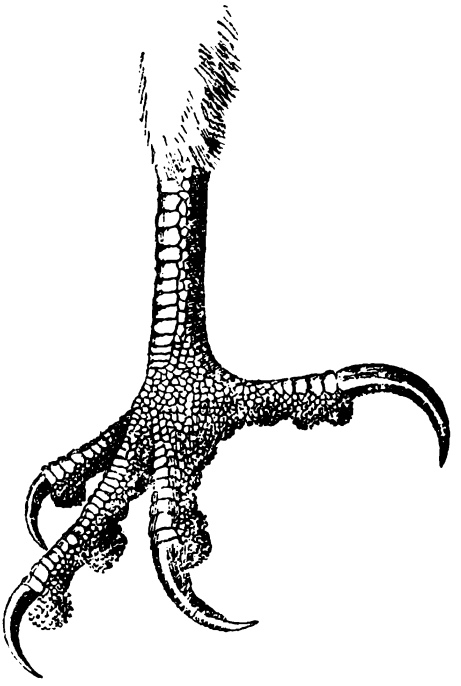

Рис. 36. Нога тетеревятника.

У ястребов и сарычей (канюков) крыло тупее, чем у луней: на сложенном крыле конец 7-го махового ближе к вершине крыла, чем конец 1-го, а конец 5-го ближе, чем конец 2-го. Плюсна и сзади, как спереди, покрыта большими поперечно-вытянутыми пластинками, иногда сливающимися между собой.

Между собою эти две группы, чаще всего смешиваемые, отличаются так. Вредные ястреба (см. рис. 36: нога ястреба-тетеревятника) легко отличаются тем, что хвост у них значительно длиннее, чем $^2/_3$ длины сложенного крыла;

средний палец, не считая когтя, длиннее 1½ раза взятой длины клюва (от оперенья лба по прямой до кончика). Поперечные пластинки нижней части передней стороны плюсны очень тонки, т.-е. низки, но длиною мало отличаются от более верхних пластинок. Нижняя поверхность крыла в резких поперечных беловатых и буроватых полосах более или менее одинаковой ширины. Глаза ярко-желтые. Нижняя сторона тела у старых птиц в густых и нетолстых резких поперечных, а у молодых—в продольных полосах. Из них тетеревятник телом с ворону, а перепелятник—с дупеля или бекаса.

У полезных канюков хвост короче $^2/_3$ длины сложенного крыла, а средний палец, не считая когтя, короче полуторной длины клюва. Пластинки нижней части передней стороны плюсны несколько короче других, но не тоньше или ниже их. Окраска без резко выраженных правильных поперечных или продольных полос на исподе крыла и на нижней стороне тела. Глаза бурые или желтовато-бурые. Одни из канюков величиной с тетеревятника, другие есть и много больше. Общий вид канюка см. рис. 37.

Рис. 37. Канюк (сарыч).

Луни обычно летают взад и вперед над полями, лугами и болотами; канюки кружатся в воздухе и падают сверху на сидячую добычу, их у нас бывает множество. Наконец, ястреба старательно прячутся в деревьях или кустах и бросаются сзади из засады на добычу. Ноги у всех этих птиц желтые.

Как измерять разные части,—объяснено дальше в своем месте.

Определив по этим признакам несколько убитых хищников, охотник потом легко будет их отличать и налету, хотя у многих из них самцы совершенно отличаются от самок, а взрослые молодые—от старых птиц.

Из других птиц стоит отметить, как очень полезных истреблением вредных насекомых, кукушку, козодоя, (ночного голубя), ласточек и стрижей, дятлов, синиц, крачек и чаек, галок и грачей, дроф и стрепетов, а затем вообще насекомоядных птиц, да и многих зерноядных, так как они выкармливают детей насекомыми. Полезны цапли, кроме разве волчка. По некоторым подсчетам 1 ласточка истребляет в лето до 700 тысяч насекомых, а выводок корольков—до 8 миллионов насекомых в год.

В общем скорей полезны даже сойки (ронжи).

Конечно, воробей на посевах или в саду, скворцы на вишнях или смородине — вредят, и в это время и в этих местах их приходится преследовать.

Остается добавить, что такие не нарядные животные, как жабы и лягушки, для сельского хозяйства полезны.

БОРЬБА С ВРЕДНЫМИ ЖИВОТНЫМИ

Бороться с такими вредными животными, как саранча, мыши или евражки, — не дело охотника. Здесь он помогает земледельцу только тем, что охраняет врагов этих животных или, по крайней мере, не слишком сильно истребляет таких из этих помощников крестьянина, как лисы, хорьки, дрофы, ласки.

Но есть одно вредное животное, вредное везде, всегда и для всех, борьба с которым — прямая обязанность охотника: это — волк. Зверь необыкновенно умный и хитрый сильно размножившийся за последние годы, и борьба с которым очень не легка. Несколько лет назад я сделал приближенный подсчет количества волков у нас и думаю, что эта цифра и способ ее получения представляют некоторый интерес для охотников.

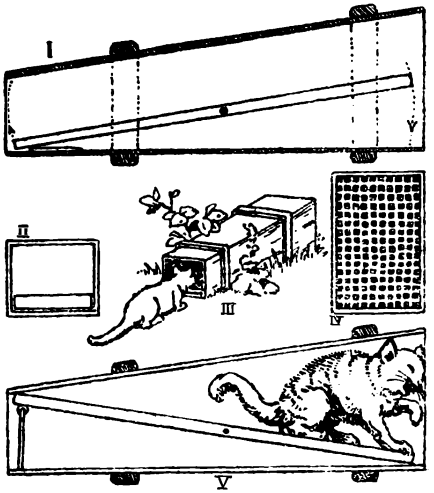

Рис. 38. Ловушка для кошек. I—разрез в настороженном виде, II—разрез у входа, III—общий вид, IV— разрез с добычей.

В довоенное время в среднем вывозилось у нас около 25 тысяч волчьих шкур. Потреблялось на месте промысловым населением и оставалось в виде ковров, полстей, чучел и т. п. в любительских охотах никак не менее 5 тысяч. При этой годовой добыче не менее 30 тысяч штук общее количество волков отнюдь не сокращалось, оставаясь за несколько десятилетий, примерно, на одном уровне. Значит, 30 тысяч составляли ту часть годового приплода, которая превышала потребность в постепенном возобновлении стада. Принимая среднее количество помета (остающихся в живых щенят) 6¼ штук (это много, но если взять меньше, то в конце вычисления получим цифру больше, я же ищу осторожной, наименьшей границы).

Если положим, что волки размножаются в возрасте от 2½ до 10½ лет, т.-е. в течение 8 лет, то на пополнение вымирающих стариков надо иметь по 1 волчонку в 4 года от пары, 2 за 8 лет, или как-раз по ¼ в год в среднем. Остальные же 6 штук в год от пары могут ежегодно выбиваться без уменьшения основного количества производителей.

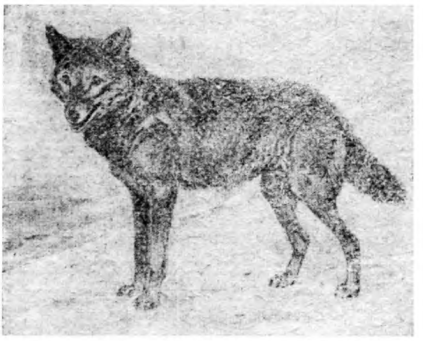

Рис. 39. Волк.

Но для того, чтобы 6 штук от пары образовали массу в 30 тысяч штук, надо иметь 5 тысяч пар или 10 тысяч штук производителей. Если бы мы приняли средний остающийся к зиме в живых помет в 4¼ щенка, то получили бы 15 тысяч шт., или 7500 пар производителей.

Считая в среднем 8¼ волков в выводке (2 старика и 6¼ щенят; в действительности в среднем щенят, т.-е. прибылых, несколько меньше, так как бывает 1—2—3 переярка) на 5 тысяч выводков получаем 41 250 шт., меньше чего быть не могло. И так как в настоящее время в Союзе волков по меньшей мере в 1½—2 раза больше (многие охотники уверяют, что в 4—5, даже 10 раз больше, что вполне невероятно), получим, что меньше 62—82 тысяч волков у нас быть не может, пока истребление их не дойдет до 45—50 тысяч штук в год. Вероятнее же, что их у нас около 100 000 штук.

Рис. 40. Следы волка, слева шагом, справа вскачь (V— передние ноги, H—задние).

Взять волка случайно, в одиночку, — мудрено. Охота на него требует правильной и постоянной организации, уменья и настойчивости, и притом издержек, которые, в общем, его не очень дорогой шкурой не окупаются. Поэтому промысловые охотники волков били всегда очень мало, и почетная задача охранять от них деревенские стада лежала всегда на охотниках-любителях, так как охота за таким строгим и хитрым зверем — одна из интереснейших.

Если в довоенное время охотничьи общества били волков тысячами, то все же земства находили необходимым из скудных своих средств платить за убой волков премии. Но так как премии были небольшие, то и пользы приносили мало. В нашем пролетарском государстве теперь не имеется кружков, которые имели бы возможность нести постоянные затраты на такие охоты, и им на помощь должны притти и местное крестьянское население, и государство.

Съедает волк скотины, гусей и т. п.—не мало, а губит гораздо больше, чем ему надо для еды. В общем один волк причиняет сельскому хозяйству в год убытка рублей на 200—300, а все волчье стадо—миллионов на 25 в год. Да еще поедят не мало зайцев, лис и разной дичины.

Из цифр, приведенных выше, видно, как грабит крестьянина „серый помещик", и каким общенародным бедствием он является. Бороться с ним надо общими силами, в государственном масштабе, и тогда каждый затраченный на эту борьбу рубль принесет нам не 12, как в Америке, а 24 рубля, так как мы больше терпим от них. Крохоборство тут ни к чему не приведет, а кормить тысячи волков гусями, телятами и жеребятами (да и зайцами и т. п.)—плохая экономия.

Рис. 41. Следы волка, слева шагом, справа вскачь (V—передние ноги, H—задние).

Я полагаю, что необходима государственная премия за добычу волка, сверх стоимости шкуры, в 5 руб. за щенка недоросшего, в 15 р. за выросшего прибылого, переярка и матерого кобеля и в 25 руб. за матерую суку. Это—самое меньшее. Это сейчас достигается значительным увеличением расценки волчьей шкуры. Но сверх того и местное население должно помогать: следить за тем, где видно летом волков, где может быть логово, за тем, где в конце лета слышны их голоса,—и сообщать в т-ва охотников. Затем помогать подводами, приютом охотникам, падалью для привады, толковыми загонщиками. А то часто бывает, что крестьяне жалуются на волков, а на приехавших охотников смотрят не как на помощников в беде, а как на дойных коров! Будто теперешний городской охотник не такой же трудящийся, как и сам крестьянин.

С другой стороны, и охотники не должны смотреть на волчью охоту, как на увеселительную прогулку или заячью облаву, где убил — хорошо, а промазал — и то не беда. На волчьей охоте место не по дружбе и не по службе, а единственно по знанию охоты и по стрельбе.

Волчья охота требует работы егеря-обкладчика, надзора и привады с лета, ряда издержек, и портить охоту непристрелянным ружьем, неумением стрелять — дело непозволительное. Волк, пораненный или напуганный промахом на облаве, — другой раз не дастся так легко и, если облава была с флажками, впредь не будет их бояться, да и других волков через них проведет. Поэтому за промах или упуск зверя на волчьей облаве должно штрафовать охотника, а по второму разу исключать из состава волчьих охот до конца года.

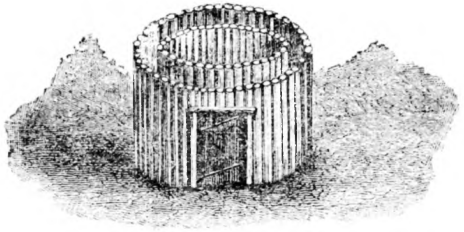

Рис. 42. Волчий садок. Строится с лета, зимой внутрь кладется привада (живой поросенок, гусь и т. п.); вошедший волк в узком проходе не может повернуться, а дверь, идя проходом, сам закрывает.

Волчьи логова обыкновенно известны местным жителям, так как в июле и августе старики, возвращаясь с набегов, перекликаются с молодежью по ночам. Умеющий „вабельщик“ или „подвывало“ может после заката или на утренней заре приманить стариков (самку—голосом самки) и молодых. Обычно, однако, крестьяне скрывают логово, опасаясь, что обеспокоенные волки, никогда летом не проказничающие близ гнезда, в этом случае начнут обижать и соседние стада. Такая узкая, эгоистическая политика, конечно, в конце-концов вредит самим же крестьянам. Во всяком случае перекрестными расспросами в разных селениях и у пастушат можно узнать выводные места и затем подвывкой или выслушиванием точно определить логова.

В течение сентября и в начале октября (время везде считаю по „новому стилю“) можно устраивать облавы на логовах, но в это время требуется большое количество загонщиков и стрелков, так как оклад приходится делать 20—50 гектаров площадью, иногда и побольше, т.-е. 2—3 километра в окружности. Стрелков приходится в это время ставить в крепких местах шагов на 20—25 и не далее шагов 60 друг от друга в более удобных местах, так, что их нужно человек 15—40, загонщиков же приходится ставить на 15—30, редко далее метра друг от друга, т.-е. около 100—200 человек. Собрать такое количество дельных, дисциплинированных сотрудников не всегда легко. Между тем шум, кашель,

куренье, не говоря уже о схождении охотников с мест, недержании загонщиками направления, о выстреле по зайцу или лисе,— все это может испортить охоту, так как волки очень чутки.

Сбор надо делать в 2—3 километрах от логовищ. Последние 1½ километра подходить без разговоров и шума. Лучше сначала завести стрелков, помня, что волки идут более крепкими местами и охотнее всего обычным своим лазом,* который может быть определен по следам на грязи или песке, а еще проще — подсмотрен при выслушивании выводка, так как старики уходят на промысел летом до заката, возвращаясь в темноте, затем уходят перед рассветом, возвращаясь перед восходом солнца; позже же, в августе и сентябре, когда на промысел уходит весь выводок, то возвращаются иногда лишь часам к 9 утра и позже, так что ранее 10 часов утра облаву не следует делать.

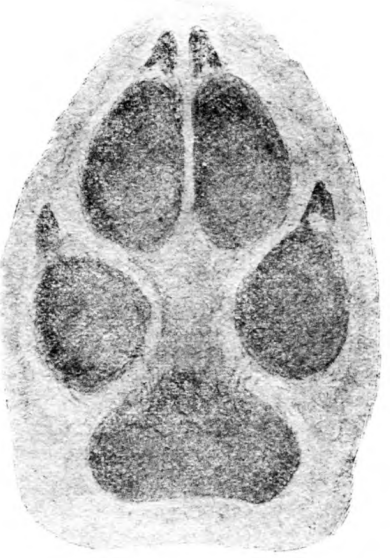

Рис. 43. След волка (левая передняя лапа).

Основной вопрос — направление ветра, так как гнать против ветра невозможно: волки обязательно учуют стрелков. Если из-за этого приходится гнать от лазов, то эту сторону нужно погуще обставить загонщиками. Если нехватает стрелков, приходится на крылья у стрелковой линии ставить „молчунов", которые стоят, пока с ними не поравняются загонщики, и кричат, когда звери пытаются прорваться близ них.

Такие облавы можно делать и ранее, чтобы убить стариков и передушить щенят, которых волчица мечет в общем с конца марта по конец июня, чаще же всего в средней России в течение апреля. Гораздо удобнее, однако, облавы в конце осени, когда лист уже облетел; еще лучше—по белой тропе. Тогда, пользуясь следами по порошам, при знании мест и осторожности, можно оклад делать значительно меньше, нередко 5—10 гектаров и даже до двух, т.-е. окружностью от ½ до 1½ километра и редко более. При этом

* Пришлый зверь охотно идет в ту сторону, откуда пришел в данный район.

загонщиков можно ставить от 50 до 100, даже 150 шагов друг от друга, а стрелков — шагов на 40—80, так что при окладе в 6—7 гектаров, окружностью в километр, достаточно 4—8 стрелков и 10—20 загонщиков.

При этом недостаток и тех и других в это время года легко возмещается „занавесами", т.-е. брошенными кучкой на снегу или подвешенными на куст чапанами, бурками, попонами и т. п., а также втыканием палочек с кумачными флажками, или — что менее громоздко — протягиванием шнура-бечевки с кусками кумача.

Рис. 44. След собаки (левая передняя лапа).

Бечевка берется примерно не более очина гусиного пера толщиной, с навязанными через 1 — 1½ метра кусками красного кумача в 27—36 *см* длиной и 13—18 *см* шириной. Для удобства обращения каждые 200—300 метров шнура наматывают на легкую деревянную катушку. Полный комплект длиной в 2 километра.

Шнур вешают на деревья и кусты на 50 или 70 *см* от земли или поверхности снега не в чаще, а так, чтобы он получше был виден идущему из оклада зверю. Вешать аккуратно, чтобы шнур не свалился наземь.

Обнесенный шнуром волк иногда несколько дней сидит в кругу, не решаясь прорваться даже ночью. Кроме того, при шнуре нет надобности тратить время на обрезывание круга до наименьших размеров с риском подшуметь зверей, так как из оклада со шнуром прекрасно выгоняют зверя 3—5 загонщиков. Они не должны шуметь, но идут потихоньку, постукивая палками по деревьям и перекликаясь, чтобы держать направление и дистанцию.

На линии стрелков шнур снимается, или стрелки становятся значительно впереди шнура. Если шнур пересекает лазы и очень крепкие места, то все-таки лучше поставить тут „молчунов".

При покрытом листвою лесе шнур мало действителен.

Для успеха охоты очень существенна привада, т.-е. прикормка зверя. В сентябре выводок начинает бродить и

бродит все шире, сначала возвращаясь к логову. Если невдалеке волки находят падаль, то, наевшись, они ложатся близ логова, если же падаль от последнего далеко, то они ложатся в подходящем месте недалеко от падали, иногда даже у самой падали, и, стало быть, их легко найти и обложить.

Приучить к приваде зверя надо заблаговременно, положив конскую или коровью тушу еще по чернотропу. Съеденную тушу надо возобновлять, не трогая оставшихся костей. Класть лучше в 1½—2 километрах от селения, не ближе, чтобы не кормить зря сельских собак, класть близ развилков и перекрестков малоезженных дорог, на открытом месте, но близ опушек, и, по возможности, в незначительном отдалении от логова или других удобных для волчьей дневки мест, учитывая и удобства охоты, т.-е. наличность удобных, отъемных мест. Раз волки решились подойти к приваде, они посещают ее обыкновенно через день. Взяв утром свежий след от привады, уже легко обложить зверей.

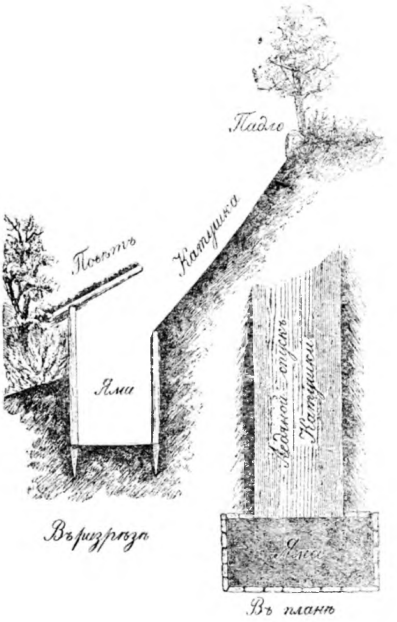

Рис. 45. Волчья катушка (по Чераксову). Масштаб приблизительно 1/200. Катушка поливается в мороз водой. Падаль укрепляется на скате, брюхом к яме.

Общие правила всяких облавных охот: совершенное знание распорядителем охоты и местности, безусловное послушание и порядок, тишина, забота об успехе общего дела, а не о своем лично, особенно важны при охоте на такого чуткого зверя.

СБЕРЕЖЕНИЕ ПОЛЕЗНЫХ ЖИВОТНЫХ

Кроме того, что сказано о заповедниках и заказниках, о правильном охотничьем хозяйстве и врагах дичи, и того, что говорится в следующей главе о соблюдении законных сроков и способов охоты, здесь остается сказать очень немного об охране полезных животных.

Здесь я хочу обратить внимание на то, что есть очень много животных, для охотника не интересных с охотничьей точки зрения, но очень полезных для земледельца и для леса. Но с лесом охотник тесно связан, а с земледелием

связана вся жизнь нашей страны. Поэтому охотнику, как ближе других стоящему к жизни животных вообще, естественно обратить внимание и на этих, „не охотничьих“ животных. Таковы большинство сов и так называемых хищных птиц, большинство певчих и дятловых птиц, ласки, степные хорьки, перевязки из хищных зверьков и так называемые насекомоядные зверьки (ежи, землеройки, кроты и выхухоль или хохуля), — а также все „летучие мыши“. Крот, правда, может быть и вреден, но только там, где ему нельзя питаться его любимой пищей — личинками майского хруща, по недостатку их, и где поэтому он питается главным образом земляными червями, — очень полезными для почвы животными.

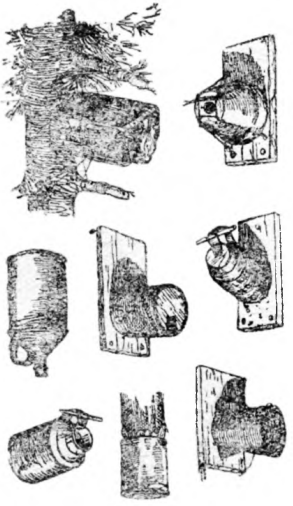

Рис. 46. Разные самодельные „скворешницы“.

Около 100 лет назад в Германии, в Ганау, спилили много старых дубов, где в дуплах зимовали многие тысячи летучих мышей, питавшихся главным образом бабочками дубового шелкопряда. После того эти бабочки так размножились, что в ближайшие годы целые насаждения дубов и других деревьев были погублены их гусеницами во всех окрестностях.

Отсюда видно, что одним из способов охраны полезных животных будет сохранение дуплистых деревьев и вообще мест, удобных для гнездования и жизни

Рис. 47. Связывание кустов для привлечения гнездящихся птиц.

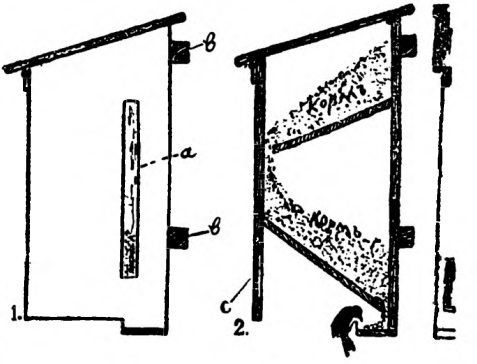

Рис. 48. Кормушка Гинценберга сбоку, снаружи и в разрезе (для зимнего подкармливания мелких птиц).

насекомоядных животных, самыми обыкновенными между которыми являются птицы. Такими местами, кроме дуплистых

деревьев, бывают заросли и густые кустарники, а также густые бурьяны и участки целины. Сохранять их по оврагам, крутым склонам, старым межам, дорогам и т. п. — ничего не стоит, не говоря уж об охране садов и парков. Но можно и полезно итти дальше и создавать такие удобные места: устраивать скворешницы и дуплянки, в которых могли бы гнездиться птицы, делать посадки таких кустов и деревьев, в которых особенно удобно гнездиться и скрываться полезным птицам, а также подкармливать их зимой. Понятное из рисунка устройство кормушки позволяет насыпать в нее порядочный запас семян или зерна, и запас этот подсыпается сам собой на полку, где едят птицы, не рассыпаясь и не разбрасываясь ими. Поэтому эти кормушки очень экономичны.

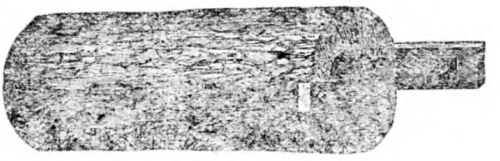

Рис. 49. Лежачая „скворешница“ для стрижей и т. п.

Скворешни лучше делать из толстых (дюймовых или больше) досок, с наклонной крышей для стока дождя; ниже летка (входного отверстия) на 2,2 или 2,8 *см* должна быть снаружи жердочка, т.-е. вбитая в стенку полочка, которая должна выдаваться не более 3,8 *см*, чтобы сорока или ворона не могла сесть на нее. Прикреплять скворешню нужно прочно, чтобы не качалась от ветра, и если ее снаружи можно обмотать колючей проволокой или колючими ветками от кошек, — тем лучше.

Рис. 50. „Скворешница“ для мухоловок и т. п.

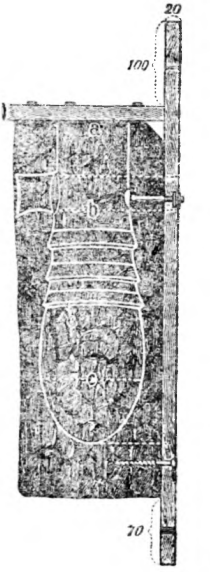

Рис. 51. „Скворешница“ или дуплянка Берлепша для дятлов и т. п. птиц. (Разм. в миллим.).

Размеры такие в сантиметрах (и в вершках) (приблизительно, только леток следует точно соблюдать).

	Размеры скворешниц				
	высота	ширина	толщина	леток (поперечник)	высота над землей
Для мелких птиц .	25½ (5¾)	11 (2½)	11 (2½)	3,3 (¾)	2—4 *м* (3—6 арш.)
Для скворцов, дятлов и т. п. . .	31 (7)	17,8 (4)	17,8 (4)	5 (1⅛)	8½ *м* (12 арш.)
Для кобчика, сыча, галки . . .	50 (11¼)	22¾ (5⅛)	10½ (2⅜)	8,9×10 (2×2¼)	„

Еще лучше и, хотя сложнее, но при массовой выделке (высверливании) очень дешевы дуплянки типа Берлепша (как на рисунке). Их размеры для разных птиц такие (в сантиметрах, вершках):

Дуплянки Берлепша

Высота гнезда (дупла)	Поперечные размеры дупла			
	в месте „a“	в месте „b“	в месте „c“	Поперечник летка
29½ (6⅝)	6,1—6,7 (1⅜—1½)	6,9—8,1 (1⁹⁄₁₆—1¹³⁄₁₆)	8,6—9⅓ (1¹⁵⁄₁₆—2⅛)	3 (¹¹⁄₁₆)
29½ (6⅝)	6,1—6,7 (1⅜—1½)	6,9—8,1 (1⁹⁄₁₆—1¹³⁄₁₆)	8,6—9⅓ (1¹⁵⁄₁₆—2⅛)	3,3 (¾)
40½ (9⅛)	8,1—8,6 (1¹³⁄₁₆—1¹⁵⁄₁₆	8,6—9⅓ (1¹⁵⁄₁₆—2⅛)	11,7—12,4 (2⅝—2¹³⁄₁₆)	5 (1⅛)
49 (11)	—	—	16,6—17,8 (3⅝—4)	6,1 (1⅜)
49 (11)	—	—	16,6—17,8 (3⅝—4)	8,3 (1⁷⁄₈)

Для посадок хороши колючие, густые кустарники, хорошо переносящие подрезку: терновник, шиповник, крыжовник, боярышник, жимолость, акация и мн. др. Шиповник может расти почти до самых берегов Ледовитого океана.

Надо посадить 2—3 ряда шиповника на расстоянии 53—54 *см* (¾ арш.) в рядах и в междурядьях, затем ряды боярышника на 89—107 *см* (1¼—1½ арш.) друг от друга, между ними изредка деревья; затем через 3—5 лет, когда посадка сомкнется, то, кроме шиповника, вырубить ее до корня, Тогда на следующий год образуется непролазная сплетающаяся чаща. Через 2—3 года по частям можно еще

рубить, затем вытягивающиеся вверх ветви подрезать над одним из верхних глазков или над вторичными веточками, отчего образуется мутовчатая ветвистость, удобная для гнездования. Такие посадки и отличную „живую изгородь“ образуют, и птиц охраняют.

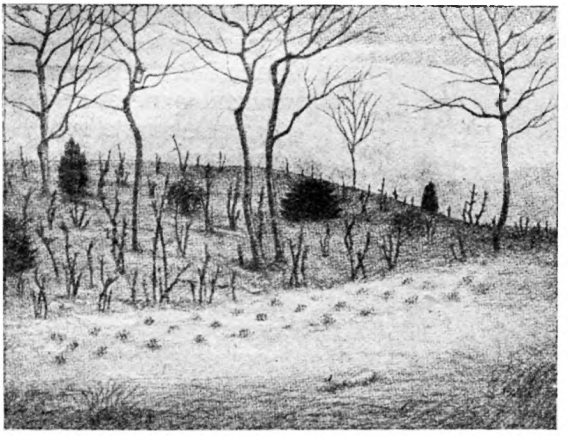

Рис. 52. Гнездовая посадка после 2-й рубки кустарников и 1-й подрезки молодых стволов для образования метлообразных разветвлений.

Берлепш, всю жизнь работавший над охраной птиц и выработавший эти приемы, добился того, что у него гнездилось множество птиц. Зато, когда случались в то время в Германии огромные нашествия гусениц-шелкопрядов, и

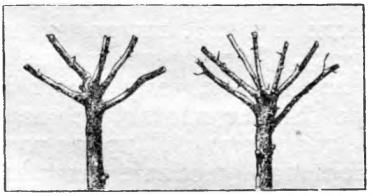

Рис. 53. Вторая подрезка молодых стволов (обрезка годовалых побегов на метелках).

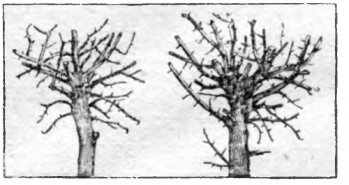

Рис. 54. Подрезка метелок для лучшего кущения.

леса на значительном протяжении оголялись от листьев и гибли (как бывало и у нас в целых губерниях), то далеко кругом его жилища леса стояли нетронутыми и зелеными под охраною множества птиц.

В числе полезных птиц упоминались чайки и крачки (мартышки). Они ловят и рыбешку, которая по нашим условиям ничего не стоит, но чаще разных насекомых и их

личинок. Но их белые и сизые перья охотно собираются для украшения женских шляпок. В одной только Астрахани в 1903 г. одна парижская фирма скупила их более 100 тысяч штук, при чем погибали и их выводки, и через несколько лет такого промысла эти птицы стали в Поволжьи редкостью.

Рис. 55. Первая подрезка молодой поросли для создания гнездовых зарослей.

Серьезно бороться с такими случаями приходится уже в государственном и даже международном масштабе, напр., в Англии уже запрещено носить украшения из крыльев, перьев или шкурок птиц (кроме домашних), и Америка собирается сделать то же. Этим в корне подрезана была бы и самая добыча этих птиц, если бы и другие крупные государства последовали этому примеру. Пока же приходится следить, чтобы таких птиц не добывали не во-время от гнезд, а это, понятно, много труднее (следить в поймах и на болотах), чем следить в городах, чтобы женщины не носили таких перьев, или следить на таможнях, чтобы их не ввозили и не вывозили.

ПИТОМНИКИ ЦЕННОГО ЗВЕРЯ

Наши промышленники в разных местах имеют привычку выкапывать молодых песцов, иногда и лисят, выкармливать и затем зимой убивать на шкурку. Держат их плохо, в тесном срубе или яме, плохо кормят, поэтому много их гибнет, да и у выживших шкура бывает плохая, дешевая. В общем для промысла выходит один убыток. А, кроме того, выкапыванием разоряются и портятся удобные для нор места, которых в наших необозримых, но вечно мерзлых тундрах вовсе не так уже много: только на буграх, на склонах и перегибах долин, где вечная мерзлота отступает вглубь подпочвы, устраивают песцы свои норы. Да и в тайге у лис имеются свои излюбленные места. Во всяком случае такая ловля для короткой выкормки и убоя не имеет ничего общего с искусственным разведением и одомашнением зверя, соединенными с улучшением его качества путем подбора.

Это разведение пушного зверя начато было единичными усилиями в Канаде ровно 40 лет назад, а первые успехи после ряда лет исканий и неудач, наступили и того позже.

И тем не менее, не жалея трудов и затрат, применяя упорно приемы животноводственных знаний, Канада и Северо-Американские соединенные штаты еще до империалистической войны создали из пушного звероводства серьезную отрасль промышленности, дававшую в среднем около 50 процентов чистой прибыли в год. Конечно, эта промышленность пережила свое время сильной спекулятивной горячки, когда за пару особенно хороших производителей платили десятки тысяч рублей, и удачливые владельцы маленьких питомников быстро богатели.

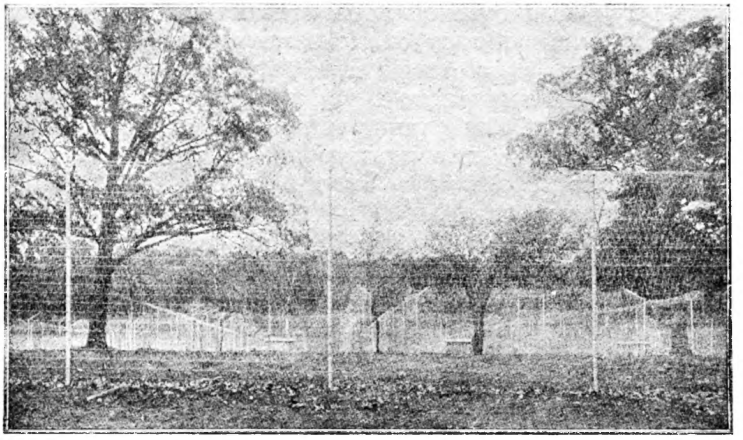

Рис. 56. Современный американский лисий питомник.

Теперь пушное звероводство, продолжая быстро развиваться в Америке, перекинулось уже и в Японию, и в Западную и Центральную Европу, даже в такие ее части, как Англия, южная Франция, Швейцария, Югославия и т. д.

Проникая в нашу печать, сведения об этих блестящих успехах естественно кружат головы, и печать и разные перспективные планы наполняются самыми фантастическими расчетами и предположениями. Если небольшая компания—братья Фромм и Ниман в штате Висконсин—в 1914 г. имела 24 пары серебристо-черных лис, а сейчас имеет там 6 ферм с 2500 парами и на январском аукционе 1928 г. в Нью-Йорке продала пушнины с этих ферм на 1 021 071 доллар (доллар стоит 1 руб. 94½ коп.), а в 1929 г. почти на 1 300 000 долл., являясь крупнейшим подобным предприятием в мире, то ведь и прежде, и теперь не мало звероводов в Америке разоряется.

Надо твердо помнить, что ценность создается трудом и только трудом, и притом не всяким, а только общественно-необходимым, т.-е. целесообразным и разумным.

К 1927 г. в одной Канаде было 2702 питомника пушного зверя, из которых 2517 лисьих, 107—ондатры (мускусной крысы) и 78—разных других зверей. Стоимость построек с землей оценивалась около 7½ млн. руб., стоимость производителей серебристо-черных лис—около 21 млн. руб., голубых песцов—около 300 тыс. руб., остальных производителей—около 533 тыс. руб.

Общий доход этих ферм от серебристых лис за 1926 г. был—6679 тыс. руб. и от остальных животных—310 550 руб.

Несмотря на такое развитие, пушнина, поступающая на рынок с питомников, составляет за последние годы только около 5—6% всей пушной добычи Канады. Это и понятно: мировой пушной оборот таков, что в одни Соединенные штаты ввозится в год пушнины (это цифра даже не за целый год, а с 1 января по 30 октября 1927 г.) свыше чем на 223 млн. руб. Общее количество серебристо-черных лис на конец осени 1929 г. в питомниках Канады около 150 000, в САСШ около 130 000 и в Европе около 55 000 штук. Из них будет бито на шкурки в декабре около 120 000 штук. В одной Норвегии уже свыше 1600 питомников, в САСШ около 5 тыс. питомников с капитальной оценкой около 80 млн. руб.

Мечтать о том, чтобы пушнина питомников стала на рынке по оборотам рядом с дикой упромышленной пушниной, мы можем смело предоставить нашим внукам. Но готовиться к этому нам надо начинать теперь же. Ведь если Америке с ее огромными капиталами и научно-техническими средствами понадобилось почти 40 лет, чтобы довести питомники до выпуска всего нескольких процентов общего оборота пушнины (а в других странах питомники считаются пока десятками и сотнями, а не тысячами), то сколько же времени понадобится при меньших денежных и технических средствах и при гораздо более низком общем уровне культуры.

Весь успех Америки основан на том, что там упорно, из года в год, работали над одомашнением серебристо-черной лисы, над тем, чтобы она не боялась вида человека и звуков населенных мест, не нервничала, не затаскивала щенят и т. д. Затем там работали над улучшением качества производителей путем строгого подбора и тщательного ведения родословных книг. Много также способствовал этому самый тщательный надзор за здоровьем, полная чистота содержания, свежий и разнообразный корм.

Строгая правительственная или общественная регистрация производителей с частой инспекцией, проверкой родословных записей и оценкой внешности именно и направлены к улучшению качества; чистота доводится до ежедневной проверки помета на содержание признаков глистов и т. п.

При корме учитываются и пол, и возраст, и время года, и личные особенности. Это, конечно, требует известной культурной обстановки, начиная с близости хорошего, знающего ветеринарного надзора. Требует и средств, так как один опытный и работающий по-американски человек может обслужить всего 20 и не более 30 пар. Прокорм одной пары со щенками в среднем считают в САСШ 100 руб. в год, а на полное содержание чужих лис некоторые питомники берут за 300 руб. в год. Пара вполне хороших, зарегистрированных производителей с полной родословной там считается в 2—2½ тыс. руб., а средняя цена хорошей серебристо-черной шкурки—400—500 руб. Конечно, на рынок идут прежде всего шкурки тех лис, которых не стоит кормить, лучших же оставляют производителями, поэтому средняя цена всей массы шкурок, поступающих на продажу из питомников, всего 150—170 руб. (На весеннем аукционе 1929 г. в Нью-Йорке было свыше 10 000 серебристо-черных шкурок и проданы в среднем кругом по 320 руб.).

Вот расчет, который считается правильным для среднего питомника в САСШ.

	Руб.
Земля и постройки	10 000
40 пар серебристо-черных лис	80 000
50 клеток и логовищ для них	10 000
Всего капитальных затрат	100 000
Содержание 1 наемного человека	3 000
Корм 40 пар лис и их щенят до их продажи	4 000
Лекарства, регистрация, мелкие расходы	1 000
Страховка и налоги	600
Случайная гибель 1 лисы невыкуневшей	1 000
Амортизация живого и мертвого инвентаря	5 800
Годовой расход	15 400
Продажа 80 штук в год по 400 р.	32 000
Чистая прибыль	16 600

При амортизации принято, что производители через 10 лет бьются на шкурку, и так как шкурка стоит 400 руб., а производитель—1000 р., то обесценение идет по 60 руб. в год.

На самом деле и до сих пор в среднем почти половина щенят продается живьем и, следовательно, в 2—3 раза дороже, чем шкурка, так что прибыль много больше. Приплод в 100%, т.-е. от 80 штук лис (40 пар)—80 щенят в год, остающихся в живых, считается за норму при хорошем, умелом содержании. Лет 15—20 назад норма были вдвое меньше.

Совершенно понятно, почему $^{9}/_{10}$ всех американских питомников держит серебристо-черных лис: они дают самую дорогую пушнину. А ведь съест она не больше, чем сиводушка или красная, и ветеринар за присмотр за ней возьмет не дороже.

Всякое интенсивное, напряженное хозяйство потому и интенсивно, что требует больших затрат трудом и деньгами и потому не может соперничать с первобытным, простым хозяйством в дешевизне. Оно должно брать качеством.

Делать сравнительно большие затраты на постройки, на уход и выращивание зверя с тем, чтобы получать шкурку, которую за 30—50 руб. можно добыть в лесу или в тундре,— нелепость. Питомник дает доход не с проволоки и не с досок, а с живого инвентаря, поэтому главная затрата должна делаться на производителей. Если мало денег,—тем более нелепо тратить их без расчета, и надо экономить на количестве, а не на качестве производителей. Выгоднее затратить 150 руб. на то, чтобы получить одну шкурку в 400 руб., чем тратить только по 100 руб. на три шкурки, которые могут дать лишь по 100 же руб. каждая: в первом случае доход 250 руб., во втором—нуль.

Проводить половинную экономию и держать, напр., двух чернобурых и двух красных производителей столь же нелепо,—и в Канаде, напр., это прямо запрещается: это причина для отказа в регистрации. Да и понятно: это все равно, что держать в собачьем питомнике кобеля-пойнтера и суку-ирландку,—чего будет стоить потомство в качестве производителей?! Стараться вывести из таких помесей верные, чистые линии чернобурых лис имело бы смысл так же, как имело бы смысл тратить время, силы и средства на изобретение паровоза,—если бы это уже не было давно сделано другими.

„Сначала выучиться на дешевом материале"—тоже ложная идея. Самая дешевая лиса или иной пушной зверь— все-таки еще слишком дорогой материал для бесполезной траты над ним времени и средств. Разводить дешевую пушнину, чтобы на ней самоучкой дойти до всего того, до чего уже дошли за 40 лет в Америке, — слишком дорогое удовольствие. Да, кроме того, если даже мы пойдем в этом деле вдвое скорее Америки (а какие же на это данные?),— то мы через 20 лет будем на той точке в смысле знаний, на которой уже сейчас стоят другие,—которые за 20-то лет ведь уйдут вперед. А, кроме того, это „учение" ощупью, кроме убытков, ничего не даст (как не давали дохода и все наши питомники до и после войны, иногда успевшие поглотить десятки тысяч государственных средств), — и поэтому отпугнет от хорошего дела и государственные организации, и отдельные группы лиц.

Гораздо практичнее, скорее и дешевле учиться совершенно иначе: честно сознавши, что в СССР нет почти ни одного человека, действительно знающего и, главное, умеющего вести на вполне современный лад пушной питомник, надо отправить несколько человек с животноводной, ветеринарной и охотоведческой подготовкой и со

знанием английского языка—в Канаду и САСШ с тем, чтобы там не менее двух полных жизненных кругов, т.-е. не менее двух лет, проработать собственноручно на лучших питомниках и, таким образом, не только узнать, как люди ведут это дело, но и самим научиться его делать во всех разветвлениях практически. Для этого есть еще то удобство, что в Америке имеются и специальные отличные школы, напр., в штате Колорадо и в Пенсильвании (L. E. Rush School of Fox Breeding at North East, Pa. U. S. A.; Genessee Mt. Silver Fox Farms School, Colorado, U. S. A.).

Кроме того, нам сейчас далеко нехватает зоотехников и ветеринаров для тех домашних животных—лошадей, коров, овец, оленей,—которых у нас издавна разводят миллионами. Нет достаточного числа лабораторий для изучения болезней скота (оленей, ездовых лаек и т. д.). А без достаточного зоотехнического и ветеринарного обслуживания питомник ценного зверя всегда будет слишком дорогой игрушкой. На это тоже надо обратить усиленное внимание.

Далее, питомники наши не должны быть ноевыми ковчегами с дюжиной или двумя разных видов животных. Научиться действительно хорошо ходить за одним видом зверя—не легко, за двумя — труднее, а за тремя — и того больше. Для питомника хороши только самые ценные звери—черная лиса, голубой песец, хороший соболь. Да и тех лучше держать в разных питомниках.

Ведь для того, чтобы быстро двигать вперед создание в СССР пушнозвероводства в размерах, могущих иметь серьезное хозяйственное значение, необходимо иметь не десятки, а сотни показательных питомников, десятки опытных питомников, сотни вполне и практически знающих инструкторов и многие сотни ветеринарных врачей, знающих болезни пушных зверей. Тех двух-трех всем известных лиц, которые дали уже у нас хорошие результаты (напомню о замечательном, планомерно достигнутом трудами А. П. Мантейфеля в Московском зоопарке размножении соболей в 1929 г.), конечно, недостаточно для выполнения столь обширной задачи. Их может быть достаточно для 1—2—3 крупных государственных питомников. Такие питомники, конечно, имеют свое значение, хотя риск от какой-нибудь повальной болезни в питомнике, имеющем живого инвентаря на сотни тысяч и миллионы рублей, чрезвычайно велик. Показательными для широких масс они быть не могут уже в силу одной своей огромной стоимости. Действительная же доходность их еще не выяснена на деле, хотя технически дело, например, на огромном Пушкинском питомнике Госторга поставлено, повидимому, очень хорошо.

Интерес пушного звероводства, конечно, в возможности при определенных условиях создать крупный источник

экспортного сырья без огромных капитальных затрат со стороны государства, за счет энергии, интереса к делу и сбережений отдельных групп частных лиц (артели, колхозы). При этом условии, с кредитною лишь помощью государства, пушнозвероводство должно иметь характер густой сети мелких питомников, а не единичных питомников-гигантов, полезных, быть может, в качестве источника племенного материала.

Опытные питомники нужны и у нас, но не для того, чтобы сызнова находить то, что уже найдено, а для применения американской системы в соответствии с нашими условиями. Напр., при хорошем выборе места и при просторе вполне можно проволочную решетку заменить деревянным забором, как доказано Биологической станцией юных натуралистов в Сокольниках.

Показательные питомники должны заниматься не опытами, неизбежно дорого стоящими, а своим делом: показывать населению, как надо вести это дело, чтобы оно действительно было выгодным, а не существовало только за счет казенных или общественных приплат. Убыточный питомник не может быть показательным.

ОСВОЕНИЕ ИЛИ „АККЛИМАТИЗАЦИЯ“

У нас, да и в других странах последнее время усиленно проповедуются разведение и „акклиматизация“, т.-е. освоение, ондатры, американской болотной крысы.

Всякий естествовед знает, как сложно перепутывается сеть жизненных условий в каждой стране, — как чувствительно тонкое, тысячелетиями сложившееся кружево равновесия природы. Пересадка организма—животного или растительного из одной области в совершенно иную зачастую ведет к массе неожиданных комбинаций, и почти невозможно бывает заранее предсказать, чем кончится дело. В сотни миллионов убытков обошлась одна пара кроликов, перевезенная 80 лет назад в Австралию. Многие миллионы стоит сейчас Австралии борьба со случайно туда завезенной опунцией—колючим

Рис. 57. Американская болотная крыса (ондатра).

кактусом. В Новой Зеландии целый департамент занят борьбой с завезенной туда черной смородиной, заглушающей сотни кв. километров и разоряющей фермеров. Филоксера, завезенная на корнях американских лоз, на нашей памяти совершенно уничтожила виноградарство почти во всей Европе, до Крыма и Дона включительно.

Этих примеров можно набрать сколько угодно. Грызуны, к которым принадлежит и ондатра, особенно опасны тем, что быстро размножаются и легко переходят от одного рода пищи к другим. Чего только не ест и не портит наша собственная крыса. Кроме того, такие болезни, как чума, несомненно распространяются грызунами. В частности, именно в последнее время на грызунах Северной Америки замечена болезнь („тулеремия"), губящая и человека, о чем было и официальное оповещение американского правительства.

Рис. 58. Речной бобр.

Перевозка и освоение грызунов чуждой фауны без предварительного научного исследования вопроса есть игра с огнем,—во всяком случае игра, в которой можно выиграть, но можно и сильно проиграть,—и предпринимать это без формального одобрения Союзной академии наук не должно бы допускаться. Американская болотная крыса и в Америке даже приносит вред порчей дамб и плотин. И недаром и норвежское, и шведское правительства до сих пор не разрешают ее ввоза.

Средняя цена шкурки этой крысы за 1927 г. — 3 р. 50 к. на мировом рынке, значит, наша цена была бы рубля полтора. Держать ее в питомниках — не окупится, а выпускать на волю без несомненных доказательств безвредности—непозволительно. Конечно, в наших болотах есть много свободного места, и чем больше видов животных водится на определенной площади, тем более производительной является эта площадь. Но у нас и без ондатры есть в нашей фауне более подходящие виды: насекомоядная выхухоль, живущая только в волжском бассейне и частью захватывающая и соседние. Ее можно бы расселить много шире. Затем речной бобр — неизмеримо более ценный грызун, чем ондатра. Наша белка тоже отсутствует в обширных областях, где могла бы великолепно размножаться: на Северном Кавказе, на Камчатке.

Даже из чужестранных зверей есть явно безопасные, напр., настоящая шиншилла (не кролик этого имени!). Этот южно-американский грызун водится только высоко в горах, на 3650 метров над уровнем моря и выше, следовательно, не может широко распространиться, но в Туркестане, в Алтае ему нашлось бы место. Шкурка шиншиллы ценится от 150—170 до 600 руб. а кролика-шиншиллы—от 1½ до 4 р. (америк. цены). В горах Калифорнии уже несколько лет разводится настоящая шиншилла, есть питомник и в Аргентине, а сейчас делается, с согласия Боливийского правительства, охраняющего этого зверка, опыт разведения его в Канаде.

Рис. 59. Выхухоль, хохуля.

Вполне возможно, что одна из причин популярности ондатры лежит в том, о чем недавно мельком проговорился специальный звероводческий американский журнал („Black Fox", 1928 г., февр., стр. 34): ондатроводство (естественное на родине этого зверя и ведущееся на огороженных решеткою прудах и болотах) переживает как-раз период спекулятивного ажиотажа, и принимаются все меры, чтобы вздуть на ондатру цену и вместо дешевенькой шкурки — распространять за тройную, а если удастся—и за десятерную цену живых крыс. На рекламу, на просовывание своего товара американцы мастера. Однако и американцы признают (см. „Black Fox", 1929 г., июль), что в центральной Европе вынуждены уже теперь бороться со ввезенной ондатрой, повреждающей посевы, и держать особых истребителей ее.

Рис. 60. Шиншилла.

Во всяком случае мы должны развивать пушное звероводство именно потому, что это дело очень трудное, сложное и требующее многих попутных условий для своего развития. Плоды в крупном размере оно даст очень не скоро, но не все то споро, что скоро.

Нужно твердо помнить, что нам следует вести линию на развитие мелких питомников.

Выгодное дело также содержание в неволе изюбрей и маралов для спиливания „пантов"; на Бухтарме, в Саянах, в Забайкальи и в Уссурийском крае не мало этим занимаются. В Бухтарминском уезде было к 1920 г.—350

маральников с 8346 головами маралов и к 1923 г.—260 маральников с 3581 маралом, при чем средняя доходность на голову, считая и самок, колебалась от 3½ до 17 рублей.

Пятнистый олень Уссурийского края, к сожалению, почти истребленный в диком состоянии, дает самые ценные „панты": средняя цена их в двухлетнем возрасте 100 руб. пара, трех лет — 200 руб., четырех лет — до 350 руб., пяти лет — до 450—500 руб., шести лет — около 600 руб. и 7—9 лет выдающиеся—до 1000—1200, иногда 1500 руб. зол. за пару.

Срезанные у живого самца ценятся много дешевле, по 60—80 р. за 400 грамм, средний вес до 1 килограмма в паре.

Маральник М. И. Янковского в бухте Сидеми, где брали ежегодно 100—130 пантов, давал в год 40 000 руб. дохода при 10—12 тыс. расхода. И теперь, после разорений, войны, в Уссурийском крае есть 7 маральников с 3000 голов пятнистого оленя.

Наши соседи — шведы, норвежцы, датчане — извлекают большую прибыль из очень ценного пуха гаги, крупной морской утки, которая из своего пуха делает гнездо. Гаг они не стреляют, всячески охраняют их и их гнезда, и если трогают яйца, то лишь для подкладывания под домашних птиц. Пух же отбирают из гнезда, но дают затем высидеть выводок.

У нас нескольких пород гаг („турпан"), а также близких к ним нырковых уток, множество по всем побережьям, но их десятками тысяч бьют на мясо, и тем лишают себя драгоценной возможности собирать пух. Пух же с битой птицы ценится несравненно дешевле, да и количество ее этим уменьшается.

Рис. 61. Овцебык, мускусный бык.

Самим охотникам, союзам их, да и всем местным властям в интересах населения и государства, конечно, необходимо всячески поощрять такие промыслы, как разведение гаг, маралов, пушного зверя, поддерживать их налоговыми и иными льготами, пока эти промыслы не окрепнут и у нас.

Из копытных зверей, когда-то живших в нашей стране, хорошо было бы снова поселить в наших тундрах и на островах Ледовитого океана — овцебыка, дающего хорошее мясо, шкуру и длинную, теплую шерсть. Он размножается даже в зоологических садах.

ГЛАВА III

ЗАКОНЫ И ПРАВИЛА ДЛЯ ОХОТНИКОВ

ПРАВО ОХОТЫ И ОХОТНИЧИЙ СБОР

Право производить охоту есть общегражданское право, всякий совершеннолетний гражданин Союза советских республик имеет право охоты по всем землям Союза. Никаких привилегий в этом отношении ни у кого нет. Но пользоваться этим правом каждый может только при соблюдении некоторых правил, равных для всех и устанавливаемых государственной властью в интересах самих же охотников и охотничьего промысла.

В Украинской и в Белорусской республиках всякий, кто желает охотиться, обязан состоять членом союза охотников. Правило это основано на том, что охота производится не в населенных местах, а вдали от них и даже от дорог, в глуши угодий, почему государственной власти весьма затруднительно через свои обычные органы управления и надзора следить за тем, чтобы охота производилась правильно, без расхищения государственных запасов охотничье-промысловых зверей и птиц. И только взаимный товарищеский надзор и дисциплина, поддерживаемая через объединение охотников, позволяют государству достаточно легко и быстро проводить свои распоряжения в практику охотничьей жизни.

В РСФСР обязательного состояния в союзе охотников не требуется в настоящее время, но государственная власть дает членам Всероссийского союза промыслово-охотничьих кооперативов некоторые льготы, принимая во внимание государственную полезность организации охотников, а также и то обстоятельство, что организованные, наиболее сознательные и дисциплинированные охотники не только помогают упорядочить такую крупную отрасль государственной промышленности, как охота, но и затрачивают на это свои труды и денежные средства.

Льготы эти заключаются в большей простоте и легкости формальностей по регистрации оружия и по выборке свидетельств на право охоты. Последнее, однако, к крайнему сожалению, вовсе не оговорено в инструкции о порядке

выдачи охотничьих свидетельств, опубликованной в „Бюллетене НКФ РСФСР“ (№ 37/38 от 6 июля 1926 г.), хотя фактически и имеет место.

Всякий охотник обязан выбрать охотничье свидетельство Народного комиссариата земледелия, оплатив его охотничьим сбором. На основании декрета ЦИК и СНК Союза ССР от 12 февраля 1926 г. („Известия“, № 47 от 26 февр.) государственный охотничий сбор устанавливается в порядке законодательства каждой из союзных республик и не может быть выше 1 рубля для лиц, для которых охота является основным источником существования, а равно вообще для лиц, проживающих в сельских местностях; для остальных он не может быть выше 3 руб. Никакому иному обложению охотничий промысел не подлежит.

По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 5 апреля 1926 г. („Известия“, № 84 от 13 апреля 1926 г.) и дополнениям („Известия“, № 157 от 13 июля 1927 г. и № 221 от 27 октября 1927 г.) в нашей республике государственный охотничий сбор установлен вообще в 1 рубль, при чем от него вовсе освобождены: а) промысловое население охотничьих промысловых районов, где охота есть основной источник существования; б) красноармейцы и лица начальствующего состава РК Красной армии; в) лесные инспектора, окружные, районные и губернские; лесничие, помощники лесничих, объездчики, лесники, лесомелиораторы краевые, окружные, районные и их помощники; лесомелиоративная стража; заведующие таксационными партиями, таксаторы и их помощники, съемщики и специалисты по охоте и охране лесов; г) охотничьи корреспонденты там, где НКЗемом организована твердая сеть корреспондентских пунктов.

От надбавки в местные сборы охотничьи свидетельства свободны (циркуляр НКФ РСФСР от 5 мая 1927 г., № 619, „Бюллетень НКФ“, № 29/30 от 24 мая 1927 г.). Но с 1 октября 1929 г. государственный охотничий сбор отменен и заменен местным сбором за право производства охоты постановлением ВЦИК и Совета народных комиссаров от 18 февраля 1929 г.

Выдача охотничьего свидетельства и взимание охотничьего сбора „производится в областных, губернских, окружных и уездных центрах местными земельными органами и лесничествами, в сельских местностях—волостными (районными) исполнительными комитетами, а в Дальневосточном крае в отдаленных сельских местностях—и сельскими советами“. Бесплатные же свидетельства выдаются лишь лесными отделами земельных управлений не ниже окружных.

Согласно инструкции Наркомзема, опубликованной в № 6/7 „Охотничьего дела“, 1923 г., стр. 110, удостоверение

на право охоты не выдается лицам, осужденным судом за имущественные преступления (грабеж, воровство, растрата) и за нарушения правил охоты, а также исключенным товарищеским дисциплинарным судом из членов Всероссийского союза охотников. К сожалению, эту инструкцию НКЗ теперь надо считать утратившей силу.

Взимание охотничьего сбора объясняется тем, что каждый гражданин обязан по мере сил и средств участвовать в составлении тех средств, которые ежегодно необходимы для жизни республики. А сверх того на издавна запущенное, хотя и очень важное государственное дело упорядочения охоты в нашей стране в ближайшем будущем правительству неизбежно придется делать некоторые затраты. Совершенно естественно, что в создании средств для этих необходимых затрат призваны участвовать прежде всего сами охотники. Кроме того, выборка удостоверений и уплата налога имеют и статистическое значение, позволяя лучше наладить совершенно необходимый учет охотников. Исключение допущено только для самых отдаленных и глухих частей промысловых районов, где из-за дальности расстояний, бродячего образа жизни значительной части населения, малого процента грамотности и общих тяжелых полярных условий жизни промысловое население не обязано ни выбирать удостоверений на право охоты, ни уплачивать каких-либо охотничьих сборов.

Списки этих промысловых районов устанавливаются народными комиссариатами земледелия и финансов РСФСР по согласованию с Комитетом содействия народностям Северных окраин (Комитет Севера) при президиуме ВЦИК. Городское, не промысловое население этих мест, конечно, должно подчиняться общим правилам о сборе.

Согласно последнему такому списку от 31 мая 1928 г. за № 167—ЛО список этот, по новому районированию, таков:

Мурманский округ, Ленинградской области.

В Архангельской области округа: Мезенский, Печорский и в Архангельском округе—Пинежский и Сурский районы, а также острова Новая Земля, Вайгач и Колгуев.

Автономная область Коми, кроме части Усть-Сысольского уезда, лежащей к югу от р. Вычегды.

В Уральской области: Чердынский и Ныробский районы, Верхне-Камского округа; Тавдинский и Таборинский районы, Ирбитского округа; Гаринский и Ивдельский районы, Тагильского округа; Кофинский и Гаинский районы, Коми-Пермяцкого округа; Самаровский, Кондинский, Березовский, Обдорский и Сургутский районы, Тобольского округа.

В Сибирском крае: Туруханский край, Красноярского округа; Преображенский район, Киренского округа; Горно-Шорцевский район, Кузнецкого округа; Нижне-Илимский

район, Тулуновского округа; Томский округ; Хакасский округ; Ойратская автономная область.

В Дальневосточном крае: Камчатский и Сахалинский округа и Охотский район, Николаевского округа, и острова—Врангеля и Командорские.

Окружные и областные города и заводские центры этой льготой не пользуются, но зато ею пользуются бродячие туземцы, живущие охотой и вне перечисленных районов.

В промысловых районах промысловое население начинает охотиться по обычаю, в остальных же местах—по декрету 1 марта 1923 г.—с 18 лет. Несовершеннолетним охота не разрешается (в Украинской республике может быть разрешена по особым ходатайствам Всеукраинского союза охотников и рыболовов).

Надо надеяться, что это отстранение несовершеннолетних от охоты недолго останется в силе. Оно внушено ошибочной мыслью, будто ружье в руках малолетнего опаснее для него и окружающих, чем в руках совершеннолетнего человека. Это ограничение нередко поддерживается и теми, кто понимает ошибочность только что указанного предрассудка, но полагает, что всякое ограничение числа охотников полезно, способствуя сохранению дичи.

Оба эти мнения неправильны. Значительно больше трех четвертей всех наших охотничьих зверей и птиц гибнет не от ружья, а от силков и иных самоловов и от разорения гнезд. И чем меньше доступно молодежи ружье, тем более изощряется она в разных менее сложных и явных способах охоты, до резиновых рогаток включительно. А ведь запрет охоты практически только и ограничивает (и то—до известной степени) лишь пользование ружьем, как менее доступным и более уловимым орудием. Очень много подростков бросило бы силки, чепцы и т. п., и выбирание яиц, получив в руки более серьезное и ответственное, более интересное,—но менее истребительное в их руках—ружье.

Лучшая охрана для дичи—широкое распространение именно среди молодежи охотничьих знаний и навыков, любви к природе и животным, охотничьей организации и дисциплины,—а все это совершенно не вяжется с запрещением охоты до совершеннолетия.

Правило это и ранее было (по крайней мере, в мертворожденном законе 3 февраля 1892 г.), но никогда решительно никем не выполнялось. И я не знаю ни одного действительно дельного охотника, который начал бы охоту позже 12 лет. А обыкновенно мы все, деревенские жители,—в селах ли, в усадьбах ли,—начинали охотиться с ружьем с 8—10 лет. Несмотря на это, довольно многочисленные у нас, особенно за последние 10 лет (в виду сильного увеличения числа охотников), несчастные случаи от охотничьих ружей обыкновенно

имеют своими виновниками именно совершеннолетнюю молодежь, людей, в 18—25 лет впервые начавших охотиться. С подростками от 8 до 17 лет это случается и теперь, как и прежде, почти так же редко, как и со старыми охотниками.

Да оно, если вдуматься, понятно. Подросток слишком благоговейно и любовно относится к „настоящему" ружью и слишком боится потерять его в наказание за слишком вольное с ним обращение. К тому же в некоторой степени он склонен с уважением относиться к наставлениям старых охотников. К 15—17 годам он уже сам становится в некотором смысле „старым охотником", привыкшим держать ружье и обращаться с ним правильно. Парень же 18—25 л., впервые взявший ружье, никого не склонен слушать и уверен, что он „все знает лучше". Необоснованная самоуверенность и ведет обычно к беде.

Кроме права охоты, нужно еще иметь места, где производить охоту. В этом отношении установившийся с начала революции порядок, что всякий охотник имеет право производить охоту в любом месте республики (кроме, конечно, населенных или возделанных пространств, заповедников и заказников), представляет некоторые неудобства. Не только вблизи больших городов, но и во многих других местах охотников стало так много, что производить вольную охоту, не принимая никаких мер к восстановлению запаса охотничьих животных, становится невозможным. Уменьшать количество охотников какими-либо искусственными ограничениями—недопустимо, раз мы признаем, что и любительская охота—полезное занятие как с единоличной, так и с государственной точки зрения.

Но всякие меры упорядочения охотничьего хозяйства, начиная с простого надзора на месте за соблюдением сроков охоты и с выделения заказных участков и кончая прикормкой и подсадкой дичи, требуют расхода энергии и средств, требуют планового и последовательного проведения. Иначе говоря—осуществление действительного охотничьего хозяйства требует действительного, реального охотника-хозяина на месте. Хозяин теоретический, не заинтересованный, только на бумаге,—хозяин за тысячу километров,—это значит: нет хозяина. А нет хозяина—нет и настоящего хозяйства. И это в особенности относится к делу сложному, мало изученному, делу новому у нас и непривычному, как правильное охотничье хозяйство.

Мы поднимали этот вопрос и в 1922 и в 1923 г., но вред „охоты без всяких ограничений" тогда еще не был достаточно широко выявлен. Затем настойчивость Уральского союза охотников и рыболовов, поддержанная и Комитетом Севера, добилась и от земельных органов признания необходимости дать охотничьим угодьям хозяина.

Конечно, таким хозяином может быть только местная охотничья организация (а в туземных промысловых районах— весь местный туземный род или общество), так как только в этом случае ничьи права в сущности не нарушаются: вступление в охотничий кооператив ни для кого не закрыто, а внести свою небольшую долю на хозяйство, плодами которого хочешь пользоваться, и подчиняться общим с товарищами правилам—всякий должен. Потому теперь, уже несколько лет, в Уральской области практикуется сдача охотничьих угодий охотничьим организациям в аренду бесплатно, но с обязательством вести правильное охотничье хозяйство. Для этого с земельными органами заключаются договоры применительно к правилам декрета „о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ" от 23 августа 1923 г. с дополнением от 12 июня 1925 г. (Собр. узакон. 1925 г. № 45, ст. 342). А находящееся накануне утверждения „Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР" твердо вводит принцип приписки охотничьих угодий, т.-е. сдачи их в аренду (охоттовариществам—в первую очередь).

За 1929 г. эта приписка угодий произведена в очень многих местах и кроме Уралобласти в виде опыта.

ХРАНЕНИЕ И ПОЛЬЗОВАНИЕ ОХОТНИЧЬИМ ОРУЖИЕМ И ПРИПАСАМИ К НЕМУ.

Согласно декрету Совета народных комиссаров РСФСР от 9 июля 1924 г. и постановлению СНК об изменении и дополнении означенного декрета о торговле охотничьим огнестрельным оружием, от 8 октября 1927 г. („Собр. узак." 1927 г. № 104, ст. 699 и от 6 марта 1928 г. и „С. У." 1928 г. № 31, ст. 230), разрешение на приобретение, хранение и пользование нарезным огнестрельным охотничьим оружием и огнеприпасами к нему выдаются соответствующими административными отделами, смотря по тому, на какой территории происходит дело; напр., если в пределах волости, то волостной милицией (ст. 3).

Относительно охотничьего огнестрельного ненарезного и холодного оружия ст. 4 устанавливает, что приобретение, хранение и пользование им допускается без получения разрешения и без регистрации.

Согласно декрету ЦИК и СНК СССР (Собр. узак. 1925 г., № 29, 12 дек. 1924 г.) не считается охотничьим холодное оружие кавказских и азиатских образцов: кинжалы, ятаганы, клычи и прочее боевое рубящее и колющее оружие (ст. 2), а также нарезные патронные ружья со скользящими, опускающимися или поднимающимися затворами, к которым подходят винтовочные патроны, принятые на вооружение в Красной

армии (и флоте), или патроны, могущие быть так использованными (напр., боевые патроны снятых с вооружения образцов или патроны иностранных армий). Это оружие (могущее быть использованным для Красной армии, отнесенное к пункту 1 категории „Б"), может в особых случаях отпускаться отдельным лицам и организациям лишь Революционным военным советом СССР или ОГПУ (ст. 5 того же декрета).

Подробные правила „о торговле охотничьим оружием, огнеприпасами к нему и фейерверками, о приобретении, хранении и пользовании охотничьим и спортивным оружием и огнеприпасами к нему" и т. д. изложены в инструкции № 153 Народного комиссара внутренних дел РСФСР от 3 мая 1928 г., заменившей инструкцию № 596—1925 г., циркуляр 1926 г. о приобретении „сибирки" и др. Эта новая инструкция опубликована в „Бюллетене Нар. ком. внутр. дел РСФСР" 1928 г. № 15 (270) от 15 мая (Москва, Ильинка, 21, цена 35 к.). Она занимает 24 страницы, поэтому здесь можно привести только самые необходимые для охотника постановления ее.

Торговые предприятия отпускают ненарезное охотничье оружие гражданам, достигшим 18 лет, без каких-либо разрешений или удостоверений (ст. 24—59), нарезное же оружие отпускается по предъявлении разрешений (и талонов к ним) на приобретение и хранение указанного оружия (ст. 25,—63). При этом одноствольные шомпольные винтовки, так называемые „малопульки" или „сибирки" отпускаются, как и ненарезные ружья (ст. 25, прим. 1, 59).

Огнеприпасы как к дробовому, так и к нарезному оружию отпускаются по предъявлении свидетельств на право охоты (или карточек, выдаваемых лицам, имеющим оружие для целей охраны) в пределах ниже указанных норм (ст. 26, 28, 60).

Промысловое население в охотничьих промысловых районах получает и гладкоствольное, и нарезное оружие, и огнеприпасы без предъявления каких-либо документов, а также и в случае недостижения 18-летнего возраста (ст. 24 прим., 25 прим., 2, 26 прим., 58 прим., 60 прим., 78). Эти (и другие) льготы, представляемые промысловому населению в промысловых районах, распространяются также и на кочевые народности охотничьего быта, кочующие и вне пределов означенных районов (ст. 121).

Кроме несовершеннолетних, не имеют еще права приобретать, хранить и пользоваться охотничьим оружием (включая и холодное, т.-е. финские ножи и т. п.) лица, признанные в установленном порядке душевно-больными, а также граждане, лишенные по ст. 38 Уг. кодекса права производить охоту на срок, указанный в приговоре суда (ст. 58).

Разрешения на приобретение, хранение и пользование нарезным охотничьим оружием выдаются соответствующими

административными отделами, а в пределах волости—волостной милицией, в местностях же, на которые распространяется действие Временного положения об управлении туземных народностей и племен Северных окраин РСФСР (Собр. узак. 1926 г. № 73, ст. 575 и „Извест. ЦИК и ВЦИК“ от 10 марта 1928 г. № 64),—районным туземным исполнительным комитетом (ст. 64).

Разрешение это выдается: а) членам профессиональных союзов, промысловой кооперации охотников и спортивных обществ—по предъявлении членских билетов и выдаваемых земельными органами, лесничествами и районными и волостными исполнительными комитетами свидетельств на право охоты; б) остальным гражданам—по предъявлении документов, удостоверяющих их личность, и свидетельств на право охоты.

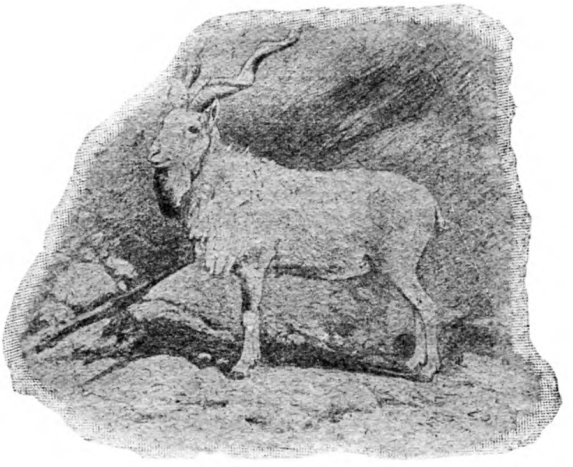

Рис. 62. Винторогий козел.

При этом охотничьим и спортивным объединениям предоставляется право получать вышеозначенные разрешения и ходатайствовать о продлении их срока—для всех своих членов по представлении общего списка членов с заключением Наркомзема или его местных органов (ст. 65).

На каждое нарезное ружье надо получить отдельное разрешение (ст. 76). Разрешение выдается на три года, и срок его по ходатайству владельца оружия может быть продолжен на следующие три года (ст. 75).

Приобретя нарезное ружье на основании полученного разрешения, необходимо не позже двух недель разрешение это предъявить в выдавшее его учреждение для отметки о регистрации приобретенного оружия (ст. 74).

В случае переезда на новое место жительства, вне пределов территории, на которую распространяется деятельность выдавшего разрешение учреждения, охотник должен представить разрешение административному органу по новому месту проживания для получения нового разрешения и затем новой регистрации такового в установленном порядке (ст. 74).

В охотничьих промысловых районах хотя и не требуется предварительного разрешения на приобретение нарезного оружия, однако таковое в течение года обязательно должно быть зарегистрировано в районном административном отделении, или в волостной милиции, или в районном туземном исполкоме, о чем и получено особое удостоверение (ст. 78, 79). Это удостоверение выдается на три года, и ходатайство о продлении его действия на новый такой же срок должно быть заявлено не позднее трех месяцев по истечении срока (ст. 88, 89).

Продавать или передавать нарезное охотничье оружие можно только лицам, имеющим разрешение на его приобретение, при чем, ружье передается новому держателю вместе с разрешением, имеющимся у продавца. В двухнедельный срок оба разрешения должны быть представлены в соответствующий административный орган по месту жительства для перерегистрации (ст. 92, 93). В промысловых районах соответственно передается свидетельство о регистрации, если таковое уже имеется у продающего (ст. 98).

В случае утраты нарезного оружия (потеря, кража, пожар и т. п.) владелец в течение месяца должен сделать о том заявление органу, выдавшему разрешение (в промысловых районах — в течение года органу, производившему регистрацию) (ст. 102).

В случае отказа в продлении срока действия разрешения на право хранения и пользования нарезным охотничьим оружием или удостоверения о регистрации такового, владелец обязан в месячный (в промысловых районах—шестимесячный) срок передать или продать имеющееся у него оружие, с соблюдением указанных выше формальностей (ст. 104).

Охотничье ненарезное и холодное оружие можно продавать и передавать беспрепятственно, но, конечно, только лицам, имеющим право таковым пользоваться (ст. 101).

Спортивные винтовки (кал. 22 бокового огня), ружья типа „монте-кристо", а также духовые ружья, как нарезные, так и гладкоствольные, приравниваются—в отношении отдельных граждан—к охотничьему нарезному оружию (ст. 111).

Каждому лицу разрешается иметь и хранить оружие и огнеприпасы в пределах таких норм: ружей не свыше 5 шт., в том числе нарезных не более двух или спортивных винтовок не более трех; пороха, безразлично какого типа, не свыше 10 *кг* (24,4 фунта) в год, а в промысловых районах— не свыше 20 *кг* (48,4 фун.); патронов (не считая патронов „флобер",* „боскет" или 22 кал. бок. огн.)—не свыше 2000

* Патрончик типа „флобер", как портящий патронники спортивных винтовок, сверленых под „длинный винтовочный" патрон 22 к. б. о., в настоящее время запрещен к выделке.

(в промысловых районах—4000) шт. в год (ст. 112). При этом единовременное хранение одним лицом (обязательно—имеющим охотничье огнестрельное оружие) не должно превышать 2 *кг* (4,88 фунта) пороха и 500 шт. патронов; к промысловым районам это ограничение не применяется, и там допускается хранение годовой нормы (ст. 114).

Одно лицо может приобретать оружие и огнеприпасы для других лиц по их поручениям. При этом в непромысловых районах нарезное оружие и всякие огнеприпасы могут приобретаться по поручениям не более, как двух человек, при чем нужно иметь как надлежащие доверенности (в установленном порядке засвидетельствованные), так и разрешение на право приобретения оружия на имя поручающих лиц или (для огнеприпасов) их свидетельства на право охоты. Для приобретения ненарезного огнестрельного оружия достаточно доверенностей. В промысловых районах при всяких подобных поручениях не требуется никаких документов (ст. 91).

Заявления о регистрации приобретенного нарезного оружия, о возобновлении удостоверений об этой регистрации, самые удостоверения и отметки на них,—не подлежат оплате гербовым сбором (ст. 110). Но заявления о выдаче разрешений на приобретение нарезного оружия, о продлении их срока и о возобновлении, а также выдаваемые разрешения и отметки на них оплачиваются гербовым сбором в размере 1 рубля каждое, — за исключением заявлений, подаваемых лицами, состоящими членами охотничьих кооперативов (или другими лицами, освобожденными от гербового сбора), и заявлений, подаваемых в районные административные отделения, управления волостной милиции и районные туземные исполкомы, а равно и выдаваемых по таковым заявлениям разрешений и отметок о продлении срока (ст. 107, „Перечень изъятий по госуд. гербовому сбору", приложенный к уст. о гос. герб. сб., Собр. узак. 1927 г. № 55, ст. 552 и 553, §§ 48, 56).

Нарушение вышеизложенных правил в отношении отпуска или пользования оружием, состоящим на вооружении Красной армии или состоящим или снятым с вооружения иностранных армий, или патронами для такого оружия, влечет ответственность по ст. 182 Угол. кодекса (ст. 116). Нарушение же других указанных выше правил влечет согласно ст. 192 Уг. кодекса следующую ответственность в административном порядке:

а) За нарушение правил о регистрации охотничьего нарезного оружия, приобретенного согласно разрешению, за пользование для охоты оружием, приобретенным для целей охраны, за нарушение правил о передаче такового лицами, утратившими право на его держание (ст. ст. 74, 93, III п. б.,

92, 93, 101, 102, 104), — налагается предупреждение, штраф до 25 рублей или принудительные работы до 1 недели (ст. 118 п. в), при чем районные административные отделения и ниже стоящие органы могут за эти нарушения налагать лишь предупреждение, штраф до 3 руб. или принудительные работы до 5 дней (ст. 120).

б) За другие нарушения перечисленных выше правил (ст. ст. 58, 60, 62, 63, 75, 78, 89, 98, III п.п. *а* и *б*, 112, 113, 114, 104) налагается штраф до 50 руб. или принудительные работы до двух недель.

Для 22-километровой пограничной полосы Инструкция Нар. комис. внутренних дел от 9 января 1929 г. устанавливает такой порядок: разрешения на нарезное и спортивное оружие в непромысловых районах выдаются административными отделами лишь по согласовании с органами пограничной охраны ОГПУ, пограничными отрядами и комендатурами. После регистрации в административном отделе разрешение на оружие должно быть представлено для регистрации в ближайший орган пограничной охраны ОГПУ. Передача и продажа упомянутого оружия (кроме жителей пограничной полосы промысловых районов) может быть произведена лишь с особого предварительного разрешения.

ПОЛУЧЕНИЕ ОХОТНИЧЬЕГО ОРУЖИЯ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Оружие, как и всякий товар, можно получать из-за границы в обычном порядке, т.-е. по лицензиям, полученным в Народном комиссариате торговли. Для отдельных охотников это, конечно, путь не практичный.

Привозимое с собою для личного употребления оружие, а также получаемое в почтовых посылках, не превышающих веса в 5 *кг* (12,2 фунта), посылаемых частными лицами, а не фирмами (фабрики, магазины),—пропускается без предварительной выборки лицензии в таком порядке.

Гладкоствольное оружие выпускается из таможни по представлении справки в двух экземплярах из окружного или областного административного отдела о неимении препятствий к выдаче. Для получения такой справки подается соответствующее заявление с указанием имени, отчества, фамилии и места жительства получателя, какое оружие, в каком количестве и для какой цели привезено. Разумеется, справка может быть выдана лишь лицу, имеющему вообще право на держание оружия, и притом еще не имеющего такового в предусмотренной правилами норме (о которой упоминалось выше).

Для получения нарезного охотничьего оружия нужно сначала получить, как было объяснено выше, надлежащее удостоверение на право приобретения и хранения нарезного

оружия, затем представить это удостоверение при заявлении (такого же содержания, как только что было указано) в окружной или областной административный отдел для сделания на таком удостоверении надписи о неимении препятствия к получению оружия из таможни, и, наконец, представить это удостоверение с талоном в таможню. По получении там нарезного оружия оно, конечно, в обычном порядке должно быть зарегистрировано.

Заявление о выдаче справок и отметок, а равно и самые справки и отметки оплачиваются гербовым сбором по 1 рублю („Правила пропуска из-за границы охотничьего оружия", утв. Таможно-тарифным комитетом 21 мая 1926 г.).

Вывоз охотничьего оружия за границу допускается лишь с особого каждый раз разрешения, согласованного с ОГПУ. Только для вывоза в Тувинскую народную республику достаточно разрешения местных органов ОГПУ.

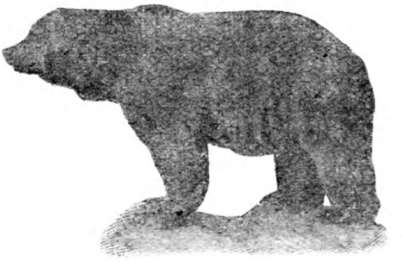

Рис. 63. Серый медведь, гриззли.

Необходимо заметить следующее. Советская страна, как известно, переживает временные, но довольно острые затруднения с иностранной валютой, которая необходима для выписки разных сельскохозяйственных и иных машин и оборудований, у нас не выделываемых. Сознательный гражданин должен воздерживаться от всего, что может увеличить эти затруднения, в частности—от траты валютных ценностей, от выписки иностранных товаров без безусловной необходимости.

ОРУДИЯ И СПОСОБЫ ОХОТЫ, ДОЗВОЛЕННЫЕ И ЗАПРЕТНЫЕ

Все бесконечное разнообразие способов охоты и лова, применяемых при охоте орудий и приспособлений можно разделить так:

Во-первых, способы и орудия общеопасные, именно: настораживание на тропах ружей и самострелов, рытье на них же ям, пускание палов и разбрасывание отравы. Эти способы грозят не только домашним животным, но и здоровью и жизни человека, и потому не допускаются „правилами", тем более, что и необходимости особой в них нет, кроме только отравы для истребления волков. В случае особого размножения волков отрава поэтому разрешается Наркомземом по особым ходатайствам окружных охотничьих органов опытным и надежным лицам (ст. 10 „Правил о сроках

и способах охоты", изданных НКЗемом весной 1922 года, одобренных Федеральным комитетом 9 июля 1922 года и утвержденных ВЦИК и СНК 24 августа 1922 г.).

Во-вторых, способы и орудия массового и истребительного добывания (ст. 11 тех же правил): шатры, тенета, вентеря, загородки, добывание стадных зверей при переправах через реки, заганивание по насту, по льду, по срезанному камышу, ловля подлини или обмерзших птиц, или ночной лов с огнем или переметами и т. п. При всех этих приемах захватываются сразу массы—иногда многие десятки штук крупного зверя или сотни и сотни более мелкой дичи. При этом, конечно, действительное использование такой массы добытого очень затрудняется, и

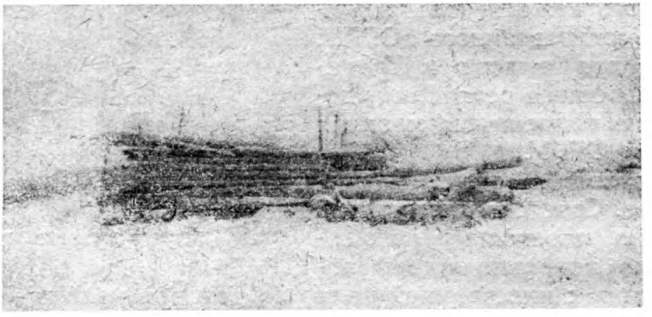

Рис. 64. Пасть на песца, сев.-зав. ч. Чукотского побережья.

очень часто от зверя берут только кусочек мяса или кусочек кожи (напр., камасы от целого лося или оленя). Поэтому все такие нехозяйственные, истребительные приемы также запрещаются.

В-третьих, запрещаются приспособления, давящие или повреждающие зверя или птицу (силки, петли, плашки, пасти, черканы, слопцы, капканы, птичий клей, ст. 13 „Правил"), а также скрадывание с помощью „кобылки" или подвижной загородочки, прикрывающей охотника. Давленая птица расценивается ниже стреляной и на заграничные рынки не идет. Кроме того, очень большая часть зверя и птицы, попадающих в силки, петли, пасти и т. п., пропадает для охотника, а, значит, и для хозяйственного оборота страны, так как подопревает при оттепелях, заносится метелями или просто растрепывается и объедается мышами, ласками, горностаями, хорями, воронами, сороками, кукшами и т. д.

Наконец, силки и петли действуют без звука, каждый мальчик может наставить их сотни, и следить за действием этих ловушек, за тем, чтобы их не расставляли не во-время,—

очень трудно. Поэтому и эти ловушки, и способы лова, как в общем обиходе страны не хозяйственные (из них, в общем, далеко не попадает в руки охотнику в целости и половины погибшей птицы и зверя), запрещаются; также запрещаются (ст. 12 Правил) разорение птичьих гнезд, собирание яиц, и раскапывание нор зверей.

Конечно, и эти способы, и способы массового лова дозволяется применять против волков, а также тигров, леопардов (барсов) и гиен во всякое время (ст. 22 Правил).

Все эти способы, но также, конечно, за исключением общеопасных, — дозволяется применять и против других безусловно вредных (хотя и не опасных для человека) жи-

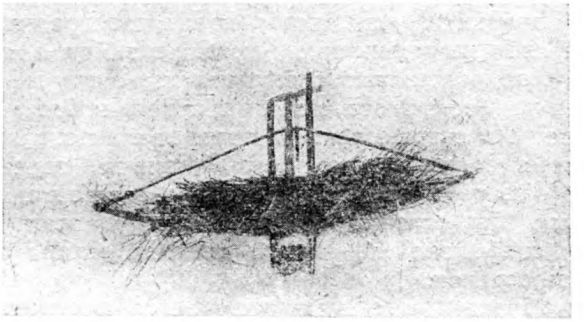

Рис. 65. Черкан.

вотных, как рысь, дикая кошка, шакал, суслик, мыши, и из птиц — орлы, ястреба, коршуны, филины, болотный лунь, а также против таких животных, которые местами или по случаю особой многочисленности своей стали вредными и признаны подлежащими истреблению местными окружными органами, ведающими охотой (ст. 23 Правил). К вредным же по справедливости причисляются и бесхозяйные собаки и кошки, обычно рыскающие по угодьям. Охотничья собака с именем владельца на ошейнике или иным признаком владельца не считается бесхозяйной, и если она не раз оказывается бродящей по угодьям, то ее хозяин отвечает, как за незаконную охоту (ст. 24).

Но по отношению к этим животным (рысь, шакал, ястреба, медведь, лиса, ворона и др.) силки, пасти, тенета и т. п. позволяется применять не круглый год, как против волка или тигра, но только в закрытое для охоты время, т.-е. весной и летом, когда стрельба и травля собаками не дозволяются, — (кроме того, само собою понятно, все эти самоловы и пр. можно применять к названным зверям всюду, где эти орудия вообще допускаются). Почему это так,—понятно: в законное

время охот применять этих мер и не нужно, так как в это время отлично можно уничтожать медведей, ястребов и пр. ружьем. А, кроме того, было бы невозможно следить, действительно ли все эти способы и ловушки употребляют только против вредных животных, а не против дичи. В закрытое же для охоты время, когда все равно нельзя переносить, возить и продавать дичь без риска попасться, такой опасности, что будут сетями и пр. пользоваться для дичи, гораздо меньше. С другой стороны, в закрытое для охоты время нельзя разрешить стрелять всех этих животных, иначе пойдет пальба повсюду под предлогом истребления сорок, ворон, евражков и т. д., и опять будет невозможно охранять дичь.

Понятно, если кто даже и в июне или июле, т.-е. в совершенно закрытое для охоты время, застрелит, скажем, медведя у себя на пчельнике или даже зайца в яблоневом своем саду, то никто такого выстрела за охоту не признает, так как это и не есть охота, а защита своего добра, „оборона", которую даже и старые законы признавали дозволительной.

„В открытое для охоты время" — значит здесь: когда вообще открываются охоты, с начала августа (иначе было бы сказано „в открытое на этих животных время"), и когда, значит, нечего следить, чтобы в угодьях не было выстрелов.

Таким образом, в общем получается простая и ясная система: зверей, опасных для личности человека, можно истреблять круглый год и всякими способами, кроме таких, которые и сами по себе опасны же для человека. Остальных животных, вредных всегда или в силу своего временного чрезмерного размножения, можно истреблять в законное, открытое для охоты время законными способами охот, в закрытое же для охоты время — всякими не опасными для человека способами, кроме стрельбы и заганивания собаками, т.-е. кроме способов, которые в это время могли бы в общем принести хозяйству больше вреда, чем пользы. Значит, например, в северной полосе медведя можно стрелять по общему правилу с 15 сентября нов. ст. (2 сентября по старому стилю), а если в этой местности он признан вредным, то с начала августа нов. ст., т.-е. с кануна так называемого „Ильина дня".

„Правилами" (ст. 16) разрешается ловля в течение 15 дней самцов перепелов сетью, а также ловля живьем певчих птиц (лучками, понцами, чепцами и т. п.) в течение указанных ниже сроков.

Об особых льготах для промысловых местностей говорится в этой главе далее.

Надо добавить, что из всех вышеперечисленных орудий лова наименее вредным является металлический капкан.

В нем добыча значительно менее повреждается, во-первых, потому, что, дорожа покупной вещью, охотник чаще осматривает капканы, чем самодельные самоловы; во-вторых, потому, что вид и звон металлического прибора заставляет других зверей и птиц быть гораздо более осторожными, чем какая-нибудь кулемка или пасть из местного деревянного материала; в-третьих, наконец, потому, что сидящий в капкане зверь остается в живых, а не задавливается насмерть, а потому и сам не дастся большинству обычных вредителей попавшей в самоловы пушнины и дичи. К капканам, поэтому, можно относиться несравненно терпимее, чем к другим самоловам.

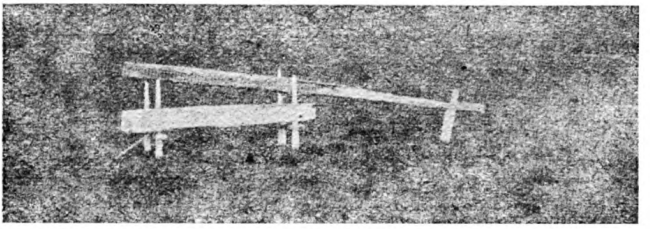

Рис. 66. Пасть на песца, низовья Енисея.

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА

Как уже было замечено ранее, совершенно понятно и доказано опытом всех стран, что самое вредное для сбережения зверя и птицы — это охота на них во время спаривания и вывода потомства.

У наших птиц спаривание происходит весной, в средней России в общем с марта месяца; большинство выводков вполне крепнет к началу августа. Большинство зверей спаривается также с конца зимы и в начале весны (в течение февраля и марта), и молодежь вполне вырастает и опушается в начале зимы. Копытные звери мечут детей весной, спаривание же бывает осенью. Для того, чтобы не губить выводков и не беспокоить животных во время спаривания и воспитания детей, почти во всех странах весенняя охота (включая и большую часть лета) совершенно не допускается, и это, конечно, самый лучший, самый верный способ охраны дичи от чрезмерного истребления.

Но, с другой стороны, у нас надо считаться и со многими другими условиями. У нас зима длиннее и суровее, чем в большинстве других стран, и потому для нас весенняя охота после долгой зимы представляет особенную заманчивость и прелесть. Кроме того, наши охотники, даже из числа

образованных людей, очень мало знакомы с жизнью природы, с ее законами, с необходимостью и приемами ее охраны, — а также чрезвычайно мало дисциплинированы. И так как действительных мер надзора за охотой на угодьях у нас, в сущности, еще почти нет, то полное запрещение весенней охоты может, казалось бы, иногда повести к тому, что немногие сознательные, дисциплинированные охотники будут весной сидеть дома, а остальная масса будет охотиться, несмотря на запреты, уже окончательно без всякого надзора и стеснения. Поэтому, выбирая из двух зол меньшее, „Правила", в ст. 21 подтверждая вообще запретность весенних охот, делают исключение для некоторых наименее вредных охот, допуская их в течение одного месяца, при чем день открытия на каждый год определяется по соглашению местных охотничьих властей и отделов союза охотников.

Эти охоты таковы. Во-первых, т я г а, т.-е. стрельба вальдшнепов, „тянущих" после заката над опушками полян и болотин, порубок и даже вдоль лесных дорог со свистом (или, как иногда говорят, „циканием") и „хорканием". Убивают на тяге главным образом самцов, на пары вальдшнеп не разбивается. В сплошных лесных массивах тяга идет очень разрозненно, поэтому действительно этот вид весенней стрельбы сравнительно не очень вреден.

Во-вторых, т о к а, т.-е. стрельба самцов-тетеревей из шалаша, на утренней заре, когда они „с чуфыканьем" и бормотанием скачут и дерутся на земле на сырых луговинах или сухих, поросших редкими кустами буграх, в лесах или поймах, — или же с подхода, что гораздо труднее. Глухарь токует лишь сначала на снегу, позже же на деревьях (чаще соснах или дубах), далеко не так громко, как косачи, и к нему приходится подскакивать в те мгновенья, когда он кончает свое короткое щелкание, продолжающееся несколько секунд (точнее около 2—2½), трелью в роде шипения или точения по металлу: в это время он ничего не слышит.

И тетерев, и глухарь тоже на пары не разбиваются, и один петух может оплодотворить несколько курочек, но все же охота на току уже опаснее для птиц, чем тяга. В особенности глухарей, капризных в выборе мест гнездования, и без того от лесных расчисток и порубок сильно страдающих, следовало бы давно признать в средней России и на Урале вымирающим видом и подвергнуть полной охране.

Есть в части охотников и у нас, и в Германии мнение, будто охота на току полезна для глухарей. Надо твердо помнить, во-первых, что это говорится о таких глухариных местах, где никакой летней, осенней и зимней стрельбы глухарей вовсе не допускается; во-вторых, где тщательно уничтожают всех вредящих глухарям хищников; в-третьих (это в Германии), где обычно позволяют глухаря стрелять только

пулей, что почти избавляет от подранков; в-четвертых, где буквально каждый глухарь не только на счету, но и, так сказать, лично знаком охотничьей страже, и где отстреливают только известный процент токующих самцов, именно слишком старых... Словом, если эти рассказы о пользе умеренной стрельбы на глухариных токах даже может быть и верны в германских условиях, — то в применении к нашим русским условиям охоты, не имеющим ничего общего с вышеперечисленными, они являются явным вздором.

Глухари плодились и токовали без всякого отстрела миллионы лет и наполняли леса от Испании и Шотландии до Камчатки, хотя петухов-перестарков было, наверное, не мало. Много глухарей и сейчас в Сибири, хотя их много бьют там поздней осенью и зимой, но не бьют на токах. А вот в средней России, Германии и в Зап. Европе их остается уже мало, как-раз там, где производится весенняя охота на токах.

Разрешается также (при условии устройства годовых заказников на водоплавающую дичь в данном районе) стрельба в течение месяца с прилета по гусям и лебедям, а также по селезням на манок.

Гусей и лебедей еще много выводится на Севере, а добыть их не так просто. Надо, впрочем, сказать, что если иметь манных гусей, подобно тому, как держат круговых уток, и хорошо организовать охоту в местах пролетов, то и гусей можно бить многими десятками на ружье в одну зорю. Тут, конечно, бьют одинаково самцов и самок.

Относительно селезней также иногда говорят, будто селезень „мешает“ утке высиживать и уничтожает яйца, поэтому его будто бы полезно стрелять. Это совершенная нелепость. В тундрах, где птицам некуда прятаться (нет кустов, нет тростников, и нет ночи в летнее время), я наблюдал изо дня в день множество гнезд самых разнообразных утиных пород и буквально тысячи селезней, — и ничего похожего на разорение гнезд не видал. Эти старые анекдоты основаны если не всецело на выдумках, так в лучшем случае на исключительно редком, единичном происшествии. А вот стрельба или даже ходьба по поймам и лугам во время гнездования приносит огромный вред, из-за нее много гнезд разоряется — только не селезнями, а воронами, сороками и болотными лунями, которые следят за слетающими утками. По своему желанию она слезает, отползши вдаль от гнезда и покрыв его хорошенько, а спугнутая она взлетает прямо, и открытое гнездо с яйцами становится прекрасно видным сверху.

При стрельбе селезней убивают нередко и уток. Да даже на токах убивают самок — и не только из-за несдержанности... Один из лучших московских старых охотников бросил любимую им охоту на глухариных токах после того, как он, при

свидетелях-товарищах, убил на тщательно им охранявшихся угодьях одним выстрелом глухаря, токовавшего на земле, и пять штук глухарок, находившихся в кустарнике в нескольких метрах позади самца!

Собак брать на весеннюю стрельбу не позволяется во избежание соблазна пострелять вальдшнепов или что другое из-под собаки, что незаконно.

Вообще же натаска легавой собаки без ружья в закрытое для охоты время дозволяется. Что же касается гончих, то наганивание их дозволяется лишь начиная за две недели до открытия зверовых охот (ст. 20).

Самой безвредной весенней охотой является, конечно, та, которая разрешается ст. 16 „Правил": ловля сетью живьем самцов—перепелов в течение 15 дней, с 10 июня в северной полосе, с 1 июня — в средней и с 20 мая — в остальных местах, а также ловля певчих птиц, живьем же,—лучками, сетью, чепцами и т. д. с 1 февраля по 31 марта (и затем с 15 июля по 1 декабря).

Эта ловля производится без шума и стрельбы в местах, где собственно дичи обыкновенно не бывает или почти не бывает, значит беспокойства ей почти не причиняется. Между тем и самая ловля певчих птиц, и содержание их в клетках— прекрасная охота, доступная детям, инвалидам, старикам. Молодежь она сближает с природой и с животными, приучает интересоваться ими, наблюдать их жизнь и любить их. Самые способные и живые из таких маленьких птицеловов вырастают потом в больших ученых натуралистов, как Дарвин, М. Богданов и много других. Поэтому этот спорт—ловлю и воспитание певчих птиц—следует всячески поощрять.

Весенняя же стрельба, даже согласная с правилами (что в действительности бывает у нас не часто), является во всяком случае только злом, которое приходилось терпеть в ожидании, когда значительная часть охотников проникнется сознанием необходимости в собственных интересах покончить с этим пережитком тех времен, когда дичи было в 100 раз больше, а охотников — в 20 раз меньше, чем теперь. К счастью, в промысловых районах весенние и летние охоты практикуются очень мало еще, и, не будь рынка для летних белок и т. п. негодной пушнины, она совсем бы не практиковалась там.

Надо еще помнить, что из молодежи, выведшейся в этом году, значительное большинство все равно до будущей весны обречено на гибель: от болезней, от хищных зверей и птиц, от суровости зимы, от трудностей дальних перелетов. Все это с трудом переносится молодыми, неокрепшими организмами, не имеющими еще жизненного опыта.

Поэтому пять, даже 10 штук добытых осенью или в первую зиму молодых зверей и птиц (а попадается, конечно,

гораздо больше молодых, чем старых) составляют меньшую потерю для сохранения породы, чем добыча одной старой, т.-е. перегодовавшей, окрепшей телом и опытной птицы (то же касается и зверя), вполне способной и о себе позаботиться и благополучно вывести потомство.

Надо надеяться, что охотничья кооперация вскоре покончит с этим старым вопросом и по примеру Украины прекратит весеннюю охоту всюду. Поэтому следует приветствовать и настойчиво проводить в жизнь решение IV собрания уполномоченных охоткооперации о полном прекращении весенней охоты. На основании этого решения правление Всекохотсоюза просило НКЗем РСФСР принять соответствующие меры, и НКЗем циркуляром от 1 марта 1929 г. за № 62/ЛО воспретил весеннюю охоту в европейской части РСФСР и в Уральской области, за исключением промысловых районов, за исключением охоты на тех зверей, мех которых имеет весной высшую ценность (крот, хомяк, водяная крыса и суслик, кроме песчаника), и за исключением вредных зверей.

ПРАВО НАУЧНОЙ ОХОТЫ

„Правила" в ст. 17 устанавливают, что Народный комиссариат земледелия может выдавать по ходатайствам Академии наук, Сельско-хоз. ученого комитета, научных обществ и высших учебных заведений особые свидетельства на право добывания зверей и птиц с научными целями или живыми для зоологических садов и питомников. Свидетельство это, в котором указывается, кому, на какой срок и район и с какою целью оно выдано, дает право охоты во всякое время и всякими способами, при чем, однако, охота в заповедниках и заказниках допустима только, если о том прямо оговорено в свидетельстве. Разумеется, лицо, пользующееся таким свидетельством, должно предъявить его местным охотничьим органам и охотничьим организациям во избежание недоразумений.

Подобные правила существуют во всем мире и вот почему. Без знания природы и ее законов человек может быть только дикарем, подавленным нуждою и невежеством. Одной же из основных работ по изучению живой природы является составление ее инвентаря: собрание и описание всех существующих форм животной жизни (конечно, и растительной также). Затем изучение образа жизни всех этих животных, их пищи, нравов, отношений друг к другу, размножения и т. д. Без этого мудрено их и использовать, и даже определить, какие и в чем именно, в каких условиях для нас вредны и какие полезны. Но и эта основная инвентарная работа далеко не закончена даже в странах, где ее раньше начали,

и где на нее затрачивается большее количество научных и денежных средств. У нас же, в нашей огромной, разнообразной и от природы богатой стране, но очень бедной учеными и вообще образованными людьми (при старых порядках даже простая грамота была мало доступна большинству населения), эта работа, собственно говоря, едва начинается.

Зоологические музеи, такие учреждения, где собираются и хранятся образцы всевозможных животных, у нас, можно сказать, на перечет. И при этом один только Академический музей настолько богат, что там действительно можно научно работать. Второй за ним, Московский университетский музей имеет до сих пор, несмотря на энергичную работу последних десятилетий, такую массу пробелов, такой недостаток материалов, что москвичам при научной работе то и дело приходится ездить в Ленинград. А уже о провинции нечего и говорить. Вот для собирания материалов для музеев, для лабораторий и выдаются свидетельства на право научной охоты. Как раз в весеннее и в летнее время многие сборы и наблюдения гораздо удобнее делать.

Упомяну только еще об „эмбриологических" исследованиях, т.-е. об изучении развития зародышей. Этот материал, конечно, может быть собран лишь во время сукотности маток и насиживания яиц.

Очень жаль одно: наши музеи и другие научные учреждения слишком бедны, и число лиц, любящих и умеющих собирать нужные зоологические материалы, слишком ничтожно, и поэтому работа по собиранию и изучению наших животных — птиц, зверей, рыб и всяких иных—двигается слишком и слишком слабо.

Смешно сказать, выдается таких свидетельств менее 100 на год, и это на страну, площадью в 20 миллионов квадратных километров, т.-е. впятеро бо̀льшую, чем вся остальная, не русская Европа.

Необходимо упомянуть, что выдача свидетельств на право научной охоты встречает иногда возражения с двух совершенно различных сторон.

Провинциальная обывательщина, хотя бы из числа охотников (любителей, в промысловых округах я этого не встречал), меньше всего заботится об охране природы. Если вы шляетесь весной и летом по угодьям и стреляете в неположенное время, никто на вас не обращает внимания, а многие сочувственно будут давать указания и охотно составят компанию. Так, с 1892 по 1922 г., охотясь во всех концах России, я ни разу не встретился с просьбой: „Предъявите ваше охотничье свидетельство" (до 1892 г. их не было). Но так благодушно относятся лишь до тех пор, пока думают, что вы такой же „браконьер", неряшливый или жадный истребитель птицы и зверя. Как только узнают, однако,

что вы действуете по законному свидетельству, что вам дано „право“ на научные сборы,—так картина меняется; у обывателя сосет под ложечкой от зависти: „Почему он имеет „право“, а я нет? Да этак для музеев всю дичь перебьют, и мне не останется!“ и тому подобное (пишу с натуры). Против таких выступлений простое средство: обстоятельный доклад в общем собрании местной охотничьей организации о значении и цели научного коллекционирования.

Бывают выступления и с другой совершенно стороны, со стороны лиц, до глубины души преданных делу охраны живой природы, но лиц слишком кабинетных, недостаточно

Рис. 67. Сайгак (молодой, в линьке).

погруженных в гущу охотничьей действительности. Они говорят: „весенняя охота, собирание гнезд и яиц—страшное зло, опустошающее нашу страну. С этим злом необходимо бороться изо всех сил, необходимо даже с разрешением весенней стрельбы селезней, косачей и вальдшнепов бороться. Тем более необходимо быть крайне осторожным с разрешениями на охоту без сроков и других ограничений, необходимо их стеснять“.

Эти почтенные деятели за деревьями не видят леса. Серьезно бороться с истреблением охотничьих богатств есть два основых пути: правительственное воздействие на торговлю дичью и пушниной, во-первых,—так как торговля ведется в населенных центрах, заключается в массировании, в скоплении воедино товаров, и потому находится в пределах легкой досягаемости для правительственной власти. Ударьте рублем по вредной, разорительной для страны торговле (в роде крестоватиков, подпали и т. п.) хотя бы в одном месте, и эхо этого удара прокатится в один год до самых отдаленных уголков тундр и лесов. И, во-вторых,—воспитанием и обучением широких охотничьих масс, раскрытием им глаз на их собственные жизненные интересы. Это

медленный путь, но верный, и без него не обойдешься, так как на 20 млн. кв. *км* угодий полевых и охотничьих стражей не напасешься. А для надлежащего воспитания и обучения миллионов охотников нужны соответствующие работники просвещения, учителя, сами хорошо знакомые с жизнью природы, с ее охраной, с охотничьим промыслом и связью его с другими сторонами народной жизни. Для получения же таких работников нужны именно те музеи, лаборатории, научные коллекции, для организации и снабжения которых нам нужно не 80—100 полевых работников в год, а в 20 раз больше. Значит, не стеснять, а всячески привлекать и поощрять их надо. Именно эти-то люди, встречаясь в глуши с местными охотниками, расспрашивая их о местных животных, разъясняя свою работу, становятся часто первыми учителями охотников в деле здорового, хозяйственного отношения к зверю и птице, забрасывают в них первые зерна сознательного отношения к охотничьим богатствам страны вообще. Один из таких работников научного коллекциинорования принесет больше пользы, другой, менее опытный и знающий, — меньше, но сколько-нибудь все-таки принесет, а что-нибудь — лучше, чем ничего.

Рис. 68. Горал.

Обыватель думает, что для музея нужно всякой твари по паре, как для ноева ковчега, тогда как нужны могут быть и десятки, и сотни экземпляров. Обыватель думает, что научный собиратель каждый добытый экземпляр птицы или зверя обязан целиком приготовить для музея, — и поднимает вопль, видя сваренную в котле утку. Да, может быть, от этой утки и шкурка и внутренности взяты в коллекцию. Или она была так попорчена выстрелом, что не стоит препарировать. Или собиратель так устал, что не стал возиться с не слишком драгоценной добычей. По крайней мере, возясь с научным коллекционированием около 35 лет и зная лично почти всех наших собирателей зверей и птиц, я не знаю до сих пор ни одного случая, действительно доказанного, настоящего, а не мнимого злоупотребления разрешениями на право научной охоты. Если бы нашелся такой собиратель, который из каждого десятка убитых весной птиц девять штук съедал или продавал, а одну доставлял в музей, то я сказал бы про него: и на том спасибо, и то благодать для наших нищенствующих и не имеющих самых необходимых материалов музеев и лабораторий. Пока сотни тысяч

и миллионы людей разоряют охотничьи богатства и вообще живую природу страны, разоряют без всякой решительно пользы для кого бы то ни было, до тех пор всякого, кто хотя что-нибудь дает в пользу науки и научных учреждений, надо приветствовать.

И когда в нашей громадной стране научных собирателей будет не сто человек, а двадцать тысяч человек, тогда только получит смысл вопрос: нет ли надобности ввести некоторую осторожность: ведь и при 20 тыс. коллекторов на каждого пришлось бы почти по 100 тысяч гектаров. Говорить же об этом теперь, когда собирателей 80—100 человек, значит за деревьями не видеть леса и повторять ошибку крыловского мельника.

Надо добавить, что свидетельства эти выдаются по согласованию с Главнаукой Наркомпроса по отделу охраны природы и выдаются с большим разбором, только по ходатайствам крупных научных организаций и только лицам, уже доказавшим уменье свое коллекционировать хорошо и осторожно, с толком и разбором.

СРОКИ ОТКРЫТИЯ И ЗАКРЫТИЯ ОХОТЫ

Выше было уже указано, как быстро истребляются наши птицы и звери, как много из них совершенно уже исчезло с лица земли, другие же вытеснены совершенно или почти совершенно из многих округов, сохраняясь во все уменьшающемся количестве только в более глухих и малолюдных местах. Так как большинство охотничьих птиц и многие охотничьи звери полезны для сельского хозяйства, то от такого истребления животных страдает в конце-концов крестьянин, больше же всего страдает охотник, особенно охотник-промышленник.

Самой главной причиной такого истребления и притом причиной, легче всего устранимой, является слишком большая продолжительность времени охоты, проще говоря— охота круглый год. Действительно, убивая матку, птицу или зверя весною или летом, мы губим целый выводок, который она могла бы народить и выходить к осени. Охотясь осенью и зимой, мы убиваем только малую долю матерых, опытных зверей и птиц, большая же часть достается нам прибылых годовиков. Понятно, что годовалые животные менее опытны, менее крепки, значительная часть их все равно погибнет от тех или других причин (от хищников, от болезней), и, значит, добывая их, мы меньше наносим ущерба всей их породе, чем тогда, когда мы убиваем только старых и перегодовалых животных, как это бывает весной и летом. Да, кроме того, и самое животное летом далеко не то, что позднею осенью и зимой: птица от гнезда,

выводка или от линьки тощa, недоросшая молодежь малорosла, сохранять в теплую погоду их трудно, так что промыслового значения они не имеют, для охотника-любителя же стрельба по плохо летающей молодежи—мало интересна.

Что касается зверя,—тут и говорить много нечего: только зимняя шкурка, совершенно перелинявшая, окрепшая, „выкуневшая", „выходная"—имеет полную ценность; осенняя и весенняя гораздо дешевле, а летняя во многих случаях почти ничего не стоит, в партиях же, кроме того, обесценивает всю партию и, в конце-концов, понижает в общем рыночные цены, причиняя двойной убыток промыслу.

Вот как обстоит дело с добычей недоросшего и летнего зверя, т.-е. с варварским расхищением народного достояния.

На Ирбитскую ярмарку в прежнее время привозилось ежегодно:

Добыча недоросшего зверя (в штуках) в год

	1891—95 гг.	1905—09 гг.	1910—14 гг.
Выходного песца	12 800	7 900	6 960
Недоросшего (норника, крестоватика и т. п.)	27 880	38 300	38 000
Процентное отношение недоросшего к выходному . . .	217%	484%	546%

И после революции дело сначала шло не лучше: за сезон 1922/23 г. Обь-Иртышский госрыбпром заготовил (см. № 15 „Бюлл. Главн. управл. рыболовства"): песца 1, 2 и 3 сортов—4497 шт., крестоватика—17 536 шт., копанца, синяка и др. невыходных—3777 шт., а всего невыходных—21 313 шт., или, в процентах к выходному,—473%.

В тот же сезон 1922/23 г. по таким же официальным данным в Зырянском крае (авт. область Коми) заготовлено (с указанием и заготовительной официальной цены):

	Количество (в штуках)	По цене		На сумму (в рублях)
		руб.	к.	
Песец 1 сорта	756	30	—	22 680
„ 2 „	201	14	—	2 814
„ 3 „	86	7	—	602
„ 4 „	60	3	—	180
Крестоватиков и других недошедших	5 575	1	—	5 575
Белки чистой	529 416	—	60	317 649
„ полубель	32 043	—	18	5 767
„ синюха	76 335	—	14	10 686
„ подпаль	28 613	—	7	2 002
„ красная (летняя) . . .	54 371	—	3	1 631

Значит, даже белки, дешевого товара, но самого важного для нас по количеству, на пятьсот тысяч выходного зверя погублено почти двести тысяч штук (191 362)—негодного, кругом по местной же оценке стоящего 10½ копеек за шкурку, т.-е. буквально не стоящего, по теперешней цене пороха и свинца, и выстрела.

В 1924 г. при осмотре массовых партий пушнины оказалось: белки спелой—68%, синюхи—11%, подпали—10%, летней и совершенного брака—11%, лисы спелой—71%, недоспелой—23% и летней и брака—6 проц.

В 1925 г. В. Ф. Федосеев так подсчитывал всю стоимость партии нашей белки в 12 миллионов штук, которая стоила бы, по средней продажной цене того времени (0,85 доллара = = 1 р. 70 к.), если бы была вся выходной—20 400 000 руб. В действительности же оказывается:

Спелой белки—70%, по полной цене (100%)	14 280 т. р.
Синюхи—10%, по цене в $^1/_3$ полной (66$^1/_2$%)	1 360 т. р.
Подпали—5%, по половинной цене (50%)	510 т. р.
Ранне-весенней—10%, по цене в $^4/_5$ полной (80%)	1 632 т. р.
Поздне-весенней и летней—5%, по 5 коп. штука (3%) . .	30 т. р.
Итого, 100%, по средней цене 1 р. 48,4 к. (87,3%) =	17 812 т. р.

— потеря более 2$^1/_2$ миллионов.

Вообще для нашей пушнины в среднем можно считать, что в ноябре, декабре и январе она добывается вполне выходной, стоящей полную цену (100%). Февральская—ранне-весенняя стоит $^4/_5$ полной цены (80%). Октябрьская полуволосая и стоит полцены (50%). Сентябрьская—тонкая—и мартовская—поздне-весенняя стоят четверть цены (25%). Августовская—малошерстная стоит $^1/_{10}$ часть (10%). И апрельская, майская, июньская и июльская, голая,—можно считать ничего не стоящими.

Собственно полная спелость, наилучшее состояние пушной шкурки у каждого зверя продолжается всего около 1—2 недель, нормально в конце декабря или начале января. Это вполне доказано. Но, по условиям свободной жизни, на воле далеко не у всех зверей данной местности и одного вида эта полная спелость приходит в одни и те же дни, да и по условиям промыслового быта мудрено ограничить охоту всего несколькими днями в году. Поэтому небольшой процент невполне выходных шкурок неизбежен, но именно небольшой и не совершенно выходных, а не полуволосых или голых и не 20—30%.

По таким причинам для охраны птицы и зверя от полного истребления приходится запрещать охоту на них в течение части года, разрешая охоту с того времени, когда животные вполне взматерели, пушные звери выкунели, и закрывая охоту в то время, когда животные начинают спариваться и выводить потомство. Конечно, каждый зверь, каждая птица

живет по-своему, но было бы слишком сложно давать отдельные сроки для каждой породы, поэтому для удобства выполнения и надзора составляют их так, чтобы в каждой местности было не больше, по возможности, 2—4 сроков для птиц и такое же количество для зверей.

Встарину было только два срока: 1 сентября для зверей и 29 июня (старого счета, Петров день) для птиц. Этот очень старинный обычай шел, должно быть, с тех времен, когда центром жизни у нас был далекий юг, степи Украины, где раньше птица выводится, с тех времен, когда птицы и зверя было масса, а людей мало, и беречь животных не приходилось. К теперешним условиям эти сроки вовсе не подходят, и теперь на птиц приходится нам начинать охоту, как и в других странах, где берегут дичь, с начала августа н. ст. (около Ильина дня), а на многие породы и позже.

Установленные Правилами производства охоты, изданными Наркомземом и утвержденными ВЦИК, сроки начала и конца охот (ст. 19) наглядно сведены в прилагаемой таблице, со включением позднейших изменений по Туркестану. Это, так сказать, основные сроки, но ст. 25 Правил дозволяет местным органам, ведающим охотой, усиливать охрану охоты, удлиняя сроки запретов или вовсе запрещая некоторые охоты или перевозку, продажу и обмен продуктов охоты. Эти меры местной власти должны иметь именно характер охраны животных, как общая и равная для всех мера, но не должны ограничивать прав и интересов части населения или некоторых организаций (ст. 26, прим.). Этим своим правом многие местные власти и пользуются, и каждый охотник должен знать эти местные ежегодные распоряжения для своей местности.

Нельзя не заметить, что по Правилам охота на пушных зверей закрывается 15 марта на Севере или 1 марта в средней полосе. Между тем, почти все эти звери в конце января или начале февраля приступают к спариванию, да и мех их уже начинает в феврале слабеть и обесцениваться. Поэтому, принимая во внимание угрожающее падение промыслов, необходимо было бы закрывать охоту на пушных зверей по крайней мере на целый месяц раньше и не допускать в торговом обороте вешних шкурок. От такого запрета февральского промысла и прекращения торговли вешней пушниной и размножение пушнины пойдет много успешнее, и ценность наших партий на заграничных и наших пушных рынках поднимется, — значит, выиграет прежде всего охотник-промышленник.

По Правилам (ст. 26), „торговля свежеубитой дичью и свежеснятой шкуркой пушных зверей по истечении 10 дней со дня срока законной охоты на данную дичь или пушного

зверя — воспрещается". Совершенно понятно: если вы убили куницу в декабре, то можете ее продать хотя бы в мае месяце: она в это время не „свежеснятая" после закрытия охоты, а добыта в законное время. А если вы в мае или апреле продаете свежеснятую куницу, значит, вы добыли зверя против правил, уже после закрытия охоты на него. Словом, эта статья запрещает торговлю не во-время добытой дичью и шкуркой. Но если вы убили куницу в апреле и шкурку спрятали у себя до будущей зимы и будете продавать ее уже в декабре, в законное время, правильно ли это? Ясное дело, что нет, что и это есть нарушение смысла ст. 26 Правил: ведь, эта шкурка „свежеснята" была „по истечении 10 дней со дня срока" закрытия законной охоты, и такою она и остается навсегда и не могла превратиться ни во что другое от того, что полгода или год пролежала у вас. Смысл статьи не в том, является ли шкурка „свежей" или высохнет в момент ее продажи, а в том, что во время после истечения 10 дней по окончании законной и до открытия нового срока охоты была ли она „свежеснятой", т.-е. добытой незаконно, или и тогда она была старой, в законное время добытой.

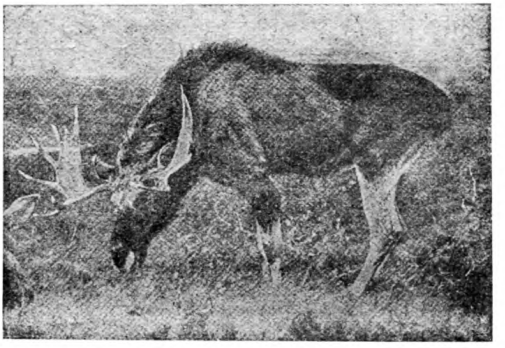

Рис. 69. Лось, сохатый.

Насколько надзор за этим важен, как страшно страдает охотничий промысел от недостаточного надзора за соблюдением этого правила, видно из того, что ведь в лесу и тундре за охотой не уследить, уследить только и можно на ярмарках, рынках, в лавках, словом за торговлей. Да и кто больше виноват: бедный промышленник (часто неграмотный туземец и по-русски не знающий), бьющий и ловящий, чего от него требует скупщик, или же образованный, знающий правила скупщик и торговец, берущий от промышленника запретный товар.

Когда промышленник в августе бьет „крестоватика" и продает его скупщику за полкоробки спичек или за одну иголку, то торговцу это выгодно, так как он этого крестоватика в конце концов продаст за границей рубля за 2—3, а то и больше. Но для государства, для нашей пушной промышленности—это огромный убыток: ведь промышленник, оставив

крестоватика летом в покое, этого самого зверька мог бы убить в ноябре — декабре уже в виде выходного, снежно-белого песца, стоящего за границей 70—80 руб. зол. и более. Еще надо учесть и то: охотник-промышленник должен прокормить свою семью. Если он за выходного песца получает от скупщика товаров руб. на 20—30 (по действительной цене), то он может обеспечить себя на год, добыв всего, примерно, 20 песцов. А если он бьет их в летнем меху и недоросшими, норниками и крестоватиками, получая за каждого 10—20 коп. и не свыше полтинника, — то ему надо, чтобы выработать ту же сумму, истребить уже две тысячи голов.

В настоящее время на ненормальность добычи невыходной пушнины и на поощряющую эту добычу — скупку такой пушнины по настоянию Комитета Севера обратил внимание Президиум ВЦИК, и на основании постановления Президиума ВЦИК от 26 сентября 1927 г. (протокол № 24, пункт 30) Наркомзем РСФСР, по согласовании с НКТорговли, НКВД и Комитетом содействия народностям Северных окраин при Президиуме ВЦИК издал 4 июля 1928 г. за № 186-ЛО, циркуляр о запрещении торговли продукцией незаконной охоты. Циркуляром этим запрещаются покупка, продажа и хранение в торговых складах и помещениях тушек, шкурок и иных продуктов добычи зверей и птиц, охота на которых совершенно воспрещена. Затем такой же запрет относительно шкурок пушных зверей, не дорослих и не перелинявших в зимний мех. Например, белка—низкая подпаль, поздневесенняя и летняя; песец белый—в виде синяка, крестоватика, матки, норника, копанца и гагары; колонок, куница, разные лисы, соболь — весеннего и летнего боя и детенышей, и т. п. Наконец, свежеубитая дичь и свежеснятые шкурки по истечении 10 дней со дня истечения срока охоты, и тушки и шкурки и иные продукты добычи всех копытных и пушных зверей и птиц, в случае установления незаконности их добывания, подводятся под это же запрещение.

Нарушители указанных правил привлекаются к ответственности по ст. ст. 86, 1 и 105 Угол. кодекса, а обнаруженные продукты незаконной охоты подлежат обязательной конфискации согласно ст. 86, 1 Уг. кодекса. Конфискации же подлежат и продукты случайной добычи запретного животного (напр., хохуля попала в мережу), а не могут быть пущенными в продажу.

Для реализации имеющихся на складах или в партиях товаров, запрещаемых к обороту, лицам и организациям, торгующим пушниной, дается срок до 1 октября 1928 г., а в случае регистрации этого товара до 1 октября — он может быть реализован и позже. Таким образом, фактически циркуляр начал оказывать влияние с весны 1929 г., но для тех, кто,

как автор этих строк, пытался, вопреки торгующим организациям (кроме охотничьей), провести эти меры еще с 1922 г.,— этот шаг вперед представляется не маловажным.

Надзор за соблюдением правил циркуляра возложен на органы торговой инспекции, специалистов по охоте органов НКЗема, инспекторов лесов и на лиц, специально на это уполномоченных край-обл.- и окрлесотделами. Дознания производятся органами торговой инспекции, а при их отсутствии — органами милиции.

ТАБЛИЦЫ СРОКОВ ОХОТЫ

Составлены по Правилам производства охоты Народного комиссариата земледелия, одобренным для СССР Федеральным комитетом 9 июля 1922 г. и утвержденным Президиумом ВЦИК, 24 августа 1922 г. с позднейшими дополнениями по 1 июля 1924 г.

Время по „новому" счету на 13 дней впереди „старого". Затемнены квадраты, когда нельзя охотиться. Каждый квадратик означает месяц, его левая сторона — начало, середина—15 число, правая сторона — конец месяца.

Совершенно воспрещена всякая охота круглый год

1. На зубра, бобра, выхухоль (хохуля), крестоватика, норника, пятнистого оленя, сайгака, кулана, винторогого козла; телят лосей (сохатых), косуль, маралов, изюбрей и др. „благородных" оленей; самок изюбря, повсеместно.

2. На марала и других „благородных" (не северных) оленей—в Европейской России, Западной Сибири до Енисея и в Туркестане.

3. На белых цапель — в Европейской России до Кавказского хребта и в Туркестане.

4. На соболя, лося и косулю — в Европейской России до Уральского хребта.

5. На самок и телят архаров, кииков и джейранов, на турача и дрофу-красотку (джек) — в Туркестане.

6. На северного оленя в Костромском и Нижегородском округах.

Круглый год разрешается охота на волка, тигра, гиену и барса (леопард, пантера) — повсеместно.

В Украинской республике охота на серых куропаток, дроф и стрепетов разрешается с 1 сентября по 1 декабря; на остальных птиц — с 1 августа по 15 февраля; на зверей—с 1 октября по 15 февраля, с борзыми — с 15 ноября по 1 февраля.

Наганивание гончих без ружей в особо отведенных для того местностях — с 1 июля.

Эти правила — только основная канва, и каждый охотник должен следить за особыми постановлениями своей губернии или округа (не говоря уже о самостоятельном законодательстве союзных республик).

Название зверей и птиц, к которым относится срок	Время: Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Полосы или местности, к которым относится срок
1. Зубр, сайгак, кулан, бобр, хохуля, винторогий козел, пятнистый олень, крестоватик, телята лосей, косуль, маралов, изюбрей и благородных оленей; самки изюбря . . .	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	Повсеместно
2. Марал и другие благородные олени . . .	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	Европ. Россия, Туркестан, Зап. Сибирь до Енисея
3. Белые цапли	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	Европейская Россия и Туркестан.
4. Соболь, лось, косуля	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	Европейская Россия (по сю сторону Урала).
5. Самки и телята архаров кииков, джейранов, турачей, дрофа-красотка (джек) . . .	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	Туркестан.
6. Северный олень	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	Костром. и Нижегор. окр.
7. Волк, тигр, гиена, барс, леопард (пантера)	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	Повсеместно.
8. Серые куропатки, перепела, дрофы, стрепета	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	—	▒	▒	Северная полоса.
9. Остальные птицы северной полосы	—	—	▒	▒	▒	▒	▒	—	—	—	—	—	Северная полоса.
10. Северные олени и лоси (см. 1, 4, 6) . . .	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	—	▒	Северная полоса, где нет вышеуказанных запретов
11. Косули (см. 1, 4)	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	—	▒	Северная полоса, где нет вышеуказанных запретов
12. Изюбри самцы	▒	▒	▒	▒	▒	—	▒	▒	▒	▒	▒	▒	Вост. Сибирь и Дальн. Вост.
13. Остальные звери северной полосы . . .	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	Северная полоса
14. Серые куропатки и перепела	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	▒	—	—	▒	▒	Средняя полоса

Название зверей и птиц, к которым относится срок	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Полосы или местности, к которым относится срок
15. Дрофы и стрепета													Средняя полоса
16. Остальные птицы средней полосы (см. 3)													
17. Всякие звери (кроме указан. в п.п. 1, 2, 4)													Средняя полоса
18. Серые куропатки и фазаны													Южная полоса
19. Дрофы и стрепета													
20. Остальные птицы южной полосы (кроме 3)													
21. Лоси и благородные олени (см. 1, 2, 4)													Южная полоса Горы Кавказа
22. Олени													
23. Косули и джейраны (см. 1, 4)													Южная полоса Горы Кавказа
24. Остальн. звери южн. полосы (кроме ук. в п. 1)													
25. Остальн. звери Кавказа (кроме п. 1)													
26. Серая красноног. куропатка, пуст. курочка													Равнины Горы Весь Туркестан
27. Пустынная курочка													
28. Степные рябки, саджа, бульдурук, карабаур													
29. Дрофа и стрепет (см. 5)													
30. Фазаны													
31. Тетерева													
32. Водяная дичь — утки, гуси													
33. Остальные птицы Туркестана (см. 3, 5)													
34. Кабаны													Туркестан
35. Зайцы													
36. Самцы архаров, кииков, косуль и джейранов													Туркестан
37. Остальные звери Туркестана (см. 1, 2)													
38. Ловля живьем певчих птиц сетями, чепцами и т. п.													Повсеместно

ОХОТНИЧЬИ ПОЛОСЫ

Наша огромная страна захватывает и острова и вечные льды Ледовитого моря, и мерзлые болота тундры, и заоблачные высоты, и целые горные страны, и жаркие пески пустынь, — как пространство, где по 4 месяца под ряд не восходит солнце, и зима продолжается 9 месяцев, так и места, где почти вовсе нет зимы и во множестве зимует всякая дичь, улетающая с Севера.

Конечно, северные животные свыкаются с холодами, кроме того, незаходящее, хотя и мало греющее летнее солнце Севера и огромная масса комаров и их личинок — прекрасного корма для птенцов — заставляют молодежь быстрее развиваться на севере, чем на юге: Так, сравнивая свои записи относительно белых куропаток, сделанные в Лифляндии, со сделанными на острове Колгуеве, я вижу, что белые куропатки в тундре в общем достигают полного взматерения недели на две быстрее (считая от вылупления из яйца), чем на 1200 *км* южнее. Но все-таки невозможно устанавливать на всей этой громадной площади одинаковые сроки для начала и конца охот. С другой стороны, устанавливать для каждой волости и даже района свои сроки — и очень неудобно на практике, и бесполезно: все равно год на год не совсем приходится, и один срок в одной местности приходится давать для нескольких птиц или зверей вместе (иначе и помнить трудно будет), да и в каждой породе не все враз гнездиться начинают, значит, все равно в законе только средний приблизительно подходящий срок может быть указан, который в среднем подходит. Поэтому-то под один срок удобно можно подводить довольно широкую полосу соседних местностей. И при составлении Правил о производстве охоты было признано, что для практики достаточно разделить нашу страну на 4 полосы, отнюдь не дробя крупных административных единиц (округа, области).

Полосы эти следующие:

1. Северная полоса—округа и области: Мурманский, Архангельский, Северо-Двинский, Ленинградский, Псковский, Новгородский, Череповецкий, Тверской, Московский, Ярославский, Иваново-Вознесенский, Костромской, Вологодский, Вятский, Нижегородский, Томский, Алтайский, Омский, Ново-Николаевский, Енисейский и Иркутский; Уральская область (бывшие губернии Пермская, Екатеринбургская, Челябинская и Тюменская); автономные области: Коми, Чувашская, Марийская, Вотская и Ойратская; автономные республики: Карельская, Татарская и Якутская.

2. Средняя полоса—округа: Смоленский, Калужский, Брянский, Орловский, Курский, Тульский, Рязанский, Владимирский, Тамбовский, Пензенский, Ульяновский (бывш. Симбирская губ.), Саратовский и Самарский и республики: Белорусская и Башкирская.

3. Южная полоса—округа: Сталинградский, Воронежский, Донской, Астраханский, Ставропольский, Кубано-Черноморский, Терский и Сунженский; автономные области: Калмыцкая, Черкесская (Адыгейская), Чеченская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Осетинская, Ингушская; республики: Дагестанская, Немцев Поволжья, Киргизская, Крымская и Украинская.

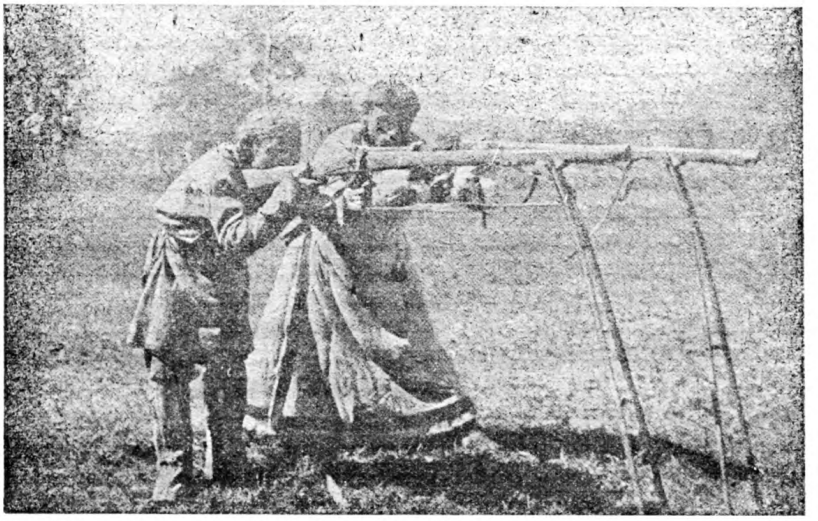

Рис. 70. Танну-тувинцы промышленники („урянхайцы").

4. Полоса зимовок. Туркестанская ССР.

Монголо-Бурятская авт. республика и Дальне-Восточная территория совсем не вошли в этот список, так как присоединены много позже его составления. В виду сложности климатической картины тех областей, их со временем придется при помощи местных сил разделить между несколькими полосами.

Республики Закавказской федерации были включены в четвертую полосу зимовок, но позже, по политическим причинам, изъяты из списка.

В списке этом включены переименования губерний, но он не переделан в согласии с районированием Госплана во-первых, оно еще не закончено, во-вторых,—как раз эта часть действующих правил в ближайшее время несомненно:

будет пересмотрена, и, в-третьих, во всякой местности любой охотник сам легко устанавливает современные названия округов и районов в границах губерний и областей 1922—1924 годов, когда составлялся этот список.

Что касается самого разделения на полосы, то, конечно, в очень многих местах бывает так, что часть области подходит более к одной, часть—к другой полосе. Или и всю область можно с одинаковым правом отнести либо к той, либо к другой полосе, границы которых и в натуре не резки. Напр., Московскую область с одинаковым, если не с большим правом можно было бы отнести к средней полосе. В общем II съезд Всероссийского союза охотников в 1921 году установил их так, как указано.

Надо иметь в виду, что перелетные птицы имеют свою настоящую родину, гнездовую область — в одних местах, пролетают дважды в год другими, зимуют—в третьих: поэтому в их охране в любом их месте пребывания кровно заинтересовано население всех тех местностей, где они и гнездятся, и пролетают, и зимуют. Поэтому охрана их неизбежно должна строиться по общему соглашению всех этих мест. Поэтому и за границей давно работают по достижению общего международного соглашения об охране перелетных птиц.

Кроме указанных здесь полос и кроме указанных ранее промысловых районов, в которых для охоты не требуется особого удостоверения и уплаты охотничьего сбора, Правила производства охоты допускают еще некоторые льготы для известных местностей. Так, согласно ст. 14, в тех местах, где при производстве охотничьего промысла издавна употреблялись силки, петли, черканы, пасти, плашки и т. п. приспособления, а также скрадывание с помощью „кобылки", там, при недостатке у промыслового населения охотничьих ружей и огнеприпасов, может быть центральною охотничьею властью по ходатайствам местных охотничьих организаций временно разрешено пользоваться этими приспособлениями и способами. Смысл этого постановления ясен: при современном огромном недостатке в ружьях и огнеприпасах совершенно немыслимо запретить промысловому населению петли, плашки и т. п. Хотя эти приспособления и не экономичны, и желательно со временем вытеснить их совершенно, но нельзя забывать, что у нас до сих пор широко практикуются,— и притом без всякой необходимости, несравненно более вредные для охоты способы: палы, собирание яиц, добыча вешнего и летнего зверя и т. п.

Как фактически идет промысел, хорошо показывает сейчас лежащий предо мною акт товароведов пушников и сортировщиков Якутской конторы Сибгосторга от 19 января 1928 г. о том, что при тщательной приемке и сортировке одной партии пушнины оказалось: из 500 шт. песцов

все добыты самоловами; из 200 лисиц 80% добыты отравлением стрихнином и 20% ружьем; из 1000 колонков 20% добыты самоловами и 80% ружьем; из 1000 горностаев 80% добыты самоловами и 20% ружьем и из 10000 белок— все добыты ружьем. Другими словами, почти 87% всех шкурок оказались стреляными. Это совсем не так плохо, принимая во внимание наш „оружейный голод" и то еще более печальное и мало понятное обстоятельство, что выпускаемые до настоящего времени в продажу сравнительно дешевые казнозарядные переделочные одностволки (берданки и фроловки) представляют собою в некоторых партиях нечто совершенно непозволительное (особенно ружья кустарной работы). Бой их отвратителен даже по прилагаемым к ним пробным листам заводской (Тульской) пристрелки, а фактически и того трудно бывает добиться из-за нелепо-неправильной сверловки. Они рассверливаются совершенно недостаточно даже относительно поперечника папковой гильзы, а ведь наш промышленник и полупромысловик (и очень многие любители) употребляют латунные, еще более широкие внутри гильзы.

Такая неправильная рассверловка (напр., 15,9—16,0 *мм* при 16 калибре) весьма опасна (в случае выстрела калиберной пулей). Это тем более досадно и непонятно, что эти ружья, прекрасные по материалу (бывшие военные винтовки), при мало-мальски аккуратном отношении к их выработке могли бы давать отличный бой: сверлить ствол правильно в смысле калибра и целесообразно в смысле типа сверловки нисколько не дороже и не труднее, чем портить материал заведомо неправильной сверловкой.

Пока не наладится наше производство охотничьего оружия (а это повидимому возможно лишь при активном участии в этом деле организованного потребителя—охотничьей кооперации), до тех пор ввести самоловы в надлежащие границы немыслимо.

Наконец, по ст. 15 Правил всякие вообще запреты (кроме запрета добывать бобра, марала и пятнистого оленя) как относительно способов, так и сроков производства охоты не применяются в глухих местностях, как-то: на островах Ледовитого океана (Колгуев, Вайгач, Новая Земля, о. Диксона, Новосибирские, Медвежьи о-ва и т. д.), а также в тундрах и глухой тайге нашего Севера и Северо-Востока, где нет другого источника пропитания для населения, как только рыба и дичь. Дело в том, что в этих пустынных местах птицы и зверя сравнительно очень и очень много: наши леса и болота населенных округов кажутся пустынями перед северными тундрами. Население же там столь ничтожно, что оно и вреда не может нанести зверю и птице, добывая их для своего пропитания. И обитателям этих

ледяных трущоб, вечно борющимся с возможностью голодной смерти, не имеющим ни школ, ни почт, ни больниц, ни путей сообщения, ни какой-либо организации и помощи,*— конечно, нельзя запрещать добывать их единственный „кусок хлеба", как они могут. Да, впрочем, такой запрет и не мог бы быть никоим образом проведен в практику.

Надо еще добавить, что главные обитатели тех мест, о которых мы говорим, туземные племена охотничьего быта и немногочисленные издавна прижившиеся там русские промышленники,—относятся к богатствам природы совершенно иначе, чем переселенцы из средней и южной частей СССР. Без давления крайней необходимости они и не будут зря истреблять ни зверя, ни птицу. Палов там никогда не пускают, самострелов в тундре не настораживают и ям не копают, да при необыкновенной редкости населения, притом при исключительно охотничьем его составе—эти способы добычи и не являлись бы там столь опасными, как в более густо населенных местах.

Что касается сроков, то в тех местах зима кончается только в июне, реки вскрываются около средины июня, и птица, как только поднимется на крылья,—сейчас же отлетает, а в середине сентября уже начинается зима, так что лета и осени в нашем смысле нет вовсе: если бы им ждать взматерения дичи, то этим племенам, живущим охотой, не пришлось бы совсем охотиться по перу. Между тем они всегда охотились круглый год, были прежде гораздо многочисленнее, чем теперь,—и тундры их всегда были полны и теперь еще полны дичи. Исчезает и там та главным образом дичь, как, напр., дупеля, — которой они вовсе не бьют и не ловят, которую истребляют стрельбой на пролетах— и особенно весенней охотой—в других, в наших местах (дупелей очень много истребляли на весенних высыпках в Закавказьи и в южной и средней России).

Эти же льготы, т.-е. право не соблюдать ограничений в способах и сроках охоты,—ст. 15 Правил предоставляет бродячим племенам северных туземцев-тунгусов, ламутов и подобным им по быту, т.-е. охотничье-рыболовным племенам, хотя бы они кочевали в других местностях.

Причины этой льготы те же: крайне немногочисленные, обнищавшие за 300 лет романовского режима и до самых последних лет ничем в сущности не пользовавшиеся от государственной организации, племена эти только и кормятся охотой, и никогда без крайней необходимости не добывают ни зверя, ни птицы.

---

* Все это начало устраиваться на Севере только последние 3 –4 года. благодаря организованному в конце 1924 г. под председательством П. Г. Смидовича Комитету Севера при президиуме ВЦИК.

Ст. 15 Правил дважды подчеркивает, что указанная льгота дается ради необходимости пропитания, т.-е. в целях личного потребления. Поэтому превращение добываемого в закрытое для охоты время пушного зверя в товар, скупка летней пушнины, перевозка ее и торговля ею остаются незаконными, являются нарушением 19 и 26 статей Правил.

Именно только соблазн этой скупки, как было указано выше, и склоняет туземцев добывать летнюю пушнину, сами же они для личного потребления (на некоторые туземные изделия летняя пушнина идет лучше зимней) —добывают лишь ничтожное количество.

ЗАКОННАЯ ОХРАНА ПРАВИЛ ОБ ОХОТЕ

Согласно декрету ВЦИК и СНК от 24 августа 1922 г. все органы советской власти на местах, как гражданские, так и военные, обязаны строго следить за точным и неуклонным соблюдением действующих правил о сроках и способах охоты. В отношении органов милиции эта обязанность подробно разъяснена в Инструкции от 21 августа 1924 г. Но представление о том, что „дичь ничья", что всякая охота законна „с Петрова дня" (т.-е. 12 июля н. ст.), так глубоко сидит еще в народной толще (всего три года назад этот срок был указан в одном из стенных календарей изд. Центросоюза!!), а ясное понятие об огромном государственном и народно-хозяйственном значении охоты так еще мало распространено, что фактически борьба с нарушителями правил почти не ведется. Обязанность каждого сознательного охотника не только выполнять правила, но и употреблять все силы на то, чтобы и другим не дозволять нарушать их. Слово, разъяснение, пример, настойчивость многое могут сделать в этом отношении, если мы все за это возьмемся серьезно. По статье 6 Правил всякое нарушение их наказывалось судом сначала по 99 ст. Угол. кодекса (лишение свободы до 1 года или штраф до 500 руб. и конфискация незаконно добытого и орудий незаконной охоты). Затем ст. 99 была заменена ст. 220[1], по которой наказание понижалось до 3 месяцев принудительных работ или 300 руб. штрафа (и конфискация добытого путем преступления не устанавливалась). Наконец, в новой редакции Уг. кодекса (1 янв. 1927 г.) ст. 220[1] была заменена 192, которая устанавливала уже не судебный, а

Рис. 71. Горностай.

административный порядок ответственности за нарушение Правил, и хотя высшей границей взыскания ставила принудительные работы до 1 месяца или штраф до 100 рублей, но, в связи с положением 28 июня 1926 г. об издании местными исполкомами обязательных постановлений, наши юристы считали, что так как нарушение Правил происходит в сельских местностях, а не в городах, наказание не могло превышать 10 руб. штрафа или двух недель принудительных работ. При этом давность установлена всего в 1 месяц. И при отсутствии конфискации было очень выгодно убить, напр., лося и заплатить 10 руб. штрафа, а 10—12 пудов мяса и шкуру продать.

Такая постановка дела явно не соответствовала ни важности охраняемых правилами государственных интересов, ни необходимости внедрить в сознание общества эту важность, ни, наконец, достоинству государственной власти. Законодатель декретом признает необходимость, напр., полного запрета охоты на лося или пятнистого оленя, и в то же время браконьер, незаконно добывший его, получает возможность явно и открыто использовать свое преступление к своей выгоде.

В виду этого по ходатайству Всекохотсоюза вопрос был пересмотрен, и постановлением 6 апреля 1928 г. (Собр. Узакон. 1928 г. № 47 ст. 355) производство охоты в запретное время, или запрещенным способом, или в местах, где охота запрещена,—наказывается лишением свободы или принудительными работами на срок до шести месяцев, или штрафом до 300 рублей с обязательной конфискацией (отобранием) незаконно добытого зверя или птицы. Постановление это составляет теперь статью 86[1] Уголовного кодекса.

Кража собаки наказывается по 162 ст. Уг. кодекса, а умышленное истребление (убой) собаки—по 79 ст. (если собака частная) или по 75 ст. (если собака принадлежала государству).

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОХОТЕ ИЛИ ОХОТНИЧИЙ КОДЕКС

Введение в охотничий обиход каких-либо обязательных правил—дело, в сущности, новое у нас и потому не легкое.

Действительное проведение таких правил в практику жизни на каждом шагу сталкивается еще с этой непривычкой, со взглядом на охоту, как на несерьезное дело или вымирающий, не стоящий поддержки промысел, со ссылками на множество других, более важных дел. В сущности укоренилось широко, прочно только представление о том, что нельзя охотиться по птице „до Петрова дня", хотя в действительности это старинное правило утратило под собой

законную почву еще в 1892 г. и всегда не соответствовало климату и жизненным условиям дичи даже в средней полосе.

Кроме того, охотнику приходится сталкиваться не только с правилами о сроках и способах охоты, но и с правилами о торговле оружием и огнеприпасами, о торговле продуктами охоты, с правилами перевозки собак и т. д., и т. д. А главное, ему нужно дать почву для хозяйственного пользования угодьями.

Рис. 72. Норка.

Объединить разнообразные и разноведомственные правила, циркуляры и инструкции, касающиеся охоты; увязать завоевания революции, выражающиеся в лозунге—„охота для всех", с необходимостью бережливой охраны той части народного достояния, которое состоит из живущих на воле производителей—диких пушных и копытных зверей, пернатой дичи; придать всем законам и правилам, касающимся охоты, внутреннее и внешнее единство, подчеркнуть их важность и общеобязательность и сделать легко находимыми для справок и ссылок,— можно только путем их „кодификации", т.-е. переработки и объединения в единый кодекс, в единый промыслово-охотничий закон. В этом смысле не раз высказывались и отдельные охотники, и целые охотничьи съезды, и с необходимостью этого встретился и Комитет содействия народностям северных окраин при президиуме ВЦИК.

Постановлением от 21 января 1927 г. Комитет Севера поручил дело составления такого положения особой комиссии под председательством С. А. Бутурлина. Составленный проект был доложен IV собранию уполномоченных Всекохотсоюза и был в общем одобрен. Затем комиссия Комитета Севера и Всекохотсоюза еще раз проредактировала проект, приведя его в полное согласие с постановлениями собрания уполномоченных.

В июне 1927 г. проект положения был направлен в Наркомзем РСФСР с просьбой об отзыве. В 1928 г. был разослан НКЗемом свой проект положения об охотничьем хозяйстве, в некоторых отношениях близкий к проекту Комитета Севера и Всекохотсоюза, в других же—значительно отличавшийся (напр., заимствованием из положения о рыбном хозяйстве деления охотничьих угодий на угодья общегосударственного и местного значения). На основании сделанных на этот проект замечаний он перерабатывался еще в Наркомземе. С другой стороны, и комиссия Комитета Севера и Всекохотсоюза, считая, что дело законодательного проведения положения об охоте бесспорно является делом Наркомзема РСФСР,

приступила к пересмотру своего проекта параллельно с проектом Наркомзема с тем, чтобы по форме и порядку изложения положить в основу именно проект Наркомзема, по существу же отступать от последнего лишь по соображениям безусловной необходимости. Напр., деление на государственные и местные угодья, совершенно понятное в отношении рыболовных вод, а также лесов, к охотничьим угодьям не может быть приложимо и противоречий основной мысли обоих проектов, мысли, официально положенной в основу Правил об охоте, принятых и утвержденных президиумом ВЦИК в 1922 г. А именно, что дикие звери и птицы, находящиеся на территории нашей страны, являются достоянием всей республики, а не данных земельных угодий. При этом главная по ценности масса продуктов охоты вовсе не идет на местные нужды, а является валютным, экспортным фондом общегосударственного значения независимо от того, где она добыта: в лесу государственного или местного значения, в тундре, в степи или в поле. Пресноводная рыба более или менее привязана к определенным, не всегда обширным бассейнам, зверь же, а в особенности птица—кочуют и перелетают далеко за пределами отдельных административных единиц. Таким образом, все охотничьи живые запасы зверя и птицы, являясь общегосударственным сырьевым фондом, не дают основания к проведению деления охотничьих угодий на имеющие и не имеющие общегосударственного значения.

В июле и августе 1929 г. Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР слушалось в особой комиссии Совета народных комиссаров. При рассмотрении в пленарном заседании Положение было принято Совнаркомом, причем приняты были и все существенные поправки, вносимые согласованно Всекохотсоюзом и Комитетом Севера, не встретившие в конце концов возражений со стороны НКЗема и других организаций. Надо думать, что Положение это получит утверждение и во ВЦИК.

Положение является последовательным развитием мысли о том, что промысловые звери и птицы являются не „ничьими“ и не „принадлежностью земельных участков“, а ценным государственным фондом. Что достояние это должно изучаться, охраняться и планомерно, хозяйственно использоваться преимущественно через организованные трудовые охотничьи массы, которые должны организовывать угодья путем принятия их в аренду от государства (приписка).

ГЛАВА IV

СОБАКИ

ЗНАЧЕНИЕ СОБАКИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Один из крупнейших наших ученых, покойный профессор А. П. Богданов прекрасно и правдиво выразился о собаке, что она „вывела человека в люди". После открытия добывания огня приручение собаки было, конечно, крупнейшим шагом человечества на пути культуры. Только с помощью огня и собаки наши отдаленнейшие первобытные предки могли достаточно надежно охранять свои пещерные и иные убежища от бесчисленных крупных хищников; только с помощью огня и собаки могли они проникнуть в области длинной и морозной зимы и добывать свою пищу в глухой тайге и среди глубоких снегов. Только с помощью собаки мог человек, поймав и начав одомашнивать некоторые копытные виды зверей, перейти от чисто охотничьего хозяйства к пастушескому, из которого в свою очередь развились земледелие и оседлость.

Рис. 73. Мозаичный портрет собаки, держащей турача, с надписью по-гречески „прекрасная Ферия" (имя собаки). первое столетие нашей эры. В музее Ларнако (о-в Кипр), фот. Г. Р. Грэм.

И до сих пор собака среди всех животных является надежнейшим, вернейшим и ближайшим другом человека. Всякий знает, какую огромную пользу имеет человек от лошади, коровы или свиньи. И человек их ценит вполне соответственно этой пользе. Однако по отношению к ним почти не наблюдается той, позволительно сказать, интимной близости, того отношения, как к личности, словом—той дружбы, какая так обычна по отношению к собаке.

И собака, столь сроднившаяся с человеком, так много в свою очередь заимствовавшая у него, не даром платит хозяину непоколебимой привязанностью. Но и в настоящее время, даже для культурного человека собака вовсе не является только домашним другом. И сейчас она приносит огромную и разностороннюю пользу.

Собака, как и другие виды собачьего и родственных собаке родов (волки, лисы, песцы),—является прирожденным и страстным охотником. И большинство родов охоты были бы или невозможны, или затруднительны и мало добычливы без помощи собак. Пастьба скота без помощи собак также очень затрудняется, и там, где существует скотоводство без собаки (напр., оленеводство у чукоч), стада гораздо сильнее страдают от волков и требуют значительно большей затраты сил от хозяина, чем в районах скотоводства с собакой. Целые обширные пространства—и не только на Крайнем Севере, от Новой Земли до Камчатки, но и на Охотском побережьи, и по Амуру—знают еще собаку, как необходимое упряжное животное, крайне быстрое, выносливое и проносящее нарточки с седоком или грузом по таким снегам, где неизбежно застряла бы тяжелая лошадь. На Аляске собака служит и для вьючных перевозок. Пользуются собачьими упряжками и в городах Западной Европы. До сих пор чрезвычайно широко служит собака в качестве дешевого и чуткого сторожа дома или двора. Служит она и розыскным целям для обнаружения виновников в разных преступлениях. Наконец, все шире и шире применяется собака для разных целей военной службы. Для сторожевого охранения, для поднесения патронов в бою, для разыскивания раненых и принесения им первой помощи в виде перевязочных и укрепляющих средств,—для всего этого умное, чуткое, храброе животное незаменимо. Нередко обращают внимание на то, что собака питается кормом, сходным с человеческим: на Севере ее кормят исключительно рыбой. Отсюда выводят что на нередко голодающем Севере держать собак неразумно. Но это не совсем так: лошадь, как выше упомянуто, в мало населенных местах, по неумятым снегам возить грузов не может, а для зимней езды на оленях нужны ягельные пастбища, которые не везде есть. Равным образом и при разъездах и промыслах во льдах собачий транспорт незаменим.

Рис. 74. Ездовая лайка (передовая) эскимосов Чукотского полуо-ва.

ПРИМЕНЕНИЕ ОХОТНИЧЬИХ СОБАК И ГЛАВНЫЕ ПОРОДЫ ИХ

Для охоты на крупного, опасного зверя, как медведь, кабан, употреблялись издавна так называемые травильные собаки. К ним принадлежат меделяны, мастифы, датские доги—огромные, до 85 *см* роста в плечах и до 82 *кг* весом, могучие и смелые собаки. Их задачей на охоте было открытою силой останавливать зверя и давать охотнику

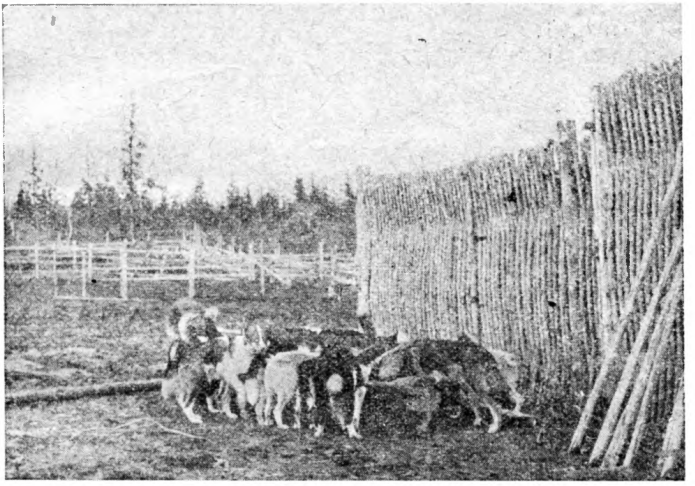

Рис. 75. Ездовые лайки Колымской дельты.

возможность приколоть его. Говорят, два дружно действующие меделяна могли держать порядочного медведя. Теперь такая травля не практикуется, и мастифы, а в особенности меделяны, почти исчезли; только датские доги ведутся в довольно большом числе, как комнатные собаки.

Последние меделяны в нашей стране были в Гатчинской охоте. Подобного же типа могучие псы имеются в Тибете. Эта группа собак очень древняя. Самое название меделян происходит от древнего названия г. Милана (медиоланские псы).

Такую же деятельную и почти самостоятельную роль играет собака и в псовой охоте, т.-е. в травле зверя: зайца, лисы, волка и, местами, мелких антилоп. Для этой цели употребляются борзые собаки. Их сухое, стройное, поджарое телосложение, длинные ноги, узкая, вытянутая голова сразу

обнаруживают главное свойство этой породы: необычайную быстроту бега, которая и позволяет им догонять и ловить зверя.

Борзых собак имеется очень много пород. Из них на первом месте следует поставить русскую псовую. Она выработалась в условиях климата и охот средней России и отличается крупным ростом, силой, длинной, охраняющей от холода псовиной, злобностью к зверю и необыкновенной быстротою скачки на коротких расстояниях (условие травли в разреженной тайге и островных лесах—лесостепи).

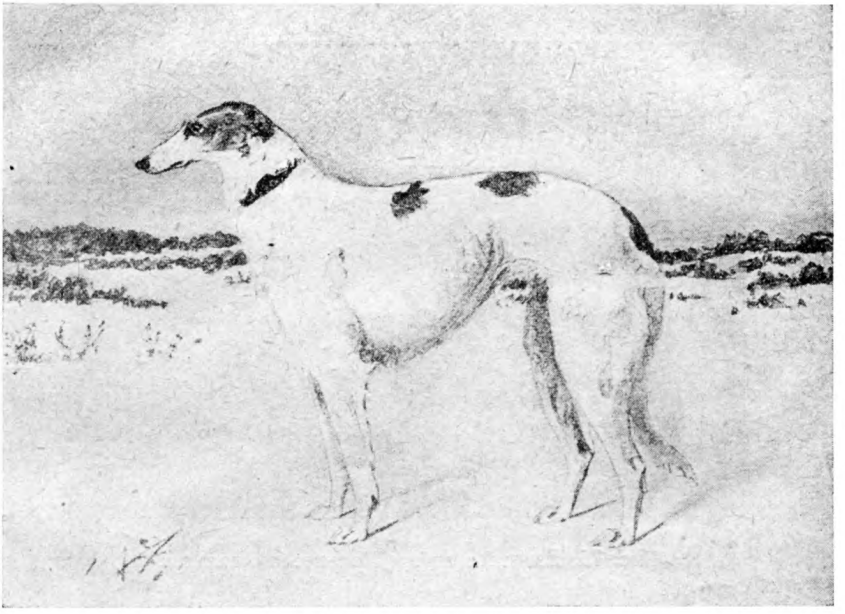

Рис. 76. Русская псовая борзая.

В настоящее время роль псовой охоты далеко не кончена; только она, разумеется, должна стать коллективной и государственной. Нет лучшего воспитательного средства и для человеческого, и для конского состава кавалерии, как псовая охота. И кавалерийские части Красной армии несомненно будут организовывать у себя комплектные псовые охоты. Кроме того, псовая русская борзая давно по справедливости оценена за границей. Ее красота совершенного в своем роде животного, ее охотничьи качества, делающие ее одним из самых лучших средств борьбы с волками, заставляют сильно интересоваться ею и в САСШ и в Аргентине. Поэтому разведение псовой борзой, а следовательно и полевая работа с ней, необходимая для правильного выращивания и

поддержания полевых качеств, имеют значение и для вывоза за границу, для поддержания нашего торгового баланса.

Из других пород борзых собак крошечная итальянская левретка почти не имеет охотничьего значения, а крупные и злобные брудастые борзые (отличающиеся, как и другие брудастые породы, длинной, жесткой и шерстистой псовиной и густой бородой, усами и бровями) сохранились только в Англии. Но английские борзые и польские хортые имели много сторонников и среди наших борзятников. Эти борзые отличаются очень короткою псовиной, округлой, а не русачьей, как у псовой, лапою, не затянутыми на затылок ушами и несколько более широким сложением. Они, правда, не переносят сурового осеннего ненастья средней России, не имеют молниеносной резвости псовой борзой на-коротке, за то они более выносливы при продолжительной скачке. По всем этим особенностям они пригодны лишь для южных степных пространств. Но и здесь хортая, хотя, быть может, и несколько поимистее, однако не всеми предпочитается: скачка ее далеко не имеет той красоты и лихости, какою отличается псовая. Да и злобности к волку хортая не имеет.

Кроме названных борзых, имеется еще обширная группа восточных борзых, распадающаяся на множество пород, но в общем отличающаяся рядом признаков от псовых. Уши у них большие, висячие, „под буркой", т.-е. покрыты длинной шерстью, как у сеттера, неспособные становиться „конем", как у псовой. Ребра сильно бочковатые, выпуклые и не спускающиеся ниже локотков, голова несколько прилобистая, „черные мяса" (окорока) выпуклые. Короткого, но молниеносного броска псовой у них нет, зато огромная нестомчивость при длительной погоне. Из этих восточных борзых упомяну встречающихся в нашем Союзе крымок, ряд горских пород Кавказа, киргизских, хивинских и туркменских борзых. На одной из наших недавних выставок была красивая и оригинальная афганская борзая, с изящной, сухой и узкой головой настоящей борзой, с густой и длинной овчарообразной псовиной песочного цвета.

Между основными породами борзых имеется много промежуточных, выведенных путем смешения. Так, среди псовых борзых линия собак мачеварианowских, ермоловских и филатовских в бывш. губ. Симбирской, Пензенской и Нижегородской получила свое бочковатое ребро и выпуклую мускулатуру от примеси горок.

Близка к псовой охоте, т.-е. к травле убегающего зверя на-глаз, молчком, так называемая парфорсная охота. При ней зверя сганивают и берут также собаками, но не наглаз, а по следу. При этом играет роль не столько быстрота бега, как у борзых, сколько чутье и нестомчивость,—зверь сганивается до полного утомления. Для этой цели служат

паратые (быстроногие) гончие, обыкновенно целая стая, которые не только находят зверя, но и гонят его по следу голосом; охотники следуют верхом. Эта охота также является прекрасным упражнением для человека и лошади в скачке на пересеченной местности. Таким образом сганивают оленя, косулю, но главным образом лису. Наилучшая гончая для этого—фоксгаунд или английский лисогон. Это довольно крупные гончие, около 58—61 *см* ростом в плечах (кобели; суки—на 2½—5 *см* ниже), редко выше. Склад легкий, вздернутый

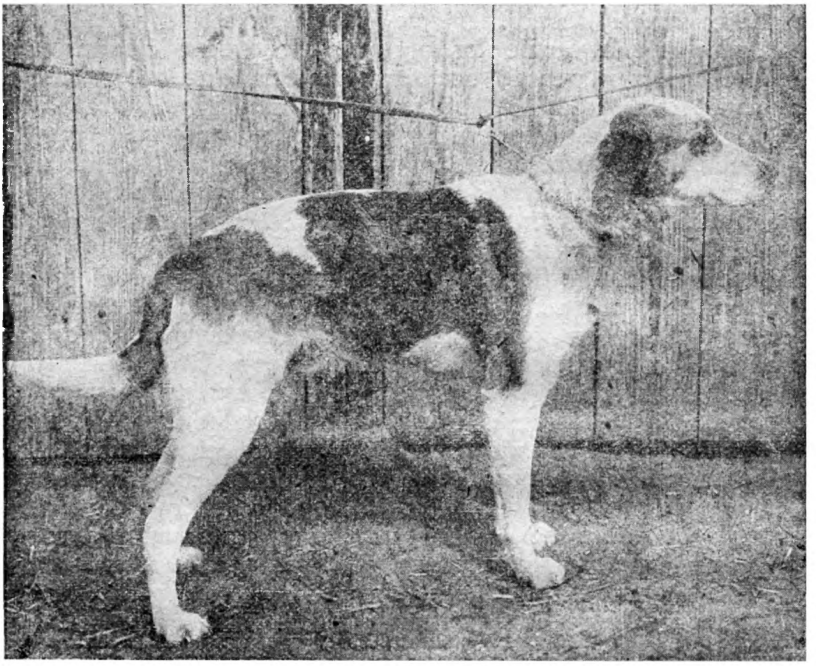

Рис. 77. Англо-русская гончая.

на ногах, но чрезвычайно мускулистый. Ухо короткое, но, как у всех западных гончих, довольно широкое и с округлым свободным концом. Голова довольно длинная, без брылей, с ясным переломом между мордой и черепом, не широкая. Псовина грубая, но короткая, блестящая. Масть пегая, обычно черно-пегая, или трехцветная или багряно-пегая.

Фоксгаунд чрезвычайно парат и нестомчив, очень злобен и вязок к красному зверю (лиса, волк, копытный зверь), но в то же время вежлив и позывист. К недостаткам относятся не особенно сильное чутье, малый интерес к зайцу (на родине фоксгаунда ему и не позволяют гонять зайца) и неважный голос. Фоксгаунд ведется в Англии ряд столетий со

строго установленными требованиями, так как парфорсная травля лисиц—любимейшая охота англичан. Поэтому фокс-гаунд очень устойчиво передает свои признаки при смешении с другими породами. У нас их в чистом виде почти нет, но ради их паратости и вязкости к красному зверю за последние полвека огромное большинство наших гончих перемешаны с фоксгаундами.

Так называемый стаггаунд или оленегон—не особая порода, как часто думают; это—тот же фоксгаунд, только подбираемый в более крупных особях ($63\frac{1}{2}$—$69\frac{1}{2}$ *см* высоты в плечах).

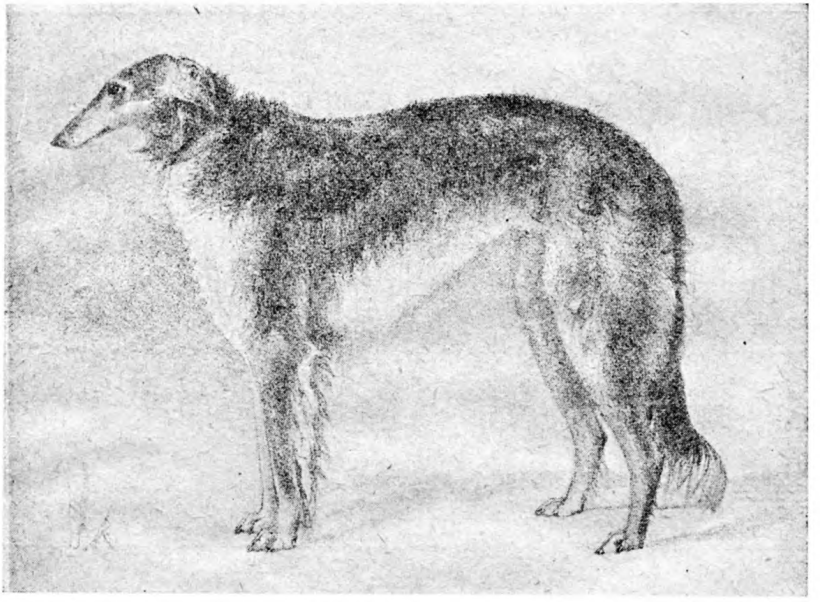

Рис. 78. Псовая борзая.

Для охоты на зайцев в Англии имеется особая порода гончих—харрьер. Харрьер имеет пропорционально более длинное туловище и более длинные уши, более суживающуюся к морде голову; рост в плечах 41—49 *см*, иногда и более, даже до 58 *см*.

Настоящая парфорсная охота, конечно, ведется верхом, а, следовательно, требует соответствующих расходов. Но в Англии практикуется и пешая травля, при чем для сганивания зайца и кролика употребляют мелких гончих биглей, жесткошерстых, длинноухих, низконогих собачек ростом 23—$30^1/_2$ *см*—для кролика и $30^1/_2$—$40^1/_2$ *см*—для зайца. Относительную паратость этих собак можно примерно опреде-

лить так: если фоксгаунд может сгонять и взять некрупного английского русака в течение получаса, то харрьеру надо на это час, а биглям—два часа.

Для травли зайца употребляют еще бассетов и гриффонов, а для травли выдры—оттергаундов (выдрогоны)—крупных, около 66 *см* в плечах, жесткошерстых собак; однако у нас эти собаки не встречаются.

Особым видом охоты является травля лисицы или барсука в норе. Для этой охоты нужны сильные, смелые, но мелкие собаки, способные лазать в норе. Такими собаками, многочисленными и у нас, являются таксы и фокстерьеры.

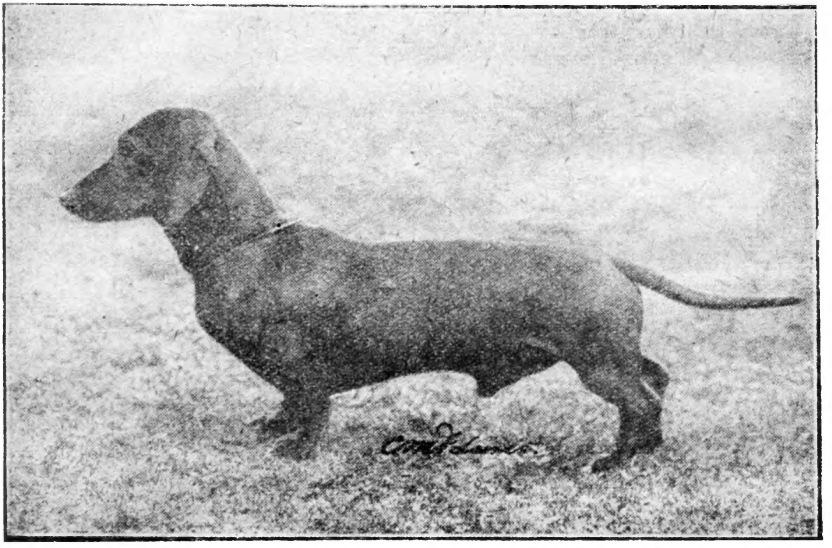

Рис. 79. Такса.

Такса есть настоящая гончая западного типа, но маленькая, на коротких и кривых лапках, весом 8—10 *кг* (кобели; сучки на кило легче), с короткой, но густой псовиной, узкой и длинной головой, очень длинными и широкими ушами. Длина туловища от затылка до корня хвоста в два с половиною раза больше высоты в плечах. Эту умную собачку очень часто держат просто как комнатную, но я успешно охотился с ними не только на зайцев, но и на диких коз и даже на лосей, а для охоты на лис и барсуков это одна из лучших собак.

Для этой же охоты хорош и фокстерьер, как показывает и самое его имя („лисий терьер"). Это чрезвычайно живая, энергичная, подвижная, мускулистая собачка повыше таксы, так как ноги ее прямы, со сравнительно

короткой головой, узкой мордой, коротенькими, треугольными ушами. Масть их белая с черными пятнами и желтоватыми подпалинами. Мода требует обрезать им уши и хвост, что совершенно излишне. Кроме гладких, очень короткошерстых фокстерьеров, есть и жесткошерстые, с густой, длинной и жесткой псовиной, с длинной и несколько горбоносой головой.

Фокстерьеров также обычно держат как комнатных собачек, а также прекрасных истребителей крыс, но они такие же страстные охотники, как и таксы, смелые и по росту очень сильные, злобные к зверю и прекрасные сторожа.

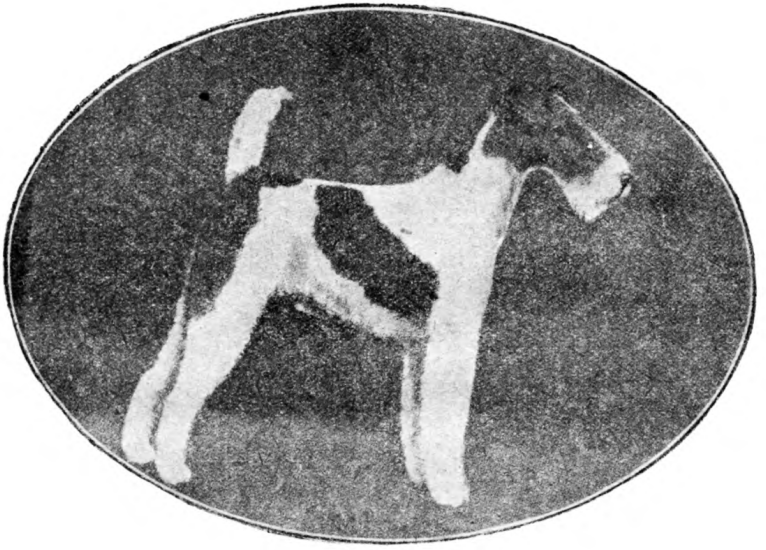

Рис. 80. Жесткошерстый фокстерьер.

Самые обычные охоты по зверю с гончими—это ружейные охоты по зайцу, лисе, волку. Из множества пород западноевропейских гончих, с их прилобистой головой, округлым на нижнем конце и широким ухом, отсутствием подшерстка и сравнительной низкопередостью, мы уже упоминали главную—английского фоксгаунда. Многочисленные породы французских гончих (артуа, пуатевен, сентонж и мн. др.) и английские блудгаунды („кровяные гончие") нам мало интересны, но близкие к ним настоящие польские гончие должны быть упомянуты, так как не раз держались нашими охотниками, и кровь их имеется во многих наших гончих.

У польской гончей голова массивная, брылястая, длинноухая, очень свободно покрытая образующей складки и морщины кожей, шея с большим подгрудком, псовина блестящая

черной или черно-пегой масти, в том и другом случаях с резко очерченными ярко или темно-красными подпалинами. В поле пеши (медленны) и стомчивы.

Группа брудастых гончих (к ним относятся оттергаунды в Англии, грифоны—во Франции), отличающихся короткой головой, длинной и жесткой псовиной, чаще всего пыльно-серой или пыльно-рыжей масти, у нас теперь почти не встречается.

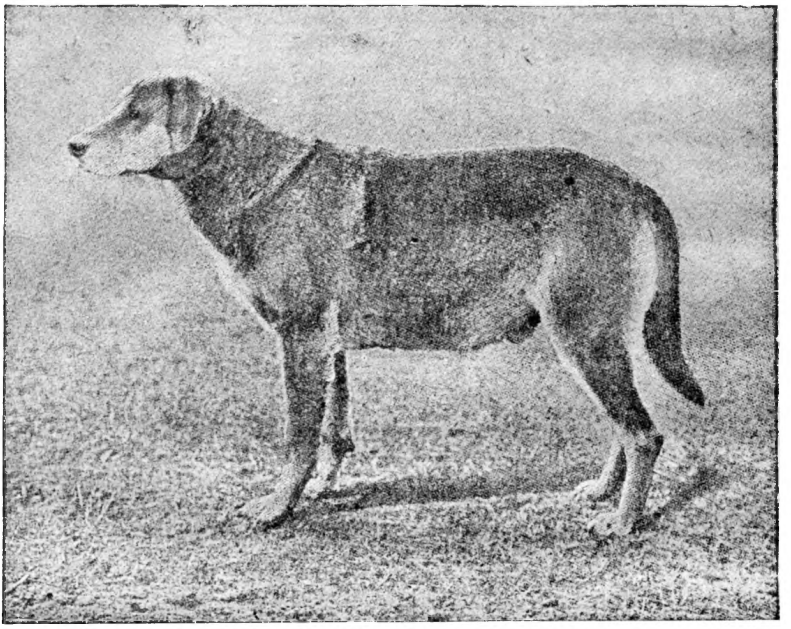

Рис. 81. Русская гончая.

Из восточной группы гончих еще Сабанеев приводит для наших пределов несколько пород. Впрочем, и в его время от арлекинов сохранилась только характерная мраморная, светло-серая с мелкими, темными пятнышками масть, да изредка голубовато-белый глаз. Мы же можем говорить лишь об одной породе—русской гончей, конечно, распадающейся, как и всякая широко разводимая порода, на ряд линий или местных или семейных подпород (одной из таких подпород была так называемая костромская).

Для русской гончей характерна довольно сухая, плоская голова без перелома (но, конечно, с выдающимися бровными дугами), продолговатый разрез глаза и маленькое высоко поставленное треугольное (углом вниз) ухо, сильная шея без подгрудка, ребра спущены по крайней мере до локотков.

Рост средний или крупный, 50—70 *см*, при высокопередом сложении (зад ниже переда, как у волка). Псовина довольно длинная, густая и грубая, с мягким подшерстком, образующая на шее довольно заметный загривок. Гон (хвост) не длинный, до скакательного сустава, хорошо одетый, но без подвеса. Окрас волчий или светло-желтый, с черным чепраком (т.-е. черный цвет покрывает спину и бока, как чепрак—лошадь), но обязательно со светлым подшерстком и на черно окрашенных местах, или багряный светлеющий на морде и ногах; подпалины желтые, а не красные, и постепенно сливающиеся с основным окрасом.

Русские гончие очень чутьисты, с прекрасными заливистыми голосами, довольно параты, вязки и нестомчивы, вежливы, но непозывисты и, главное, не злобны. Утрата злобности и заставила, ради охоты на волков, мешать их с английскими гончими, так что типичных русских гончих у нас немногим легче встретить, чем типичного фоксгаунда, огромное же большинство—англо-русские, приближающиеся по своим смешанным признакам то более к одной, то к другой из основных пород.

Гораздо реже встречаются польско-русские гончие, они разводились любителями пеших, медленно гоняющих собак. Имеются, наконец, выведенные в Першинской охоте англо-франко-русские. Именно к англо-русским—ради улучшения голосов, пострадавших от примеси фоксгаунда (а, может быть, отчасти и ради усиления чутья), — была прилита кровь французских гончих артуа. Выведенные этим путем соловопегие с черными головами, длинным низко посаженным ухом и с провислыми спинами собаки действительно имеют хорошие голоса, однако, паратость и нестомчивость утратили.

Обычными помощниками при ружейной охоте по перу (птице) являются л е г а в ы е собаки в широком смысле слова. Если русские борзые („псовые"), как и „костромские" и „русские" гончие, были одними из лучших в мире, то русских легавых пород никогда не существовало, так как ружейная охота по перу в России сравнительно очень недавнего происхождения. „Маркловские" и „пушкинские" легавые были заграничного происхождения, быстро у нас сошедшие на-нет.

Наиболее распространены у нас английские легавые: короткошерстые—п о й н т е р ы и длинношерстые—с е т т е р ы трех рас: красный или и р л а н д с к и й, черный с подпалинами или ш о т л а н д с к и й (г о р д о н), и крапчатый или пегий (желто-пегий, черно-пегий, трехцветный и т. д.), или собственно английский сеттер, называемый также (крапчатые) б е л ь т о н о м или лавераком.

Всемирное распространение английских подружейных собак объясняется их замечательными полевыми качествами:

великолепное чутье, быстрый и широкий поиск, драгоценный на наших огромных и за последние 20—30 лет совершенно обедневших дичью пространствах; крепкая стойка, чрезвычайная любовь к охоте, неутомимость, легкость дрессировки,—во всем этом у них нет серьезных соперников.

Пойнтер с его короткой, гладкой шерстью, под которой ясно выделяется каждый мускул, многими считается красивейшей из подружейных собак. Ход его, чрезвычайно ровным карьером, без ясно выраженных прыжков, как-будто он катится на колесах, очень характерен. В сущности,

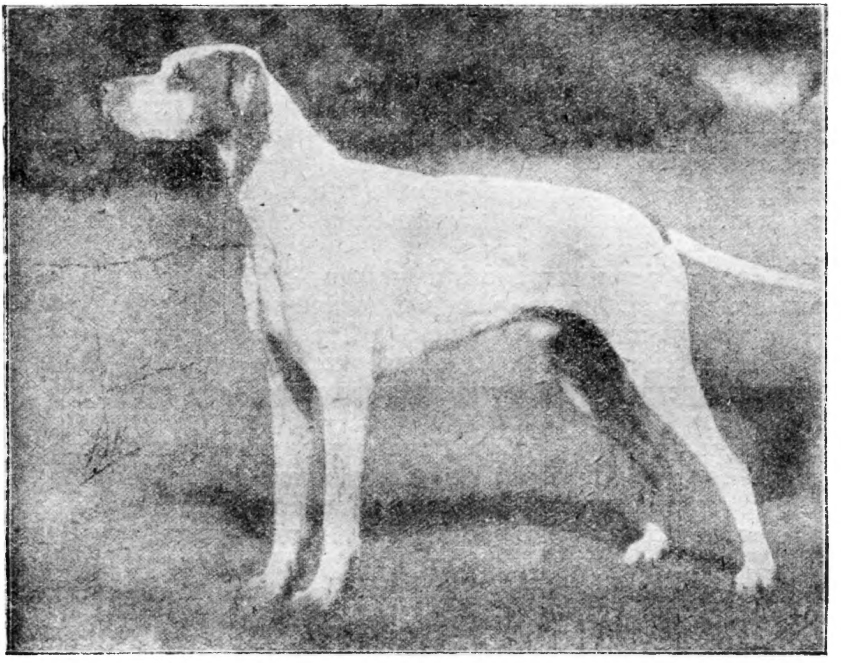

Рис. 82 Пойнтер.

пойнтер имеет преимущество в очень жарких, открытых маловодных местах. Зато в очень холодную, мокрую погоду он сильно дрогнет, а в колючках и густых зарослях он сильно обдирается. По характеру пойнтер более угрюм и груб, чем сеттер. Самые обычные масти пойнтера—кофейно-пегая (фактически шоколадно-пегая) или светло-желто-пегая. Но есть и черно-пегие, и красно-пегие, и сплошь черные или сплошь светло-красные. Мелкий крап для пойнтера не характерен; на охоте удобнее всего пегая масть, как более заметная в зарослях и сумерках; но вообще у хорошей собаки, как и у хорошего коня, не может быть плохой масти

(поскольку, конечно, масть не является признаком, связанным с прилитием посторонней крови, нежелательной по полевым качествам). Характерный для пойнтера светлый глаз отнюдь не красит его.

Пойнтер обыкновенно много ест, нередко он прямо прожорлив. Рост пойнтера около 56—58 *см* (суки на 3—5 *см* ниже), при чем кобели тяжелее 24,8 *кг*, суки—22,54 *кг* причисляются к тяжелому типу.

Сеттера не боятся ни колючек, ни холода, ни воды, да и в жару прилично работают, если есть вода, чтобы напиться; из них я лично предпочитаю ирландцев, по-моему,—самых

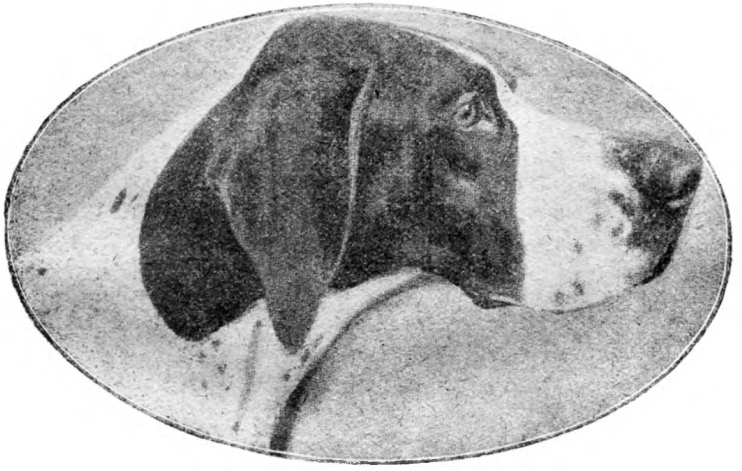

Рис. 83. Голова пойнтера.

умных, самых неутомимых и страстных из всех подружейных собак. Не подчеркиваю их красоты, так как „нам с лица не воду пить". Но некоторые из них бывают труднее в наташке, упрямее других английских собак; кроме того, они не долговечны, редко переживают 14—15 лет. Совершенно вздорно мнение, будто расы сеттеров отличаются только окрасом, и что это только вопрос моды. Эти породы отличаются и телосложением и характером.

Все сеттера имеют более длинную и сравнительно более сжатую в черепе голову, чем пойнтер. Лапа более русачья, продолговатая. Ухо—кроме разве гордона—меньше, чем у пойнтера. Шерсть значительно длиннее и шелковистей. Характер гораздо приветливее, чем у пойнтера.

Ирландский сеттер отличается особенно узкой головой и выпуклым черепом и сильно развитым соколком (затылочным выступом). Он скорее высок на ногах. Масть его „золотисто-каштановая", точнее — цвета темного полированного

красного дерева, часто с белым пятном на груди и с белой проточинкой на лбу. Но в Ирландии прежде предпочитались не сплошь красные, а красно-пегие собаки. Для охоты пегая масть, конечно, удобнее, и очень разумно англичане опять стали допускать эту масть на выставках. Чутье (нос) каштанового цвета (под масть), но черный нос не должен бы считаться пороком. Никакой примеси черных волос быть не должно. Псовина на голове и ногах короткая, как и на конце ушей, на других частях тела—довольно длинная прямая, отнюдь не завитая, в особенности длинная и тонкая на ушах, задней стороне ног, на животе и на горле.

Рис. 84. Ирландский сеттер.

На пере (хвосте) также подвес. Бледный окрас псовины на гачах (задней части окороков)—признак некоторого вырождения.

Ирландцы—в общем довольно крупны, около 57—64 *см*, весом $23^1/_2 — 29^1/_2$ *кг* (кобели; сучки на 2—4 *см* ниже и на $2^1/_2$—4 *кг* легче), но это, конечно, только обыкновенные нормы. Ирландец обладает превосходным чутьем, чрезвычайной страстью к охоте, очень быстрым, несмотря на своеобразный волчий поскок, и широким поиском, железной неутомимостью и энергией ,—качествами, драгоценными для просторов нашей страны. Он не боится холода, великолепно плавает и любит воду, переносит и жару, хорошо работает в болоте, и в поле, и в крепких зарослях

и колючках. Но он очень горяч, довольно упрям и не всегда, как, впрочем, и другие сеттера, начинает ходить по дичи с первого года. Дома—это спокойная, необыкновенно привязчивая и ласковая собака. Необыкновенный ум и сообразительность ирландца делают его одинаково привлекательным и в поле, и дома. С собаками он, пожалуй, драчливее других сеттеров и умеет постоять за себя. Между ними не мало очень капризных на еду, плохих едоков.

Английский сеттер (часто называемый „лавераком" и „бельтоном) несколько мельче ирландца (кобели обычно около 54—61 *см* ростом и $21^1/_2$—$27^1/_2$ *кг* весом) и несколько иначе сложен. Череп у него более плоский, с менее выраженным соколком, ребро в общем несколько более бочковато, плечо

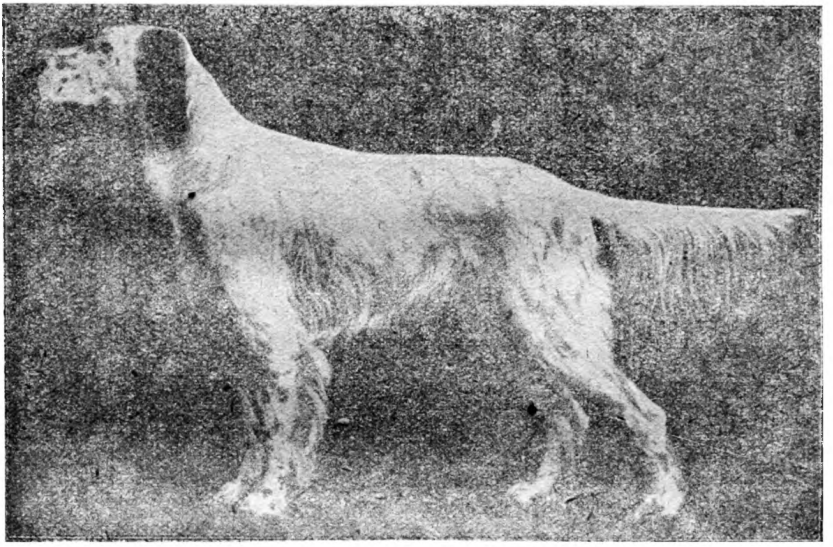

Рис. 85. Английский сеттер.

(лопатка) несколько косо поставлено, на ногах ниже, что придает несколько кошачий характер движениям. Псовина несколько длиннее, но также не должна быть курчавой. Окрас разнообразный: черно-пегий, черно-крапчатый (блю-бельтон), желто-пегий, желто-крапчатый (лемон-бельтон) трехцветный, оранжево-пегий, кофейно-пегий, а также, может быть, и сплошных окрасов белого и других названных цветов. Это также прекрасная полевая собака, хотя несколько и уступает ирландцу в страстности, силе и неутомимости, и чаще между ними попадаются неполевые собаки.

Сеттер-гордон,—он же шотландский сеттер,—в общем самый крупный из сеттеров (вес кобеля 25—33 *кг*); он тяжеловатого сложения, со сравнительно сырой, грубой головой

и большими, широкими ушами. Плечи довольно прямые, ноги толстые. Окрас блестяще-черный с темно-рыжими подпалинами: передние ноги от локотков, горло, щеки, надбровные пятна, брюхо, внутренняя сторона гачей и под хвостом—рыжи. Чутьем и поиском гордон уступает другим сеттерам, кровь которых часто и примешивалась к нему для улучшения его полевых качеств; это является причиной такой разнотипности гордонов, которую легко наблюдать на каждой выставке. Но некоторым охотникам нравятся сравнительная медлительность и тихоходность гордона.

Рис. 86. Сеттер-гордон.

И между легавыми собаками имелись брудастые породы, с более или менее грубой, даже жесткой псовиной, с подшерстком, и с торчащими усами и бородой, а иногда и бровями. К ним принадлежат польско-прибалтийские брусбарты, а также французские грифоны. Брудастые прекрасно переносили холод и непогоду, были сильны и здоровы, не боялись чащи и любили воду. Это умные и энергичные, но довольно грубые и упрямые собаки. Их некрасивая наружность, слабое сравнительно с сеттерами и пойнтерами чутье, тихий ход и узкий поиск делают их мало популярными.

За последние полвека из французского грифона Кортальса и германской легавой в Германии выводят германскую

жесткошерстую легавую. Она находит немногих любителей и у нас.

В прежнее время попадались и у нас представители изящных, очень длинноухих, гладкошерстых французских легавых, которых имеется множество рас. Они были чутьисты и очень мягки характером, но нежны, не выносливы и с очень тихим поиском, почему годились только в богатых дичью местах.

Несколько чаще встречались крупные, высокие на ногах грубые черно- или кофейно-пегие с крапинами или серокрапчатые, с сырой головой немецкие гладкошерстые легавые, не особенно чутьистые и также очень тихоходные. Ни у нас, ни даже в Германии эти немецкие легавые не могли ни красотой, ни чутьем, ни неутомимостью, ни поиском равняться с английскими собаками, и потому немецкие охотники очень разумно все время подбавляют к ним кровь английских пойнтеров.

В настоящее время, поэтому, так называемая гладкошерстая немецкая легавая по сложению является в сущности скорее просто пойнтером, только очень нечистокровным, с грубой головой, ослабленным чутьем и укороченным поиском. Из них отдельные экземпляры, конечно, выдаются очень хороших качеств, но многие, наоборот, остаются малогодными к полевой работе — гораздо больший процент, чем среди английских пород. Мнение, будто германская собака особенно хороша для охоты на все руки: и птиц находить, и по зайцу стоять, и подранков ловить, и т. д., — не совсем правильно. Дело в том, что при том изобилии разнообразной дичи, которым отличается благодаря хорошо поставленному охотничьему хозяйству Германия,—натаскивать собаку там несравненно легче. А выдержка, терпение и вообще высокое искусство немецких егерей и лесничих таковы, что они, пожалуй, и кошку натаскают по дичи, а не только легавую собаку.

Чтобы не ослаблять стойки своих легавых, англичане не позволяют им подавать дичь, а для подачи держат особых „ретрайверов", т.-е. отыскивателей. У нас в них не чувствуется необходимости. Последнее время в большой моде золотисто-желтый лабрадорский ретрайвер.

К подружейным же собакам относятся и различные спаниели, мелкие, а кокке р-спаниели—и совсем маленькие собачки, не имеющие стойки, но при малом росте прекрасно лазающие в зарослях, не боящиеся ни чащи, ни воды. Их задача—выгонять на охотника как зайцев, так и таящуюся в зарослях или бегающую и не держащую стоек птицу: фазанов, куропаток, вальдшнепов и вообще лесную дичь, коростелей, курочек, лысух, уток на взлете. Для этих охот они гораздо более подходят, чем собаки со стойкой

и чем гончие, которыми у нас охотно пользуются для ранних утиных охот. Но если иметь одну только собаку для охоты по перу, то, конечно, надо иметь одну из английских легавых, их же, кстати, гораздо легче достать у нас. Каждая из их пород имеет своих поклонников; все они по полевым качествам имеют много общего. Я полагаю, что с каждой из них можно великолепно охотиться, где угодно. Но между лавераками часты совсем не полевые собаки, а гордоны повыродились, реже встречаются и не так быстры и неутомимы в поиске.

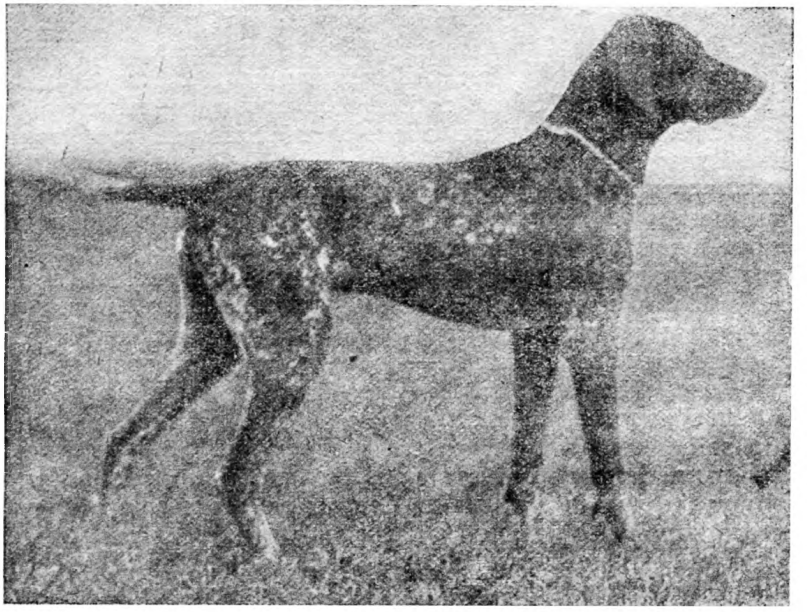

Рис. 87. Гладкошерстая немецкая легавая.

О ЛАЙКАХ

Очень мало, к сожалению, исследованной, как все наши природные богатства, но широко распространенной и заслуживающей изучения является „л а й к а“, остроухая промысловая собака лопарей, карел, черемис, самоедов, тунгусов и иных туземцев, а также русских промышленников лесной и тундровой полос.

Типов или рас лаек очень много, но все они имеют много общего. Лайка идет и по крупному зверю, останавливая и медведя, и сохатого, и горного барана, и кабана, и других копытных зверей. Отыскивание, загонивание на дерево и

подлаивание, пока не подойдет на выстрел охотник, белки, куницы и иного пушного зверя — главная специальность большинства лаек. Многие догоняют и ловят лис и песца. В местах, где этого требуют, лайка приучается гнать и зайца, и других зверей голосом, в роде гончей. Только на волка идут немногие лайки, — может быть потому, что волк мало интересен северному промышленнику.

Лайка идет и по перу: глухаря, тетерева, рябчика находит, загоняет на дерево и подлаиванием задерживает до подхода охотника. По полевой дичи, а в особенности по уткам, лайка идет, примерно, как выше описано для спаниелей. Для настоящей любительской стрельбы по перу влет из-подстойки нет собак лучше английских легавых и, в частности, по-моему, ирландского сеттера. Но для охоты на всевозможного зверя и осеннюю лесную птицу, а также летнюю утку, — лайка является превосходной собакой.

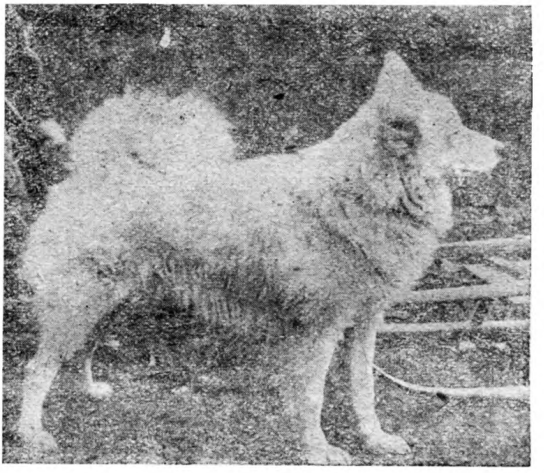

Рис. 88. Самоедская лайка (низовья Оби, от т. Евладова).

Если мечтать об „универсальной“ собаке, годной на всякую охоту, то нам надо не соблазняться немецким вымеском „гебраухсгундом“, как бы он ни был хорош для немецкого охотника в германских угодьях. В русско-сибирской остроухой промысловой собаке мы имеем великолепный материал по необыкновенному уму и сметливости, страсти к охоте, чутью, неутомимости, железному здоровью и неизбалованности. Если борзые, гончие, пойнтера и сеттера — великолепные собаки в своем роде, то ведь они подвергались тщательнейшему подбору и воспитанию в одном направлении в течение длинного ряда поколений. Надлежащее внимание, обращенное на разные расы лаек, несомненно должно повести к значительному улучшению их свойств, если внимание выразится в тщательном подборе и разумной натаске в течение ряда поколений. К сожалению, вместо того, чтобы упорно и разумно трудиться над созданием или улучшением

собственных местных пород, мы бросали деньги за границу, выписывая плоды чужих трудов, выработанные для иных условий. Сохранение, изучение и улучшение разных местных пород нашей остроухой „дворняжки“ тем необходимее, что некоторые из них являются необходимым и единственным „домашним скотом“ северного промышленника, служащим для разъездов по необозримым и пустынным тамошним пространствам.

С работой по изучению отдельных пород лаек надо спешить: везде, куда проникает паровой транспорт, попадают и разные собаки, охотничьи и комнатные, смешиваются с местными лайками и портят их породу. В сколько-нибудь большом количестве сохранились типичные, чистокровные лайки лишь вдали от путей сообщения, например, внутри великого каменного пояса Верхоянского хребта, на Колыме, Алазее, Индигирке и Яне. К нашему стыду, иностранцы уже начинают разводить наших лаек у себя. Именно, в Соединенных штатах Америки и в Англии есть уже клубы самоедской лайки. В наших же музеях даже черепа лаек—материал, ничего не стоящий и легко на местах находимый,— представляют редкость. Научные наши работники для исследования пород лаек и их происхождения вынуждены ограничиваться самыми скудными материалами.

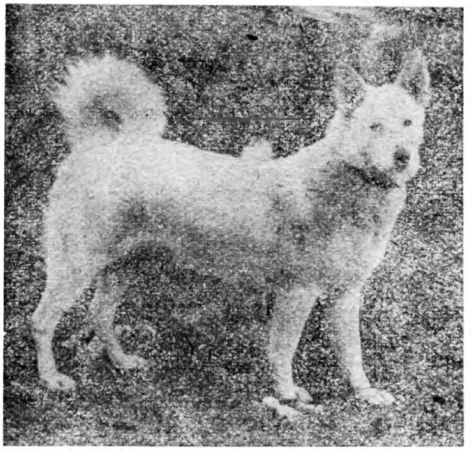

Рис. 89. Самоедская лайка (низовья Оби, от т. Евладова).

Я говорю о лайках, а не о лайке; у всех лаек есть некоторые объединяющие их в одну группу пород признаки, но очень наивно на этом основании считать их всех единой породой— „сибирской лайкой“. С таким же (в действительности— с гораздо бо̀льшим) основанием и всех борзых можно было бы считать за одну породу, так как и у итальянской левретки, и у арабских — слюги, и у туркменских — тазы есть общие черты и с брудастыми, и с псовыми борзыми. Без этих общих черт все они не были бы борзыми, но все же—это не одна порода, а группа очень различных пород. Стоячее, острое ухо, острая морда, несколько косой разрез глаз, густая, грубая псовина с густым подшерстком, более или

менее заметная грива, голова и ноги не темнее спины, сильно опушенный хвост — все это признаки, общие всей группе лаек, распространенной от Норвегии до Сахалина и от Ледовитого океана до среднего Поволжья, Монголии и Уссурийского края. На этом пространстве описано уже почти два десятка пород, частью резко, частью менее различных между собою и по наружности, и по анатомическим признакам, и по характеру и полевым качествам. Да и странно было бы ожидать, чтобы в совершенно различных условиях климата, растительности и обстановки, у народностей такого совершенно различного происхождения, была бы одна порода собак.

Породы лаек, приводившиеся в нашей литературе: норвежская, карельская, зырянская, черемисская, костромская (галицкая), вотская, вогульская, остяцкая, тунгусская, сойотская, бурятская, лапландская, самоедская, якутская, колымская, юрацкая, коряцкая, ламутская, киргизская, башкирская, орочонская, „иркутская". На самом деле их больше: колымская собака не одна, а по крайней мере три типа, что и не удивительно: здесь на площади, почти равной довоенной Германии, живут: чукчи, юкагиры, тунгусы, ламуты, якуты, чуванцы и русские. Есть равнины и хребты, тундра и тайга... Научно правильно было бы даже говорить о нескольких видах, а не только породах лаек, так как самое происхождение их различно. Работы проф. С. Н. Боголюбского, профессора А. А. Браунера и др. указывают в числе предков разных пород лаек, между прочим, шакалообразную „болотную собаку" или торфяного шпица (Canis palustris) каменного века, волкообразных, также ископаемых — абаканскую (Can. inostranzewi abacanensis) и „овечью собаку" бронзового века (Can. matris-optimae) — может быть родственную мелкому индийскому „волку" (Can. pallipes). Ни лиса, несомненно, ни повидимому даже наш волк в близком родстве с лайками, вопреки распространенным представлениям, не состоят. Да лиса, вопреки распространенному у охотников мнению, даже и не скрещивается вообще с собакою (что для волка вещь не редкая) и, конечно, не является в числе предков собак вообще, тогда как древние волкообразные собаки в свою очередь, вероятно, произошли от волка.

О СТАНДАРТАХ

В предшествующем очерке я дал лишь некоторые более резкие признаки отдельных пород, а чаще только изображение их, не перепечатывая так называемых стандартов пород. Сделано это вполне сознательно. Что такое „стандарт?" Стандарт значит: образец, установленный тип. Во всей человеческой деятельности стандарт имеет огромное значение.

При измерении расстояний мы сравниваем их с соответствующими стандартами длины: метром, шагом и т. д. При взвешивании мы берем другие стандарты: грамм, тонну, пуд и т. д. Когда первобытный человек взвешивал что-либо путем сравнения с поднятым булыжником или измерял рост лошади собственной ладонью, то и этот булыжник, и ладонь являлись соответственно стандартами, хотя и грубыми, веса и длины, и следы этих способов измерения до сих пор остаются в языке некоторых культурных народов (как и слова: „фут"—ступня, или „гран"—вес хлебного зерна).

Всякое производство ведется при помощи каких-то стандартов. При производстве зерна стандартизация производится при посредстве пурок, определяющих „натуру" зерна. Для других товаров употребляются соответственно другие приемы. Но без всякой оценки, без всякой проверки ни при какой работе обойтись невозможно. Всякая же оценка, всякая экспертиза, кем бы и как бы она ни производилась, является только сравнением оцениваемого предмета с каким-то существующим или воображаемым типом, с какой-то нормой, которая и является в данном случае стандартом.

По мере роста науки и техники и расширения культурных и производственных требований улучшаются и уточняются стандарты и становятся более объемлющими и общими, даже международными. Для выработки их собирают международные конгрессы, предпринимают огромные экспедиции (напр., для измерения градусов земного меридиана: метр есть одна сорокамиллионная часть парижского меридиана), организуют целые учреждения. Но это все—только расширение и уточнение стандартов. Суть же дела в том, что нельзя делать никакой работы, нельзя ни оценивать, ни критиковать, ни одобрять чужой работы, не имея при этом, сознательно или бессознательно, какого-то стандарта для суждения и сравнения.

Теперь о стандартах живых существ. На свете есть много сотен тысяч видов животных, и каждый вид состоит из многих тысяч, чаще—многих миллионов отдельных особей. Знающий зоолог легко относит каждую особь к тому или иному виду. Как это он делает? Он знает типичные признаки данного вида, т.-е. он знает его стандарт. Когда специалист в какой-либо группе животных встречает новый, неизвестный еще науке вид, то он публикует описание этого вида, давая ему отличительное научное имя. Так, напр., мне пришлось за время моей работы дать орнитологические описания и наименовать около двух сотен птиц. Создает ли таким путем ученый новые стандарты?—И да, и нет. Типичных признаков он не создает, он только улавливает их, изучая и сравнивая те особи давным-давно существующего, но нового для науки вида, которому он лишь присваивает новое научное имя.

Но поскольку под стандартом можно разуметь не только самый тип, а и письменное его выражение, то в этом смысле данный ученый устанавливает стандарт нового вида. Такое научное описание или стандарт вида по существу есть лишь словесное или цифровое (обычно и то, и другое) воспроизведение всех существенных (типичных) отличительных признаков данного вида. Если он составлен действительно хорошо и ясно, то и не специалист сможет узнать по нему описываемое животное.

С домашними животными дело несколько затрудняется лишь в одном отношении. Здесь обыкновенно приходится иметь дело не с видовыми различиями, а с более тонкими, с расами и породами, и их признаки более мелки и менее резки и постоянны. Кроме того, домашние животные являются как бы воском в руках заводчиков, и потому в стандартах могут выражаться не только существующие формы и установившиеся типы, но и, до некоторой степени, пожелания для руководства в будущем, еще не осуществленные на деле. Эти затруднения и усложнения существа дела не меняют, и тут мы имеем стандарты в натуре, живые (при чем, конечно, тип породы полностью и с достаточным совершенством может выражаться не в одном каком-нибудь животном, а в нескольких лучших особях),— и стандарты писаные, т.-е. описания типичных признаков породы.

Заводчик, который начинает выводить в своих питомниках собак данной породы с каким-нибудь уклонением от принятого типа (напр., несколько более остромордых) этим самым в кругу своей работы меняет стандарт. То же можно сказать и про судью на выставке, настойчиво проводящего награждение производителей с какой-нибудь особенностью. Но, каков бы ни был принятый тип породы, он может быть описан в одних или в несколько других выражениях, одними или же другими методами описания. Такие различия в выражениях, в словах писанного стандарта, конечно, не являются различиями в описанном типе и потому не являются изменениями стандарта, а только изменениями изложения, редакции. Если про одну и ту же голову ирландского сеттера один пишет: „с резко обозначенным соколком", а другой—„с красивым соколком", то одно или другое из этих выражений может быть точнее или удачнее другого, но во всяком случае эти различия в словах не являются различиями в действительном стандарте, поскольку оба они говорят об одной и той же голове. Во всяком случае от писаного стандарта безусловно необходимо требовать одного: чтобы он точно и ясно описывал действительные отличительные признаки данной породы. Он должен являться точным, беспристрастным и общепонятным описанием того, что в действительности существует, как признанный тип породы.

Если из чтения стандарта можно понять, что в нем говорится, можно ясно представить себе то, что в нем описывается,—значит стандарт хорош. В противном случае он никуда не годится.

К великому сожалению, наши собачьи стандарты в этом, единственно существенном отношении чрезвычайно далеки от тех основных требований точного научного знания, которые основаны на ясности, точности и общепонятности, на полной возможности проверки. Наши зоологи-систематики так, с годами выработанными методами, с инструментальной и цифровой оценкой подходят к своим стандартам. Для любой из тысячи с лишком видов птиц, встречающихся в нашем Союзе, я берусь дать такой „диагноз" или стандарт, что любой грамотный человек, имея птицу перед собою, скажет,—подходит ли она под признаки данного вида или же не подходит.

Совершенно иной подход любительского знаточества, с туманными, двусмысленными (увы—часто и вовсе бессмысленными) фразами, с совершенно условными и неуловимыми выражениями личного вкуса. Такие условные фразы незнающему человеку ровно ничего не дают, он их и не поймет. А для знатока эти общие словоизлияния ровно ничего не прибавляют к тому, что он уже носит в своей памяти. Они не разрешают никаких спорных между знатоками подробностей, так как и вообще ничего не дают, кроме общих и часто пустых фраз. Вот один пример из стандарта ирландского сеттера, принятого в 1925 г. на Всесоюзном съезде кинологов в Москве: „Задние ноги от тазобедренного сочленения до коленного сустава—длинные и мускулистые, от коленного сустава до пяты—короткие и крепкие". На самом деле ни у ирландца, и вообще ни у одной собаки не бывает таких ног, чтобы верхний из трех отделов ноги, бедренный, был длинный, а средний отдел, голенный (от выдающегося вперед колена до выступающего назад скакательного сустава, анатомически соответствующего пятке), — короткий. В этом же стандарте о морде говорится сначала „умеренной длины", а потом „длинная". В нем же для описания других признаков восемь раз употреблено определение „красивый"—ровно ничего не объясняющее, так как вкусы-то бывают разные.

Другой пример—из стандарта лайки охотничьего типа, даваемого известным судьею лаек („О лайке и об охоте с ней", издательство „Уральский охотник", 1927 г., стр. 12). „Острое стоячее ухо, заостренное сверху, без малейшего намека на висловатость, с такой пропорцией, что если измерить расстояние ушей у основания,то размер в сантиметрах не должен превышать больше 2 *см* в оконечностях ушей." А об ухе зырянской лайки (там же, стр. 7) говорится: „Если

в возбужденном состоянии у зырянской лайки произвести измерение высоты уха, затем расстояния между основанием ушей и расстояния между концами ушей, то получится следующая пропорция: 2—2, 2—4, 2—6, т.-е. в концах более распущенное ухо". Боюсь, что никакое, самое возбужденное состояние не поможет читателям понять эти „пропорции". По всем изложенным соображениям, хотя и имеются некоторые толково, хорошо составленные стандарты (напр., „Пойнтер, его стати и признаки качеств" В. Н. Баснина, изд. Рязанского губсоюза охотников, 1929 г., на 53 страницах), здесь я ограничиваюсь самым кратким, точным и наглядным способом дать читателю понятие о стандартах пород, именно воспроизведением хороших фотографий и рисунков. Выработать же действительно точные и ясные стандарты пород не легко. Надо прежде всего дать размеры всех частей, и притом не только средние, но и предельные в большую и в меньшую стороны. Надо, кроме того, установить и соотношения различных частей, и углы линий и кривизны их. Настоящая, действительно научная кинология—наука о собаках—может быть построена только на твердом, общепринятом, научном фундаменте точных, инструментальных цифровых методов. Это еще дело будущего.

РАЗВЕДЕНИЕ КРОВНЫХ СОБАК

В чем состоит сущность наследственности, передачи наружных признаков и внутренних свойств от родителей к детям,—к разрешению этого интереснейшего и практически необычайно важного для жизни человечества вопроса только теперь начинают приближаться ученые, с одной стороны—в тщательнейших микроскопических исследованиях строения зародышевых клеток, с другой стороны—в тщательных и широких опытных проверках так называемых менделевских законов. Но основной факт давно установлен народною мудростью: „от свиньи не родятся лосята, а все поросята". Породистая собака, выведенная для определенной цели,—значит, обладающая определенными качествами, необходимыми для этой цели,—передает эти качества своим детям и дальнейшим потомкам в том случае, если она вяжется (случается) с собакой той же породы, имеющей эти же качества или зачатки. Конечно, вымесок от разных пород может выйти целиком в одну из них, с ее наружными и внутренними достоинствами, или же выйти наружно смесью разных пород, но сохранит нужные внутренние качества. Но никоим образом нельзя быть уверенным, что эти нужные качества он передаст и дальнейшим своим потомкам, и даже наверное можно сказать, что большая часть потомков этих нужных качеств породы в достаточной степени не

унаследует. Поэтому, имея хорошего производителя, лучше бывает взять к нему в пару чистокровное животное той же породы, хотя бы и с крупными (случайно) рабочими недостатками, чем спарить с другой породой или некровным животным хотя бы и с отличными качествами. В первом случае мы вернее получим в потомстве то, что нам надо. Но лучше всего, конечно, когда оба производителя не только кровны, но и хороши в поле.

Скрещивание разнохарактерных производителей может дать хорошие последствия только в очень опытных руках, при огромной настойчивости и затрате большой энергии и средств и, конечно, не скоро. В том-то и заключается смысл чистокровного разведения породистых собак и всяких других породистых животных, что, судя по наружным, иногда совершенно неважным для работы животного признакам, как масть, о его породе, мы тем самым обеспечиваем себе и нужные нам другие, внутренние качества этой породы: чутье у собаки, молочность у коровы, силу и скороспелость у тяжеловоза и так далее.

Как именно следует разводить кровных, породистых животных вообще,—об этом имеется целая наука животноводства. В нескольких же словах можно сказать, что в основе должно лежать аккуратное ведение родословных книг, с непременною записью всех вязок породистых производителей и с регистрацией пометов; конечно, крайне желательны и многие другие данные (напр. отметки о полевых качествах записанных особей). Это — фундамент, азбука животноводства и одна из главных задач для местных отделов Всероссийского союза охотников.

Нет сомнения, что в существующих стандартах охотничьих собак принимаются во внимание не только чисто рабочие качества и признаки, но и эстетические, т.-е. красивая наружность. Когда мы требуем от собаки плотной, комковатой лапы, мы явно заботимся об очень серьезном полевом качестве: возможности продолжительно работать, не разбиваясь ногами. Требуя же для данной породы непременно темного глаза, мы видимо заботимся только о красоте ее. Но в суждениях о значении отдельных наружных признаков надо быть чрезвычайно осторожным. Прежде всего, между различными наружными признаками и внутренними свойствами организма существует нередко тесная, но не всегда явная связь. Хотя бы классический пример Дарвина относительно одного ядовитого растения, от которого белые свиньи гибнут, а черные едят его безнаказанно. В чем тут дело, мы не знаем, но несомненный факт налицо. Или общеизвестно, например, что у белых кошек голубой цвет глаз связан с глухотой. А что присутствие или отсутствие какого-либо пигмента, окрашивающего кожу, волос или глаза, может

влиять на действие солнечных лучей на организм, это вполне ясно.

Затем, тот или другой мелкий даже, но бросающийся в глаза наружный признак может быть очень важным не сам по себе, но как наглядная вывеска или отметка о происхождении животного. Например, подпалины у пойнтера к его полевой работе как-будто никакого отношения не имеют и общего вида его вовсе не безобразят. Однако, выбраковывать щенят с подпалинами в пометах пойнтеров, конечно, не было бы простым капризом. Ведь, в крови пойнтера несомненно есть примесь крови фоксгаунда, и эта примесь одной из старейших и чистейших современных пород охотничьих собак несомненно придала пойнтеру и прочность ног, и крепость корпуса, и силу чутья. Однако, работа легавой, как пойнтер, и гончей, как фоксгаунд, во многом противоположны: от легавой мы требуем на работе молчания, крепкой стойки и равнодушия к зверю. И появление в помете такого характерного внешнего признака гончей, как подпалины, заставляют предполагать, что в этом случае оказывается слишком много общего с гончей, и приходится опасаться некрепкой стойки и стремления гонять дичь, либо у самого этого пойнтера, либо у его потомства.

Наконец, даже в отношении чисто рабочих признаков, как длина, форма и постанов тех или иных отделов ног, их костей и мускулов, наши знания до сих пор в сущности ничтожны, и все бесконечные разговоры и писания наших кинологов о разных „углах и рычагах", необходимых для быстроты и неутомимости хода животного, чаще всего являются беспочвенным фантазированием. Например, и сложение и поскачка пойнтера и ирландского сеттера чрезвычайно различны, а между тем поиск обоих отличается чрезвычайной быстротой и неутомимостью. Или—еще более резкий пример. Как известно, „волка кормят ноги"; если бы волк не был чрезвычайно быстр и неутомим, то весь волчий род давно исчез бы с лица земли. С другой стороны, и борзая собака—одно из чрезвычайно быстрых животных, и в течение ряда тысячелетий (борзые были еще и в древнем Египте) выводилась и подбиралась именно для быстрой скачки и ловли таких быстрых на ногу зверей, как зайцы, антилопы и т. д. Достаточно посмотреть на борзую и ее движения, чтобы видеть, как хорошо все ее сложение, все „углы и рычаги" ее ног и плечей приспособлены для быстрой скачки. Что общего у легкой, грациозной борзой с ее сравнительно узкой глубокой, передней частью, высокой, напруженной спиной, мощным задом и лучковатыми задними ногами,—с неуклюжим, тяжелопередым, прямоногим волком. И однако, борзые догоняют только прибылых да переярков (перетоков), т.-е. совсем молодых волков по второму году. Не родилась еще

та борзая, которая может в угон взять матерого, трех-четырехлетнего волка. Значит, даже у таких близко-родственных животных, как волк и собака, совершенно различное сложение, различные „углы“ и „рычаги“ конечностей могут приводить к одной цели — чрезвычайной быстроте скачки. Все это доказывает, что в настоящее время стандарт, типичные признаки породы, важен прежде всего, как наглядное указание, что мы имеем дело с кровными представителями тех нужных нам пород, которые заведомо обладают хорошими полевыми качествами. Ко всяким же изменениям стандартов, установленных длительным опытом, необходимо относиться с чрезвычайной осмотрительностью.

Основой разведения собак, как и других животных, является разведение кровных, чистопородных животных. В глуши, однако, нередки случаи, когда, например, породистую сучку уже нежелательно отдерживать, надо повязать, а породистого кобеля не имеется. В подобном случае вязки не для щенят, а только для здоровья суки, можно не бояться брать первого попавшегося дворового кобеля. Влияние первой вязки самки на ее потомство от последующих вязок (так называемая телегония) есть несомненно чистейший предрассудок, и случай с кобылой лорда Мортона, в свое время смутивший было даже Дарвина, в позднейшее время совершенно опровергнут (Эвартом).

В условиях, когда нельзя иметь производителей той же породы, вполне возможно скрещивание близких пород, но, конечно, не для выведения породы, а для получения так называемых „пользовательных“ собак из первого поколения помеси. Говоря о близких породах, я имею в виду, конечно, такие, как разные расы сеттеров или сеттера и пойнтера,—т.-е. породы, близкие по характеру работы, охотящиеся приблизительно одним и тем же способом. Такие ублюдки могут быть превосходными полевыми собаками, как ублюдки от разных пород лошадей могут быть превосходными пользовательными лошадьми. Но для дальнейшего разведения такие помеси разных пород собак так же мало пригодны, как, например, нельзя скрещивать кобылы и жеребца хантеров („гунтеров“) с уверенностью, что получишь в приплоде хорошего хантера. Как для получения этой превосходной верховой лошади необходимо иметь чистокровных тяжеловозов и чистокровных скаковых лошадей и скрещиванием их получать в первом поколении хантера, так и для получения хороших и постоянных по качествам пользовательных собак-ублюдков необходимо прежде всего иметь начальный чистопородный материал. Именно по этому, практическому соображению так ценится и собаководами, и другими животноводами чистопородный материал. А раз он ценится и на рынке,—значит и разводить его коммерчески выгодно, помимо других соображений.

РОДСТВЕННОЕ РАЗВЕДЕНИЕ

В отношении подбора производителей, находящихся в близком родстве между собою, у нас и в Германии долгое время существовало сильное предубеждение. Полагали, что такое разведение („кровосмешение близких родственников") вредно и ведет к вырождению. Англичане же, безусловно лучшие животноводы в мире, всегда родственным разведением или „инбридом" широко пользовались.

Обычные возражения против родственного разведения основываются, главным образом, на примере человеческих обществ, где, обычно, браки в близком родстве запрещаются. Запреты эти однако основаны вовсе не на научных данных или фактах, а исключительно на древних религиозных предрассудках, притом далеко не повсеместных.

В Египте фараоны обязаны были жениться на родных сестрах; в династии Птоломеев этот обычай держался в течение трехсот лет и последний их отпрыск Клеопатра в сорок лет была сильной и красивой женщиной, ум и способности которой высоко ставили такие люди, как Юлий Цезарь, Антоний и т. п.

Спаривание в самом близком родстве является самым лучшим способом закрепления в потомстве известных признаков и потому является могучим орудием в руках животновода. Но, как и всякое оружие, оно требует умелого и очень осторожного обращения. Если оба родителя здоровы и крепки и обладают нужными качествами, то их близкое родство ускоряет закрепление этих качеств в потомстве. Но если в них есть задатки болезней, вырождения и иных вредных свойств, то и эти нежелательные свойства также скорее закрепятся и сильнее выразятся в их потомстве, если родители—близкие родственники между собой. Это надо всегда помнить. Значит опасно не родство родителей само по себе, а опасны явные или скрытые пороки таких родителей.

НАСЛЕДУЕМЫЕ И НЕ НАСЛЕДУЕМЫЕ КАЧЕСТВА

Наружные и внутренние признаки или свойства передаются по наследству, и потому-то так и важен подбор производителей. Но не все качества родителей наследуются потомством. Надо отличать признаки, бывшие прирожденными у родителей, и признаки, приобретенные этими родителями при их жизни. Вопрос о наследовании таких приобретенных признаков,—один из интереснейших и практически важнейших вопросов биологии. О нем исписаны многие томы, но здесь можно коснуться его только очень

коротко. Всякий знает, что наследуются сифилис, туберкулез, даже алкоголизм. Алкоголиком может быть человек, не бравший никогда ни капли вина в рот, но наследовавший отравленный спиртом организм от одного из родителей. Такого рода явления нельзя однако считать наследованием в истинном смысле слова. Здесь просто отдельные возбудители болезни (напр., коховская бацилла при туберкулезе или бледная спирохета при сифилисе) или частицы яда (напр., спирт) проникают из родительского организма в клетки, образующие зародыш (материнское яичко или отцовский семенной живчик) и причиняют у зародыша соответствующую болезнь или отравление. Это случаи мнимой или ложной наследственности.

Далее, механические повреждения никогда не наследуются. Во всех тех точно исследованных случаях, когда бесхвостая кошка или собака давала бесхвостое потомство, оказывалось, что бесхвостость матери являлась следствием прирожденного ее уродства, а не прижизненного повреждения. Самый убедительный пример: решительно все девушки, дающие потомство, подвергаются разрушению девственной плевы, и это—на всей земле и в течение не десятков, а многих сотен тысячелетий. И все-таки все девочки родятся с девственной плевой.

Иной характер носят изменения, приобретаемые отдельными существами в течение их жизни вследствие длительного воздействия общих жизненных условий: климата, пищи, работы—в частности усиленного упражнения или, наоборот, бездействия тех или иных органов или способностей. Этот вопрос, один из крупнейших вопросов биологии, очень сложен и спорен. Еще Ламарк, а позже Дарвин считали, что такие обычные явления, как отсутствие или слабое развитие глаз у пещерных и подземных животных, развитие перепонок у водоплавающих птиц и чрезвычайная величина грудных мышц и киля грудной кости у всех летающих птиц, наконец—чрезвычайная толщина кожи на подошвах ног у человека еще в утробе матери,—что все подобные факты наглядно доказывают передачу по наследству тех признаков, тех изменений в строении тела, которые приобретаются в течение жизненной борьбы предками данного поколения. Предки человека, перейдя от жизни на деревьях и от беганья на четвереньках к хождению на двух ногах, подвергали кожу своих подошв постоянному давлению тяжести тела и трению о почву. Усиливался приток крови к подошвам, кожа их грубела и утолщалась, и уже у потомков такой пары перволюдей подошвы от рождения имели кожу несколько потолще, чем на других частях тела. Они в свою очередь также стояли и ходили на двух ногах, подошвы и у них с детства еще грубели и утолщались. Это в свою очередь наследовалось их

потомками, и так в ряде поколений постепенно накоплялся и закреплялся новый признак приспособления к жизненным условиям.

Такое „ламаркистское" толкование этих явлений было в восьмидесятых годах оспорено А. Вейсманом, категорически отрицавшим самую возможность передачи приобретенных при жизни свойств потомкам и доказывавшим, что все новые признаки и свойства закрепляются и передаются исключительно естественным отбором. Такое „сверхдарвинистическое" толкование и господствовало до последнего времени среди ученых. В переводе на наш охотничий язык оно означает, что сколько бы собака ни работала в поле, сколько бы ни развивала свое чутье и ноги на работе, у взятых от нее щенков и ноги и чутье будут ни на волос не лучше, чем в том случае, если собака эта провалялась весь свой век на городском диване.

С такой постановкой собаководы-практики никогда не согласятся, и в этом случае я полагаю, что они вполне правы, а учение неодарвинистов, несмотря на сорокалетнее почти преобладание в науке, очень односторонне. Естественный отбор имеет место только при наличии различий в признаках полезных или же вредных. Особи с полезными признаками выживают, а с вредными—вымирают или же по крайней мере имеют меньше шансов оставить потомство. Но по отношению к признакам, практически безразличным, естественный отбор ничем проявиться не может. А такие признаки есть. Еще Герберт Спенсер указывал Вейсману на то, что у человека осязание кончика языка в сотни раз тоньше, чем осязание кожи спины, и чувствительнее даже, чем концы пальцев. Между тем человек работает пальцами, а не языком, и такая тонкость осязания языка совершенно бесполезна, предметом отбора быть не могла и объяснима только передачей по наследству того развития чувствительности, которое происходит от постоянного, хотя бесцельного упражнения, которое производит язык, ощупывая заднюю сторону зубов. Персиковые деревья на своей родине в Персии и в южной Европе сбрасывают все листья осенью и выращивают их вновь весной. Перевезенные на тропический остров Реюньон, они в течение короткого срока— менее полутораста лет — приобрели способность оставаться зелеными круглый год, сменяя листья постепенно в разное время. И это новое свойство получилось не путем вымирания деревьев с опадающей осенью листвой и переживания тех, которые опадали менее правильно, т.-е. не путем естественного отбора. Перевезенные обратно на Север реюньонские персиковые деревья и на севере ряд лет сохраняют неопадающую сезонно листву. Следовательно, приобретенное свойство сохранялось и при новых условиях. Опыты

Штанфусса над бабочками, Иоллоса — над инфузориями, Тауэра—над жуками безвременно погибшего Камиерера—над позвоночными животными, все они доказывают, что изменения организма и признаки, вызванные условиями жизни, сохраняются затем некоторое время и по миновании вызвавших их условий и передаются последующим поколениям.

Вывод из всего этого такой. Прямого и несомненного опытного доказательства наследственной передачи свойств приобретенных или развитых упражнением (или ослабленных неупражнением) действительно до сих пор не имеется. И передачи узко специальных приспособлений организма вряд ли можно ожидать. Например, чтобы сын гребца рождался с мозолями на седалище, а сын гитариста—с мозолью на большом пальце. Но общей приспособленности организма и даже отдельных органов к внешним условиям существования и работы ожидать можно и даже должно.

Собака, работающая в поле, всегда будет сильнее и здоровее сидящей в комнатах. Кроме того, только на практической полевой работе можно проверять наличность и степень развития полевых качеств собаки, и потому только среди полевых собак могут отбраковываться негодные для охоты особи. Поэтому-то несомненно искать производителей для ведения породы надо среди полевых собак прежде всего.

ВЫСТАВКИ И ПОЛЕВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Огромную помощь собаководству оказывают местные и центральные выставки и „полевые испытания", т.-е. пробы на охоте. На них сравниваются наличный животноводственный материал и его качества, взаимно проверяются опыт и направление работы заводчиков, а молодые охотники приучают свой глаз к оценке внешности и работы животных, узнают, куда им обращаться за щенками или производителями. Призы и награды являются поощрением для успешных заводчиков.

Конечно, на коротких одно-двух или трехдневных испытаниях при нашей бедности дичью трудно вполне правильно и всесторонне оценить собак, но в общем все же и владельцам, и дрессировщикам, и зрителям даже краткие испытания приносят очень много пользы. А для более тщательного исследования полевых качеств производителей и для более глубокого выяснения сложных и трудных вопросов, связанных с исследованием силы чутья, необходима организация полевых испытательных станций, начало чему положено Московским товариществом охотников в 1929 году. Такая станция, ведя постоянные записи всех данных погоды, условий охоты, состояния здоровья собак и испытывая их длительно

в разных условиях, по возможности точно и инструментально устанавливаемых, со временем, кроме прямой задачи тщательного сравнения полевых достоинств производителей, могла бы собрать драгоценный метериал для научного решения разных темных вопросов собаководства и охоты.

МЕНДЕЛЕВСКИЕ ЗАКОНЫ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ

Есть еще один интересный и важный вопрос, на котором необходимо хотя бы кратко остановиться. Выше говорилось о наружных признаках и внутренних—вернее полевых качествах разных пород собак и о необходимости тщательно подбирать хороших производителей по этим их качествам для ведения породы, для того, чтобы родители передавали щенкам именно нужные, хорошие качества. Основано все это на широко и давно известных явлениях передачи свойств по наследству от родителей детям. Но также давно известны случаи, более редкие, когда животное родится похожим не на родителей, а на кого-либо из дедов или прадедов или даже отдаленных предков. Это загадочное в течение долгого времени явление, именуемое „атавизмом“ или „реверсией“, во всяком случае доказывало, что разные признаки или свойства могут находиться в скрытом, так сказать, виде. И тем не менее этот скрытый признак передается из поколения в поколение, пока не окажутся благоприятные условия для его видимого проявления. В чем тут дело в этом крайне интересном и имеющем понятную важность для практики животноводства явлении, выяснено было работами Менделя, опубликованными еще в 1865 г. в мало распространенном издании провинциального научного общества, но обратившими на себя внимание лишь в 1900 г. Они и послужили основой целой интереснейшей отрасли науки о наследственности, получившей название менделизма. Менделизм является, конечно, существеннейшим развитием или дополнением учения Дарвина, и в виду огромного практического значения его я и считаю нужным дать о нем некоторое понятие в кратких словах.

Работы самого Менделя и большинства последующих исследователей велись на растениях в виду огромных материальных затруднений по выращиванию в массовом масштабе рядов поколений животных. И те работы на животных, которые производились до сих пор, касались чаще всего резких наружных признаков в роде окраски. Это делалось опять-таки из практических соображений удобства работы. Но это не имеет значения в том смысле, что общие законы наследственности можно выяснять на любом материале. Во всяком случае в настоящее время есть основания утверждать, что всякого рода и наружные, и внутренние свойства

наследуются согласно законностям менделизма; даже болезни и такие физиологические признаки, как многолетность растения, молочность коровы, носкость курицы, как рысь или иноходь лошади. Даже инстинкты, даже такие „признаки", как мужской или женский пол, передаются по наследству по законам Менделя.

Для выяснения порядка передачи признаков, имеющихся у родителей, их потомкам, скрещивают (спаривают) две особи, чем-нибудь отличающиеся между собой. Эти родительские особи принято обозначать литерой P_1 (первое родительское поколение; P_2—будет второе родительское поколение или деды и бабки и т. д.). Полученное потомство (помесь, метис, гибрид, бастард, вымесок—все этиходячие наименования равноценны, и различать помеси видов или только пород и рас нет основания)—принято означать литерой F_1 (первое сыновнее поколение, от латинского слова *„filius"*— сын). Если родители чистокровны и различались только в одном каком-нибудь признаке (самый простой случай), то особи этого первого поколения обыкновенно воспроизводят тип какого-нибудь одного из родителей, а не являются промежуточными. Например (работа самого Менделя), при скрещивании сортов гороха с красными и с белыми цветами в помеси (F_1) получали все цветы красные, а не розовые или бледно-красные. Или при скрещивании горохов с зелеными и с желтыми семенами у помеси все семена получаются желтые.

Таким образом в первом поколении получается не смешение признаков, а преобладание признаков одного из родителей: один признак оказывается господствующим („доминантным"), а противоположный ему—уступающим или скрывающимся („рецессивным"). Это первое правило преобладания („доминирования") относится, надо помнить, именно к каждому отдельному признаку или, точнее,—к паре соответствующих родительских признаков. Преобладать может признак самца или признак самки. Иногда (далеко не всегда, как ошибочно думают) преобладает более старый, давно укоренившийся в породе признак, иногда же—и очень часто—наоборот, признак сравнительно новый для данной породы.

Правило преобладания называем не законом, а правилом потому, что из него имеется довольно много исключений. Правда, многие из этих исключений явно кажущегося характера. Например, если мы скрестим особи, отличающиеся в нескольких признаках, то мы получим первое поколение „ни в мать, ни в отца", а как бы промежуточное в общем. Именно, при скрещении сорта гороха с очень низким стеблем, красными цветами, зеленым и круглым семенем, с другим сортом, имеющим высокий стебель, белые цветы и желтое и сморщенное семя, мы получим первое

поколение помеси с высоким стеблем, красными цветами, с желтым и круглым семенем.

Но если мы обратим внимание на каждый признак в отдельности, то увидим, что правило преобладания действует здесь с полной силой: растения первого поколения помеси по каждому признаку в отдельности (рост, окраска цветка, окраска семени, его форма) целиком наследуют свойство одного из родителей. Но так как случайно в нашем предполагаемом скрещивании у каждого из родителей одни признаки были господствующими, другие—отступающими, то в первом поколении и проявились одни признаки от одного, другие—от другого родителя. В других случаях призрачность исключений из правила преобладания менее наглядна. При скрещивании обыкновенного кролика с ушами 11 *см* длины с длинноухой породой (уши—около 22 *см*) первое поколение помеси имеет уши около 16 *см*. Нужно однако при этом иметь в виду вот что. Передаются по наследству семенным живчиком и материнским яичком, конечно, не признаки сами по себе: не цвет шерсти, не зерно той или иной формы, не уши такой-то длины. Передается нечто другое—способность организма выращивать шерсть такого-то цвета, уши такой-то длины. Эти способности, конечно, передаются какими-то невидимыми глазом зачатками, скрытыми в не видимом без микроскопа живчике самца или в едва видимом яичке матери.

Наследуются, следовательно, эти зачатки (иначе называемые факторами или генами), эти носители будущих, развивающихся при их участии признаков или качеств, а не самые эти признаки. Но массою опытов вполне установлено два факта. Во-первых, очень часто свойство или признак, кажущийся нам единым, на самом деле вызывается совместным действием двух, трех или более отдельных зачатков. Иногда одни из них усиливают действие других, иногда же один задаток вовсе ничем себя не проявляет при отсутствии другого. Во-вторых, не редко один и тот же зачаток проявляется в организме двумя или более на наш взгляд совершенно самостоятельными качествами. Если длина ушей длинноухого кролика зависит от трех зачатков, *A*, *B* и *C*, из которых каждый удлиняет ухо на 4 *см*, когда животное имеет его в полной мере, от обоих родителей, и только на 2 *см*, когда зачаток имеется лишь в половинной доле, т.-е. только от одного из родителей,—то именно при господстве этих зачатков над короткоухостью помесь должна иметь уши как-раз около 16 *см* (11+2+2+2).

Во всяком случае первое поколение помеси (F_1), будет ли оно явно тождественно с одним из родителей или же представляется как бы промежуточным между ними, почти всегда является во всех своих особях, будут ли они

от однократного скрещивания или от нескольких,—вполне однообразным. Из этого правила однообразия первого поколения помеси указано очень немного исключений. (Напомню, что под помесью мы здесь понимаем вовсе не только продукт скрещивания разных видов или пород, но и скрещивание однопородных особей, в чем-нибудь различных.

Положим теперь, что от гороха с красными цветами, являющегося первым поколением помеси горохов с красными и с белыми цветами, мы берем достаточно большое количество семян и высеваем их для получения второго поколения, F_2. Каково будет это поколение в отношении окраса цветов? Из каждой сотни растений этого поколения мы получим 25 растений, т.-е. $^1/_4$ часть,—с белыми цветами и 75, т.-е. $^3/_4$—с красными. И если теперь от каждого отдельного растения мы поведем отдельно посевы и будем выращивать дальнейшие поколения F_3, F_4 и т. д., то мы увидим следующее замечательное явление: все потомство всех растений с белыми цветами будет неизменно давать горохи с белыми цветами, и никаких других,—они все окажутся в отношении признака окраски цветов как бы чистокровными, без всякого следа бывшего в поколении F_1 скрещивания с красноцветным горохом (ниже мы увидим, что эти растения не „как бы", а и в действительности чистокровны). Выводя таким образом дальнейшие поколения от каждого из 75 красноцветных растений, мы увидим, что, несмотря на наружное сходство, они поведут себя в дальнейшем потомстве не одинаково: 25 из красноцветных растений, т.-е. $^1/_3$ часть этой группы или $^1/_4$ часть всего поколения F_2, дадут красное потомство, сколько бы поколений мы в дальнейшем ни брали от них, другими словами, тоже окажутся чистокровными в отношении признака красноцветности. Остальные же 50, т.-е. $^2/_3$ всех красноцветных растений или $^1/_2$ всего поколения, каждое из них, дадут в следующем поколении (F_3) одну четвертую часть потомков с белыми цветами (также в дальнейшем—F_4, F_5 и т. д.,—дающих только белоцветные растения)—и остальные $^3/_4$ всех особей дадут с красными цветами. И эти красноцветные горохи при взятии от каждого из них следующего поколения F_4 опять окажутся распадающимися также на две группы: $^1/_3$ из них даст чистокровные красноцветные растения, а $^2/_3$—покажет дальнейшее распадание. Другими словами, однообразное по признакам первое поколение помеси, во втором поколении распадется по внешности на две группы: $^3/_4$ особей этого поколения F_2 сходны будут с одним из родителей (P_1), т.-е. одним из поколения дедов по отношению к себе, и с первым поколением (F_1), а $^1/_4$ часть будет сходна с другим предком из поколения P_1. По существу же, как покажет

дальнейшее разведение, упомянутые $^3/_4$ поколения F_2 состоят из двух групп: $^1/_3$ (особей этой группы, т.-е. $^1/_4$ всего числа особей F_2)—из действительно сходных с P_1 и дающих татакое же потомство, и из $^2/_3$ этой группы или $^1/_2$ всего поколения—из таких же наружно особей,—но в дальнейшем подверженных распадению в потомстве. Вот этот-то закон расщепления помесей в поколении F_2 и дальнейших, и притом расщепления в правильных, постоянных числовых отношениях, и является великим открытием Менделя. Этот закон повидимому не знает исключений. Он дает возможность, путем разных скрещиваний и подсчета отдельных особей в потомстве, определять истинный состав зачатков признаков не только явных, господствующих („доминантных"), но и скрытых, невидимых („рецессивных"). А зная состав зачатков в скрещиваемых особях, мы имеем возможность предсказывать ход дальнейшего размножения и в известном смысле управлять появлением тех или иных признаков, тех или иных желательных типов. А ведь задача и стремление всякого научного знания, пробный камень истинности всякого закона природы—это и есть возможность предсказывать явления и управлять ими.

Этот закон расщепления (или „менделирования") во втором и следующих поколениях помесей так важен и для собаководства и для звероводства, что я еще остановлюсь на нем. В тех случаях, когда первое поколение оказывается ни в одного из родителей (т.-е. признак ни одного из них не оказывается вполне господствующим), а как бы промежуточным, то и распадение второго поколения на три группы оказывается вполне наглядным даже и без вывода от каждого экземпляра третьего поколения. Так, растение „ночная красавица" (Мирабилис ялапа) имеет цветы красные—в одной и белые—в другой расе. Помесь первого поколения имеет цветы розовые. Отведя от растения с розовыми цветами достаточно большое число растений следующего поколения, мы увидим, что у них $^1/_4$ часть будет иметь красные цветы в одного из предков (P_1) и $^1/_4$ часть—белые цветы в другого из предков. Обе эти группы при дальнейшем разведении оказываются „чистокровными" в этих признаках. Третья группа, $^1/_2$ всего второго поколения, будет иметь розовые цветы. Беря от этой группы следующее поколение (F_3), мы увидим, что она в свою очередь также даст потомство из $^1/_4$ всех особей с белыми и $^1/_4$—с красными цветами (опять-таки чистокровными), и на $^1/_2$ всех особей потомство будет с розовыми цветами. Эти растения, как нечистокровные, в дальнейшем опять будут также расщепляться при разведении. Значит, в первом поколении все особи „нечистокровны" (розовые), во втором поколении нечистокровна лишь половина особей (другие чистокровны и

сходны в одной половине особей с одним, в другой—с другим из родоначальников). В третьем поколении нечистокровна лишь $^1/_4$ всех особей (именно половина потомков от упомянутой нечистокровной половины F_2), в четвертом—лишь $^1/_8$ (половина от только что упомянутой четверти). Следовательно, в общем вся масса потомков от скрещивания через ряд поколений распадается опять на две чистокровные части, несмотря на отсутствие скрещивания с чистыми формами.

Еще замечательнее то обстоятельство, что уже во втором поколении после скрещивания мы имеем, вопреки старинным убеждениям животно- и растениеводов, часть чистокровных особей.

Чем объяснить, как понять эти замечательные законности, указанные выше? Сделано это было еще самим Менделем. Каждая особь производит большое количество наследственных зачатков своих признаков, при чем отдельные зачатки (разных признаков, или разные зачатки одного признака) совершенно независимы друг от друга. Теперь известен ряд исключений, когда зачатки некоторых признаков как бы сцепляются друг с другом, или же, наоборот, как бы отталкиваются друг от друга. Но эти редкие исключения, вернее сказать—осложнения, не уничтожают верности и важности общего правила независимости наследственных зачатков („чистоты гамет"). В другой особи имеются также в большом числе наследственные зачатки другого соответствующего (парного или сопряженного) признака. При скрещивании эти зачатки обоих родителей совершенно свободно и независимо друг от друга смешиваются и соединяются попарно. И так как их очень много, то каждого рода зачаток имеет равные шансы встретиться с таким же или с противоположным зачатком, и по закону больших чисел в общем произойдут все возможные соединения. Так, если зачаток красного цветка у „ночной красавицы" мы назовем буквой *A*, а зачаток белого или (как иногда очень удобно, хотя и не совсем верно толкуется) „отсутствие красного" назовем буквой *a*, то потомство от двух красных родителей будет иметь зачатки *A* с обеих сторон, и его мы означим *AA*. Такая „полнокровная" или „чистокровная" особь называется „гомозиготной" („зигота"—продукт слияния двух половых элементов, в нашем описании—двух наследственных зачатков). Потомство от двух белых родителей также будет чистокровным, но уже формулы *aa*, и будет следовательно белым. Помесь же родителей *A* и *a* (красного и белого) выразится формулой *Aa*, т.-е. будет нечистокровной („гетерозиготной"), так как из двух слившихся родительских зачатков в помеси будет только один зачаток красного цвета. Если это помесь двух горохов, то помесь

Aa будет иметь красные цветы, так как у гороха зачаток красного господствует над белым (доминантен). Если это помесь „ночной красавицы", у которой нет полного доминирования, то особь формулы *Aa* будет розовой. Здесь розовый цвет является наглядным проявлением нечистокровности.

При скрещивании двух таких помесей ($Aa \times Aa$) согласно правилу независимости зачатков и закону больших чисел очевидно образуются такие сочетания зачатков: по равному числу сочетаний (зигот) *AA* и *aa* и двойное число сочетаний *Aa* (кто помнит математику—это обычная формула произведения двучленов: $(A+a) \times (A+a) = AA + 2Aa + aa$). Значит, если всего проявится сотня сочетаний (т.-е. получим 100 экземпляров второго поколения), то из них будет по равному числу (по 25 экз.) особей формулы *AA* (чистокровные красные) и *aa* (чистокровные белые), и двойное число (50 экз.) сочетания *Aa* (розовых). Зная это, можем ли предсказать, что именно получится при скрещивании растений „ночной красавицы" с розовыми цветами с растением с белыми цветами? Очень легко. Формула наследственных зачатков цвета у данных родителей следовательно будет: *Aa* для розового и *aa* для белого родителя; математика говорит, что $(A+a) \times (a+a) = 2Aa + 2aa$. Другими словами, мы получим в помеси поровну растений типа *aa* (белых) и *Aa* (розовых).

Другая задача. Имеем грядку гороха с красными цветами. Выше мы видели, что у гороха красный цвет господствует над белым. Значит красные цветы могут иметь растения, как чистокровные в отношении задатка красного цвета (т.-е. строения зиготы *AA*), так и нечистокровные (строения *Aa*). Чтобы выяснить этот вопрос, скрещиваем каждое из растений с красными цветами с горохом с белыми цветами (*aa*) и семена от каждого скрещивания выращиваем отдельно. Одни из испытуемых этим путем (путем гибридологического или менделистического анализа) растений дадут потомство всецело с красными цветами. Ясно, что это дадут чистокровные красноцветные растения (так как $AA \times aa = Aa$). Другие же из испытуемых растений дадут в потомстве растения как с белыми, так и с красными цветами в равных количествах. Тут расщепление очевидно такого вида: родительские растения красные полукровные *Aa* и белые *aa*.

$$Aa \times aa = 2Aa + 2aa,$$

т.-е. половина потомства чистокровная белая (*aa*), половина—полукровная красная (*Aa*).

Так идет дело в наиболее простых случаях, когда родители различаются в одной паре признаков (так называемые

моногибриды или однопомеси). Сущность и законы явлений остаются те же и в более сложных случаях, но, конечно, числовые выражения и формулы будут более сложными. Для полной ясности рассмотрим еще пример „дигибридов" (двупомесей), т.-е. помесей родителей, различающихся двумя парами признаков.

Мендель скрещивал два сорта гороха: один—с желтыми круглыми семенами, другой—с зелеными морщинистыми. Потомство в первом поколении имело все семена желтые и круглые, так как у семян гороха желтый окрас является господствующим, а зеленый—отступающим, по форме же семян круглая господствует над морщинистой формой. Если означим зачатки желтого цвета *A*, а зеленый—*a*, и круглую форму—*B* и морщинистую—*b*, то родительские особи выразятся так: *AABB* и *aabb*, т.-е. одна по обоим признакам (окраса и формы семян) полнокровна и имеет оба господствующие (доминантные) признака, другая особь тоже полнокровна (гомозиготна), но имеет оба признака рецессивные, отступающие. В первом поколении помеси родительские зачатки с обеих сторон соединятся, и их надо выразить формулой *AaBb*, т.-е. все это поколение с виду (в виду господства *A* над *a* и *B* над *b*) выйдет в одного из родителей (*AABB*), но в противоположность ему будет в обоих признаках нечистокровно (гетерозиготно).

Родительские зачатки, однако, в потомстве соединяются, но не сливаются неразрывно, и особи этого поколения F_1 производят половые продукты с зачатками наполовину (т.-е. в 50 процентах всех производимых зачатков) отцовскими, наполовину материнскими, причем зачатки обеих сторон и обеих признаков свободно соединятся во всех возможных комбинациях в равных количествах. Всего их будет очевидно четыре типа: *AB* (оба отцовские зачатка), *Ab* (отцовский зачаток окраса с материнским зачатком формы), *aB* (наоборот, отцовский зачаток формы с материнским—окраса) и *ab* (оба материнские). Скрещивая между собою две особи этого первого поколения, мы имеем, значит, с двух сторон, от каждой из этих одинаковых скрещивающихся особей, по 4 таких типа наследственных задатков, при чем каждый из них имеет очевидно совершенно равные шансы встретиться с каждым из остальных типов и произвести на свет соответствующую особь следующего, второго поколения помесей. И арифметика говорит, что при 4 типах зачатков число разных возможных сочетаний будет 16. Какие именно—это проще всего находить по так называемой решетке Пуннета,—одного из крупных менделистов. По одной стороне решетки пишутся отцовские, по другой—материнские сочетания наследственных задатков (и те и другие очевидно одинаковы, так как скрещиваем особей одного поколения F_1), а на

перекрестках пишем соединения тех и других задатков, т.-е. формулы („зиготы“) поколения уже F_2.

	AB	*Ab*	*aB*	*ab*	
AB	*AABB*	*AABb*	*AaBB*	*AaBb*	
Ab	*AABb*	*AAbb*	*AaBb*	*Aabb*	
aB	*AaBB*	*AaBb*	*aaBB*	*aaBb*	
ab	*AaBb*	*Aabb*	*aaBb*	*aabb*	

Из этих 16 сочетаний есть, однако, несколько одинаковых (напр., *AaBb* встречается 4 раза, *AABb*—2 раза и т. д.). Разных сочетаний получится только 9, а именно: по 1 разу—*AABB*, *AAbb*, *aaBB* и *aabb*, при чем эти 4 сочетания дадут особи „гомозиготные“, т.-е. у которых каждый признак „чистокровен“, обусловлен одинаковыми задатками от обоих родителей. По 2 раза встретятся сочетания—*AABb*, *AaBB*, *Aabb* и *aaBb*. Эти 4 группы—„моногетерозиготы“, т.-е., по-русски, нечистокровны в одном из признаков (и значит чистокровны в другом). Наконец, 4 раза встретится сочетание *AaBb*, нечистокровное в обоих признаках. Перечисленные 9 групп второго поколения, все различные по наследственным зачаткам (или генам,—их называют „генотипы“), не все будут различимы по внешности (вследствие явления „господства“ признаков). А именно: все группы, в которых встречается *A* два или один раз,—будут, очевидно, иметь семена желтого цвета. Таких групп имеем 12 из всех 16 сочетаний, или $^3/_4$ всех случаев. Только в остальной четверти случаев (при зачатках окраски *aa*) получим зеленый цвет. В отношении формы семян точно так же все группы с *BB* или *Bb* будут иметь круглые зерна; этих случаев также 75 процентов, и лишь в остальной четверти случаев получаем морщинистые зерна (*bb*).

Но вспомним, что говорилось раньше, про случаи спаривания родителей, различающихся одной парой признаков (однопомеси или моногибриды): там поколение F_2 по внешности распадается как-раз в отношении 75% и 25%, или как 3 к 1. Мы видим теперь, что и при нескольких различных задатках расщепление идет по отношению к каждой отдельной паре признаков так, как будто она только одна и есть. Т.-е. задатки передаются и расщепляются независимо

один от другого. Но, понятно, в соединении нескольких признаков получится и кое-что новое, как сейчас увидим. Из 9 вышеупомянутых групп зачатков все те, в которых хотя бы по одному разу встречаются зачатки *A* (желтого цвета) и *B* (круглой формы), означают особи с желтыми круглыми семенами, т.-е. по виду сходные с одним из родительского поколения (P_1). Эти группы, очевидно, *AABB*, *AABb*, *AaBB* и *AaBb*. Но из них вторая и третья встречаются по 2, а четвертая—4 раза из 16, как было уже сказано. Значит во втором поколении помеси 9 из 16 особей выйдут в того из первого родительского поколения, у которого оба признака (цвета и формы) были господствующими. Признаки уступающие (рецессивные) могут проявиться наружно только при отсутствии *A* и *B*, т.-е. только в единственном сочетании *aabb*. Значит в поколении F_2 особи с обоими уступающими признаками, с зелеными морщинистыми семенами, как у другого из родительского поколения, встретятся только 1 раз из 16. Остальные 4 группы сочетаний зачатков из 9 известных нам групп оказываются весьма замечательными. Группа *AAbb*, встречающаяся 1 раз из 16, и группа *Aabb*, встречающаяся 2 раза, как видим, в отношении окраса семян имеют господствующий признак желтого цвета и, следовательно, будут иметь желтые семена как у одного из родителей (P_1), но, имея в отношении формы только уступающие зачатки *b*, должны иметь морщинистые семена, как у другого из родителей. Такого сочетания признаков—желтые морщинистые семена—у предков не было, это является новообразованием, которое получится, как упомянуто, в 3 случаях из 16. И, наконец, группы *aaBB* и *aaBb*, тоже встречающееся 3 раза из 16, оказываются чистокровными в отношении уступающего зачатка *a* и, следовательно, с зелеными семенами, но, в виду нечистокровности уступающего зачатка формы в двух, и чистоты господствующих задатков формы в третьем случае, будут иметь семена круглые. Зеленые круглые семена—этого опять-таки у предков не было, это опять новообразование.

Таким образом, по внешности 9 групп сочетаний зачатков (генотипы) дадут лишь 4 кажущиеся однородными группы („фенотипы"): желтые, круглые, зеленые морщинистые, зеленые круглые и желтые морщинистые семена. При этом по количеству особей—из 16—эти группы распределятся так: $9+3+3+1$, охарактеризованные нами выше. Кто не забыл арифметики, легко увидит, что это числовое соотношение легко выводится из соотношения при расщеплении однопомесей. При одной паре различающих признаков распадение было в отношениях $3+1$; при двух парах, как только что рассмотрено, оно будет: $(3+1)\times(3+1)$— или, что то же $(3+1)^2=9+3+3+1$.

Образование путем скрещивания совершенно новых признаков в конце концов не так уже загадочно, как может казаться на первый взгляд. Положим, мы имеем растение с белыми цветами и щелочным или нейтральным (средним) клеточным соком, имеющее в составе своем вещество, краснеющее под влиянием кислоты. Сколько ни будем разводить его в чистоте, оно все будет давать белые цветы. Положим, другой близкий вид такого растения имеет клеточный сок кислый, но не имеет в составе своем красителя. Его тоже можно разводить до бесконечности, и все же цветы его будут белыми. При скрещивании этих двух рас с белыми цветами мы уже в первом поколении получим красные цветы, если зачатки кислотности сока и присутствия красителя господствуют. В противном случае, если оба эти признака или какой-нибудь один из них—отступающий, то получим красные цветы во втором поколении у части растений (у 1 из 16, если оба зачатка отступающие, а если один, то в трех случаях).

Практически новообразования путем скрещивания являются таким важным случаем, что я приведу еще один пример, уже из мира животных. Скрещивая черную мышь с коричневой, мы получаем в первом поколении черных мышей, а во втором—и черных, и коричневых, но первых втрое больше, чем вторых. Значит обычная картина менделирования одной сопряженной пары признаков, при чем, черный цвет господствует над коричневым. Очевидно, у черных мышей есть какой-то задаток черного цвета (*BB*), которого у коричневых нет, или, точнее, который заменяется у коричневых соответствующим зачатком (*bb*), не влияющим на окраску.

При спаривании черной мыши с серой мы получаем помесь серую, значит при таком соединении черная окраска оказывается уступающей, а серая—господствующей. Во втором поколении получим серых и черных в отношении 3 к 1, значит серая и черная мыши отличаются также лишь в одном зачатке цветности. Отсюда прямой вывод, что зачаток черного цвета (*BB*) есть и у серой мыши, только не проявляется в виду наличия задатка серого цвета (*GG*). В противном случае (т.-е. если представлять себе, что у серой мыши, кроме несомненной наличности господствующего зачатка серого цвета—*GG* еще имеется налицо и отсутствие зачатка черного цвета, т.-е. если предположить для нее формулу *GGbb*), то разница между ней и черной мышью была бы не в одной, а в двух сопряженных парах зачатков, и расщепление было бы, как мы выше видели, не в отношении 3:1, а более сложное.

Таким образом, этот менделистический анализ показал нам, что зачатки серой мыши надо представлять себе в

виде *BBGG*, а коричневую—в виде *bbgg*. Проверяя эти выводы путем скрещивания серой и коричневой мышей, мы в поколении F_1 получаем опять серую мышь, очевидно, уже не чистокровную в обоих зачатках, т.-е. типа *BbGg*. В следующем же поколении F_2 (при скрещивании между собой особей первого поколения) мы получим четыре группы мышей, а именно в количественных соотношениях таких: 9 серых, 3 черных, 3 золотистых и 1 коричневую. Это типичное менделирование двух пар зачатков; значит, действительно серые и коричневые мыши различаются двумя парами зачатков. При этом выясняется также, что, соединив путем скрещивания зачаток серого цвета *G* с зачатком отсутствия черного цвета *b*, мы получаем уже не серую окраску, а золотистую. (Значит зачаток *G* правильнее считать не дающим серую окраску, но превращающим при наличности зачатка *B* черный цвет в серый).

Между собаками пойнтера, напр., различаются тремя зачатками окраса. Зачаток *A* дает сплошную окраску, господствующую над пегостью, так что пегие собаки имеют в этом отношении формулу *aa*. Зачаток *B*, удвоенный или полученный от одного из родителей, дает кофейный окрас, а зачаток *C*—темно-желтый. Но оба эти зачатка вместе (хотя бы каждый только в однократном количестве) дают черную масть. Отсутствие обоих последних зачатков дает светло желтый окрас. Читатель согласно всему изложенному сам может построить решетку Пуннета и проанализировать разные случаи. Я здесь только в виде таблицы укажу те числовые данные, которые имеют место при скрещиваниях родителей, различающихся разным числом зачатков (см. табл.).

Таблица эта, между прочим, наглядно показывает трудности менделистического исследования для сколько-нибудь крупных животных. Действительно, много животных, которые в отношении только наружных признаков, как цвет, отличаются десятью, двадцатью и более парами зачатков. Но уже при 10 парах надо вырастить более миллиона особей, чтобы получить все возможные комбинации. А так как некоторые из этих комбинаций и при этом должны оказаться только в 3 или даже в 1 экземпляре, то в действительности надо вырашивать во много раз более. Ведь все эти комбинации — следствие случайных встреч наследственных зачатков при спаривании,—подчиняются законам учения о вероятности лишь при очень большом количестве случаев.

Все сказанное—только самое краткое и общее изложение наиболее простых элементов обширного и растущего учения о наследовании. Сущность его: наследственная передача отдельных признаков совершенно независимо одних от других, существование и передача зачатков признаков, не только явно проявляющихся, но и в скрытом до времени

Родители (P_1) различаются числом пар признаков:	Первое поколение F_1 дает столько сочетаний зачатков и второе поколение F_2 при господстве признаков имеет столько внешне разных групп (фенотипы).	Второе поколение (F_2) имеет столько различных по наследственным зачаткам групп (генотипы).	Одна чистокровная особь со всеми уступающими признаками (гомозиготная рецессивная) приходится на такое число всех экземпляров.	Количественные отношения внешне различных (фенотипы) групп особей во втором поколении (F_2).
1	$2^1=2$	$3^1=3$	$4^1=4$	$3+1$
2	$2^2=4$	$3^2=9$	$4^2=16$	$(3+1)^2=9+3+3+1$
3	$2^3=8$	$3^3=27$	$4^3=64$	$(3+1)^3=27+9+9+9+3+3+3+1$
4	$2^4=16$	$3^4=81$	$4^4=256$	$(3+1)^4=$
5	$2^5=32$	$3^5=243$	$4^5=1024$	$(3+1)^5=$
⋮	⋮	⋮	⋮	⋮
10	$2^{10}=1024$	$3^{10}=59049$	$4^{10}=1048576$	$(3+1)^{10}=$
⋮	⋮	⋮	⋮	⋮
N	2^n	3^n	4^n	$(3+1)^n$

Примечание: за неимением места числовые величины последней графы приводятся здесь: $(3+1)^4=81+4$ раза по $27+6$ раз по $9+4$ раза по $3+1$. $(3+1)^5=243+5$ раз по $81+10$ раз по $27+10$ раз по $9+5$ раз по $3+1$. И так далее.

виде, и, наконец, расщепление признаков—менделирование—при получении потомства от помеси.* Отсюда вытекает и огромной важности возможность математической обработки и предсказания следствий тех или иных спариваний, и возможность новообразований. Отсюда и не менее важная возможность быстрого получения чистокровных особей после скрещивания (при большом, конечно, числе разводимых

* При ведении потомства от каждой однотипной пары помеси отдельно число чистокровных особей в того или другого прародителя (P_1) все увеличивается, а число действительных помесей все уменьшается: во втором поколении их $^1/_2$ всего поколения в третьем—$^1/_4$, в четвертом—$^1/_8$, в двадцать первом—1 на 1048576 и в поколении $\frac{F_n-2^n}{2}$ (это для однопомеси). Но при свободном беспорядочном спаривании все население помесей будет оставаться в числовых отношениях 3:1.

особей), вопреки ходячим представлениям о „чистокровности". Из этого же учения вытекает необходимость оценивать производителей индивидуально и не столько по их качествам только, сколько по их потомству (т.-е. по их способности к передаче признаков) в нескольких поколениях или,—что часто легче,—по рядам их предков. Но и ценить предков обязательно в связи со всем данным ими потомством и по всей совокупности их существенных (и в первую очередь рабочих, полевых) признаков. Это обстоятельство настоятельнейшим образом указывает на совершенную необходимость вести родословные книги значительно более подробным образом, чем это обычно делается. Необходимо означать в них возможно подробнее все те свойства, которые являются существенными, в частности все рабочие, полевые качества производителей, заносимых в книги, а также, по возможности, и всего их потомства. Только такие подробные записи со временем могут составить богатую сокровищницу материалов для правильных оценок разных производителей и для разных спариваний.

При всей колоссальной важности открытий Менделя и их разработки Морганом и другими, надо помнить, что и трудности исследования наследственных зачатков у таких сравнительно крупных животных, как собаки, весьма велики с материальной точки зрения. Поэтому менделистический анализ зачатков таких животных в сущности только начат и потребует еще очень много времени, труда и средств. Но во всяком случае путь менделистического исследования—хотя и длинный и трудный, но все же прямой и светлый путь в той темной области наследственности и правильного животноводства, в которой до 1900 г., до вторичного открытия трудов Менделя в Моравии, приходилось бродить ощупью в потемках.

ВЫРАЩИВАНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СОБАК

Лучший приплод дают собаки от 3 до 7—8-летнего возраста; раньше пометов от них брать не надо. До года собак вязать отнюдь не следует, кобеля же около 2 лет полезно повязать, все равно с какой сукой (не для приплода). Суку, если запустует (придет в охоту) до годовалого возраста или позже, но весной или летом, то в первый раз ее надо отдержать, во вторую же пустовку повязать не для приплода, а для ее здоровья. Поэтому можно при нужде повязать с кем угодно (влияние первой вязки на дальнейшее потомство—чистый предрассудок); несколько щенков придется дать ей выкормить. Две пустовки под ряд отдерживать не хорошо.

Вязать (случать) следует производителей здоровых, в хорошем полевом теле, не зажирелых. Скрещивание в близком родстве—великолепное средство к закреплению свойств родителей в потомстве, если оба супруга-родственника здоровы и хороши. И само по себе разведение в близком родстве, вопреки предрассудкам, вовсе не вредно. Но пользоваться этим надо очень осторожно, так как при этом усиливаются и закрепляются и недостатки, и слабости организма, если они есть.

При пустовке с появлением „краски" (крови из петли) на 3-й день суку надо запереть отдельно, чтобы не было неожиданностей: окрестные кобели идут на все, до влезания по отвесной бревенчатой стене в слуховое окно, чтобы к ней присоединиться. На пятый-девятый день обыкновенно краска исчезает, и сука начинает допускать кобеля, после чего через 5—10 дней уже отгрызает его прочь. Поэтому на 10-й день можно повязать и для верности на 12-й—повторить вязку, а на 9-й день после вязки можно выпустить из-под „ареста" (лучше через 2 недели).

Срок щенности 58—67, как исключение—74, обычно около 63 дней. Последние 2 недели сука не должна работать, но дать ей залеживаться или зажиреть не следует. Кормить следует хорошо, 3 раза в день; полезно давать немного молока и за несколько времени до щенения дать противоглистное средство. Беспокоить во время щенения не следует. Для подстилки лучше всего чистая солома, покрытая рогожей. Подстилку следует менять ежедневно; очень хорошо под подстилку и кругом гнезда класть *полынь* (на зиму запасать засушенную в тени), что помогает от блох.

При хорошем содержании очень крепкая, молодая сука хорошо выкармливает до 6, при первом помете—до 4 щенков, в среднем же лучше оставлять одним меньше, для других щенят подыскивая кормилицу любой породы.

Кормящую суку следует кормить 3—4 раза в день; полезно давать больше, чем обыкновенно, молочной и меньше—мясной пищи. Она кормит щенят от 5 до 8 недель, иногда и более. Но во всяком случае по истечении 3—4 недель их надо начать подкармливать 2—3—4 раза в день подогретым цельным молоком, а еще неделю-полторы спустя—до 5—6 раз в день, давая с молоком и хорошо проваренную жидкую овсянку: на 5 стаканов кипятку, а еще лучше—кипящего мясного навара, один стакан мелкой овсянки, и кипятить, помешивая, минут 20; сначала 1 часть остуженной овсянки разводить 4 частями теплого молока, потом постепенно увеличивать порцию овсянки. Если нет овсянки, можно брать вместо нее пшеничную или ячменную муку. Солить пищу нужно, но меньше, чем для человека. 7—8-недельным нужно прибавлять кусочки хорошенько отдельно сваренных

овощей, свеклы, моркови, картофеля, а также хлеба и в особенности мяса, — позже и какую-либо кашу, хорошо проваренную. До 4 месяцев их надо кормить раз 5 и до 6 месяцев — 4, потом 3 раза в день, чтобы щенки были всегда сыты, но не объедались. Корм должен быть тепловатый.

До полугода основной пищей все же является молоко.

Вообще для получения крепких, сильных собак, легко переносящих случайные болезни, необходимо соблюдать самые обыкновенные правила здорового воспитания всяких живых существ. Сухое помещение, много света, чистота и частая, раза 2 в неделю, смена подстилки, причем лучшею является солома или мелкая стружка (если их можно часто менять, иначе кошма или мешечная материя, в 2 — 3 слоя натянутая на раму), и ежедневное вычесывание блох; как можно больше движения на свежем воздухе, под открытым небом. Постоянная наличность чистой, свежей воды. Пищу, наоборот, должно давать в определенное время (взрослым — 2 раза в день: рано утром и часов около 4), а не ставить всегда под мордой; давать не горячей, не прокисшей; варить пищу и мыть кормушку самое редкое (лучше чаще): зимой 2 раза в неделю, летом через день, а в жары и ежедневно; также следить за чистотой посуды, в которой приготовляется пища. Если собака ест дичь, то давать ее не является вредным. Телячьи и бараньи крупные кости полезны шестимесячным и взрослым, но костяная мука вредна, а трубчатые кости, в особенности птичьи, очень опасны: они тверды и хрупки, как стекло, и очень много смертей собак „от неизвестной причины" происходит от поранения кишек их осколками. Наконец, достаточная прогулка (3 — 4 часа в день) также необходима.

Говоря о мясе, имею в виду, конечно, не ростбифы и котлеты, а кишки, обрезки, брюшину, также конину, тушки белок и т. п., только было бы хорошо проварено. Вопреки предрассудкам, для собаки, как хищника, мясо и рыба — самый полезный корм, если свежий, — конечно, в меру. Вообще корм должен быть свежий и по возможности разнообразный, хотя бы остатки от своего стола. Выкормить собаку можно и проще, но если учесть количество слабых, недоросших, не выносящих чумы и других болезней, то окажется, что упрощенное содержание невыгодно.

Приучить щенка не пачкать комнаты — легко, если ставить для его нужд близ гнезда крышку от лукошка или совсем низенький ящик с песком или землей.

Лучше, конечно, удаются щенки весенних пометов, зимних же надо месяца 3 держать в теплом, жилом помещении, а уже потом начать выпускать на воздух.

ВИТАМИНЫ

Говоря о корме и выращивании собак, нельзя не познакомить читателей в кратких словах с замечательными работами врачей и физиологов за последние полтора-два десятка лет, тем более, что их значение огромно для всякого животноводства, в том числе и для пушного, а не только для собак. Понятно, что столь же велико оно и для питания людей.

Жизнь в некотором смысле есть горение без пламени. Для ее поддержания нужен не только строительный материал для постройки мельчайших клеток различных тканей тела, но и топливо для горения. Такими материалами и топливом служат 3 группы веществ. Протеины, т.-е. белки, как животные (мясо, творог, рыба), так и растительные (главным образом в бобовых растениях). Затем жиры (животные и растительные). Наконец, углеводы: крахмал (картофель, хлеб) и сахар (свекольный, фруктовый). Кроме того, необходимы небольшие количества минеральных веществ (кальций, железо, калий, натрий, магний, фосфор, хлор, мышьяк, иод, имеющиеся в виде основных и кислых солей в мясе и в растениях) и большое количество воды.

Пищевые вещества выделяют одинаковое количество энергии как при обыкновенном сжигании, так и при переваривании. Энергию эту издавна принято измерять калориями. Одна калория — это количество тепла, необходимое для нагревания 1 грамма воды на 1 градус стоградусного термометра. Переводя это количество энергии в механическую работу, можно поднять 426,9 граммов на высоту 1 метра. Вот калорийностью, содержанием числа калорий в пищевых продуктах издавна и было принято измерять ее достаточность. Напр., 1 грамм жира дает 9,3 калории, а 1 грамм белка (более строительного, чем топливного материала) — 4,1 калории. И такое определение питательности пищи долго не внушало никаких сомнений, пока распространение местами очень однообразной и сильно очищенной пищи (полированного риса, хлеба тонкого помола, без отрубей, очищенной от оболочек кукурузы) не повело к распространению различных характерных болезней (напр., „бери-бери“, пеллагра). Изучение их и привело Функа, работавшего в одном из лондонских институтов, к открытию в 1912 г. того обстоятельства, что для правильного и здорового питания недостаточно одних только строительно-топливных материалов в пище. Для здорового питания, для самого сохранения жизни даже, нужны еще особые вещества, названные им витаминами. Вещества эти сложного и неустойчивого строения, и, что самое замечательное, они оказывают сильное действие

в таких ничтожных количествах, что ни в микроскопы их усмотреть, ни извлечь в таком количестве, чтобы произвести обычное химическое исследование, не удается. Поэтому состав и строение их и до сих пор мало известны (почему и называют их пока условно литерами: А, В и т. д.), и судят о них по физиологическим данным, по их действию, кормя испытуемых животных (иногда ученые делали опыты и на себе) пищей разного состава, обычной и химически очищенной.

Какого рода величины имеют тут место, достаточно одного примера: для полного и быстрого излечения рахита („английской болезни") для человека достаточно дневной порции витамина D в 2,4 миллиграмма—около $\frac{1}{160000}$ фунта. Это количество соответствует (считая 9,3 калории на 1 грамм) $\frac{2232}{100000}$ калории или механической работе в неполных $\frac{1}{100}$ килограммометра. Ясно, что здесь важна не теплотворная способность этих веществ, а особое своеобразное их действие, направляющее и оздоровляющее жизнь организма. Недостаток витаминов прежде всего выражается потерей аппетита, ослаблением организма, восприимчивостью его ко всевозможным заболеваниям, и, наконец, специальными „авитаминозными" заболеваниями (цынга, „бери-бери", рахит и др.) и смертью.

В настоящее время насчитывают до семи витаминов, но несомненно, что далеко не все еще открыты. Они делятся на две группы. Одни (В, С и нек. др.) растворимы в воде и сильно разведенном спирте, очень чувствительны к теплоте, начиная разрушаться уже при 70° и совершенно уничтожаясь при продолжительном кипячении; наконец, очень чувствительны к щелочам, и потому уничтожаются, например, при варке овощей с содой. Эта группа витаминов содержит в составе своем азот. Из них витамин В предохраняет от „бери-бери" или сонной болезни. Им очень богаты рисовые отруби, а, следовательно, красный, не шелушеный рис (в полированном, белом его нет), затем сухие дрожжи, печень травоядных животных, телятина, картофель (уже в 25 раз меньше, чем рисовые отруби, и в 10—15 раз меньше, чем дрожжи и печень) и многие овощи и фрукты (морковь, шпинат, капуста, бобы, баклажаны, апельсины и лимоны, виноград). Имеется этот витамин и в молоке и в яичном желтке, если животные, дающие эти продукты, получают достаточно этого витамина в своем корме. Нагревания свыше 120° Ц этот витамин совершенно не выдерживает.

Витамин С этой же группы предохраняет от цынги (скорбут). Им чрезвычайно богаты свежий сок лимонов и апельсинов, винограда, мякоть помидора (томата) и свежая

кровь и сырое или сыроватое мясо; затем телятина и разные овощи и зелень (кабачки, шпинат, салат, капуста, щавель, морковь), наконец, яйца, если птица получала в корме достаточно этого витамина. Этот витамин особенно чувствителен к температуре, и кипячение (т.-е. температура в 100°) свыше получаса его частью уничтожает (так как он начинает разрушаться при 70°), частью извлекает водой. Он повидимому играет какую-то роль и при таких болезнях, как грипп (инфлюэнца) и туберкулез, так как при них организм сильно обедняется этим витамином.

Ко второй группе относятся витамины A, D, E, не содержащие в своем составе азота (и поэтому иногда точнее именуемые витастеринами), растворимые не в воде, но в жирах, в эфире, в абсолютном спирте. Они менее чувствительны к высокой температуре и к щелочам, но очень чувствительны к кислороду, так что доступ воздуха, а в особенности нагревание при доступе воздуха их уничтожает. Некоторые также чувствительны к продолжительному действию света. Из них витамин A обеспечивает правильный рост, а отсутствие его ведет, кроме остановки роста, к особым воспалениям глаз и к склонности к воспалениям легких. Им чрезвычайно богат правильно приготовленный (не перегретый) рыбий жир (из печени не только трески, но и лосося и других рыб), а жир печени овец и рогатого скота еще во много раз богаче им. Имеется он, повидимому, в печени всех зверей и птиц. Богато также им (и витамином D) жирное мясо угря, затем мозг и сердце многих зверей и птиц. Яичный желток (с оговорками, уже деланными выше) также содержит этот витамин, а также и шпинат, корнеплоды, льняное и конопляное семя. Нужно сказать, что жир печени овцы или вола в среднем содержит в 10 раз больше витамина A, чем хороший рыбий жир, и в 200—1000 раз больше, чем сливочное масло.

Нужен организму, повидимому, этот витамин и при кори.

Витамин D предотвращает рахит или „английскую болезнь“, столь широко распространенную среди детей и щенков. Им также богат рыбий жир, жир печени травоядных животных и жир почек, желток яиц. Имеется он в цельном молоке, а из овощей, повидимому, в помидорах (томатах). Имеется он и в мясе (т.-е. в жире мяса) многих рыб, не имеющих витамина A. Этот витамин сравнительно с другими довольно стоек; он является первым, искусственное приготовление коего уже достигнуто.

Наконец, интересен и витамин E, обеспечивающий размножение. Без него зачатый зародыш вскоре погибает, а у самцов происходят перерождение половых желез и потеря способности к размножению. Этим витамином богат салат (именно латук, даже и сухой, если не завял осенью, а

быстро засушен зеленым), люцерна, альфа-альфа, овсянка, зерна пшеницы, а также мозг животных и мясо и особенно внутренности (сердце, печень, селезенка) мелких зверей (кролики, зайцы и т. п.) и птиц. Полезно оговорить, что некоторые исследователи витамин размножения называют не E, а F или X, а противорахитный витамин—не D, а E.

Совершенная необходимость для жизни и здоровья разных витаминов, открытая только за последние годы, ощупью, так сказать, чувствовалась всегда и людьми и животными. Не даром хищники и четвероногие, и пернатые поедают у своей добычи прежде всего кровь, мозг и внутренности (печень, почки и т. п.), а мясо (мускульную ткань), на которое так падки люди, оставляют на всякий случай, а то и бросают. Не даром хищные звери так охотно и много едят и растительной пищи. Медведь или барсук ест ее гораздо больше, чем животной пищи, но и лисица и куница, и даже волк охотно едят плоды и ягоды.

В поверхностных или близких к поверхности слоях моркови, огурцов и разных фруктов больше витаминов, чем в сердцевине, а наше кухонное приготовление пищи слишком часто уничтожает содержащиеся в сырых продуктах витамины. Этим, конечно, объясняется инстинктивное предпочтение, отдаваемое детьми сырым овощам, неочищенным яблокам и грушам и т. п., а также любовь жителей Севера, где нередко грозит цынга, к сырой рыбе и сырому мясу.

Не все витамины одинаково нужны всем животным: так, крысы могут обходиться без витамина C, а голуби—без витамина A, но и человеку, и собаке они необходимы.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ

Из всего изложенного вытекает ряд правил целесообразного приготовления пищи как для людей, так и для животных, в частности для собак. Пища должна быть по возможности разнообразна и свежа. При хранении как молока, так и зелени и овощей витамины в них все более убывают и, напр., в картофеле, сбереженном к весне, их почти нет; потому-то так всегда ценился молодой картофель, хотя в нем почти нет крахмала, т.-е. собственно питательного вещества, зато есть витамины B и C. Долго хранимое мороженое мясо, равно как и дичь в холодильниках, также постепенно беднеют витаминами.

При приготовлении пищи не следует ее подвергать сильному и продолжительному жару, а приготовлять ее по возможности быстро. Поэтому варка под давлением, при особо высокой температуре (в так называемом папиновом котле) с точки зрения содержания витаминов—недопустима. Варить сразу большие количества пищи, в больших котлах, хотя и

экономно в отношении топлива (и труда), но также очень вредно в отношении витаминов. Как ни удобны в хозяйстве—особенно для одинокого человека—„термосы", т.-е. ящики, сохраняющие котелки горячими, и в которых, поэтому, в течение ряда часов „доходит" доведенная до кипения пища, не требуя больше топлива и присмотра, но и при их употреблении продолжительное нагревание (хотя и при температуре несколько ниже 100°) сильно вредит витаминам. Вообще овощи, фрукты и зелень лучше потреблять в сыром виде, а если приготовлять, то, как и рыбу и мясо, лучше печь и жарить (недолго), чем варить. В случае же варки отварную воду, вытянувшую в себя витамины первой группы, не выливать, а использовать в виде супа. Горячая сушка овощей и зелени также вредна.

Всякого рода консервы, будут ли они мясные, рыбные или овощные сушеное, пастеризованное или твердое молоко, яйца в порошке, солонина, ветчина, колбасы—все это лишено витаминов или бедно ими. Отсюда, например, почти неизбежная цынга на прежних парусных кораблях, медленно тянувшихся по морям с запасами солонины для экипажа, или в полярных экспедициях, богато снабженных консервами, но мало пользовавшихся свежими овощами и свежим мясом.

Всякого рода каши и печения из полированного риса, шелушеной кукурузы, хлеб из муки тонкого помола, с отсеянными отрубями и „пылью",—все это очень бедно витаминами в сравнении с продуктами из неочищенных зерен, с хлебом из цельных зерен или же из муки грубого, так называемого „интендантского" помола. Рыбий жир, который держат на свету, в плохо закрытой бутылке, как это часто приходится видеть, скоро становится совершенно бесполезным. Яйца гораздо полезнее сырые или сваренные всмятку, чем крутые. Растительные масла („постные") очень бедны витаминами сравнительно с коровьим маслом и животными жирами. Но перетопленное сало („смалец") теряет витамины от перетопки.

Понятно, что и одними витаминами существовать нельзя нужен также материал для построения клеток тела и источник энергии, значит нужна и определенная калорийность пищи. Необходимы и удобоваримость и усвояемость ее организмом, почему обходиться одними сырыми продуктами, конечно, трудно. Да и вкус пищи играет очень большую роль в пищеварении, а сырая пища—особенно мясо—не всем нравится. Это может показаться странным, однако, работами И. П. Павлова и его школы совершенно установлено, что приятный вкус пищи сильно содействует достаточному выделению слюны и желудочного сока, без чего правильного пищеварения быть не может. Наконец, надо

считаться и с тем, что и мясо, и овощи могут содержать в себе или случайно попавшими на поверхность зародыши разных вредоносных паразитов (финны, трихины, солитеры и т. д.). Молоко неизвестного происхождения может оказаться содержащим бациллы туберкулеза („жемчужная болезнь" у коров) или брюшного тифа. Кипячение это все в значительной степени предотвращает. Но надо помнить, что и без витаминов жить нельзя, и потому избегать продолжительного кипячения.

ИСТОЧНИКИ ВИТАМИНОВ

Первоначальным источником витаминов, вообще говоря, служат растения (и наземные, и мелкие водоросли моря), в которых витамины развиваются под влиянием того же солнечного света, который вообще является источником всей жизни на земле. Поедая растения, животные получают нужные для них витамины, и когда источник этот богат, например, в летнее время, то животные даже отлагают в своих органах большие запасы витаминов, которые постепенно и расходуют в то время, когда завядший сухой корм (сено, солома, подножный корм из-под снега) уже слишком беден витаминами. Хищные животные в свою очередь получают витамины из органов поедаемой ими добычи. Таким образом и молоко коровы, и желток куриных яиц, и печень овцы или вола или северного оленя могут быть очень богаты витаминами в то время, когда обильный солнечный свет снабжает ими свежий корм этих животных,—и очень бедны ими в конце зимы, когда отложенные летом запасы витаминов уже израсходованы. Надо заметить, что далеко не все части солнечных лучей производят витамины. Этим свойством обладают только так называемые химические, за-фиолетовые лучи. А эти лучи не проходят сквозь обыкновенное стекло. Поэтому зелень и всякие овощи и фрукты богаты витаминами лишь тогда, когда они выросли под открытым небом. Выращенные в парниках и оранжереях, или в комнате, вообще под стеклом, они витаминов лишены. Витамины второй группы, растворимые в жирах, в частности противорахитный D, может под влиянием солнечного света (его за-фиолетовых лучей) образовываться и в организме животных. Именно, он образуется в холестерине, находящемся в жире подкожной клетчатки. Вот почему так важно и для людей (в особенности детей), и для домашних животных (особенно щенков) побольше находиться на воздухе, на солнце. Вот почему в теплое время года полезно быть на воздухе как можно меньше одетым: ведь не только стекло, но и ткани одежды задерживают нужные солнечные лучи.

Стекло, пропуская только тепловые и световые лучи и задерживая за-фиолетовые, делает комнатную жизнь плохо действующей на здоровье. Но уже несколько лет назад в Англии было изобретено особое вещество, прозрачное, легкое, гибкое, небьющееся, легко режущееся и пропускающее химические лучи. Названо оно „виндолит". Замена им стекла в Лондонском зоологическом саду сразу значительно улучшила здоровье содержащихся там животных. В подобном же роде вещества теперь выделываются и в Германии, и в Америке (в последней—под именем „Силогляс"). Года два назад 1 кв. метр виндолита стоил около 4 рублей (последних цен не имею). Значение такого рода составов для физического благоденствия и людей и домашних животных может быть чрезвычайно важным.

Подобно настоящему солнечному свету содействуют образованию витаминов за-фиолетовые лучи и других источников света, например, кварцевой электрической лампы с ртутными парами. Ею и пользуются для получения витамина D из холестероля (или, как у нас чаще говорят, холестерина). Это очень давно известное почти белое кристаллическое вещество, нерастворимое в воде, но растворимое в спирту, хлороформе и т. п., содержащееся в мозгу, в печени, в подкожном жире, но в особенности в хорде или спинной струне (напр., вязига осетровых рыб). Холестероль сам по себе не предохраняет молодых животных от рахита, но если подвергнуть его 2—2½ часа (не более) действию за-фиолетовых лучей ртутной кварцевой лампы, то он начинает так же хорошо исцелять рахит, как и рыбий жир. Нагревание уничтожает это свойство, но новое действие тех же лучей опять восстановляет его. Этим свойством холестероля (вернее — действующей составной его части—эргостероля) и воспользовались уже. В Лондоне еще в 1927 г. выпущен был в продажу витамин D в виде пилюли под именем „радиостоль", затем вместе с витамином A в виде масла („радиостолеум") и вместе с витаминами A и B в виде эмульсии с солодовым экстрактом под именем „радиомальт". Имея такие концентрированные, витаминизированные пилюли и капли, можно с гораздо меньшим риском пользоваться при них такими кормами, которые в противном случае могли бы вызвать заболевания.

БЕШЕНСТВО СОБАК

Лечить животных труднее, чем человека, который может сказать, что и где болит. И сделаться врачом или ветеринаром по книжке, даже по подробным лечебникам и учебникам,—немыслимо. Здесь даются самые главные и нужные краткие сведения.

Самая ужасная болезнь собак—водобоязнь или бешенство, получаемое через заражение и крайне опасное для всех других животных и для человека. Средство против него, пока заражение еще не проявилось, а находится в скрытом состоянии („инкубационный период", от 5 дней до 14 месяцев, чаще 10—60 дней),—пастеровские прививки, почти наверняка спасающие человека. Станции для этих прививок имеются: в Ленинграде—на Аптекарском острове по Лопухинской ул., д. № 12; в Москве—по Малому Казенному переулку, при Александровской больнице; в Харькове—при Харьковском медицинском обществе; в Киеве; в Самаре—при Губернской больнице; в Одессе—при Городской бактериологической станции; в Тифлисе—при Военно-медицинской лаборатории Кавказского военного округа; в Саратове; в Перми; во Владивостоке; в Казани; в Ростове на Дону; в Днепропетровске; в Колывани; в Томске и Минске. Также в следующих пунктах: Астрахань, Благовещенск, Винница, Витебск, Воронеж, Вятка, Аулие-Ата, Барнаул, Гомель, Зиновьевск, Иркутск, Кзыл-Орда, Красноярск, Курск, Краснодар, Ново-Сибирск, Нижний-Новгород, Омск, Орел, Орша, Пенза, Полтава, Пятигорск, Рязань, Свердловск, Севастополь, Симферополь, Ставрополь, Смоленск, Ташкент, Тамбов, Тула, Уфа, Чернигов.

При отправлении для прививок необходимо обратиться за справками к участковому медицинскому врачу или в отдел милиции, сельсовет и т. д. Отправка по жел. дороге и самые прививки делаются бесплатно. Начинать прививки нужно до истечения 7 дней после заражения. Конечно, после укуса раны нужно промыть (лучше спиртом) и смазать иодом.

Курс предохранения продолжается около 20 дней. Желающие пользоваться прививками могут быть приходящими или помещенными при станции.

При приеме для пользования требуются по возможности подробные сведения о покусавшем животном. Для точного определения, нанесено ли укушение бешеным или здоровым животным, предлагается доставить покусавшее животное живым или в виде трупа. Если таковая доставка почему-либо невозможна, то следует выслать голову подозреваемого животного, хорошо упакованную в ящик с деревянными опилками, или продолговатый мозг с мозжечком, или головной мозг целиком, сохраненные в большом количестве глицерина, но отнюдь не в спирте. Трупы, подвергшиеся гниению, для распознавания бешенства непригодны.

Живые животные, доставленные на станцию, оставляются в ней для наблюдений на 5—6 дней и если затем окажутся не бешеными, то возвращаются владельцу.

Павшие животные или их части исследуются около 3 недель. Лица, ими укушенные, должны прибыть на станцию

во всяком случае ранее указанного срока и вообще как можно ранее, чтобы прививки не оказались запоздалыми: если болезнь уже проявилась, то средств против нее нет. По соглашению с заведующим станцией, покусанным собакам тоже могут быть сделаны предохранительные прививки. Бешенство настолько страшная вещь, что я никогда не взял бы на себя ответственности за риск перевозки подозрительного животного на станцию издалека.

Для сокращения бешенства вообще есть лишь две меры: истребление волков и уничтожение бесхозяйных собак. Этими мерами на Британских островах бешенство выведено вовсе (в связи с 6-месячным карантином для ввоза собак).

Конечно, бешенство распространяется лишь через заражение, но где-нибудь должно быть начало этого круга заразы. И хотя не доказано, что первоначальным источником являются волки, но это кажется мне весьма вероятным.

К сожалению, бешенство наверняка определяется очень трудно, и не редко многие другие болезни принимаются за него. Воды при нем, вопреки названию, собака не боится. Лучший признак—изменение характера собаки и привычек ее: меняет обычное место лежки, избегает света, раздражается внезапным звуком, мало ест, много пьет, что-то хватает, глотает камни, дерево, ест свой помет, лижет мочу, царапает глотку, хотя не подавилась, бросается, лает хрипло и глухо, уходит из дома и т. д. Наконец, является паралич нижней челюсти и зева, течение слюны.

Конечно, при подозрении на бешенство надо уединить собаку (хозяина и бешеная слушается и ласкается, но и кусает иногда) и привязать.

Опасен не только укус бешеной собаки, но и лизание, так как заразительна слюна.

Все общие правила и местные постановления о собаках должны аккуратно выполняться. Без этого успешная борьба с бешенством невозможна.

Постановлением Совета народных комиссаров от 1 октября 1928 г. („Известия ЦИК" от 17 октября 1928 г. № 242) введена обязательная регистрация собак в городах и курортных поселках, для чего местные органы должны издавать соответствующие обязательные постановления. В дачных и рабочих поселках обязательная регистрация может вводиться местными губернскими и высшими исполкомами. Плата за регистрацию в городах с населением свыше 100 тыс. жителей—1 рубль в год, в остальных местностях—не свыше 50 копеек. Согласно циркуляру Нар. комисс. внутр. дел от 3 июня 1929 г. № 190 (Бюллетень НКВД № 23—24) регистрация охотничьих собак может передаваться городскими советами товариществам и союзам охотников.

СОБАЧЬЯ ЧУМА

Огромное опустошение среди щенят, да и взрослых собак производит собачья чума, проявляющаяся очень разнообразно в поражениях разных органов. Собака, перенесшая раз чуму, обыкновенно,—но повидимому не всегда,—впоследствии или не заболевает ею, или заболевает в более легкой форме. С другой стороны, очень часто организм ее навсегда сохраняет тяжелые следы перенесенной чумы. Поэтому выбирать именно перечумевших собак как будто нет достаточных оснований.

Чума чрезвычайно заразительна. Выработанная германскими врачами противочумная сыворотка выделывается Харьковским бактериологическим институтом и Московским ветеринарным институтом. Эта или подобная сыворотка выделывается и в Архангельском вет.-бактер. институте. Но она дорога, чумы вовсе не излечивает, а только будто бы предохраняет от заболевания ею на довольно короткое время; но и в этом отношении архангельские опыты с прививкой новоземельских собак не дали заметных выгод. Между тем прививка иногда вызывает сама очень сильное заболевание. Некоторые охотники с успехом применяют опубликованное П. Н. Саблиным средство доктора М. А. Мизерова: втирание в крестец и вообще в спинной хребет серного эфира раз в сутки два-три дня; втирать, конечно, не в поверхность шерсти, а в кожу.

Самое существование чумы, как особой болезни, еще на-днях отрицали некоторые ветеринары (см. „Вестник современной ветеринарии“ 1928 г., № 15), утверждая, что под одним этим именем объединяются несколько самых разнообразных болезней. Между тем для СССР, где целые края имеют собаку в качестве единственного упряжного животного, где охотничий промысел и скотоводство так широко распространены, вопрос о собачьей чуме имеет особо важное значение. При развитии пушного звероводства это значение еще более возрастет, так как собачья чума несомненно переходит и на лис. Поэтому сообщу обстоятельнее последние данные об этой болезни. Данные эти не раз в самое последнее время публиковались противочумным советом лондонского журнала „Фильд“, 7-й год на собранные по подписке средства ведущим с помощью Британского медицинского исследовательского совета изучения чумы собак. Работы эти были поставлены рядом выдающихся ученых (гл. обр. д-ра П. П. Лейдлоу и Г. В. Дункин) с особенною тщательностью и планомерностью и дали весьма важные теоретически и практически результаты.

Чума собак несомненно существует как одна вполне определенная и характерная болезнь. Это острая лихорадка

со скрытым периодом в 4 дня (редко 3 или 5—6), с очень характерным ходом температуры. Сначала температура резко поднимается, достигая в течение первых 24 часов до 40,6° Ц и даже несколько больше. Через сутки или двое она падает почти до нормы (около 38,6° Ц), но вскоре опять медленно поднимается и держится высоко от двух суток в легких,—до 3 недель в тяжелых случаях.

С начала же болезни появляются водянистые, потом слегка гнойные истечения из носа и глаз, воспаляются слизистые оболочки глаза. Собаку рвет, и она перестает есть; почти всегда делается понос, слизистый, со следами крови, иногда с характерным дурным запахом. Нередко легкий кашель и почти всегда наблюдается некоторое раздражение дыхательных путей, но без резко выраженного бронхита или воспаления легких. В небольшом числе случаев поражение распространяется на нервную систему; случаются припадки, иногда почти мимолетные, бессознательного состояния с жевательными движениями челюстей и с течением густой слюны. Случаются мышечные подергивания. Припадки и подергивания, усиливаясь при повторениях, переходят в судороги.

Вот чума в ее чистой форме. При очень разной силе проявления она все же дает очень небольшой процент смертности, да и то главным образом лишь у очень молодых щенят и при нервной—очень не частой—форме болезни. Однако не в лабораторных условиях, а в действительной жизни ослабленный чумным заболеванием организм собаки почти без исключений подвергается вторичным, добавочным заболеваниям чрезвычайно разнообразного характера, от которых главным образом и погибает. Словом, имеет место то самое, что мы постоянно наблюдаем и среди людей при эпидемиях гриппа (инфлюэнцы). Сам грипп с его насморком обыкновенно не опасен, но ослабленный гриппом организм не сопротивляется разным распространителям элокачественной жабы, дифтерита, воспаления в легких и т. д. и т. п.

Чума у собак сама собою не появляется, но она чрезвычайно заразительна не только с первых моментов болезни, но даже и до проявления первых признаков. Заразность ее так велика, что в условиях закрытого, не очень просторного помещения она может передаваться даже через воздух. Грызунам она не передается. Чума кошек совершенно самостоятельная болезнь, но хорьки и собаки взаимно заражаются.

В очень легких случаях узнать чуму можно лишь по характерным колебаниям температуры.

Заразное начало не особенно стойко, и зараженное помещение хорошей чисткой с полной дезинфекцией

однопроцентным раствором лизола можно обеззаразить в один день.

Возбудителем чумы является вовсе не бацилла, многократно находимая разными исследователями с 1896 г., но— как сообщал еще Карре в 1905 г., что тогда не получило общего признания,—какой-то мелкий, невидимый в микроскопы и проходящий через бактериологические фильтры возбудитель, по величине близкий к возбудителю повального воспаления легких скота.

Из внутренних органов сильно пораженного чумой животного может быть приготовлена вакцина, подкожная прививка которой делает собаку на-время невосприимчивой к заражению, а вторичная, через 10 дней, прививка уже неослабленным болезнетворным началом закрепляет эту невосприимчивость, повидимому, навсегда. Теперь принято вторую прививку делать через 7 дней после первой. Это обстоятельство, помимо долголетних лабораторных работ, проверено в Англии в течение свыше 2 лет на более чем 2000 собак разных пород, при чем из 2000 собак погибло только 7, из них от чумы собственно—лишь 2. Между тем в тех же питомниках и псарнях непривитые собаки заболевали и гибли в большом количестве.

За последний год английская вакцина испытана и в Америке, куда несколько партий ее было послано в конце 1928 и в 1929 г., и здесь она дала такие же прекрасные плоды и при прививке собак, и при прививке черных лисиц. Поэтому одна из больших американских лабораторий уже выделывает английскую вакцину, а другая отправила в Англию своих специалистов для изучения ее приготовления.

Таким образом блестящий и вполне практический успех уже достигнут. Но этим не все еще сделано.

Изготовление вакцины является операцией очень сложной и деликатной, а самая прививка требует большого опыта и уменья. Кроме того, вакцина недолговечна, а неослабленный яд болезни действителен всего только около 60 дней. Необходимо еще значительно облегчить и упростить изготовление и производство прививок (это особенно важно для мест, удаленных от больших культурных центров с их первоклассными лабораториями); необходимо—и, судя по началу, возможно—получить и предохранительную сыворотку, и лечебную, и довести процедуру до однократной прививки. Необходимо, наконец, продолжать попытки искусственного культивирования болезнетворного начала вне организма. Все это необходимо для того, чтобы предохранение собак от чумы можно было сделать действительно массовым делом, доступным и в самых глухих уголках. Но для этого понадобится еще по крайней мере один или два года неослабной работы, а следовательно и деньги.

Не надо забывать, что вся эта работа не имеет ни малейшего коммерческого оттенка. Сами ученые, посвятившие шесть лет жизни этой работе, и противочумный совет редакции журнала Фильд в Англии, ведущий работу по исследованию собачьей чумы,—все время делятся всеми полученными результатами и публикуют все технические указания в специальной научной литературе, именно во избежание возможности создания какой-либо монополии. Поэтому хотя бы в этой заключительной стадии работы охотникам и собаководам СССР следовало бы принять хотя бы небольшое участие. Дело не в сумме, а именно в принципиальном участии. Адрес противочумного фонда Фильда: Field Distemper Fund, Windsor House Bream's Buildings London, E. C. 4, England, а американского противочумного комитета (вспомогательная организация, работающая совместно с английской)—Charles H. Tyler, Secretary-Treasurer, American Distemper Committee, Ames Building, Boston, Mass. U. S. A. *

При отсутствии сыворотки, конечно, остается бороться с отдельными проявлениями чумы (понос, кашель и т. д.) да поддерживать по возможности силы организма. Полезно подкармливать бульоном, молоком с яйцом и полезно в эту пищу прибавлять 1—2 чайных ложки водки или крепкого вина. Если не хочет есть, то вливать пищу насильно: поднять голову кверху, сжать (не разжимать) ей челюсти и осторожно заливать небольшими порциями за оттянутую от зубов нижнюю губу близ угла рта.

ГЛИСТЫ

Очень часто собаки страдают от глистов, истощающих их, и щенки очень часто гибнут от них, да и взрослым они могут причинять серьезный вред. Щенки заражаются от матери, потому очень полезно давать щенной суке раз или два глистогонное, а также чаще менять у кормящей суки подстилку. Щенятам также месяцев с двух, а если замечены глисты, то и ранее,—следует давать глистогонное.

Простые и хорошие глистогонные средства такие: отвар полыни с головками чеснока, взрослым—рюмка, щенятам 2—4 месяцев—столовая ложка 3 раза в день натощак,

* Уже во время печатания книги проф. С. А. Грюнер любезно сообщил мне, что полтавский ветерин. врач Кошевой приготовил лечебную сыворотку против чумы. Такая сыворотка, если она действительна, не менее драгоценна, чем предохранительная, и работы т. Кошевого (теперь в Ленинграде) должны быть всемерно поддержаны. Но это, разумеется, не должно мешать и посильному участию в работах международного масштаба, которые ведутся противочумным фондом Фильда, собранным по подписке охотниками почти всего мира. Жаль только, что о работах наших ученых приходится узнавать случайно, а об англо-американских регулярно сообщается подробно и в научной, и в охотничьей прессе, и даже отдельным частным лицам, как я знаю по себе лично.

6 дней под ряд, на 7-й—3 раза с часовыми промежутками, и затем слабительного (касторового масла) от столовой ложки до рюмки, взрослой можно и больше.

Другое средство: слегка посоленное льняное масло в течение недели ежедневно, щенкам—от 1 рюмки до 1 чашки, взрослым — от 1 чашки до 1 стакана, по крепости и росту.

Превосходное средство—чистый скипидар (oleum terebinthinae) от 5 капель для маленьких (1½—2-месячных) щенков и до 30 капель для крупных, сильных собак, и эфирный экстракт мужского папоротника (extractum Filicis maris aethereum) соответственно от 1 до 5 капель, размешать в теплом молоке от ¼ чашки до чашки и дать внутрь. Если же собаку от этого рвет, несмотря на старания помешать ей вырвать (зажимать рот и т. п.), то ввести это средство через задний проход, клистиром, с увеличенным раза в два количеством теплого молока. Надо, однако, помнить, что скипидар опасен для почек, а папоротник—очень сильное средство, которое лучше не давать без ветеринарного врача.

Перед приемом при даче скипидара и папоротника не кормят щенков моложе 9 месяцев 12—18 часов, старше—18—24 часа. Через 1 час, а взрослым через 2, дают касторки. После лекарства этого кормить надо осторожно, теплым бульоном с хлебом, пока кишечник не успокоится.

Другие рекомендуемые ветеринарными врачами хорошие средства: один день продержать собаку голодной, вечером дать ложку касторового масла, а на другой день утром дать одно из нижеперечисленных средств. 1) Настойка коры гранатового дерева (decoct. Cort. granat. 15,0 : 100,0)—до 15 граммов на стакан воды. 2) Эфирный экстракт корневища мужской особи папоротника с тимолом (extr. Filicis maris aether.) в молоке, в меде, а еще лучше, если возможно, в кератиновой капсюле. Оба эти средства сильно действующие, и их не следует давать без совета ветеринарного врача. 3) Камала от 2 до 5 граммов (хороша только более или менее свежая, не очень долго лежалая). 4) Семена тыквы, штук 25—30, истолченные в порошок, с молоком. 5) Цитварное семя (Flores Cinnae) на меду, до 10 граммов. После дачи одного из этих лекарств (кроме камалы) через полчаса или час надо дать столовую ложку касторового масла. Если ленточный червь (цепень) вышел не весь, а головка его еще осталась (головка на тонком его конце), то через несколько дней надо повторить лечение непременно, но при этом испробовать не то же самое лекарство, которое было дано, а другое. При круглых глистах лечение приходится обязательно повторять раза 2—3; на них лучше действует цитварное семя, чем камала. Хорош настой цветов дикой рябины (flor. et fruct. Tameti). Еще лучше, но как сильно действующее,

должно давать лишь по совету ветеринарного врача—сантонин до 0,1 *г* в 3 приема через каждые полчаса.

Дозы названных пяти лекарств здесь указаны средние, и для гончих и других более крупных собак их следует увеличивать в 1½—2 раза, а для мелких, как таксы, фокстерьеры и т. п.,—в 2—3 раза уменьшать. То же, конечно, касается и щенков. Щенкам в возрасте от 3 до 6 месяцев изредка хорошо давать цитварное семя на меду, по 2—3 грамма, разделенных на два приема.

Помет (кал) полезно обезвреживать известью или креолином.

ЧЕСОТКА И БЛОХИ

При чесотках и „забойке“ и других кожных болезнях помогает частая перемена подстилки (старая сжигается) и мытье собаки мягким зеленым мылом дня 3 под ряд: хорошенько намылить и оставить пену на четверть часа. Хорошо действует также втирание простой серной мази, или 3 части по весу Sulphur sublim. на 24 части вазелина, или 1½ части креозота на 20 частей прованского масла. Или втирать смесь пополам скипидара и деревянного масла, но не всю собаку сразу, а сначала одну половину тела, через некоторое время — другую, повторять 2 — 3 раза через несколько дней.

Еще средство: 360 *г* ворвани, 75 *г* серного цвета, 15 *г* чемерицы (Radix Hellebori), 2 ложки столовых скипидара, взболтать, натереть натощак, через 3 дня смыть, через неделю повторить (не давать слизывать собаке).

Старое, но хорошее средство (Дм. Вас. Соколова, передано мне А. П. Ивашенцевым): чистого березового дегтя — 400 *г*, конопляного масла — 600 *г*, серной печени — 12¾ *г*, купороса синего пережженного—4¼ *г*, квасцов калиевых—4¼ *г*, соли поваренной—4¼ *г*. Все положить в кастрюлю и варить на огне осторожно, отнюдь не кипятя, до тех пор, пока положенная в эту смесь луковица не размякнет совершенно в мазь. Затем остудить и влить 1½ рюмки белого скипидара. Мазать собаку до кожи, но не втирать. Другое средство—втирать в больные места три дня нижеследующую мазь, вылечивающую почти от всех кожных болезней: зеленого мыла, серного цвета и чистого березового дегтя поровну, прибавить винного спирта, чтобы мазь получилась густоты свежего меда. На четвертый день — ванна из креолина (по 4¼ *г* на стакан воды). Если болезнь разошлась, то нельзя мазать всю собаку, а лишь четвертую часть.

Очень полезно втирание, как и при блохах, бензина, смешанного пополам с настоящим деревянным маслом, или перувианского бальзама пополам с глицерином (по весу).

Мазать раза три, оставляя собаку смазанной на сутки, затем смывать с дегтярным мылом и через час-два смазывать снова.

Наконец, помогает при накожных болезнях то же средство, которое очень хорошо от блох и от вшей: мытье крепким отваром листовой махорки. Это делается так: на одно ведро кипятка берут около полубутылки (1 — 1½ стакана) золы и 400 *г* сухого или 600 *г* свежего табаку (лучше—махорки), нарезать листья и сварить в кипятке. Можно вместо этого взять в аптеке табачного отвара и развести в 20 раз водой. Собаку сначала моют с зеленым мылом или же делают ей вместо этого ванну такого состава: на каждые 100 частей воды—2 части весом негашеной извести и 4 части поташа, развести и выкупать собаку. После мытья погружают собаку в вышеописанную табачную ванну, окунают 10 раз, причем только последний раз — с головой, зажав, однако, руками уши, глаза и ноздри, чтобы отвар не попал туда. Затем сейчас же выводят или выносят собаку на свежий воздух и освежают ей голову холодной водой, так как от этого купанья может у нее закружиться голова. Конечно, не нужно позволять собаке облизывать с себя этот отвар (напоминаю, что ведро воды весит около 12,3 *кг*). От некоторых родов чесотки помогает мытье отваром рябиновой коры. Во всяком случае главное—не запускать болезни, а скорее принимать меры и при возможности—советоваться с ветеринарным врачом.

Лучшим средством от блох остается персидский порошок (pulvis Pyrethri): смачивают порошок водкой и хорошенько втирают в кожу; выпавших и вычесанных гребнем очумелых блох вместе с подстилкой, на которой производят втирание и вычесывание, сжигают. Хорошо от блох также вымыть раствором креолина—1 столовая ложка на 1 ведро теплой воды. Мыть, начиная с головы (не попасть в глаза и нос), и затем вымыть мылом. Надо помнить, что от разных глистов страдают и люди, между тем плоские глисты (солитеры) несомненно проходят через блох, как промежуточных „хозяев" (частью и через мух), и потому борьба с блохами и т. п. паразитами вдвойне важна. А главный способ борьбы—чистота и повторяемое раза два в месяц обеззараживание помещения (мытье полов, нар и всех принадлежностей табачным отваром, креолиновым раствором и т. п.). Стены и кормушки можно также смазывать раствором извести. Еще лучше, если можно, все окуривать формалином. Мусор и подстилку почаще сжигать. От щенячьих вшей немецкие руководства очень рекомендуют подстилку и место прогулки щенят посыпать золой. Эти вши иногда губят целые пометы, но мои псы от них не страдали, и я этого средства не пробовал.

ДОМАШНЕЕ ОБУЧЕНИЕ И ПОЛЕВАЯ НАТАСКА СОБАК

С шалым, своевольным псом—не охота, а сущее наказание; с вежливой же, послушной собакой и в скудных местах охота и приятна, и добычлива.

Хорошо натаскивать собак так же трудно, как быть настоящим мастером в любом деле: нужны и природный талант и большой опыт. Но при настоящем желании и старании толковый человек со всяким делом может справиться сносно. Если щенок действительно породистый и происходит от „полевых", т.-е. рабочих, собак, то он очень легко научается всему, чего следует требовать. Сравнительно редко бывает, что охотничья страсть в нем просыпается поздно, на втором, иногда на третьем году.

У собаки, в смысле ее обучения, три главных врага: жена и дети хозяина, которые играми и ласками балуют пса, и, в-третьих, горячность и бестолковость самого хозяина.

Основные правила воспитания и обучения собак, как и всяких других существ, включая собственных детей, одни и те же и очень простые; надо только всегда о них помнить и твердо соблюдать. Вот эти правила.

1) Начинать воспитание, т.-е. приучать к послушанию, как можно раньше, только бы воспитанник понимал, чего вы требуете от него.

2) Не требовать ничего лишнего или трудно выполнимого, никогда не запрещать того, что возможно допускать.

3) Никогда не разрешать запретного, не отменять раз данного приказания.

4) Ни в коем случае не допускать ослушания, но настаивать и, в случае нужды, насильно заставить исполнить приказание.

5) Никогда не обманывать воспитанника даже в шутку.

6) Отнюдь не ставить воспитанника в необходимость сделать что-либо запретное.

К этим основным правилам надо прибавить очень немногое: учить щенка по возможности чаще: 4—5—6 раз в день, лучше всего перед кормежками. * Уроки не длинные, чтобы не надоедать. Раз выученное повторять ежедневно и требовать полной отчетливости выполнения. За исполненное приказание непременно сейчас же награждать: одобрением,

* Это правило, впрочем, далеко не безусловное. Нередко такое частое повторение даже самых простых и коротких уроков может надоедать собаке, а этого во всяком случае необходимо избегать. Всякое проявление утомления, сонливости (зевота, например)—лучшие признаки того, что урок непомерно затянулся.

лаской и лакомым кусочком. При невыполнении мягко настаивать, объяснять *, и если приказание несомненно понято, то за неисполнение наказывать выговором, бранью, даже потрясти слегка за шиворот. Наконец, привязать и оставить на короткое время. Только в крайнем случае слегка ударить прутиком вдоль бока или по ляжке, но битье — последнее дело, и без него вполне можно обойтись. Настойчивый, спокойный, сдержанный воспитатель всего добьется без побоев, лаской и своим упорством.

Приучая что-либо исполнять, надо употреблять одно и то же слово в виде приказания, один и тот же знак. Слова надо выбирать короткие, ясные, звучные, каких и в русском языке довольно, но исстари у охотников в обычае некоторые французские и английские приказания; указываю и их для желающих.

Учить щенка следует:

1) Не гадить на полу.

2) Не красть и вообще не брать вещей без разрешения (своя игрушка, какая-нибудь чурка, должна у него быть).

3) По приказу „на место“ итти на свою постель.

4) Подходить по зову „сюда“ (или „иси“), также на свист и на безмолвный знак (хозяин хлопает себя по ляжке).

5) Не трогать пищи или чего-либо другого, данного ему, по слову „нельзя“ (или „тубо“).

6) Наоборот, брать по приказанию „возьми“ (или „пиль“).

7) Сразу ложиться по слову „ляг“ (или „даун“, или „куш“), и по знаку (поднятая вверх рука, которая затем опускается), и не вставать, пока не позовут голосом или знаком.

8) Итти сзади хозяина по слову „назад“.

9) Подвигаться понемногу вперед по команде „вперед“.

Вот и вся необходимая комнатная премудрость, которой обучать, конечно, надо не сразу, а постепенно, т.-е. переходить к следующему, выучив одному. При обучении полезно надевать на щенка ошейник с небольшой веревкой, чтобы он был всегда в пределах досягаемости.

Очень полезно, однако, приучить щенка подавать брошенную вещь по команде „подай“ (или „аппорт“). Но не позволять бросаться к ней без приказания, а также не употреблять для этого камней и вообще твердых, тяжелых и мелких предметов.

Недурно также приучить щенка к виду ружья и шуму, им производимому (конечно, пистоном), также еще в комнате,

* Собака—животное чрезвычайно умное, уступающее в этом отношении только человеку да высшим обезьянам (м. б. еще еноту и слону), но все же понятливости ее отнюдь не надо преувеличивать. Двухлетний ребенок, хотя бы он только-только начал говорить, в умственном отношении все же стоит выше собаки, и этого никогда не надо упускать из вида. Требуя непонятного для нее и наказывая за невыполнение, можно только запугать и испортить собаку.

при кормежке. Можно приучить искать спрятанные в комнате кусочки по слову „ищи“ (или „шерш“). Но основа всей дрессировки—в безукоризненном выполнении, по слову или знаку,—„даун“ или „ляг“, и „сюда“, и вообще в послушании и доверии к хозяину.

При прогулке в поле все эти уроки надо повторять и расширять, оставляя, напр., собаку лежать вдали от себя, даже уходя из вида, а также по возможности приучая ее не обращать внимания на мышей, воробьев и т. п. Конечно, в поле ошейник с веревкой совершенно необходим, только веревка должна быть метров 8—10 длиной, с петлей или кольцом на свободном конце, а самому надо иметь деревянный или, лучше, железный прикол, чтобы закреплять конец веревки к земле. Веревка позволяет всегда поймать и задержать щенка. При полевой дрессировке (обучении) можно приучать щенка постепенно к звуку настоящего выстрела, непременно приучая при этом ложиться без особого приказания, по звуку выстрела и по виду поднимаемого ружья. Затем приучать ходить на веревке или сворке, не путаясь в ногах и не оттягивая руки хозяину; наконец, бегая, следить за хозяином, направлением его хода и делаемыми им знаками.

Натаску, т.-е. обучение по дичи, можно начинать тогда, когда щенок совершенно твердо усвоил всю вышеупомянутую премудрость. При этом необходимо, чтобы дичь уже интересовала натаскиваемого, что обычно бывает значительно раньше у сук, чем у кобелей. Если этот интерес, т.-е. охотничья страсть, уже проявляется, то нечего стесняться тем, что пес еще молод.

Натаску начинать следует на возможно более открытых местах, где видны поиск и ошибки ученика, и он чувствует себя на глазах. Притом лучше всего по бекасам: у них запах слаб, и если пес сразу привыкнет к очень пахучей дичи, то не будет замечать менее пахучей. Да сторожкий бекас приучит и к осторожности.

За неимением бекасов и другой болотной дичи годятся и перепела, но отнюдь не дергачи или болотные курочки. Годятся также куропатки и лесная дичь,—если нет другой.

При натаске полезно сворку (веревку при ошейнике) удлинить до 15—20 метров. Ружья лучше не иметь, даже если дело не весной, чтобы учителю самому не увлекаться и не горячиться, а думать только о собаке. Задача натаски—ознакомление с дичью и подтверждение полного послушания, несмотря на волнения, причиняемые запахом и видом дичи. Нужно приучать собаку ложиться и при взлете дичи без выстрела. Главная же добавочная задача натаски—выработать правильный поиск. Собака должна искать вскачь, „челноком“ или „восьмеркой“, удаляясь от пути охотника

то вправо, то влево метров на 60—80, заворачиваясь не слишком круглой дугой, и каждый раз пересекая путь охотника впереди него метрах в тридцати. Таким образом, оказывается обысканной полоса общей шириной метров в 150, подвигающаяся по возможности против ветра со скоростью хода охотника.

Затем вырабатывается осторожная подводка к дичи. Не следует без необходимости заставлять молодую собаку спугивать дичь.

Начав стрелять из-под собаки, охотник все же должен думать больше всего об ней, никоим образом не горячиться, не жадничать, не бегать, не кричать, не стрелять случайных птиц не из-под стойки, словом, не горячить собаку, не торопить, но успокаивать, следить за ней, не пропускать без замечания и порицания ее ошибок, но поправлять спокойно; также не пугать, не толкать ее.

Только поставив собаку хорошо в болоте или в поле, начать таскать ее в лесу, где придется несколько сократить ее поиск, и можно постараться приучить ее отходить со стойки и тем развить у нее „аннонс" или доклад о найденной дичи.

Кто хочет хорошо охотиться по долгоносой и лесной дичи, тому лучше не таскать молодую собаку по утиным выводкам. Но хорошая, умная собака, с которой хозяин много охотится, со временем отлично поймет, что для каждой дичи и каждой местности есть свои приемы, охоты, и будет выгонять молодых уток и ловить подранков, окружать бегущих куропаток или черныша,—и великолепно стоять по бекасам.

Всякий по себе знает, как много значит во всяком деле практика. Еще большее значение имеет она для собаки. И нельзя ожидать, чтобы собака, бывающая в поле и видящая дичь 10—20 раз в году, работала так же, как и собака, имеющая почти ежедневную практику.

Если приучать к поноске, то отнюдь не позволять бросаться к упавшей дичи без приказания.

Вполне возможно приучить собаку делать стойку по зайцу и в то же время отнюдь не гнать его, если последнего не стреляют.

Это краткие основные правила натаски легавой собаки. Натаскивать лайку по крупному зверю, по пушному зверю или глухарям и т. д., наганивать гончих,—конечно, заставляет предъявлять в зависимости от условия этих охот несколько другие требования, но основные-то правила, постепенность и простота обучения, выработка полного послушания—по существу те же. Подробности же (как и об натаске легавых) надо искать в указанной в своем месте специальной литературе.

О РЕФЛЕКСОЛОГИИ

Для первобытного человека всякого рода животные были таким же, как он, разумными существами. Даже больше того. И растения, и камни, весь внешний мир он наделял жизнью, „душой", а многих зверей даже обожествлял и считал за своих родовых покровителей („тотемы"). Такого рода отношение сохранялось у многих высоко культурных народов древности (культ быка-аписа, мумии кошек и крокодилов у египтян, гуси римского Капитолия и т. д., и т. п.) И в современной жизни сохранилась еще масса остатков тотемизма и культа животных. Эти следы находим в виде группы сказок о животных, в которых животные действуют и говорят, как люди, а иногда и совершают чудеса (напр., „конек-горбунок", „золотая рыбка" и т. д.). Почти столь же ясны они во множестве разных религиозных и бытовых запретов пищевого характера. Нельзя есть зайца (ушкана), раков, свинины, конины и т. д. Ясно, что в основе лежало уважение: нельзя есть мяса божественного покровителя своего рода, своего „тотема". С ходом тысячелетий старые религии вымирали, смысл и причина запретов забывались, но самый запрет, самый факт запрета („табу")– сохранялся. И так как очень часто старые, свергнутые божества в свете новых религий превращались в чертей, то нередко и тотемное животное в обычном представлении из „священного" превращалось в „поганое", но, конечно, с тем же результатом: мяса его есть нельзя,—этот основной факт оставался, и вульгарная мысль даже старалась подыскивать яко бы разумные объяснения (трихины в свинине и т. п.) тому, что по существу является лишь пережитками первобытных религиозных представлений без тени реальных оснований.

При таком отношении к животным, при воспитании бесконечных поколений на сказках о лисе-патрикеевне, сером волке и т. д., известных почти во всем мире, естественно не появлялось в достаточно резкой форме и вопроса об отличиях ума животных от человеческого. И, несмотря на различные теории ученых средних веков и нового времени (напр., Декарт считал животных просто автономными машинами без всякого сознания), в популярной литературе о животных прочно держится очеловечение их („антропоморфное" отношение). Не совсем лишена этого оттенка даже „Жизнь животных" такого превосходного наблюдателя, как Брем. А некоторые работы, в роде „Любовь, сознательность и семейная жизнь у животных" д-ра Паргамина, нельзя назвать иначе, как смехотворными каррикатурами на действительность. И, наблюдая животных с целью проникнуть в явления их сознания, трудно, конечно, отделаться от

некоторого очеловечения их, так как о явлениях сознания вообще мы судим по себе самим, т.-е. знаем только человеческое сознание.

Огромный шаг вперед сделан был в недавнее время применением к изучению жизни и психики („душевной" жизни) животных точных, беспристрастных („объективных") способов исследования Торндайком в Америке с 1898 г. и затем в особенности И. П. Павловым у нас, создавшим целую школу точных, инструментальных приемов исследования в этой области, как ранее он сделал то же самое для изучения пищеварения.

Так называемая „душевная" или, что то же, психическая деятельность высших животных есть высшая нервная деятельность. Великий наш физиолог И. М. Сеченов еще в 1863 г. назвал ее „рефлексами головного мозга" в замечательной работе под этим названием. И эта плодотворная идея была разработана в имеющих мировое значение трудах И. П. Павлова и его школы, а также В. М. Бехтерева и его учеников.

Если взять лягушку и отрезать у нее голову, следовательно лишить возможности видеть и слышать (а также думать, хотеть и чувствовать сознательно), а затем, пока остальные ткани и органы еще живы, капнуть ей на одну из ножек кислотой, которая будет жечь кожу, то лягушка с отрезанной головой сейчас же другой лапкой смахнет эту каплю кислоты совершенно так же, как обыкновенная лягушка с головою на плечах. Точно так же человек в глубоком сне смахивает рукою, не просыпаясь, муху, бродящую у него по лицу. Эти явления называются **простыми** „рефлексами" (рефлекс значит—отражение). Такими же простыми рефлексами являются, например, чихание или кашель, когда соринка попадает в нос или дыхательное горло, слезотечение, когда такая же соринка попадет в глаз. Дыхание есть рефлекс, вызываемый накоплением угольной кислоты в крови. Выделение пота есть рефлекс на повышение окружающей температуры. Этот список можно продолжать чрезвычайно долго. Самый ход такого простого рефлекса состоит из следующих частей. Во внешней по отношению животного среде наступает какое-то изменение (жара, капля кислоты и т. д.), которое действует на органы животного, являясь по отношению к ним раздражителем („стимулом"). Это раздражение (характер его зависит и от характера раздражителя, и от характера органа, воспринимающего раздражения) по чувствующим нервам передается к соответствующему участку спинного или нижнего отдела головного мозга, а отсюда по двигательным (или секреторным) нервам передается тому же или другим органам соответствующего характера побуждение и является ответ („реакция") на

полученное раздражение. Таким образом и замыкается дуга пути рефлекса.

Простые или безусловные рефлексы безусловно необходимы для поддержания жизни. Они наследственны и следовательно имеются у организма с момента его рождения; они являются ответами на прямые непосредственные раздражители или возбудители.

Кроме этих „простых" рефлексов, имеется также огромное число гораздо более сложных „условных" рефлексов, приобретаемых каждою особью в течение ее жизни. Они являются ответом не на те прямые раздражители или стимулы, с которыми, по существу связаны, но на замещающие их побочные раздражители, так что рефлекс как бы предупреждает, является раньше наступления основного раздражителя. Например, кусок пищи, всунутый в рот крепко спящего человека или собаки, раздражая язык и нёбо, вызовет слюнотечение. Это простой рефлекс. Но голодный человек или собака видит кусок мяса или слышит запах пищи, или даже слышит только звон посуды в кухне,—и у них рот также наполняется слюной. Это пример условного рефлекса. Здесь никакого раздражения органов и оболочек рта еще не наступало. Никакой надобности в слюне, помогающей пищеварению, еще нет. Слюнные железы начали усиленно вырабатывать слюну заранее, под влиянием того „представления" (мысли) о пище, которое вызвано ее видом, или запахом, или звоном посуды.

Ход дуги таких условных (или сочетательных) рефлексов ведет не через нижние отделы мозга, а через серое корковое вещество больших полушарий головного мозга. Потому-то И. М. Сеченов и назвал их рефлексами головного мозга, в противоположность простым рефлексам или рефлексам спинного мозга. Дело, конечно, не в новом названии, а в том, что название это выражает объяснение. Сеченов и Павлов свели сложные и многообразные явления душевной жизни к явлениям того же нервного порядка, но значительно более простым, указав их сходство и различие, и этим позволили понимать их и исследовать далее. Вся жизнедеятельность животного организма, вся его приспособляемость к условиям внешней среды является сложной и длинной цепью врожденных (простых) и благоприобретенных (условных) рефлексов. Заяц, лежа поздней осенью под кустом, слышит шаги охотника, треск веток и шелест травы. Никто еще не трогает его, но он уже съеживается, кладет уши на спину и все теснее прижимается к земле, делаясь незаметным в траве, пока не пройдет охотник. Другой заяц, может быть более старый и быстроногий, в таких же условиях, наоборот, бросается убегать со всех ног при первом же донесшемся до него шорохе, далеко не подпуская охотника. И в том и в другом

случаях эти действия зайца—проявление условного рефлекса, проявление стремления спастись ранее, чем охотник схватил или ударил его. Разные способы спасения могут зависеть от быстроногости, от состояния шкурки (выцветший беляк в бесснежную осень избегает движения днем), наконец, просто от личного характера (один — пугливее, другой— смелее).

Чтобы дать понятие о самом методе исследования условных рефлексов, вот простой пример. У здоровой собаки производится искусственная слюнная фистула, т.-е. проток одной из слюнных желез выводят путем маленькой операции на щеку. По заживлении ранки к отверстию выводного протока прикрепляют маленькую стеклянную воронку или рычажок особого приборчика с самозаписывающим барабаном и получают возможность сосчитать и число капель слюны, и распределение их во времени,—через сколько секунд одна капля падала после другой,—и общее количество выделенной слюны. Собаку сажают в особое небольшое помещение, совершенно закрытое и уединенное от всяких внешних влияний. Но в помещении этом имеются приборы, которые могут производить звуки, движения и т. п. Например, звонок, звуковая сирена, небольшая мельничка-вертушка, электрические лампочки разных цветов и т. д. Кроме того, там может появляться блюдечко с едой и опять скрываться. Все приборы, упомянутые выше, воздушными или электрическими проводами соединены с другой комнатой, где тихо сидит наблюдатель и через небольшое отверстие с системою зеркал видит собаку, хотя она его видеть и слышать не может. Он может даже у себя отсчитывать, с помощью особого устройства, каждую каплю слюны, выделяемую собакой, сейчас же по ее выделении. Затем устанавливают „ассоциацию", т.-е. связь между каким-нибудь (например, световым) раздражителем и едой. В течение нескольких дней наблюдатель из своей комнаты нажатием на кнопку зажигает перед собакой лампочку и через несколько секунд таким же путем выдвигает перед ней чашку с едой и дает секунд 10—15 есть (обычно толченые сухари с мясным порошком). Сначала разумеется выделение слюны происходит только во время самой еды (безусловный рефлекс). Но затем вскоре появление света становится для собаки сигналом будущей дачи корма, и слюна начинает выделяться уже с зажиганием лампочки. Установив и укрепив повторением такой условный рефлекс, можно вести исследование глубже и проследить, различает ли собака разные степени яркости, или разные окраски света, или,—действуя звуком,—разные звуковые тоны. Например, после сигнала определенного высокого тона давать еду, а после низкого тона—нет. Сначала, конечно, и после

низкого тона будет выделяться слюна. Когда оба тона будут различаться по действию (т.-е. слюна будет выделяться только в ответ на высокий звук, а при низком перестанет выделяться), можно низкий тон слегка повысить и опять добиться определенного его действия, а высокий тон слегка понизить, давая после него корм. Сближая таким образом оба звуковых раздражителя, один действительный, с последующим кормом (и предварительным, до корма, выделением слюны), а другой, так сказать, холостой, без корма и без действия на слюнные железы,—мы, наконец, найдем такой небольшой разрыв между этими двумя сигналами, что собака перестанет их различать; она будет давать на оба один и тот же ответ.

Конечно, достаточно обыденного знакомства с собаками, чтобы сказать, что у них зрение плохое, много хуже, чем у человека, а слух очень тонкий, много острее нашего. Но насколько острее или хуже—наугад не скажешь. Методом же И. П. Павлова удалось точно установить, например, что собака хорошо различает форму предметов (круг, квадрат, овал), очень точно различает светосилы, отличающиеся друг от друга всего на одну тысячную метро-свечи. Движение вправо собака отличает от движения влево. Но окраски, т.-е. световых лучей с разной длиной волны (красного от желтого или зеленого и т. д.), собака повидимому не различает подобно людям, страдающим дальтонизмом. Собаки отличают гладкую поверхность от шероховатой. Отличают также температуры с разницей всего в 2—3 градуса. Запахи, конечно, они различают превосходно, как и можно было ожидать. Что же касается звуков, то собаки различают разницу в одну восьмую тона, тогда как европейская музыка довольствуется разницами всего в полтона. Что касается высоты звука, то собаки различают звук в 80 тысяч колебаний в секунду от звука в 100 тысяч колебаний в секунду, тогда как для человека оба эти звука не существуют.

Здесь я все время говорю о самых простых примерах, только чтобы дать самое общее понятие о методе акад. Павлова. Но рефлексология, т.-е. наука о рефлексах, уже сейчас весьма обширна. Ею много сделано отнюдь не только для изучения явлений раздражения, но и „торможения“ или задержки ответа, явления индукции, контраста и т. д. и т. д.

О явлениях торможения, предвиденных уже Сеченовым, скажу два слова. Положим, после ряда опытов собака отвечает слюнотечением на низкий звук сирены, после которого ей давали корм, и совершенно не выделяет слюны после высокого звука, после которого она пищи не получала. Значит ли это, что при высоком звуке в соответствующем центре мозговой коры у собаки при этом не происходит никакого процесса?—Если мы во время звучания высокого

тона произведем внезапно какое-нибудь постороннее раздражение, например, заставим вспыхнуть лампочку, то у собаки появится слюна, как при низком звуке,—и это несмотря на то, что ни высокий звук, ни электрическая лампочка никогда раньше сами по себе у данной собаки слюны не вызывали. Это доказывает, что мозговые клетки того центра коркового вещества, на который действует высокий звук, вовсе не находились сейчас в состоянии безразличного покоя, а находились в состоянии „торможения", т.-е. были как бы в состоянии процесса, прямо противоположного возбуждению. Вспыхнувшая в это время лампа является как бы внешним толчком, устраняющим это „торможение", при чем немедленно и проявляется процесс возбуждения, дающий себя знать отделением слюны.

Процессы торможения так же многочисленны, сложны и важны в общем проявлении жизни, как и процессы раздражения. Между прочим опыты выяснили, что каждое животное, поставленное перед трудной задачей, имеет предрасположение или впасть в состояние „аффекта", указывающего на общее хаотическое раздражение разных участков мозговой коры,—или же, наоборот, впасть в вялое и сонливое состояние, результат преобладания процессов внутреннего торможения. Уже упоминалось, что раздражители, как положительные (настоящие раздражители), так и отрицательные (тормозные), могут быть внутренними. Желудок пуст—животное ищет пищи. Кровь переполнена выделениями созревших половых желез,—животное ищет особь противоположного пола и т. д. Жизнь показывает массу примеров сложного взаимодействия и взаимоограничения между различными рефлексами. Напр., в поисках самки самец не обращает внимания на пищу, или,—как часто делают петухи,—отдает найденную пищу курице. Или два самца дерутся из-за самки, пока один из них не получит угрожающих жизни повреждений. Тогда рефлекс необходимой охраны жизни берет верх над половым, и раненый удаляется. Возбуждение и торможение при этом распространяются в мозгу по строго определенным, готовым нервным путям. Определенная сила внешнего или внутреннего раздражителя сейчас же вызывает перевес данного, соответствующего ему рефлекса и тем самым торможение всех других.

ЗНАЧЕНИЕ РЕФЛЕКСОЛОГИИ

Сказанного довольно, чтобы дать хотя некоторое представление о чрезвычайном интересе и важности работ нашего гениального физиолога акад. И. П. Павлова и созданной им школы, а также работ В. М. Бехтерева, работ,

проливших яркий свет на сложнейшие и темные вопросы работы головного мозга,—работы, создавшие целую науку, рефлексологию.

Необходимо еще предупредить против нередко встречающихся ошибок по отношению к этой новой науке. Во-первых, надо помнить, что рефлексология есть отдел физиологии. Это физиология коры больших полушарий мозга. Интереснейший и важнейший отдел, непосредственно соприкасающийся с психологией, но это не есть психология. Психология („наука о душе") занимается изучением поведения и характера организма как целой единицы, а не движениями и изменениями отдельных органов. Она занимается изучением целого организма с точки зрения явлений сознания, которое для физиологии не существует, как не существует, например, жизнь для физики или трение для арифметики. Из того, что самое название „психология", как и название „душевные явления", исторически сложившиеся, очень неудачны, еще ничего не следует. „Души", как какого-то вещества или особой силы, не существует, и, говоря о душевных явлениях, мы вовсе не думаем о старых сказках, о какой-то бессмертной душе, существующей независимо от тела. Мы просто старым, привычным именем называем определенную, несомненно существующую и всем известную группу явлений. Ведь говорим мы хотя бы о красном цвете заката или синем цвете неба, хотя на самом деле ни красного, ни синего и никаких других цветов не существует, а существуют только электро-магнитные колебания эфира с разной длиной волны колебания. И, только попадая на нормальный человеческий глаз, эти колебания производят в мозгу некоторые впечатления, называемые нами такими-то или иными цветами. Да не существует ни самого „заката" (солнце ровно никуда не закатывается), ни неба.

Рефлексология дает нам понятие о самой сущности тех нервных процессов, которые лежат в основе явлений сознания, и истинная психология должна строиться на этом реальном, объективном фундаменте. Точно так физика и химия разъясняют нам сущность тех процессов, которые совершаются в живых клетках и тканях. Без физики и химии не было бы и не может быть физиологии. Но все-таки физика и химия—не физиология. Также в физике и ее отделе—механике шага нельзя ступить без математики. Но, решая физические задачи с устранением физических понятий, лежащих вне математики, мы всегда рискуем попасть в положение одного знаменитого математика, академика Парижской академии наук, который исследовал полет обыкновенной ласточки и высчитал, что ее полет требует „четверти лошадиной силы" (точно цифру не помню, может быть не $^1/_4$, а $^1/_6$,—но во всяком случае силы, невероятно превышающей

действительную мускульную силу ласточки). Отсюда прямой логический вывод, что для ласточки полет невозможен. Математически исследование это было безупречно. Автор только незнаком был (да в то время и не мог быть знаком) с механикой полета. Точно так, например, свечу, горящую в темной комнате, можно изучать с разных точек зрения. Можно изучать механику расплавления стеарина, поднимания его по фитилю и т. д. Можно изучать разложение на составные части стеарина и вообще химию горения свечи. Но можно изучать свет, даваемый свечой, с точки зрения освещения тех или иных картин, висящих на стене, с точки зрения действия на глаза. Механика, химия, физиология зрения, гигиена глаз—все это разные науки, изучающие разные проявления, хотя в этом примере в основе их лежит одна и та же горящая свеча.

Точно так сознание есть столь же реальный факт, как свет, даваемый горящей свечой, одно из проявлений физико-химических и физиологических процессов, протекающих в сером корковом веществе больших полушарий. И, как всякий действительный факт, его должно и можно изучать. Изучение это и есть область психологии.

Другая ошибка—мнение (конечно, не у ученых людей, а у знающих о рефлексологии только понаслышке и плохо понявших, в чем дело), что рефлексология яко бы доказывает, что ум есть только у человека, а у собак и других зверей только условные рефлексы. Это в сущности повторение, в других только словах, старого изречения „у человека—душа, а у зверей—только пар". Со времен Дарвина можно считать окончательно установленной идею постепенного развития (эволюции) всех живых существ, включая и людей, из одного общего корня. Это кровное родство само по себе указывает на близость у нас и у других высших животных всех жизненных проявлений, в том числе и „душевных". Наш мозг отличается от мозга обезьяны, лошади, собаки только несколько большей относительной величиной и сложностью, однако и мозг, и вся нервная система у нас и у них построены по одному плану. Но между „душевными" явлениями и строением нервной системы существует несомненное соотношение, как и между поведением и душевными процессами. Ясно, что „душевные" явления таких высоко организованных зверей, как собаки, кошки, лошади, крысы и т. д. и т. д., не могут не быть столь же близкими к нашим, как близко в соответствующих условиях их поведение к нашему. У собак мы видим подражание, способность научаться из опыта, хорошо развитую память. Собака видит сны—и иногда такие живые, что ищет, проснувшись, то, что видела во сне. Она имеет волю, способна к комбинированным, совместным действиям (напр., пойнтер делает

стойки по перепелам, а выборзок заходит сбоку и на взлете ловит, иногда съедает сам, иногда отдает пойнтеру), значит и у собаки есть не только сознание, но и „представления" (простые идеи).

„Душевная" жизнь и сознание человека развились из жизни и сознания ниже по организации стоящих существ, поэтому по существу не отделимы от их „душевной" жизни и сознания, но, конечно, отличаются бóльшим богатством и сложностью. Человеку (взрослому) для образования простого условного рефлекса достаточно 1—2—3 опытов, а для собаки нужно 10—20 опытов, иногда и больше. Собака с трудом образует условные рефлексы второго порядка (условный раздражитель образуется путем совпадения не с безусловным, а с другим прочно установленным условным возбудителем),—а человек легко образует условные рефлексы и третьего, и четвертого порядка, и т. д., целые цепи условных рефлексов. Человек способен к многократному анализу собственных движений, совершенствуя их почти беспредельно с практикой. Собаке и однократный анализ дается трудно. Наконец, человек образует сложнейшие группы синтетических рефлексов. Говоря другими словами, человек способен образовывать отвлеченные понятия, способен к логическому отвлеченному мышлению и, главное, способен к членораздельной речи. Ум и „душевная" жизнь собаки, конечно, могут быть сравниваемы с умом ребенка одного-двух лет, еще только начинающего говорить. Между таким ребенком и умной собакой разница в уме вряд ли будет больше (я полагаю—гораздо и гораздо меньше!), чем между умом Ньютона, Дарвина, Маркса и других светил человечества— и умом одного из наиболее тупых жителей Огненной земли или внутренней Австралии (за одним важным исключением: и ребенок, и житель Огненной земли могут со временем развиться до большой умственной высоты, а собака, не владея речью, не может).

Рефлексология совершенно одинаково приложима и к крысам, и к собакам, и к людям; если она чаще говорит о зверях, то лишь потому, что с людьми делать опыты неудобно. Но все законы этой науки, законы деятельности мозга и образования „ассоциаций" столько же относятся к человеку, как и к другим животным.

Наконец, последняя ошибка, от которой хочу предостеречь. Нередко встречаешь людей, искренно увлекающихся рефлексологией и, повидимому, понимающих ее, и в то же время странно относящихся к ее терминологии. Всякая наука неизбежно имеет свой язык, свои условные обозначения. Это необходимо и полезно. Но лишь при недостаточной научной тренировке или недостаточной вдумчивости можно воображать, что в этих обозначениях имеется какая-то

особая внутренняя сила, что в специальном жаргоне заключается наука. Это странная и немного смешная ошибка. Наука лежит в приемах и способах исследования прежде всего, затем в добытых законностях, а вовсе не в словах. Такое отношение к словам, к жаргону есть просто атавизм,— наследие тех времен, когда темные, первобытные люди ожидали всего от слов, молитв, заклинаний, магических формул.

Когда человек избегает (не в научном, специальном исследовании, а в популярном руководстве) употреблять такие „вульгарные, обывательские" слова, как „память" (вместо „прочный условный рефлекс"), „испуг" (вместо „рефлекс на новизну раздражителя") и т. д., то я невольно всегда вспоминаю тургеневскую „госпожу Кукшину" с ее припевом: „в наше время как можно без эмбриологии", и того гражданина в одной из мольеровских комедий, который на старости лет узнал, что существуют на свете проза и стихи, и что он сам говорит именно прозой; придя в восторг, он всем потом надоедал сообщением, что он говорит не как-нибудь, а именно прозой. Надо быть последовательным. Ведь и кроме слов „ум", „память", „испуг", „радость", „хитрость", и т. д. и т. д. (обычные названия „душевных" явлений) мы употребляем массу других, столь же по существу бессмысленных, обывательских слов: вода, соль, веревка и много других.

Говоря научным языком, надо говорить не „вода", а „аш-два-о" (химическая формула воды H_2O), или по меньшей мере „окись водорода". Вместо „соль", надо говорить „хлористый натрий". И в химических формулах именно так, H_2O, воду и обозначают. Однако, даже и Менделеев или Меншуткин за столом вряд ли обращались к соседу с просьбой „передайте, пожалуйста, окиси водорода", а просто просили стакан воды, хотя были великие химики.

Сказать, что „животное отличает красный цвет от оранжевого", или сказать, что оно „реагирует на основании различия в длине световой волны между 650 и 600 микромикронами"—значит совершенно одно и то же, а потому одно выражение не может быть научнее или ненаучнее другого. Поэтому будем знать великие достижения и огромную пользу молодой науки рефлексологии и в то же время будем продолжать говорить общепонятно, „по-человечески", оставляя специальную терминологию для тех случаев, когда обращаемся к специалистам, или когда нужно подчеркнуть какой-нибудь действительно существующий оттенок мысли.

Для нас во всяком случае важно одно. Все те немногие основные правила воспитания и натаски собак, о которых упомянуто выше, старинные правила всякого воспитания как для животных, так и для людей, найденные ощупью,

опытом. Они вполне подтверждаются и находят свое объяснение в данных рефлексологии. Эти коренные, неизменные правила опять напоминаю:

Требовать только самых простых, ясных и понятных для собаки вещей. Постепенно и не торопясь переходить от более простых к более трудным урокам и не раньше твердого закрепления ученика на предстоящей ступени. И далее почаще вспоминать и проходить старые уроки. Всегда требовать полной быстроты и отчетливости исполнения. Ни в коем случае не утомлять, не надоедать занятиями, не запугивать ученика. Всегда быть ровным, спокойным, настойчивым. Всегда за выполнение наградить каким-нибудь кусочком, за ошибки наказывать тотчас же (выговором и т. п.) и непременно настоять на выполнении. Никогда не требовать ничего лишнего и не дозволять ничего раз запрещенного. Никогда не обманывать. Все приказания делать в одних и тех же словах, кратко и ясно.

ГЛАВА V

ПРИЕМЫ ОХОТЫ

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ПРИЕМАХ ОХОТЫ

Способы и приемы охоты—самое главное для охотника. Именно знание их, умение ими пользоваться и создает охотника. Однако, как раз этому-то искусству и нельзя научиться со слов или по книжке. Необходимы годы опыта, практики, чтобы самому изучить привычки и нравы охотничьих птиц и зверей, и не вообще, а именно в той местности, где приходится охотиться. Также в совершенстве надо изучить эту

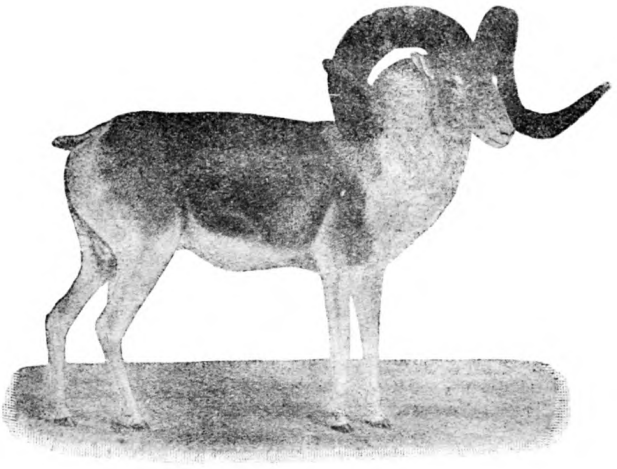

Рис. 90. Качкар (Ovis poloi Blyth).

самую местность. В этом могут помочь рассказы опытных местных охотников, а больше всего—собственная внимательность, пристальные наблюдения под открытым небом.

В изучении местности, конечно, очень большое облегчение и помощь можно получить от географических карт и планов того района, где охотитесь. В изучении повадок и образа жизни животных очень многое можно приобрести и во много раз сократить срок неизбежного ученичества, если

усвоить себе привычку вести дневник, т.-е. носить при себе записную книжку с карандашом и записывать в нее свои наблюдения.

О том, как и что наблюдать и записывать,—в последней главе есть особая статья, здесь я хочу указать на ту огромную пользу, какую извлекает из таких записей и дневников охотник. Человек, даже неграмотный или грамотный, но не ведущий записей, конечно, рано или поздно сделается знающим охотником, если он в течение ряда лет будет охотиться: ходить по угодьям, встречаться с разною дичью и обращать внимание на то, когда и где она чаще попадается, каким характером обладает и в каких случаях удается легче ее взять. Встречаясь со всем этим из года в год, он волей-неволей запомнит очень многое и будет знать то, что ему нужно для охоты. Но сколько времени и труда для этого понадобится... Ведь даже и очень хорошая память — не вполне надежный помощник. Многое из памяти ускользает со временем, а бывает и хуже: заблуждения и обманы памяти, когда уверен в том, что было то, чего на деле не было, или было, да не так. Затем, ведь, не все сплошь запоминается, а только более поразившее, на что больше обратил внимание. Но ведь малоопытный охотник не всегда и знает, на что больше обратить внимание. А затем именно то, что запоминается более интересное и забывается или не замечается то, что кажется не важным,—больше всего и подводит, и на этой почве создаются часто не знание, а пустые суеверия и предрассудки.

Рис. 91. Алатауский аркар (Ovis karelini Sev.).

Например, видел человек раз 10 дурной сон, но ничего не случалось при этом, он это и забывал. А случится из 10—15 раз дважды, что после такого плохого сна придет какая-нибудь беда или неприятность,—и уже этого он не забудет и сам будет думать, и других уверять, что у него сны „вещие“ бывают. Так и в охотничьей жизни: одни случаи будут запоминаться крепче, другие — скорее забываться, а в общем воспоминания и будут представляться, как в кривом зеркале.

Вот когда тут же в лесу, на месте что-нибудь запишешь, хотя несколькими словами всего, или в тот же день вечером, дома или на привале, и возьмешь такую привычку, так потом и через год, и через 5 хорошо можешь проверить, когда, где и что именно случилось, и точно подсчитать и начальные, и средние сроки каких-нибудь событий. Тут уже память шуток не сыграет. А кроме того и так бывает: совсем не помнишь каких-нибудь случаев, или помнишь прямо как в тумане, едва-едва. И вот начнешь перелистывать старые дневники, хотя бы за 10—12 лет назад, и нападешь на запись всего-то в несколько строчек, но как перечтешь их—так весь тот день, когда эти строки писал, все те события так одно за другим и выясняются в памяти, так что совершенно ясно и твердо навспоминаешь многое такое, чего в дневнике нет, но что само собой цепляется за отдельные, коротенькие записи старых дневников.

Рис. 92. Чубук, снежный баран.

Если вы читали прекрасные охотничьи записки Аксакова или Черкасова, или путешествия и описания Брема, Пржевальского и других,—если удивлялись, как хорошо знали они описываемых животных, посещенные страны, то знайте также, что ничего подобного этим прекрасным книгам они не могли бы написать, если бы они только полагались на свою память и не вели дневников и путевых и охотничьих записок. Без этих записей ведь у них самих не было бы и таких знаний: одна только память столько их никогда не накопит. И если Ф. Науманн дал такие удивительные по точности и обстоятельности описания птиц Германии и их образа жизни, что его работа является, должно быть, самой лучшей и самой интересной из подобных работ, когда-либо в какой бы то ни было стране написанных, то это, кроме любви к птицам, внимания и таланта, объясняется тем, что у него были подробнейшие дневники не только свои и отцовские, но также и деда и, в некоторых случаях, прадеда, для одних и тех же мест. Ведь даже из простых отметок, что в такой-то день видел в таком-то часу и в таких-то местах такого-то зверя—или птицу, со временем накапливаются

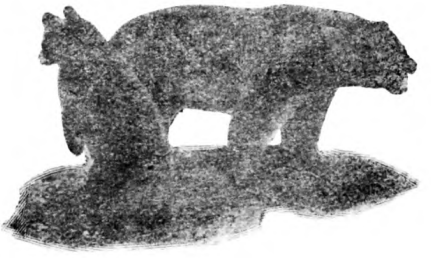

Рис. 93. Бурый медведь.

указания о том, где, в какое время дня и года надо их искать, где они чаще бывают. Или, вскрывая убиваемых при некоторых охотах птиц—хотя бы тянувших вальдшнепов, можно со временем выяснить, какой процент самок убивается на тяге.

Да всех примеров и не перечесть.

Что же касается самых приемов охоты, то, повторяю, ни карманной книжкой, ни большим томом им неопытного человека не научить. В этой главе дано только самое краткое понятие о главных приемах, кроме тех, о которых уже ранее было упомянуто (в главе о собаках, о весенних охотах, о волках).

КУДА БИТЬ ЗВЕРЯ

Все зависит, конечно, от обстановки: как стоит зверь по отношению к охотнику, какое расстояние, какое оружие у охотника. Задача охотника в том, чтобы убить зверя наверняка, не рискуя потерей подранка, и притом по возможности на месте, не мучая зря зверя,—а также не рискуя тем, что раненый выйдет на другого охотника и будет взят им. Это неприятно и бывает поводом недоразумений.

Значение расстояния в том, что чем ближе зверь, тем вернее охотник может всадить пулю даже в маленькую часть его тела, а стреляя вдаль необходимо считаться с соответствующим разбросом пуль и выбирать цель покрупнее.

Значение оружия отчасти в этом же, т.-е. в уверенности из этого ружья попасть именно в такую площадь. А отчасти и в том, что место, недостаточно убойное для одного ружья, может быть отлично убойным при другом.

Раны, безусловно смертельные и кладущие зверя на месте,—прежде всего раны в головной и спинной мозг, значит, в мозговую коробку черепа и в шейные и спинные позвонки. Но мозг наших зверей очень невелик сравнительно с величиной головы: в громадной полусаженной голове старого лося мозга не будет и на два хороших кулака. Кроме того, череп состоит из очень прочных костей, часто обращаемых к охотнику очень покатыми поверхностями, притом же на ходу зверь не держит головы неподвижно.

По всем этим причинам бить в голову можно только на очень близком расстоянии, когда уверен в выстреле и когда опасно было бы не положить на месте крупного зверя. Так, медведя на берлоге или из-под гона, когда его стреляешь на 3—6—13 метров (чем ближе, тем лучше), лучше всего бить по черепу; если сбоку, то в самое основание уха или между глазом и ухом; если спереди, то в глаз или между глаз; если в угон, то в соединение шеи с затылком, только не так, чтобы пуля скользнула по затылку, а чтобы ударила прямо в основание черепа сквозь мякоть шеи.

Это, впрочем, общее правило: всегда надо помнить, что зверь покрыт шерстью, шкурой, жиром, в которые пулю всадить не интересно. Для целящегося охотника та темная фигура, которую он видит, до некоторой степени призрак, именно в этой наружной, поверхностной части, неинтересной для пули. Охотник при этом умственным глазом должен видеть настоящую, уязвимую тушу зверя, видеть его главные внутренние органы и намечать те линии, те направления, по которым пуля может проникнуть в эти органы.

Рис. 94. Серна, черный козел.

Так же следует стрелять и кабана, и тигра, но не лося или оленя.

Спинной хребет—сравнительно тонкая цель, и по причине большой длины шерсти или волоса на нем тут легко ошибиться, однако есть случаи, когда представляются очень удобные выстрелы по хребту: когда приходится стрелять в угон и более или менее сверху вниз. Тогда шерсть не обманет, бери только аккуратно по средней линии тела. Но у лося, а до некоторой степени и у других крупных оленей, шейные позвонки (в связи с необходимостью носить тяжелые рога) очень велики и снабжены крупными отростками; кроме того, они очень чувствительны к поражению проходящих по шее крупных „сонных" артерий и нервных стволов. Поэтому для стрельбы лося впоперек именно шея является наилучшим местом для выстрела, и пуля в шею кладет его на месте. Сюда удобно бить и на большом расстоянии на ходу лося, так как если даже неверно учтешь быстроту хода зверя, и пуля обзадит, то остается еще вся огромная туша зверя, куда она может ударить.

Если охотник не уверен, что попадет в череп медведю или кабану, тогда приходится бить по сердцу. Рана в сердце, вообще говоря, конечно, смертельная, но, во-первых, такая мелкая пулька, которая все-таки сразу убивает, попав по мозгу, далеко не всегда сразу останавливает зверя, попав в сердце. Во-вторых, в некоторых не частых, но и не совершенно редкостных случаях, даже крупная пуля и при сильном бое ружья, попав в сердце таких зверей, как медведь или лось, — не кладут их сразу, и зверь имеет силы еще пробежать 30, 100, иногда 200 шагов. Следовательно, он вполне еще может

Рис. 95. Кабан.

наскандалить и с самим охотником, и с кем-либо из загонщиков, если охота нагоном.

Если стрелять сбоку, т.-е. зверь идет поперек, то попасть в сердце можно, беря „под лопатку", т.-е. сейчас позади лопатки, по линии заднего обреза передней ноги или „подмышку". Надо помнить, что сердце лежит не на середине высоты туши зверя, а пониже.

Если зверь полуугонный, то, конечно, надо брать несколько дальше кзади от лопатки, иначе пуля, идя при таком положении не поперек туши, а наискось, пройдет впереди сердца. Если зверь полувстречный, то, наоборот, надо брать впереди переднего края лопатки.

При стрельбе „на штык", прямо на себя, надо брать чуть правее средней линии груди и чуть пониже соединения шеи с грудью. Но в виду возможности не положить зверя сразу по сердцу—лучше или, как выше сказано, напустив ближе, бить наверняка по мозгу, либо пропустить и бить лося или оленя в шею, близ основания и повыше средней ее части, а медведя или кабана—по сердцу, учитывая, что если бьешь несколько сверху вниз, то и брать надо соответственно повыше.

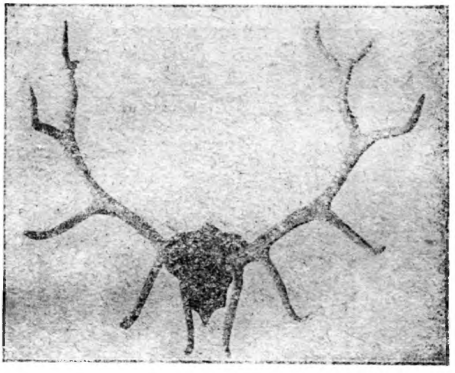

Рис. 96. Изюбрь (Cervus canadensis xanthopygus Miln.-Edw.).

Пропущенный зверь, раненый в сердце, если и сохранит на несколько секунд жизнь, то вряд ли вернется.

Бывают случаи, когда из-за чащи, неожиданности, неудобного положения—нельзя стрелять ни в мозг, ни в сердце. Например, совершенно угонного зверя, идущего на одном уровне с вами или даже чуть выше, приходится бить в зад. Сильно бьющее ружье с тяжелой, сплошной пулей и при этом пронесет пулю в сердце, а при разбивающейся (экспрессной) пуле и большой силе—пуля, разбившаяся по почкам и кишкам, может положить зверя, парализовав зад и повредив ударом и сотрясением и заднюю часть спинного хребта. Поэтому при таком выстреле в зад сплошной пулей выгоднее брать по промежности ниже, направляя пулю в сердце, а экспрессной пулей брать в задний проход или чуть повыше. Вообще раны по кишкам, конечно, смертельны, но зверь уходит с ними далеко, так что приходится иногда достреливать и на другой день.

При ранах в грудную клетку, если не затронуто сердце и пуля прошла позади него, то обыкновенно поражается печень или легкое, а если пуля прошла высоко, то только легкое. Наконец, слишком уже высоко прошедшая пуля, если не попала в хребет, а прошла несколько ниже или выше него, то вообще наносит пустую рану. Бывает при этом, что пуля заденет один из отростков спинного хребта, но не свернет позвонка. Тогда зверь иногда от сотрясения падает, как подкошенный, но сейчас же вскакивает и уходит, быстро затем поправляясь.

Поранение легких далеко не всегда смертельно: зверь уходит с такой раной очень далеко, если пуля сплошная и, значит, разрушение органов не велико.

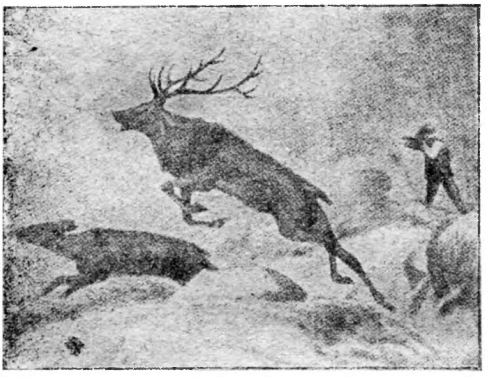

Рис. 97. Благородный олень.

Раны в печень обыкновенно тяжелы и даже смертельны, при чем, если рана велика, то смерть наступает быстро, при малой же ране может придтись добивать зверя и на другой или даже третий день. Вообще выгодно не пугать сильно раненого зверя преследованием. Не слыша погони, он скоро ложится, иногда в нескольких сотнях шагов, и там истекает кровью, обессиливает и засыпает и оказывается на утро мертвым. Если же заслышит преследование, то встает и идет из последних сил, иногда за десятки километров трущобника, так что даже по белой тропе может затеряться (если в ночь пойдет снегопад), а по черной тропе—и подавно.

Можно посоветовать малоопытному охотнику: всякого битого самим или товарищем зверя тщательно разглядывать, внимательно следить за потрошением, снятием шкуры и разнятием туши, чтобы изучить размеры и взаимное положение наружных и внутренних частей тела и соображать, как и куда надо целить при разных положениях зверя, чтобы попасть пулей, куда нужно. Также прослеживать раны разных пуль и их действие на органы. Другого пути стать хорошим стрелком по зверю—нет.

Никогда не следует стрелять лежачего зверя. Зверь углубляется в снег, так что в сущности большая часть его туши с жизненными органами лежит при этом ниже видимого обреза снега. С другой же стороны, кожа и шерсть на нем

в таком положении несколько поднимаются, и он кажется выше над снегом, чем есть в действительности. Поэтому выстрел, взятый прямо в зверя, очень часто только выбивает шерсть или царапает его, а если брать под зверя, в снег, то никогда не можешь знать, хватит ли пуля сквозь снег в зверя, или же ткнется в какую-нибудь кочку или пень под снегом. Да и вообще стоящий или встающий зверь открывает большую площадь для выстрела, и лучше видно, куда и как брать.

На неровной местности никогда не надо стрелять крупного зверя, особенно опасного, прямо над собою: даже очень тяжело раненый, он может скатиться по скату на стрелка и полезть в драку.

К упавшему всегда подходить осторожно и осмотрительно, непременно перезарядив ружье; не подходить к лосю или даже оленю сзади, или к ногам, а к кабану или медведю — спереди. Даже в последних судорогах лось одним ударом копыта легко убивает человека, а кабан или медведь одним броском могут зацепить его. Если зверь лежит, как мертвый, но уши его прижаты к голове, а не стоят свободно, и шерсть на загривке и спине не лежит гладко, а стоит,—он наверное жив и выжидает момента, чтобы вскочить или достать подходящего.

Рис. 98. Северный олень.

О мелком звере и птицах, которых бьют или крупной по их росту пулей, или чаще дробью и картечью, много говорить нечего. Картечь и дробь разлетаются и попадают в разные места, так что в мелочь приходится брать „вообще“, не разбирая, где глаз, где ухо.

Волка и картечью, конечно, надо выцеливать или в грудь, или по лопатке, а в угон—в затылок или шею.

По крепкой птице в мороз и не близко—лучше бывает бить не навстречу, в грудь, но в угон, под перо, а если стрелять на лету, то под крыло.

ПРИМЕТЫ, КУДА РАНЕНА ДИЧЬ

Основное правило: если зверь бежит или даже валяется, кувыркается после выстрела, то не жалеть второй пули, чтобы вернее положить его совсем, вместо того, чтобы потом выслеживать, может быть, на много километров. И если зверь прямо ушел—никогда не предполагать промаха, пока не убедился в этом. Слишком часто раненый зверь уходит без всяких признаков раны, а потом попадает на зубы

волкам или сам пропадает. Терять подранков—не охотничье дело.

Если зверь ушел, как здоровый, заметьте место откуда стреляли (заломить ветку и т. п.), идите прямо к месту, где стоял зверь в момент выстрела. Если на следу нет крови, могут быть сбитые волосы. Осмотрите деревья по этому направлению, нет ли следа пули. Потом проследите за зверем не два—три метра, а хотя с километр: может быть покажется кровь, или он лежит мертвый. Хотя редко, но бывает, что пуля попала, и даже хорошо, а волос или шерсти (которых по белой тропе не проглядишь) вовсе не сбила.

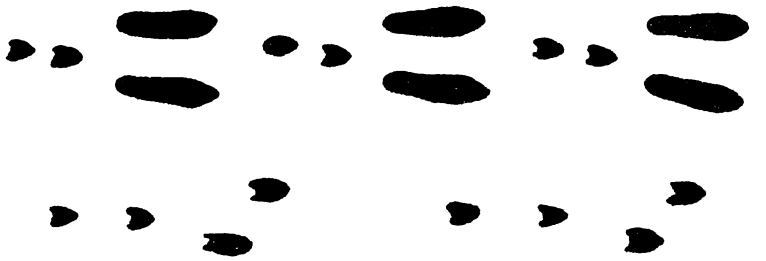

Рис. 99. След русака. **Вверху—тихий ход, внизу—бег.**

Приметы ран так хорошо изложены в календаре Л. П. Сабанеева (А. Черкасовым или по его указаниям), что я беру их оттуда.

Если зверь падает после выстрела и, вскочив, быстро уходит,—это означает, что пуля (или картечина) только оглушила зверя, попав ему или в позвонок, или скользнув по лбу, или в нижнюю часть рога. Если зверь делает большой скачок передними ногами или задними, или всеми четырьмя,—он ранен в легкие. При этом он ускоряет бег, отделяется от стада (копытные звери), тычется в кусты, но скоро замедляет бег и падает мертвым, шагах в 100 или более. (При незначительном поранении зверь уходит далеко, и его не следует немедленно преследовать).

Зверь, раненый в живот, сильно вздрагивает и быстро уходит, но скоро замедляет бег и бежит, сгорбившись. Раненый в переднюю ногу—падает, но сейчас же вскакивает и бежит на трех ногах очень быстро. В заднюю—оседает назад, но сейчас же вскакивает и уходит, но не быстро.

У волка и лисицы определить место раны труднее, чем у крупных, особенно копытных, зверей. Смертельно

раненые волк и лиса тычут носом в землю и держат трубу (лиса) кверху. Раненые в живот или в зад—быстро оборачиваются и кусают раненое место. Если раненая лиса заверещит—это значит, что у нее перебита кость ноги. Нераненая лиса иногда перекувыркивается и несколько раз взмахивает трубой.

Заяц, раненый в спину или в затылок, начинает кувыркаться, а раненый в легкие—высоко прыгать в сторону.

Раненая птица обыкновенно вздрагивает и неправильно взмахивает крыльями, отлетает от стаи и садится отдельно; раненая в голову — поднимается кверху; в заднюю часть спины—летит с опущенными ногами; в ноги—тоже; в крыло—летит по наклонной линии с судорожным движением крыльев.

Кровавый след зверя может всегда гораздо точнее указать, куда попал снаряд. Сильно кровавый след сначала, все уменьшающийся и, наконец, прекращающийся, означает, что пуля попала в мягкие части зада, шеи или груди, т.-е. сделала легкую рану. Если пуля попала в ногу, то идет много красной крови по правую или левую сторону следа. Это означает легкую рану. Светлая кровь, разбрызганная по сторонам, напротив, служит признаком тяжелой раны, так как это значит, что пуля попала в легкие, и зверь ее отхаркивает. Кровь на обе стороны—рана сквозная. Такая рана менее тяжела, чем если кровь (черная) льет только одной стороной, так как последнее значит, что пуля осталась в звере. Темная кровь в незначительном количестве и запекшаяся,—пуля попала в грудь и задела внутренности. Темная, почти черная кровь, смешанная с калом, служит доказательством того, что пуля попала в кишки. Кровь переменно на правой или левой стороне означает, что пуля попала в голову или переднюю часть шеи. Кровь на всем следу кусками почти черного цвета показывает, что зверь очень тяжело ранен в главные внутренние органы, и что у него кровь пошла горлом.

Кроме того, положение раны можно узнать по высоте окровавленных веток на пути зверя. Также по лежке раненого зверя не трудно узнать, куда попала пуля, потому что кровь, вышедшая из раны, означает на лежке то место, куда именно она попала. Неправильность следа, хотя бы и без крови, может служить доказательством поранения зверя, почему по белой тропе необходимо след тщательно осматривать: зверь, раненый высоко в лопатку, выбрасывает одну из передних ног, чертит ею по снегу, бежит неровно и сбивается с бега, расширяет копыта (лось и другие копытные звери). Наконец, зимою можно заключить о поранении зверя на основании расположения картечи на снегу по отношению к следу.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ВЗЯТОЕ ЖИВОТНОЕ

Добытое животное, конечно, принадлежит тому охотнику, который его добыл (если он это сделал без нарушения законных правил; в последнем случае добыча подлежит конфискации в судебном порядке). Однако, на практике нередко возникают между товарищами по охоте разногласия и споры о том, кто именно убил и кто имеет право взять добычу. Какого-нибудь общепризнанного одного правила на все случаи для решения таких споров нет. Да это и понятно, в виду разнообразия условий разных охот.

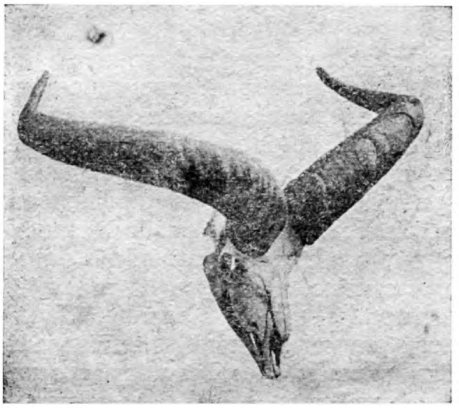

Рис. 100. Дегестанский тур (Capra cylindricornis Blyth).

При охоте с собакою „по перу" (т.-е. по птице), а также при охоте с лайкою или с гончими, охотник, застреливший из-под стойки или гона дичь без ведома и согласия хозяина собаки, должен отдать добычу этому последнему, как поступивший неправильно и взявший чужую добычу. При охотах с собакою главная роль в деле добычи дичи лежит на собаке, а не на ружье.

Если в птицу или мелкого зверя сделано несколько выстрелов, то добыча принадлежит тому из охотников, чей выстрел был по времени ближе к моменту падения или остановки добычи. Т.-е. тому, кто выстрелил последним перед полной, окончательной остановкой птицы или зверя, перед тем, как оставалось лишь взять или же дострелить не могущее скрыться животное. Правило это основано на том, что разбираться на мелких животных в более или менее многочисленных дробовых и картечных ранках нет возможности. Понятно, это правило, как и всякие правила вообще, должно применяться с толком и здравым смыслом. Например, если после первого выстрела птица явно дрогнула и пошла столбом вверх или, наоборот, наискось, наклонно наотлет, а другой охотник ударил затем в нее шагов на полтораста или двести, то поднятая потом вдали упавшей птица должна, конечно, принадлежать не второму, а первому стрелку. Понятно, что выстрел дробью на 150—200 шагов есть просто „почетный салют" или озорство, а не охотничий выстрел, могущий иметь серьезные для дичи последствия.

При стрельбе мелкой дичи из винтовки трудно бывает разбираться в поранениях, тем более, что пуля в этих случаях пролетает обыкновенно насквозь. Поэтому и в таких случаях можно руководствоваться таким же правилом, если нет явных признаков того, чья именно пуля попала.

Если выстрелы сделаны совершенно одновременно (не так редко бывает, что оба стреляющие не слышат даже выстрела соседа), то надо руководствоваться тем, кто должен был стрелять. Так, при облавных охотах, при засидках, на перелетах и вообще на общественных охотах с определенным местом или „номером“ для каждого из стрелков, стрелять полагается тому, близ чьего „номера“ пролетает

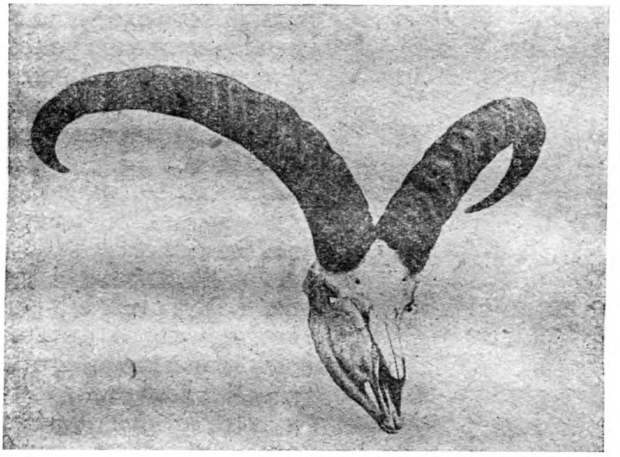

Рис. 101. Тур Гюльденштедта (Capra caucasica Güld.).

или пробегает дичь. Если он дал промах, а соседний, хотя и более отдаленный от дичи „номер“ затем выстрелил и птица упала,—последний ее берет, как было указано выше. Но если оба выстрела сделаны в один момент (или с настолько ничтожным промежутком, что неясно, был ли первый выстрел промахом), то упавшая дичь должна принадлежать тому из стрелявших охотников, к которому ближе она была в момент выстрела, так как при этом условии другой, более отдаленный „номер“ вовсе не должен был стрелять.

При охотах на крупного зверя чаще бывают случаи, когда можно точно разобрать, кто именно убил или смертельно ранил зверя при нескольких выстрелах. Штуцерные и карабинные пули чаще различаются между собой—калибром, составом, отпечатками и числом нарезов. Чаще пули остаются в туше зверя. Легче бывает найти на снегу

или в деревьях след не попавших в зверя пуль. Однако и на этих охотах нередки недоразумения. Здесь нужно различать две главных группы случаев.

Одна группа—охот краткосрочных, обыкновенно однодневных. Таковы разные зверовые охоты городских охотников, приезжающих на берлоги или на облавы. При таких охотах взятым бывает тот зверь, который или положен выстрелом на месте, или так тяжело ранен, что уйти явно не может: ползет или едва волочится. Зверь же, раненый хотя бы и безусловно смертельно (напр., в желудок или кишки), но могущий довольно быстро и долго итти, для этой компании охотников обыкновенно является пропавшим зверем. У них обыкновенно не бывает ни возможности, ни, главное, времени преследовать его. А может не быть и права на преследование (если, например, зверь направился в заказник).

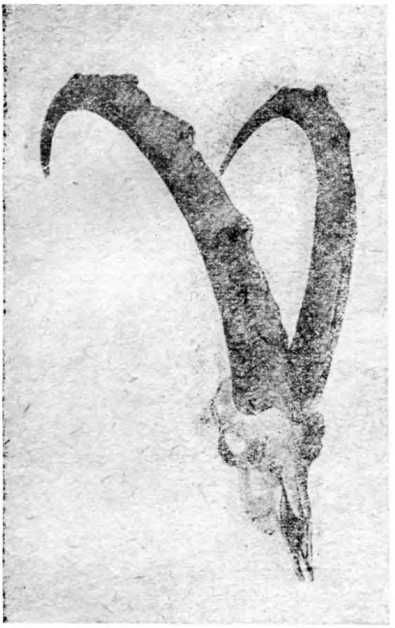

Рис. 102. Дагестанский бородатый козел (Capra aegagrus Erxl.).

Эти условия охоты естественно привели к широкому признанию на материке Европы и у наших охотников такого правила: зверь принадлежит тому, чья пуля остановила его. Остановленным, конечно, является зверь, который не может далее итти, а лежит, сидит или только переползает. Наоборот, если зверь с выстрелом полетел кувырком, а потом вскочил и бежит, то, ясно, выстрел этот не остановил его. Поэтому, если зверь идет вдоль линии охотников, то, куда бы ни был он ранен, хотя бы в сердце, предшествующими выстрелами, все же он должен принадлежать тому охотнику, к номеру которого он вышел (не приполз!) и был им окончательно положен. Если зверь, идя вдоль линии, был стрелян несколькими охотниками, но прошел дальше и затем упал мертвым (или лег, не мог больше итти и был добит), то, конечно, надо попробовать по ранам и следам пуль (на снегу и т. п.) против номеров стрелявших разобраться: кто промахнулся, и кто какую рану нанес. Но если между ранами нельзя вполне ясно разобраться, то придется зверя считать взятым тем из стрелявших (или из попавших,—

если некоторые несомненно промахнулись), кто стрелял по зверю последним (не считая, конечно, добивание уже легшего или вообще не могущего итти зверя).

Положим, на облаве медведь идет наискось к линии стрелков, примерно так, что против номера 4 он проходит в 100 шагах, против номера 3—в 50 шагах, и направляется, таким образом, прямо на номер 2. При таком ходе, миновав № 3 и находясь примерно против середины расстояния между №№ 2 и 3, зверь будет в равном расстоянии от каждого из них: шагов в 35—36. Тем не менее по правилам № 3 стрелять зверя, идущего на чужой номер, не должен, а № 2 должен напустить его как можно ближе, смотря по местности, и стрелять на 20, а лучше на 10 или даже 5 шагов. Положим, однако, № 3 не выдержал характера и шагах в 40—35 от себя положил медведя выстрелом на месте. Правильно ли будет отдать медведя № 3 или надо его присудить № 2? Присуждение убитого зверя в спорных случаях вовсе не есть награда за благонравие или штраф за дурное поведение. Это есть разрешение спорного или неясного вопроса. В нашем примере дело совершенно ясно (особенно, если никто больше и не стрелял). Зверь убит именно номером третьим. Он стрелял против правил, за это можно больше не принимать его в совместные охоты, можно за нарушения правил установить разные штрафы. Все это не касается разрешения вопроса: кто именно убил (или считается убившим) зверя. В том случае, когда, как упоминалось выше, подошедший на голос гончей или лайки посторонний охотник потихоньку подстерегает зайца, лису или белку и подстреливает зверя из-под чужой собаки,— мы вовсе не потому присуждаем убитого зверя хозяину собаки, что хотим этим как бы оштрафовать охотника, против обычных правил охоты подбежавшего на гон чужой собаки. Дело тут вовсе не в штрафах или вознаграждениях, а именно в разрешении спорного вопроса о том, кто настоящий добытчик зверя в подобном случае. И так как труднее и больше уменья требует вывести, вырастить и натаскать порядочную собаку, чем научиться сносно стрелять,—с другой же стороны и найти и поднять зверя труднее и имеет большее значение, чем только застрелить его, то мы и считаем настоящим добытчиком в подобном случае хозяина собаки. Понятно, что если несколько человек охотятся вместе с одной собакой, принадлежащей одному из них, то делом явного или подразумеваемого уговора между ними является условие, что битая дичь принадлежит тому из компании, кто ее убил. Но без ведома и согласия охотящихся подкравшийся на гон посторонний охотник такого уговора не имеет и не вправе предполагать, потому взятый им зверь и должен принадлежать хозяину собаки. В прежнем

примере со стрельбой по медведю, если бы одновременно стрелял не только № 3, но и № 2, и промахнулся или оцарапал бы лишь зверя, это дела не меняло бы, но если бы и он нанес медведю смертельное поранение, то зверя следовало бы присудить ему, как стрелявшему и смертельно ранившему зверя, а не № 3, стрелявшему без нужды и против правил по зверю, бывшему уже, так сказать, в руках № 2.

К другой группе зверовых охот относятся охоты, требующие или, по крайней мере, допускающие большую затрату времени, а также могущие производиться на более или менее обширных просторах. Таковы охоты по следу, скрадом, с подъезда, — охоты, распространенные среди промысловых охотников или во всяком случае среди охотников не приезжих, а постоянно или более или менее продолжительное время остающихся на месте охоты. Здесь условия добычи зверя отличаются от обычных облавных охот горожан. Здесь центр тяжести переносится на то, чтобы найти, выследить и увидать зверя, а не на самый выстрел. Здесь вовсе не так важно положить зверя непременно на месте с громом выстрела: раз зверь заранен, хотя бы вовсе не смертельно, может быть даже не тяжело, — все равно его можно считать взятым. Раз на следу есть кровь, хотя бы и не смертельной раны, след этот уже отмечен, не смешается с другими, и охотник, способный вообще следить зверя и разбираться в лесных дебрях, такого отмеченного зверя во всяком случае не упустит и не сегодня, так завтра или послезавтра скрадет и убьет его. Совершенно понятно, что эти отличные условия охоты повели к выработке иных правил. И в Канаде, Аляске, в наших промысловых районах обычно применяются сходные правила. А именно: зверь принадлежит тому, кто первый его ранил. Конечно, царапина с немногими каплями крови, скоро перестающей течь, не может в этом смысле считаться раной. Рана имеется в виду такая, которая, как сказано выше, отмечает след зверя и позволяет ранившему его выследить и добить. Конечно, если охотник, ранивший зверя, потерял его или вообще почему-либо прекратил преследование вовсе (не считая, разумеется, остановок на ночь и т. п.), он с тем месте теряет на этого зверя всякие права. В отношении преследования раненого зверя в чужих (чужого рода) угодьях у туземцев имеются различные правила.

Какое из этих двух основных правил применять (право первого ранившего или последнего перед остановкой ранившего зверя), очевидно, зависит от обстановки охот. Лучше всего до охоты всем товарищам условливаться о тех правилах, которых предполагается держаться. И держаться лучше всего, конечно, обычных местных правил для данного рода охот.

РАЗДЕЛЕНИЕ ИЛИ РАЗНЫЕ РОДЫ ОХОТ

Охота отличается чрезвычайным разнообразием, и ее можно разделять и разделяют по самым разнообразным признакам.

По месту производства охоты делятся на лесные, степные, водяные, горные, болотные. В большинстве случаев, конечно, они отличаются и по предмету охоты, но не всегда. Например, на лисицу, зайца, белую куропатку можно бывает охотиться и в лесу, и в поле, и в горах. И, конечно, место охоты кладет свой отпечаток на всю охоту.

По предмету охоту прежде всего можно разделить на охоты по перу и охоты по зверю. Охоты по перу делятся на охоты по водоплавающей, по лесной, по болотной дичи и т. д. При этом, конечно, разделение может итти и дальше, так как охота на гусей отличается от утиной охоты, а охота на нырковых уток отличается от охоты на „благородных" или „речных" уток. Охота на бекасов отлична от охот на дупеля — с одной и на гаршнепа с другой стороны. То же самое надо сказать и про охоты на зверя: охоты по мелкому пушному зверю отличаются от охот по лисе и волку. Эти последние отличаются от охот на крупного хищного зверя, а эти — от охот на копытных зверей. В сущности охота на каждого зверя представляет собою некоторые особенности, зависящие от особенностей в месте пребывания, нравах и привычках, органах чувств разных зверей. Те приемы, которые хороши при охоте на плохо видящего, но обладающего истинно волшебным слухом лося, не могут быть одинаково применимыми при охотах на великолепно видящих баранов или туров.

По временам года охоты делятся на весенние, летние, осенние и зимние. Самые распространенные и, несомненно, нормальные охоты — это охоты зимние, на взрослого, вполне выкуневшего пушного зверя, на взрослых, окончивших спаривание копытных зверей и на оседлых наших, птиц, Осенняя охота — охота на взматерелые выводки пернатой дичи и на пролетающую с севера дичь. Лето — с одной стороны время полевых работ, с другой — время выращивания молодежи, а совсем не время для охоты, как и весна — время спаривания и гнездовития.

О вреде весенних охот раньше имеется в этой книге особая статья, и здесь на этом несомненном вреде и необходимости прекратить весеннюю охоту я не буду распространяться. Но не мешает сказать несколько слов о другом. Имеются некоторые из мелких пушных зверей, у которых мех достигает лучшего качества именно весной. Например, водяная крыса, крот, большинство сусликов (кроме песчаника). Поэтому добывание их весною дозволяется. У таких

бережливых, аккуратных и строгих охотников, как немцы, считалась правильной и широко практиковалась и в бывших губерниях Прибалтийского края стрельба самцов диких коз (косуль) в самый разгар лета. Примерно к началу июля косули заканчивают линьку зимней серой шерсти и одеваются в летний оранжевый, как апельсин, наряд (говорю о европейском подвиде). В это время козел с самками в конце ночи начинает выходить на сырые луговины, и здесь, на рассвете, можно бывает скрасть их на пулевой выстрел.

Из весенних охот по перу есть несколько, которые несомненно менее вредны, чем другие. И в то время, когда все наши охотники будут организованы и достаточно дисциплинированы, когда будет на угодьях достаточный фактический надзор, когда действовать будет досточно густая сеть заказников, — тогда можно будет поднять речь о таких весенних охотах, как стрельба вальдшнепов на вечерней „тяге" и стрельба тетерева-косача и глухаря-самца на токах. Пока же это несвоевременно.

Очень существенным является деление охот по числу участников на охоты одиночные и охоты общественные. Каждая из этих групп имеет свой интерес и свое значение, и о них я скажу отдельно несколько ниже.

Важным также является разделение охот по тем орудиям, которыми добывают птицу или зверя. Тут напомним прежде всего об уже упоминавшихся охотах с одними собаками. Это охоты псовые, травля борзыми зайца, лисы, волка, антилоп. Бывали случаи затравливания и медведя. Если память меня не обманывает, известному псовому охотнику Лукояновского уезда, дальнему родственнику моему Григ. Дм. Розену два раза удавалось брать медведя (правда, не из-под одних борзых, но из-под борзых и гончих). Сюда же надо отнести парфорсную охоту, т.-е. загонивание зверя паратыми гончими, а также травлю лисы и барсука в норе таксами и фокстерьерами.

Совсем особой охотой является охота с ловчими птицами: соколами, ястребами или орлами. Когда-то это были любимейшие охоты знати. В настоящее время охота с ловчими птицами пользуется большой любовью в Персии, Афганистане и у народов Центральной Азии, до Закавказья, Киргизских степей и Монголии.

Я, мальчиком, застал еще в среднем Поволжьи татар-любителей вынашивать соколов и травить ими куропаток, перепелов и уток (напр., в Уржуме). Но теперь по сю сторону Волги искусство это почти вымерло. Между тем охота эта красива и увлекательна и может быть чрезвычайно добычлива. Из-за этого часто восстают ружейники против соколятников (или ястребятников) и добиваются запрещения охоты с ловчими птицами. Но это вряд ли

правильно. Злоупотреблять ведь очень нетрудно и ружьем, и это делается на каждом шагу. Из-за этого однако запрещают не ружейную охоту, а только охоту в известное время или в определенных местах. То же должно делать и в отношении соколиной охоты. Следует также ограничивать количество добываемой в один день дичи.

Ловчими птицами можно травить не только птиц, включая коршуна, ворона, цаплю, дрофу. Ими травят и зверя, и беркутами берут не только лис, но и антилоп, и даже волков. Известен случай, когда киргиз со своим беркутом взял в степи одного за другим 14 волков, и только последний как-то вывернулся из железных когтей уже усталой птицы и дал ей сильную хватку в грудь, от которой, однако, беркут впоследствии выздоровел.

Птицу берут обыкновенно из гнезда, хотя ловят иногда и слётков. Вынашивание сокола или ястреба не представляет особой хитрости. Оно основывается на том, что птицу утомляют отчасти голодом, а главное—бессонницей, и приучают к себе, находясь всегда с ней, держа ее на руке. Следовательно, дело это требует главным образом свободного времени и выносливости.

Далее идет целая группа охот с помощью разных ловушек. В своем месте мы обсуждали уже хозяйственное значение самоловов и причиняемый ими вред. Отмечали и то, что среди них может быть выделен, как несравненно менее вредный (и, пожалуй, не более вредный, чем ружье),—капкан. Капканом можно ловить всяких зверей, от мыши до медведя, а также и птиц, включая ястребов и соколов. И так как пользование капканом требует большого искусства от охотника, то этот лов является очень интересным.

Такой самолов, как черкан на горностая, вряд ли скоро будет заменен чем-либо другим. Наконец, целый ряд ловушек имеет своей задачей ловить животных живьем и без повреждения. Это очень важно и для пополнения зоологических садов, и для экспорта живых животных за границу, и для подсадок в разные охотничьи хозяйства. Поэтому такого рода сети, шатры, тенета и перевесы играют важную роль при правильном применении. Пользование ими также вовсе не так просто. Нужно хорошенько выбрать места, изучить повадки дичи. Все это придает интерес охоте.

Особую группу охот с ловлей добычи живьем составляет лов певчих птиц для содержания их в клетках. Ловят их и самоловами (чепцы), устроенными в роде мышеловок, и сетями разного устройства (лучки, понцы, накидная сеть). Охота эта обычно является достоянием с одной стороны инвалидов и стариков, с другой—ребятишек. Певчие птицы несомненно—очень полезные птицы. Тем не менее нередкие возражения против этой охоты я считаю безусловно

неосновательными. Певчим птицам нашей страны— чечеткам, щеглам, синицам, чижам и т. п.—отнюдь не грозит истребление. Их еще видимо-невидимо имеется на наших просторах. Только в городских садах и парках да разве еще в дачных местностях могут они нуждаться в охране, а отнюдь не на всем пространстве страны. Кроме того, эта простая, дешевая и

Рис. 103. Охота с беркутом.

общедоступная охота имеет чрезвычайно важную и выгодную сторону именно с точки зрения охраны наших природных живых богатств.

Единственное вполне надежное средство охраны наших диких зверей и птиц—это широкое развитие в самом населении—и прежде всего в молодежи—интереса и любви к животным. А для этого необходимо более или менее близкое знакомство с ними. Содержание певчих птиц в клетках и является самым простым, доступным и дешевым средством

близкого личного знакомства с животными и с уходом за ними. Лов их является таким же общедоступным даже для детей и инвалидов и дешевым способом общения с природой. Дарвин, Брем и масса других натуралистов начали свое близкое знакомство с природой именно с ловли певчих птиц и крыс. Не один ученый природовед и дельный охотник выработался и из маленьких птицеловов симбирских яблочных садов, — птицеловов, о которых так хорошо рассказал в своих живых очерках покойный проф. М. Н. Богданов.

Из других орудий охоты следует упомянуть о луке и стрелах. Это очень старинное метательное оружие, хотя все же не все племена на земле додумались до него. В частности австралийцы не знают его. У нас лук применяется главным образом на крайнем Севере для стрельбы ленных лебедей и гусей. С четверть века назад я застал еще на севере Якутии людей, бивших стрелами диких оленей и белых медведей. Местами лук применяется и в лесной полосе с особыми тупыми стрелами для стрельбы белок, так как при этом не портит их шкурки. Но в последние годы интерес к стрельбе из лука (всегда державшийся в Англии и в Турции) начинает все больше распространяться в Америке, и именно в применении к настоящей охоте.

Лук и стрелы имеют, несомненно, ряд интересных сторон в качестве охотничьего оружия с чисто спортивной стороны. Охотник ружейный только направляет дробь или пулю, силу же полета им дает выделанный на заводе порох. Охотник же с луком исключительно силою своих рук дает стреле и силу ее полета, а не только направление. Затем, лук, конечно, не так дальнобоен, как современные карабины, и потому требует большей осторожности и искусства для скрадывания дичи. Все это придает значительный спортивный интерес охоте с луком. Что же касается удобства, то лук молчит, а не гремит на несколько километров в окружности, и потому не пугает ни зверя, ни птицы. Лук не требует ни патронов, ни пистонов, ни пыжей, а стрелы обыкновенно удается находить после промаха или извлекать из убитой дичи. Поэтому стрельба обходится дешево и нет риска случайно остаться где-нибудь без снарядов. Есть целый ряд американских охотников, которые не только бьют у себя оленей и горных баранов, или огромных серых медведей - гризли и лосей в Аляске, но и ездят в Африку и бьют там львов и других зверей одними стрелами, без помощи огнестрельного оружия.

Я полагаю, что эта несомненно интересная охота могла бы приобрести сторонников и у нас. Жаль только, что нет у нас ни одного сколько-нибудь толкового руководства по изготовлению настоящих, не игрушечных, луков и стрел.

Такие метательные орудия охоты, как „осачина“ („шатина“ по нижнеколымскому выговору) — метательная доска

с дротиком или острогой около $1^3/_4$ метра длиной, гарпун и духовая трубка, не представляют широкого интереса. Осачина, которой бьют в прииндигирских и приколымских тундрах ленных лебедей, интересна лишь в том отношении, что метательная доска для усиления размаха руки и более дальнего бросания легкого дротика сохранилась, кроме названного района, сколько знаю, только на некоторых островах Великого океана.

Гарпун употребляется лишь при некоторых охотах на морского зверя. Духовая трубка, около $1\frac{1}{2}$—2 метров длиной, сквозь которую дыханием выбрасывают глиняный шарик, сохранилась только кое-где в Америке для добывания мелких птиц.

Рис. 104. Выдра, порешня.

Из неметательных „холодных" орудий охоты надо упомянуть о рогатине или сибирской туземной „пальме". Пальма — широкий клинок, насаженный на ратовище около $1\frac{1}{2}$ — $1^3/_4$ метра длиной и раза в полтора потолще большого пальца. На нашем европейском Севере рогатиною теперь уже не часто пользуются. Но в зауральской тайге до сих пор больше медведя берется на рогатину, чем бьется пулей. Только происходит это не совсем так, как иногда рисуют на картинках. Медведь не пляшет на задних лапах и не наблюдает с улыбкой, как охотник, с трудом держа огромную оглоблю рогатины обеими руками, протыкает ею медвежье брюхо. Медведь слишком умен и слишком проворен для таких штук. Обыкновенно он бросается на охотника (если охотник загораживает ему дорогу, — иначе он бросается в 99 случаев из ста от охотника), как собака и всякий другой зверь, на всех четырех лапах. Иногда, но далеко не в большинстве случаев, он в последний момент, уже вплотную у человека, привстает, чтобы ударить или схватить передними лапами.

Медведь, правда, ходит иногда на задних лапах и при этом ревет, щерится на человека и даже плюет на него почти так же ловко, как верблюд. Но это бывает не при нападении, а тогда, когда сам медведь (обычно—медведица с медвежонком) боится нападения и трусит вступить в драку, а старается запугать и отпугнуть воображаемого противника. Так вот, в момент нападения медведя (которое, повторяю, в большинстве случаев правильнее назвать попыткой прорваться на свободу) охотник больше всего старается спрятать от глаз зверя свою легкую пальму, держась к зверю

более левым боком и держа в правой несколько за спиной пальму ближе к лезвию. Иначе, заметив оружие, медведь постарается лапой выбить его из руки охотника, и при его проворстве и силе это часто может ему удаться. Или удар сломит древко (ратовище). Лишь в самый последний момент охотник сильно ударяет острой пальмой в основание шеи медведя повыше плеча (т.-е. впереди плеча), в то же время подхватывая пальму и глубже всаживая левой рукой и упирая задний конец ратовища в землю или кочку. Меткий удар сразу перерезает сонные артерии, и зверь почти мгновенно теряет сознание.

Главное во всем этом — спокойствие, точный выбор момента и ловкая быстрота движений. Сила вовсе не требуется: пальма легка, а силком с медведем все равно не много возьмешь, даже с маленьким. Мне приходилось видеть очень многие сотни — вернее в общем тысячи — шкур якутских и сибирских медведей с одной единственной колотой раной в основании шеи, и только немногие—с ранами от пуль. Но надо прибавить: в большинстве случаев охотник, найдя берлогу, втыкает в ее „чело" елочки—или иные деревца—вершиною вперед. Рассерженный и обеспокоенный медведь втаскивает их глубже в берлогу, а затем, когда он пытается выскочить вон,—он уже не может быстро выпихнуть их вон против наклона сучьев. Образуется в челе залом, который мешает ему выскочить с обычной быстротой, и когда он выдирается из „заломленной" таким (или иным) образом берлоги,—его легко прикалывают пальмой в уже упомянутое место.

Из других охот, рассматриваемых с точки зрения орудия охоты, остается упомянуть о самых распространенных и многообразных теперь—ружейных охотах как с собаками, так и без собак, и о мало распространенной у нас, но широко распространенной во многих местах за границей и очень заслуживающей во всех отношениях распространения — охоте с камерой или фотографировании живой природы. И о ружейных охотах, и об охоте с камерой надо сказать несколько обстоятельнее отдельно.

ОХОТА С КАМЕРОЙ

Фотографирование диких животных в природной их обстановке есть по существу своему самая настоящая охота. Как и всякая охота, фотографирование это заключается в разыскивании в полях и лесах зверей, птиц и других животных и в преодолевании их природной боязливости и хитрости. Эта охота предъявляет к охотнику-фотографу те же требования, как и всякая другая охота: знание местности и умение применяться к местным условиям; знакомство с животными,

их нравами и привычками, и понимание их психики; выносливость к внешним условиям обстановки, погоды, настойчивость и терпение в борьбе с острыми чувствами и недоверчивостью животных; быстрый и верный глазомер, проворство, ловкость и находчивость во всегда меняющихся условиях—все это столько же необходимо при охоте с камерой, как и при всякой другой охоте. Охотнику - фотографу нередко приходится упражнять не только ловкость и терпение, но и смелость и хладнокровие, и притом, пожалуй, не меньше, чем при зверовой охоте. Когда он, например, фотографирует гнезда грачей или цапель и для этого взбирается с аппаратом на верхние слабые ветви высоких деревьев,—или спускается на веревке вдоль скалистых обрывов, чтобы снимать гнездящихся по карнизам скал соколов, чаек или гагарок.

Рис. 105. Лиса.

Переходя от самого производства охоты к ее результатам, получаемой добыче, приходится сказать следующее. Промысловая охота кормит промышленника, но уже полупромысловику дает сравнительно немного. В любительской же охоте, производится ли она с ружьем, с борзыми или с винтовкой, самая добыча—мясо дичи или шкурка ее или крупного зверя — играет незначительную роль. И то, и другое любитель дешевле мог бы купить на базаре. И лишь редко сохраняет он у себя чучело или ковер из шкуры, как воспоминание об интересе самой охоты. При охоте же с камерой полученный результат, т.-е. снятая фотография, может быть сохранен всегда. Такие снимки, конечно, являются гораздо более полным,

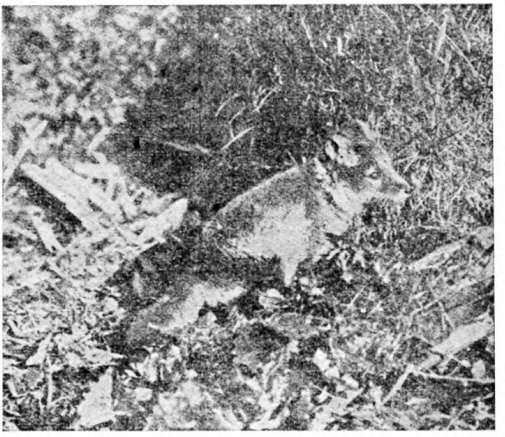

Рис. 106. Песец.

ярким и точным напоминанием тех охот, при которых результат этот добыт. К тому же добыча эта представляет и общий интерес. Она может быть размножена печатанием, ею можно делиться с другими, так как с каждого негатива можно когда угодно брать любое количество отпечатков. Таким образом, помимо самого наслаждения охотой, попутно вырастает целая коллекция снимков.

Действительно, говоря пока хотя бы только о птицах: охотник с камерой с течением времени может собрать не только портреты водящихся в окрестностях его обитания видов птиц. Впрочем, и самые эти портреты очень интересны, так как по скорости и простоте получения их, по точности изображения, обилию подробностей, отсутствию личных искажений, по естественности позы— с ними не сравнятся рисунки и хороших художников. Кроме того, охотник соберет снимки разных характерных положений, выражений, разных типичных действий повседневной жизни данного вида; затем изображения характерных местообитаний как для гнездований, так и для жировок; далее, снимки самого гнезда в разное время по мере хода постройки, гнезда с яйцами, с птенцами, виды насиживания, кормления птенцов, разные другие картинки семейного быта данного вида, разные степени развития птенцов, их первые выходы из гнезда,—словом, целая естественная история данного вида в картинках, притом в картинках, точность которых обеспечена способом их получения.

Рис. 107. Куница.

Такие собрания снимков сами по себе представляют большую научную ценность, как точный материал для изучения строения, движений, нравов и „душевной“ жизни животных. Они дают возможность дешево и прекрасно снабжать изображениями научные и популярные книги,

посвященные животным, и специальные журналы. Редакции журналов как наших, так и иностранных, охотно платят за удачные снимки. И у самого охотника, собирающего такие снимки, и у молодежи, знакомящейся с ними, наблюдательность развивается, понятно, больше, чем при других охотах, так как точная запись солнечными лучами на чувствительном слое пластинки или пленки является превосходной помощью памяти и проверкой для нее. Да и животные неизмеримо меньше пугаются щелканья затвора камеры, чем выстрела из ружья. Поэтому охотник с камерой наблюдает их в общем гораздо ближе и дольше, чем иной охотник.

Рис. 108. Барсук.

И препаратор, набивающий чучела, и директор музея, организующий постановку биологических групп, и художник-иллюстратор с пользою изучают такие снимки,— и биолог или механик, изучающие движения бега или полета, не могут обойтись без них.

Близкое ознакомление с жизнью некоторых животных, неизбежное при охоте с камерой, неизбежно углубляет и расширяет интерес к наблюдению и изучению животных и к жизни природы вообще. Без интереса же к жизни окружающей природы и без понимания ее нет истинного образования и просвещения, а лишь дополненное и исправленное издание средневековой схоластики. Помимо воспитательного, образовательного и эстетического значения, общение с природой, которое при охоте с бесшумной камерой, конечно, теснее и ближе, чем при других охотах, неизбежно возбуждает и развивает у всякого любовь к живым существам. А без сколько-нибудь значительного распространения в широких кругах населения любви к животным немыслима и действительная организация охраны животных, необходимой прежде всего уже ради интересов сельского хозяйства и лесоводства, не говоря уже об охоте.

Наконец, охота с камерой представляет целый ряд особенностей, исключительно выгодных для охотника. Для камеры— везде охота, нет чужих угодий и запретных пространств (кроме крепостных и пограничных районов). Нет для камеры и закрытого сезона: время, наиболее мертвое для ружейного

или псового охотника, время спаривания, насиживания, вывода птенцов, время линьки зверей,—наиболее интересное и добычливое время для охоты с камерой, возможной буквально круглый год. Для камеры все—дичь: и лось в лесу и землеройка или суслик во ржи, и уж или ящерица в траве, и дрофа в степи, и синичка в саду. Домашняя работа, именно проявление сделанных в поле снимков, сама по себе интересна; во всяком случае интереснее, чем, например, чистка ружья или набивка патронов. А для менее оживленного, зимнего времени остается домашняя работа по печатанию снимков.

Итак, охота с камерой есть настоящая охота; только борьба и победа над диким животным—сущность всякой охоты—не ведет здесь к истреблению животных, а дает лишь в руки охотника в виде добычи образ животного в жизненном положении и в естественной для него обстановке; образ этот наглядно увековечивает самый процесс охоты для охотника и остается ценным для других на долгие времена. В таких снимках потомки наши получат от нас то, что мы были бы так рады получить и чего не получили от наших предков. Как интересны были бы теперь для любителей природы, как помогли бы при разрешении разных научных вопросов фотографии диких туров, еще в XII веке метавших на рогах своих Владимира Мономаха, или тарпанов наших южных степей, бывших нередкими еще в XVIII веке. Как поучительны были бы снимки украинских степей времен греческого историка Геродота! Словом, охота с камерой есть охота, бескровно дающая плоды не менее интересные, чем интерес самого процесса этой охоты.

Давать в этой книжке технические указания о том, как и чем фотографировать живую природу, нет возможности. В списке литературы даны указания о лучших русских руководствах по этому вопросу. Общефотографические же руководства найдутся, конечно, в каждом фотографическом магазине. Нужно помнить, что наилучшие результаты, конечно, можно получить лишь при самых совершенных камерах и объективах. Наиболее удобные — это зеркальные или рефлекс-камеры. Для многих случаев необходимы телеобъективы. Но при умении и старании можно получить массу интересных и превосходных снимков с самыми простыми средствами. Здесь, как и в других случаях жизни, справедлива пословица: „не ложкою — едоком, не лошадью — ездоком".

ОХОТЫ ОДИНОЧНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ

Таких охот, которые обязательно требовали бы полного одиночества, в сущности нет. Но есть много охот, при которых дельный охотник предпочитает быть одному. И несомненно, что охотник, ценящий в охоте возможность не только

добывать дичь, но и наблюдать природу, всегда будет любить одиночные охоты. Соблюдать совершенное, абсолютное молчание многими часами под ряд, а в особенности полную тишину при всяких передвижениях, очень трудно вдвоем и почти невозможно втроем. Два человека—вдвое больше шансов кашлянуть или чихнуть, задеть гнилой сучок, нечаянно высунуться из-за прикрытия и вообще обнаружить себя.

Это относится ко всем охотам с подходом и подкарауливанием. При подъездах на челноке тоже гораздо удобнее быть одному. Я именно имею в виду не тяжелую лодку, а легкий челнок, в роде берестяной „ветки“ или маленького долбленого „каюка“ („душегубка“ по-волжски). Такой челночок легко проходит по самой ничтожной воде, чуть только не по мокрой тине, легко проталкивается в густой траве, легко переносится через водоразделы и суходолы. Он очень легок на ходу, зато и вертляв до чрезвычайности (особенно узкие, мало разведенные в стороны восточно-сибирские каюки). Непривычный человек и в тихую погоду обязательно перекувыркнется в нем, особенно при попытке выстрелить не вдоль „киля“ (киля собственно, конечно, нет у него), а поперек, на борт. Зато при некоторой привычке такой челнок очень удобен и приятен для разъездов. Есть челноки, которые по размеру свободно поднимают двух человек. Но так как малейшее движение отзывается колебаниями челнока, а человек может вполне управлять только своими собственными движениями и предвидеть их, то скрадывать в челноке водяную птицу или находящегося на берегу зверя, а в особенности стрелять из челнока, удобно, только когда сидишь в нем один и потому можешь вполне владеть всеми движениями и челнока, и своего тела, и ружья. Второй человек может вольно или невольно сделать едва заметное для самого него движение и тем качнуть челнок на какие-нибудь четверть сантиметра, даже меньше. Но если это случится как-раз в момент спуска вами курка, то ваша пуля или дробь, выпущенные в этот момент, могут уклониться настолько, что произойдет промах.

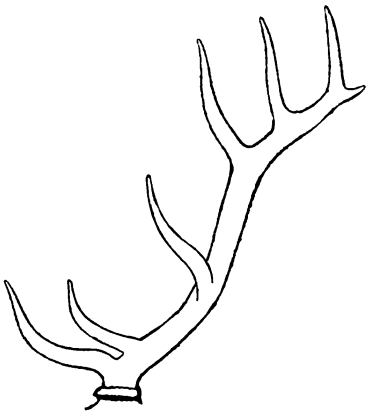

Рис. 109. Марал (Cervus canadensis asiaticus Sev.).

Нельзя не сказать, что при охотах на крупного, опасного зверя быть совершенно одному и знать, что можешь

рассчитывать исключительно на себя самого, — также значительно увеличивает удовольствие охоты, а также значительно способствует выработке и укреплению полной аккуратности, осмотрительности и самообладания. Не даром истребитель алжирских львов Жерар всегда садился в свои засидки один со своим шомпольным штуцером.

Но даже и при таких охотах, как подкарауливание птицы или зверя, вполне возможно сидеть в засидке вдвоем или даже втроем, а тем более, конечно, возможно вести эту охоту сообща, но сделав в удобных местах несколько засидок. Этим шансы успеха только повышаются; зверь придет не по одному, так по другому пути, и наткнется на пулю. А есть очень много таких охот, при которых совместная деятельность целого ряда лиц совершенно необходима. Облавы, например, или „котла“ никак в одиночку не устроить. Это общественные охоты по самому способу производства.

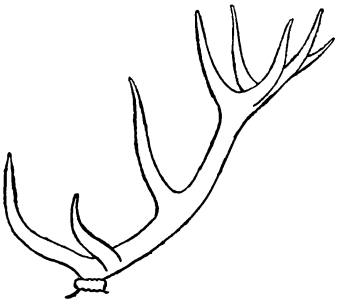

Рис. 110. Благородный олень (Cervus elaphus L.).

Затем есть ряд охот, требующих постоянной организации, требующих расходов, не посильных для одного лица. Например, охотиться на волков без целой организации есть дело совершенно безнадежное. Такие общественные охоты, в особенности на хитрого, осторожного, трудно добываемого зверя, требуют стройной, умелойорганизации, строгого планового ведения, общего солидарного сотрудничества. Они, конечно, представляют особый интерес, являются в некотором смысле высшей формой охоты.

Но общественные охоты предъявляют к составу охотников и особые требования во многих отношениях. Одиночный охотник, подшумевший добычу или сделавший промах, испортил охоту только себе самому. Подобный же случай на большой общественной охоте портит охоту десятку, иногда многим десяткам людей и сводит на-нет все труды и издержки многих дней по подготовке охоты. Это громадная разница. Далее, одиночный охотник старается о своем собственном успехе. На общественной охоте не должно быть места заботам об успехе или удаче одного какого-нибудь лица. Весь интерес должен сводиться к одному: к успеху охоты как единого целого, к успеху общего предприятия. Все остальное, все частные, узко личные соображения должны быть совершенно забыты, отодвинуты на третий план. Предположим, например, волчью облаву. У одного из номеров

обстановка такая, что вперед, внутрь оклада ему стрелять трудно, мешают деревья, кусты и т. п., а назад обстрел свободнее. Если на него выходит один волк, он вполне будет прав, если пропустит его за цепь номеров, на более удобное пространство, и там будет бить. Для него это удобнее и никому помешать не может. Но если на него идут веревочкой, след в след, скажем, 5—6, волков, то положение меняется. Если охотник пропустит одного или двух передовых зверей за линию номеров, то после его выстрелов остальные почти наверное прорвутся вслед за первыми. Значит в самом удачном случае таким образом взято будет только 2 зверя из 5—6 (если охотник сделает удачный дуплет). Если же он не допустит переднего зверя до линии, а встретит выстрелами, то волки повернут обратно в оклад, вероятно, разобьются по одному, по два, и будут выходить на нескольких из остальных номеров. При хорошем составе стрелков так можно взять весь выводок. Ясно, что в подобном случае порядочный охотник должен стрелять, не допуская волков к линии, как бы лично для него неудобно это ни было. Рискуя вместо дуплета взять только одного зверя, а то и совсем промахнуться в кустах, он зато обеспечивает гораздо больше шансов на успех всей охоты в целом.

Рис. 111. Косуля, „дикая коза".

Завистливый, жадный, вздорный охотник совершенно нетерпим на общественной охоте. Да и горячий, неосторожный, неосмотрительный стрелок немногим лучше. Тишина, товарищеская дисциплина, отчетливое исполнение всех правил охоты, обращения с оружием, — строгое, сознательное, беспрекословное подчинение распоряжениям выбранного распорядителя охоты должны быть первым правилом всяких общественных охот. Спиртные напитки также не следовало бы вовсе допускать на охоте. Ни в какую погоду ни малейшей надобности в них быть не может. Это я могу категорически утверждать по личному опыту долгой жизни под открытым небом и путешествий и охот на крайнем Севере. Спирт понижает температуру тела и этим, с одной стороны, создает самообман некоторого согревания, а с другой—облегчает возможность обморозиться. Если кто очень любит выпить, пусть уж занимается этим где-нибудь в другом месте, а не на охоте, где нужно быть настороже и владеть быстро и отчетливо всеми своими чувствами и движениями.

Распорядитель общественной охоты непременно должен быть не только опытным охотником, но и хорошо знать

местность и все другие условия данной охоты. Должен иметь план местности или карту (желательно по возможности не мельче трехкилометрового масштаба (чем крупнее, тем лучше), и составить план, т.-е. весь распорядок предстоящей охоты заранее. Подробно познакомить с этим планом нужно и всех участников охоты (план, конечно, с их участием, по возможности и должен быть разработан). В плане охоты должны быть точно предусмотрены все частности: когда именно, где и как сходиться, кто и что именно делает, каким путем (жребий, распоряжение распорядителя и т. п.) решаются те или иные вопросы.

Все это—общее для всяких общественных или сборных охот. Частные правила для более распространенных видов их даются ниже.

О ВСПОМОГАТЕЛЬНОМ ПЕРСОНАЛЕ НА ОХОТЕ

Многие любительские охоты требуют наличия не только стрелков-охотников, но и некоторых других участников, иногда менее, а иногда и более активных, чем стрелки. Так, облавные охоты требуют загонщиков (называемых иногда кричанами). Линия загонщиков обыкновенно двигается вперед, выгоняя таким образом зверя или птицу из захваченного облавой пространства (оклада) на линию стрелков. В других случаях кричане стоят на месте и только не дают зверю возможности вырваться из оклада, а тревожат зверя и тем принуждают его выйти на линию стрелков или пущенные в оклад собаки, или 2—3 человека, так называемые „ерши“.

Рис. 112. Русак.

Кроме загонщиков, которые криком, трещотками или постукиванием по деревьям пугают зверя, иногда полезно бывает пользоваться и так называемыми молчунами. Это люди, стоящие скрытно на флангах оклада и без надобности вовсе не показывающиеся зверю. Если же зверь, вместо того, чтобы итти на линию стрелков, направляется к прорыву через фланг загона, только тогда один из молчунов этого фланга дает о себе знать, но очень осторожно. Он должен слегка кашлянуть, или сломать ветку, или просто молча показаться из-за дерева. Словом, поступить так, чтобы

зверь его увидел и побочил от него, но не был бы сильно испуган или не получил бы впечатления, что его нарочно отпугивают от этого фланга (в последнем случае опытный, бывавший в переделках зверь нарочно пойдет напролом). Но, чтобы не повернуть зверя обратно в оклад, а, наоборот, направить его на линию стрелков, показать себя должен не какой попало молчун, но непременно тот, которого зверь уже более или менее миновал в своем ходе к стрелковой линии, и который находится справа от места предполагаемого или намеченного зверем прорыва через фланг (если смотреть с точки зрения зверя,—то тот молчун, который остается слева от зверя при его предстоящем прорыве). Это в том случае, если дело идет о правом фланге (за фронт считаем линию стрелков с направлением вглубь оклада). Если же дело происходит на левом фланге, то проявить признаки жизни должен тот молчун, который оказывается слева (смотря от молчунов) от линии, по которой прорывается зверь (и справа, глядя от зверя). Все же другие молчуны, и в частности тот из них, на которого прямо направляется зверь, должны оставаться совершенно неподвижными и неслышными, пока зверь не минует и их. Дело, конечно, идет о крупном звере—медведе, лосе.

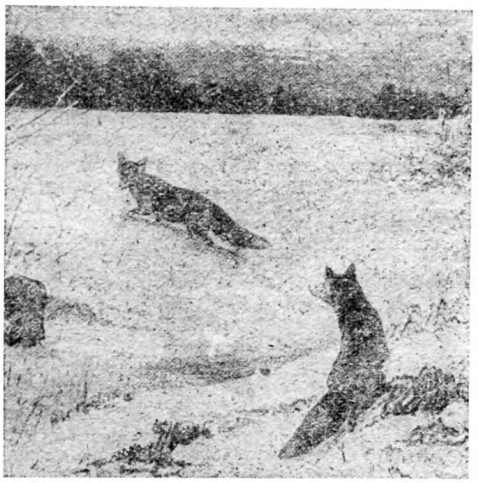

Рис. 113. Лисица.

Но раньше еще, чем устраивать облаву или иную общественную охоту, зверя нужно найти, выследить, обложить, т.-е. окружить. Все это, помимо знания и умения, требует времени, и часто много времени. Охотники-любители, занятые каждый своей службой или иной работой, не могут, конечно, располагать достаточным для этой необходимой части охоты свободным временем. Приходится это дело поручать особым окладчикам или егерям. Конечно, егеря и окладчики, как специалисты своего дела, им жили, являясь платными работниками разных охотничьих обществ и кружков довоенного времени. Несомненно, однако, что на их-то долю и выпадала самая важная и самая интересная часть всей охоты. Приехать по телеграмме из города, вытянуть

по жребию свой номер, быть проведенным егерем на место, отведенное для этого номера, выждать гона и идущего из-под него зверя и застрелить его, и вечером уехать обратно, конечно, все-таки интересно. Но разве можно сравнить это с деятельностью егеря-окладчика. Тот неделями живет в лесу, проводя целые дни на воздухе. Объезжает обширные пространства, проверяя следы, расспрашивая пастухов, лесных сторожей, лесных работников. Найдя признаки зверя, он выслеживает его, если это волки—прикармливает привадой, накануне охоты проверяет оклад, составляет весь проект охоты, разузнав местность, ходы и привычки зверя. Конечно, это труд тяжелый, но зато это-то и есть настоящая охота, а производство выстрела—лишь короткая и второстепенная подробность. Роль загонщиков вполне могут поочередно исполнять сами охотники. В некоторых местах и в прежнее время загонщики также шли вооруженные и стреляли. Опытный, пуганый уже зверь нередко избегает итти на тихую линию стрелков, справедливо подозревая засаду, а предпочитает прорываться через загонщиков. Нередко и птица летит через загонщиков. Вообще у них не мало шансов стрелять. Такая облава со стреляющими загонщиками напоминает уже охоту „котлом", как ее практикуют в Польше и в Западной Европе. Компания охотников окружает часть поля с имеющимися на нем зайцами, куропатками и другой дичью, и все идут к середине этого круга и стреляют поднимающуюся и бегущую дичь. Стреляют, конечно, не по направлению других охотников, но назад, пропуская дичь за линию.

Рис. 114. Направление ветра на опушках (стрелки).

ПРАВИЛА НЕКОТОРЫХ СБОРНЫХ ОХОТ

Из общественных (сборных) ружейных охот наиболее распространенными являются облавные охоты—неподвижная облава, загон и оклад со шнуром и флажками. Затем обычны сборные охоты с гончими, нередки, наконец, и совместные охоты по перу с легавыми. Правила этих охот, как они выработались у охотников многолетней практикой, я здесь и привожу.

Правила сборной облавной охоты

§ 1. Когда последует решение устроить облавную охоту, то инициаторы ее прежде всего избирают распорядителя охоты, которому все участники безусловно подчиняются.

§ 2. Распорядитель составляет план охоты. Он обязан, сообразуясь с желаниями участников, составить такой план, который бы доставил успешную и приятную охоту.

§ 3. План распорядителем должен быть выработан заранее, возможно подробнее и предусмотрительнее. При составлении его рекомендуется не упускать из вида следующие соображения:

а) Облавные охоты разделяются на два вида: с неподвижной цепью загонщиков (с кричанами) и с цепью загонщиков, идущей к цепи стрелков.

б) В первом случае цепь кричан заводится на места ранее, чем стрелки становятся на номера, почему кричане и должны соблюдать особую тишину и осторожность. То же самое строго соблюдается и с подвижной цепью загонщиков, если она расставляется ранее стрелков, что почти всегда бывает на первом загоне.

в) Последующие загоны лучше вести так, чтобы цепь загонщиков, дойдя до стрелков, останавливалась, а затем стрелки, собравшись к заранее назначенному номеру, переезжали на следующий загон, а не заставлять загонщиков делать обходы и вообще увеличивать напрасную ходьбу.

г) Цепь загонщиков начинает гон не иначе, как зная наверное, что стрелки уже на местах, для чего самое лучшее, если распорядитель охоты перед каждым загоном назначает точно час и минуту, когда цепь загонщиков должна тронуться на стрелков, сверив для этого свои часы с часами ведущего цепь загонщиков. Если этого почему-либо сделать нельзя, то следует посылать к цепи загонщиков конного посланца, подача же сигналов трубою или криками должна быть избегаема.

д) При составлении плана охоты на крупного зверя нужно иметь в виду не только любимые лазы, но принимать во внимание и направление ветра; при охоте же на зайцев направление ветра никакого значения не имеет.

§ 4. К сборному пункту каждый должен прибыть своевременно, чтобы не задержать других.

§ 5. Всякий охотник, прибывший на сборный пункт, считается выразившим желание подчиняться составленному распорядителем плану охоты и с началом ее обязан без всяких возражений и советов следовать указаниям распорядителя.

§ 6. Вопрос о том, тянуть ли жребий на номер перед каждым загоном или однажды на всю охоту, решается заблаговременно инициатором охоты совместно с распорядителем. В последнем случае жребий тянут на сборном пункте. Если при этом есть почетный гость, которому наличные охотники уступают лучший лаз, то он жребия не вынимает, и его место в цепи стрелков в нумерацию не входит.

§ 7. Если в распоряжении охотников имеются подводы, на которых они едут к месту охоты и переезжают там с одного пункта на другой, то каждый раз всякий из них должен садиться непременно на одну и ту же подводу.

§ 8. Приблизясь к месту облавы, охотники соблюдают тишину.

§ 9. С загонщиками охотники избегают всяких разговоров.

§ 10. Когда распорядитель разводит стрелков по местам, то они в полной тишине следуют за ним в порядке номеров.

§ 11. Перед началом расстановки охотников на номера распорядитель должен предупредить всех, к какому номеру следует собраться по окончании загона.

§ 12. Став на номер, охотник может тотчас же зарядить ружье. По окончании же загона патроны обязательно вынимаются, и во все время переездов и вообще передвижений с места на место ружья должны быть непременно разряжены. Шомпольные ружья, оставаясь заряженными, должны быть обеспечены от нечаянного выстрела подкладкой кожи, пакли, войлока или тряпки между курком и пистоном.

§ 13. Став на номер, охотник должен с точностью узнать, где именно стоят соседние стрелки, чтобы хорошо знать направления, по которым безопасно и по которым нельзя стрелять.

§ 14. Курить, разговаривать и производить на номере какой-либо шум—запрещается.

§ 15. Сходить с номера, если это необходимо, дозволяется лишь до начала гона; с началом же его и до окончания охотник должен оставаться на номере неподвижно. Исключение составляет случай, когда кто-либо зовет на помощь или находится в опасности (например, смят зверем).

§ 16. Если заранее условлено было стрелять только по одной какой-либо дичи (например, по волку) или не стрелять какой-либо дичи (например, коз), то хорошенько запомнить это условие и строго соблюдать. В этих случаях полезно, чтобы за нарушение его был заранее назначен по уговору штраф, который идет на покрытие расходов по охоте.

§ 17. Если зверь идет прямо на соседнего стрелка или ближе к нему, то охотник не должен его стрелять, хотя бы он был и на хороший выстрел.

§ 18. Увидев идущего на другой номер зверя, нельзя кричать о том охотнику и вообще предупреждать его какими-либо звуками. Давать знать о приближении зверя можно только жестами, но лучше всего удержаться от всяких указаний до самого последнего момента, когда зверь вполне приблизится к зазевавшемуся стрелку.

§ 19. Стрелять по направлению соседних стрелков ни в каком случае (даже и в опасности) не дозволяется.

§ 20. Когда загонщики приблизятся к линии стрелков, то стрельба вперед, особенно пулями, строго воспрещается.

§ 21. Если при неудачном направлении цепи загонщиков она выйдет на фланг стрелков, то остальные все-таки не сходят с своих номеров до прекращения гона.

§ 22. Об окончании гона распорядитель подает сигнал.

§ 23. По этому сигналу патроны из ружей вынимаются а шомпольные ружья предохраняются от нечаянного выстрела по § 12, и охотники собираются к заранее указанному распорядителем номеру.

§ 24. Если опоздавший на сборный пункт охотник прибудет потом к месту охоты, то он не вправе давать какие-либо сигналы (стрелять, трубить, кричать), а должен подваливать на крик загонщиков и, прибыв к месту охоты, ожидать окончания загона, не приближаясь к цепи стрелков. Опоздавший становится на номер по указанию распорядителя с какого-либо фланга цепи стрелков. Если жребий на номер тянут перед каждым загоном, то опоздавший тянет его в числе всех охотников; если же жребий взят на всю охоту, то опоздавший остается на фланге.

§ 25. При совместном движении охотников стрельба по случайно появившейся дичи воспрещается (исключение для крупных хищников). Воспрещается также, увидев дичь, кричать о том другим.

§ 26. Если стреляный зверь, хотя бы и сильно раненый, продолжает итти с номера на номер и упадет от последнего выстрела, то принадлежит сделавшему этот последний выстрел, хотя бы ранее того по нем было сделано несколько выстрелов. Охотничья честь не допускает, впрочем, присвоивать зверя, по которому выстрел был излишним, когда зверь был смертельно ранен и еле шел. Такого зверя добивают, но уступают его ранее стрелявшему и нанесшему смертельную рану.

§ 27. Когда зверь упадет от одновременных с разных номеров выстрелов, то распорядитель охоты, осмотрев раны, место и направление выстрелов, следы крови, выслушав очевидцев и пр., решает, кому принадлежит зверь.

§ 28. Всякие споры и пререкания на охоте не должны иметь места. Если же спор возникает, то немедленно прекращается распорядителем охоты.

§ 29. Всякие вопросы, не предусмотренные этими правилами, решаются до охоты большинством голосов ее участников, а во время охоты—только распорядителем.

Правила сборной ружейной охоты с гончими

§ 1. Инициаторы сборной ружейной охоты с гончими прежде всего должны решить, будет ли охота стоячая (при которой стрелки ставятся будто на облаве) или ходовая (при которой стрелки становятся и перемещаются в острове по желанию), так как это определяет число участников устраиваемой охоты, потому что многолюдные ходовые охоты имеют, как известно, не только много неудобств, но даже и опасны.

§ 2. После этого прежде всего должен быть избран распорядитель, которому все участники охоты обязаны беспрекословно повиноваться, особенно во время самой охоты. Распорядитель же с своей стороны нравственно обязан оправдать доверие сотоварищей и употребить все меры к тому, чтобы охота вышла и приятна, и добычлива.

§ 3. Распорядитель затем берет на себя все хлопоты по устройству охоты: при этом он должен заботиться как о самой охоте, так и о хозяйственной ее стороне.

§ 4. Если предполагается многолюдная охота, то распорядитель может для хозяйственных хлопот избрать себе помощника.

§ 5. Распорядитель составляет план охоты, в котором все должно быть предусмотрено возможно подробнее.

§ 6. Распорядитель заблаговременно объявляет: место сборного пункта, день и час, к которому участники охоты должны туда собраться и, по возможности, дальнейший маршрут.

§ 7. Всякий охотник, выразивший желание участвовать в предполагаемой охоте, тем самым заявляет свою готовность подчиняться выбранному распорядителю.

§ 8. Охотников малолетних и таких, которые по своей горячности, строптивости и крайней неопытности могут быть опасны или послужить причиной неудовольствия для многих других, распорядитель должен по возможности не допускать к участию в охоте; если же это почему-либо окажется невыполнимым, то напомнить им все необходимые правила охоты и обращения с оружием.

§ 9. Всякий участник охоты, берущий с собой в отъезд несовершеннолетнего, обязан внушить ему до прибытия к сборному пункту, правила вежливого обращения с другими охотниками, а также, сверх того, подтвердить неуклонное исполнение охотничьих правил и объяснить необходимость совершенного послушания распорядителю охоты.

§ 10. К сборному пункту надо прибыть своевременно, чтобы не задержать других.

§ 11. Распорядитель должен осматривать прибывающих к сборному пункту собак, чтобы не допустить в сборную стаю заразительно больных.

§ 12. Для ближайшего наблюдения за порядком между собравшимися доезжачими и выжлятниками одного из них распорядитель назначает за старшего доезжачего.

§ 13. После этого все приказания относительно стаи отдаются только распорядителем, и вмешиваться в эти распоряжения не имеют права даже владельцы собак.

§ 14. Расходы по охоте делятся между всеми участниками поровну, и каждый уплачивает свою долю до отъезда домой.

§ 15. Если охота производится с помощью наемных людей, все расчеты производит исключительно распорядитель; всякие отдельные уплаты запрещаются.

§ 16. Никакие пререкания на охоте не допускаются, если же они возникнут, то немедленно прекращаются распорядителем.

§ 17. Если охота с т о я ч а я, то стрелки руководствуются теми правилами, что и при облавах (смотри „Правила сборной облавной охоты“ §§ 6, 7, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 25, 26 и 27). Сверх же этих правил надо держаться еще пяти нижеследующих:

§ 18. Делая выстрел, охотник должен быть уверен, что стреляет не в рыскающую гончую.

§ 19. На номере охотник остается до сигнала „сбор“, подаваемого распорядителем, к которому и подваливает без замедления.

§ 20. Стреляный зверь, взятый затем стаей, не подержавшись полного круга, принадлежит стрелку; если же по этому зверю стреляло несколько человек, то—сделавшему последний выстрел.

§ 21. Взятые стаей нестреляные звери, а также стреляные, но продержавшиеся затем полный круг, или уведшие стаю далеко со слуха, принадлежат владельцу собак.

§ 22. Упомянутые в предыдущем параграфе звери делятся между владельцами собак, если не последует на это единодушного соглашения, таким образом: делаются билетики по числу взятого гончими собаками зверя, и на каждом билетике пишется название одного из них; к этим билетикам с надписями прибавляют таких же, но без надписей, до числа всех гончих в стае; потом все билетики одинаково свертываются, перемешиваются и ссыпаются в шапку; затем владельцы гончих вынимают из закрытой шапки столько билетиков, сколько у каждого в стае гончих.—Если распорядитель не имеет в стае собак, то описанную лотерею устраивает он; если же имеет, то поручает неимущему.

§ 23. Если охота ходовая, то на выбор ее участников распорядитель обращает особенное внимание.

§ 24. Чем опытнее и осторожнее охотники, тем их более может участвовать в ходовой охоте. Однако, даже при охоте в обширных островах, это число не должно переходить за десять.

§ 25. Распорядитель до напуска гончих обязан объяснить всем участникам направление напуска, а также указать направление перехода и место первого сбора.

§ 26. Охотники расходятся по острову после сигнала к напуску.

§ 27. На ходовой охоте надо быть особенно осмотрительным, чтобы не ранить товарища или не убить гончей собаки. Поэтому, кроме общих правил предосторожности, необходимо придерживаться строго нижеследующих пяти:

§ 28. Стоящие в острове на месте охотники обязаны показываться или окликать (свистом) проходящих на расстоянии выстрела товарищей, дабы предостеречь их.

§ 29. На ходовой охоте можно стрелять только дробью. Стрельба картечью допускается лишь по единогласному решению всех участвующих.

§ 30. Воспрещается стрелять по птице, когда она летит не выше человеческого роста.

§ 31. Проходя мимо охотников, надо заблаговременно опускать у ружья курки и все время держать стволы обращенными кверху.

§ 32. Особенно строго держаться предыдущего параграфа при перебежках, прыжках, перелезании изгородей и в чаще.

§ 33. Постоянное беганье с места на место воспрещается, особенно если остров изобилует зверем и можно ожидать много шумовых.

§ 34. Возбраняется забегать вперед охотника, уже занявшего лаз.

§ 35. Охотника, занявшего лаз, следует обходить не спереди, а сзади.

§ 36. Не дозволяется ходить на чужие выстрелы.

§ 37. На ходовой охоте можно стрелять по всем зверям и птицам.

§ 38. Принадлежность убитого или взятого стаей зверя определяется по §§ 17, 20, 21 и 22 настоящих правил, а убитой птицы—правилами охоты по перу (смотри „Правила сборной ружейной охоты с легавой“ §§ 12, 19 и 20).

§ 39. Если после выстрела по зверю или по птице дичь не упадет, то стрелявший, чтобы предупредить товарищей, должен крикнуть в первом случае: „Береги!“, а во втором— „Тиро!“

§ 40. Всякий охотник обязан называть гончих на след зверя, которого он перевидит не во время гона.

§ 41. Когда распорядитель подает сигнал „сбор", то подваливать к нему, не мешкая, чтобы не задержать всю компанию.

§ 42. За неимением больших островов и по малочисленности зверя приходится, как известно, разыскивать его, переходя с разомкнутыми гончими с места на место, „итти ходом". При такой охоте надо руководствоваться, кроме вышеприведенных, еще следующими особенными шестью правилами.

§ 43. По заранее и точно указанному распорядителем направлению охотники идут, заравниваясь, на таком друг от друга расстоянии, чтобы можно было свободно перекликаться. При этом распорядитель идет в середине цепи; в середине же цепи идет и доезжачий; остальные охотники занимают места по жребию.

§ 44. Участвуют в этой охоте не более 5—6 человек.

§ 45. Если на красного зверя не рассчитывают, то каждый охотник, равняясь по порсканью доезжачего, изредка и сам подает голос. Если же предполагают встретить красного зверя, то равняются только по порсканью.

§ 46. При подавании голоса излишний крик воспрещается.

§ 47. Охотник, заслышав отзывающуюся гончую, которой не слышат другие охотники, должен громко крикнуть: „слушай!"

§ 48. От равнения без особо уважительных причин не отставать, а если придется вовсе уйти из цепи, то известить об этом соседних охотников.

§ 49. Отступления от всех этих правил допускаются лишь по общему согласию всех участников охоты.

§ 50. В случаях, не предусмотренных этими правилами, вопрос решается до охоты большинством голосов участников, а на охоте—распорядителем.

Правила сборной ружейной охоты с легавой

§ 1. Перед охотой устанавливают сообща ее программу, которой потом все участники обязаны строго придерживаться.

§ 2. Тогда же участники охоты избирают одного из своей среды распорядителем, которому затем должны повиноваться и который устанавливает порядок.

§ 3. Распорядитель назначает каждому участок для охоты, при чем, если явятся недовольные, то участки распределяются по жребию.

§ 4. Собак в пустовке на охоту отнюдь не приводить.

§ 5. Командовать чужой собакой, а также ласкать и кормить ее не дозволяется.

§ 6. Ружья заряжаются лишь тогда, когда стрелки разойдутся. На привалах ни заряжать, ни разряжать ружей нельзя.

§ 7. Охотники, разойдясь на свои участки, по возможности не должны сходится настолько близко, чтобы собаки могли мешать друг другу. Чем невыдержаннее собака, тем дальше от других должен сторониться с ней ее охотник.

§ 8. Если подвалит (на выстрел) чужая собака, то надо постараться ее немедля прогнать к хозяину.

§ 9. Стрелять по направлению к другому охотнику, хотя бы и порядочно удаленному, воспрещается.

§ 10. Переходить с своего участка на другой можно лишь в тех случаях, когда на чужом участке упадет убитая или подраненная дичь.

§ 11. При разыскивании подранка или битой дичи воспрещается допускать других собак к собаке стрелявшего без его о том просьбы.

§ 12. Если стрелявший, не найдя убитой или подраненной им дичи, удалится, то он лишается права на нее. Однако охотничья учтивость требует, чтобы нашедший эту дичь предложил ее стрелявшему.

§ 13. Если по тесноте места или другим причинам стрелки сойдутся близко, то придерживаться следующих правил:

§ 14. Бить из-под стойки чужой собаки без разрешения на то ее хозяина не позволяется.

§ 15. Если собака, удалившись от хозяина, поднимет дичь, то ближайший охотник может воспользоваться правом первого выстрела.

§ 16. Если две (или более) собаки тянут или станут по одной и той же дичи, то правом первых выстрелов пользуется тот, чья собака раньше потянула.

§ 17. По пролетающей птице охотник получает право стрелять в то время, когда она к нему ближе, нежели к другим.

§ 18. Если охотник видит, что на другого летит птица, которой тот не замечает, то по охотничьей любезности должен предупредить криком: „Тиро“.

§ 19. Если птица выдержала несколько последовательных выстрелов, то считается принадлежащей тому, кто стрелял по ней последним, который и идет ее поднять.

§ 20. Если дичь будет убита одновременными выстрелами двух или более охотников, то право на нее определяется соглашением; если же соглашение не состоится, то жребием.

§ 21. На сборный пункт надо прибывать аккуратно к назначенному времени.

§ 22. Во всех спорных и других не предусмотренных этими правилами случаях вопрос решается большинством голосов охотников, но не иначе, как по окончании поля или на привале; во время охоты споры возбраняются.

О НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ПРИЕМАХ ОХОТЫ

Кроме охот облавой и нагоном, а также охот с собаками, остальные охоты в общем можно разделить так: охоты скрадом, охоты путем подстерегания и путем подманивания.

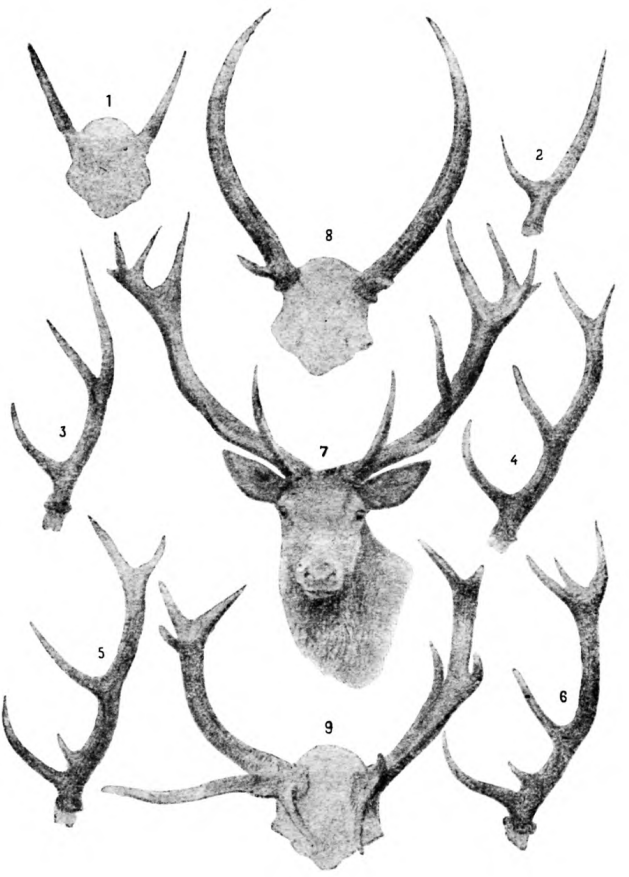

Рис. 115. Рога благородного оленя разного возраста погодно (1—7) и уродливые (8—9).

Подманивание практикуется не только на птиц: на селезней, осенью на рябчиков, иногда и весной на току подманивают чуфыканьем или голосом самки косачей.

Подманивают и зверя—и именно осенью, во время течки, так охотятся на самцов оленей и лосей, подражая ночью их реву.

Подманиванием, — но не голосом, а чучелами, — пользуются при утиных и куличьих пролетах на озерных побережьях. Утиные чучела чаще делают деревянными, чтобы плавали на воде, а для куликов—кроншнепов и других—вырезывают профили из жести или фанеры, раскрашивают и расставляют в подходящих местах целыми партиями.

Еще шире известна стрельба тетеревей на чучела, при чем тут обыкновенно пользуются и загоном: один-два помощника с утра сгоняют тетеревей с деревьев, не давая им покормиться, как следует, и спугивая в сторону, где охотник устроил шалаш и выставил чучела.

Во всех случаях успех зависит не столько от искусного устройства самих чучел, сколько от правильной их постановки. Ни одна птица не подсядет к чучелам, поставленным хвостом к ветру, так как птицы всегда садятся к нему головой.

Рис. 116. Рога северного оленя (Новая Земля).

Вес—8,4 *кг.*
Длина—124½ *см.*

Простым подстереганием, без подманивания, обыкновенно ограничивается охотник при стрельбе уток на перелетах, т.-е. на ежедневных вылетах их на вечерней заре из тех крепких болотистых зарослей, истоков и озер, где они проводили день,—на кормежки на хлебные поля (главным образом на просо, на гречиху и на горох) и на открытые лужи и чистые, мелкие разливы озер и т. п. Из неходовых охот по перу—это одна из самых интересных по разнообразию дичи (разные утки, куличье, курочки водяные и болотные, иногда журавли, цапли) и по не очень легкой стрельбе.

В обратном порядке идет лет на утренней заре. Становиться на этой охоте следует лицом к заре и так, чтобы самому менее выделяться на фоне неба.

Ранней осенью местами можно так подстерегать вальдшнепов на лужах лесных дорог или у небольших незаросших озерок и водопоев, куда они в сумерки летают жировать. На водопое же утром и вечером подстерегают в Туркестане саджей и степных рябков.

Местами, где поля чередуются с глухаринымi угодьями, утрами и вечерами глухари вылетают на близкие к лесу

озими, а иногда и на бабки яровых хлебов, и, зная места, можно подстерегать их пролеты в опушках. Подстерегают их в сентябре и на осиновых гривах и отдельных осинах, на закате.

Еще распространеннее охота подстереганием на зверя, стрельба копытных зверей на природных или искусственно устраиваемых солонцах, на водопоях, стрельба хищных зверей на падали и на нарочно положенной приваде, стрельба зайцев на гумнах, у садов, стрельба медведей на овсах и так далее.

Для такой стрельбы устраивают или сидки на земле, или, что сложнее, но вернее, лабаз или полати на дереве. Устраивать их надо, как можно меньше изменяя вид местности, если возможно, то за несколько времени до сезона охот, и выбирая места, где не крутился бы неправильно ветер, откуда смотреть приходится в сторону зари и, конечно, как можно ближе к месту, где предполагается стрелять, так как в темноте далеко не увидишь. Сидеть надо тихо, не куря, приходить не с той стороны, откуда ждешь зверя, и пораньше, до заката.

Рис. 117. Рога саянского северного оленя.

Наконец, подкрадываться к птице и зверю можно не только с подхода, пешком, но и в экипаже, и даже верхом, как в Забайкальи стреляли лосей. Подъезжать можно и на лодке, и местами, таким образом, можно бывает удачно стрелять и уток, и гусей, и некоторых зверей.

Для этого удобен челнок или душегубка, т.-е. долбленая лодка-однодеревка, но не с коротким кормовым веслом, как на них плавают в Поволжьи и других частях РСФСР, но с длинным двухлопастным веслом, как в северо-восточной Сибири. С ним сидишь лицом прямо вперед, гребешь то правым, то левым концом и в любой момент можешь положить весло поперек на оба борта, без риска стукнуть им или упустить его, и затем схватываешь ружье и стреляешь,— твердо помня, что с маленькой долбленки можно стрелять

лишь вперед, вдоль лодки, выстрел же вбок мгновенно поставит ее дном кверху.

Стрельба с подъезда на лошади дроф, журавлей в полях и степях, лосей в сосновых борах и вообще осторожных животных основывается на том, что они не боятся мирного, не охотничьего населения. Кроме того, надо не обращать на животных явного внимания, даже не взглядывать прямо на них, не суетиться и не направляться прямо на них, а ехать как бы стороной, мимо, осторожно сокращая расстояние.

Подъезжать можно и к кормящимся на деревьях тетеревам зимой. При этом, как и при многих охотах с подъезда и подхода, интереснее, да часто и добычливее, пользоваться не дробовиком, а винтовкой. Подъезжать лучше спереди, с головы, а не сзади: все равно незаметно не подъедешь, но птица относится более опасливо, когда замечает или ей кажется, будто от нее прячутся и скрадывают ее.

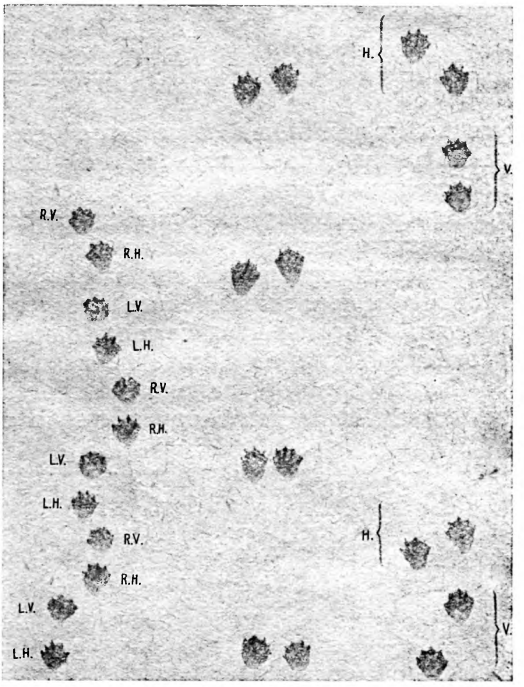

Рис. 118. Следы выдры: слева—шагом, в средине—прыжками, справа—вскачь. (V—передние, H—задние, L—левые, R—правые лапы).

Подъезд к зверю в лесу, разумеется, сопровождается и выслеживанием его. Чаще, однако, стрелять приходится с подхода, так как не у всякого есть лошадь, да и не везде проедешь там, где пройдет человек. Из различных охот с подхода упомяну интересную стрельбу тетеревей „из ямок" зимой. Стая тетеревей в конце дня, наевшись, сидит где-нибудь на опушке леса или поляны, и ее далеко заметно. Но на закате они бросаются с деревьев в снег и зарываются в него. На рассвете можно к ним подойти и стрелять, когда они вылетают из-под снега.

С подхода же скрадывать удается даже в поле лисицу в начале зимы, по мягким порошам, когда она мышкует

по утрам и перед вечером. Но и тут выгоднее иметь винтовку. Подходить, конечно, приходится, пользуясь разными прикрытиями и тщательно наблюдая за направлением ветра.

В конце зимы на лыжах удачна бывает подобная охота на лисьих свадьбах. Подкравшись к такой свадьбе по ветру, охотник бросается прямо на лис и изо всех сил старается

Рис. 119. Следы медведя.

угнать на один-два километра самку, которую, конечно, легко узнать по повадкам всей компании; отбивши ее от кобелей и угнавши, охотник останавливается за первым хорошим прикрытием близ следа самки, который, конечно, он не затирает при гонке, а бежит в 20—30 шагах от него. Вскоре разбежавшиеся самцы бросаются преследовать самку по следу и напарываются на выстрел. Нередко удается взять из одной засады двух самцов одного за другим. При этой охоте надо хорошо бегать на лыжах.

Охота скрадом далеко не всегда соединяется с выслеживанием. В местах сколько-нибудь обильных дичью охотник

Рис. 120. Следы барсука, сверху—шагом, снизу—вскачь (V—передние, H—задние).

ходит совершенно тихо, не торопясь, часто останавливаясь или присаживаясь в тех местах, где по времени года и дня можно ожидать жировок тех или иных животных, как, например, тех же глухарей перед вечером в сентябре на гривах осинника или лиственницы, стрепетов в сентябре же среди дня в степи в жару, медведей в августе на полосках овса среди

леса в сумерках и т. д. И либо охотник, заметив животное, осторожно и незаметно подходит к нему на выстрел, либо выжидает, пока замеченное жирующее животное к нему само приблизится. Это одна из очень интересных охот для всякого, кто любит природу и интересуется ее жизнью, так как при такой „тихой охоте" чаще всего приходится наблюдать повадки не напуганных зверей и птиц, не знающих, что за ними следят. При подъездах, кроме челнока, и подходах и при устройстве сидок и лабазов не мешает обращать внимание на то, чтобы стрелять приходилось в левую сторону, так как выстрел, особенно из экипажа, из лодки, с лабаза—в правую сторону гораздо менее удобен.

С подхода же охотой является и стрельба медведя на берлоге. При этой охоте надо помнить, что медведь, несмотря на неуклюжий вид, выскакивает из берлоги чрезвычайно проворно, и что он очень часто не выдерживает подхода, особенно если не с осени залег, а был перегнан. Кроме того, как выяснено А. А. Ширинским-Шихматовым на нескольких сотнях медведей, чело берлоги всегда глядит на юг, и первоначальный ход медведя из нее бывает также с севера на юг, хотя бы затем по местным условиям ему и пришлось направиться в другую сторону.

Но все же главные виды охот—это охоты с разными породами собак, но об этих охотах уже упомянуто в главе о собаках.

ВЫСЛЕЖИВАНИЕ

Для большинства способов охоты основной задачей является выследить, разыскать то животное, на которое собираются охотиться. И это относится не только к зверям, но также и к птицам. Так, для охоты на утиных перелетах надо выследить, где именно летают они—на хлеба или на другие кормежки. Для охоты на токах надо выследить, где именно токуют глухари или тетерева.

Выслеживать можно — и должно — вовсе не только по следам, отпечаткам, остающимся от ног животного. Пользоваться приходится всевозможными приметами и признаками. Здесь остались следы ног и помет животного. Там путь зверка по ветвям деревьев обозначается стряхнутыми на снег небольшими осыпями инея. Погрызенные ветви кустов, объеденные шишки хвойных деревьев, орехи и разные плоды, все это служит приметами деятельности тех или других животных. Летом достаточно подойти к глухому озерку, чтобы видеть на зеленой ряске, покрывающей его поверхность, дорожки от плававших на нем ночью уток. А по валяющимся тут и там отдельным перышкам можно определить и породу их. Конечно, следы ног на снегу — самый

наглядный признак прохода зверя. Не даром англичане называют порошу „книгой ослов“ (намекая, что по снегу всякий осел сумеет проследить добычу, а вот попробуй-ка по чернотропу!). Но и по „черной тропе“, как говорят охотники, можно выслеживать, если знать, где искать следов.

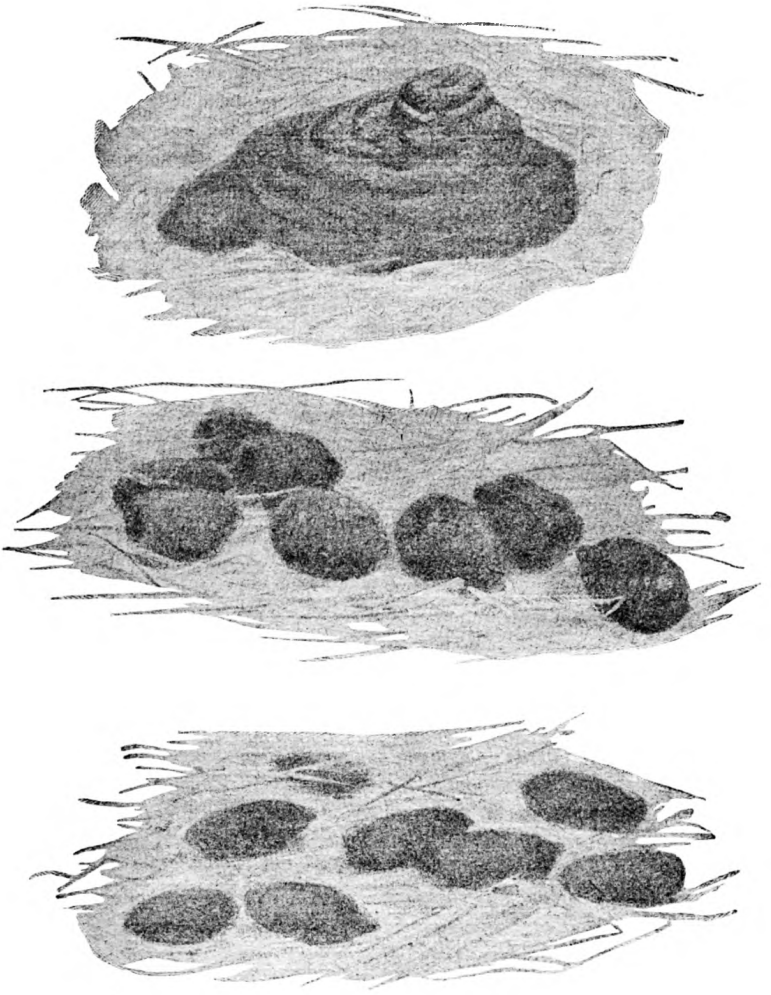

Рис. 121. Помет оленя (наверху летний, внизу—зимний коровы, в середине—зимний быка).

В этом случае приходится пользоваться теми местами, где хорошо отпечатываются и сохраняются следы. Пыль или песок на лесных дорогах и тропинках, грязь и ил по берегам ручьев и речек или на дне мелких луж особенно выгодны

в этом отношении. По росистой траве отлично можно следить даже птиц, почти так же, как по пороше,—пока роса не высохнет.

Для всякого, интересующегося жизнью природы, внимательное наблюдение следов ночной жизни в высокой степени интересно и может раскрыть, как в книге, все маленькие драмы и комедии лесных обитателей. Редко увидишь своими глазами, например, бой старого лося со стайкой волков, или, например, такую двойную охоту: лисица соследила русака, поймала его на логове и сожрала, а тем временем пара волков выслеживали ее самоё, нагнали всего сотнях в двух метрах от места закуски и в свою очередь съели ее вместе с находящимся в ее желудке русаком. Редко это увидишь глазами, потому что происходят такие вещи ночами.

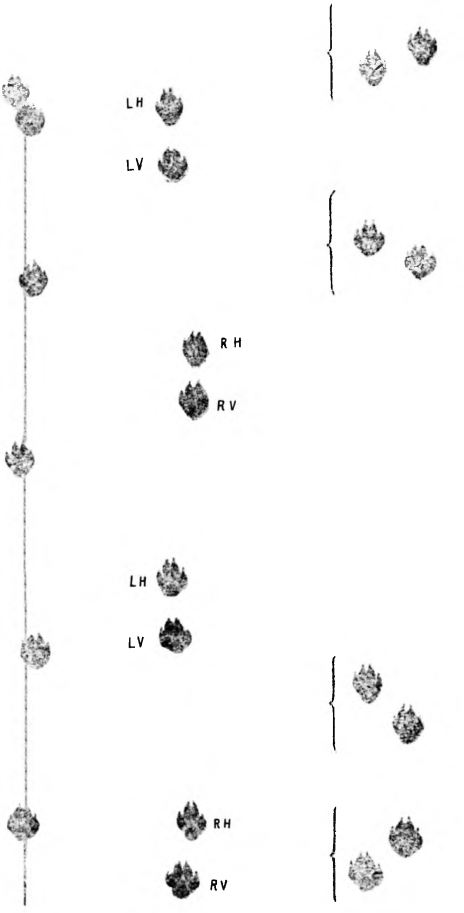

Рис. 122. Следы лисы: слева—трусом, в середине — рысью, справа — вскачь. (LV—левая передняя, LH—левая задняя, RV—правая передняя, RH—правая задняя лапа).

Но как интересно и поучительно бывает разбирать запутанные узоры следов и, наконец, представить себе, не по догадкам, а по точным и несомненным отпечаткам лап и тел, всю картину происшествия, как живую.

Выслеживание — это искусство, которому может научить только собственный продолжительный опыт, и ускорить изучение его можно, только развивая в себе наблюдательность и пользуясь всяким случаем для наблюдений. Такие случаи прежде всего дает всякая пороша; молодому охотнику следует не лениться, а старательно выхаживать по пороше различных зверей, чтобы изучить их приемы и хитрости и запомнить вид следов и общее направление следа

в разных случаях и на разной местности. По самому сезону большинства зверовых охот выслеживать, конечно, чаще всего приходится по снегу, и тут очень важно привыкнуть определять свежесть следа.

След, только что проложенный по снегу, имеет особенно резкий, отчетливый вид. Малейшие комочки, даже крупинки снега, выброшенные ногой, прочертили свои ясные крошечные следочки на поверхности чистого снега и сами лежат, едва касаясь поверхности. Края всех углублений остры, тонки и резки. По мере того, как идет время, и след стареет,— снег ведь испаряется, несмотря на мороз. Испарение это чрезвычайно медленно и незначительно, но оно есть. И вот постепенно острые края снеговых разрывов теряют свою остроту, скругляются. Отдельные крупинки и кусочки снега

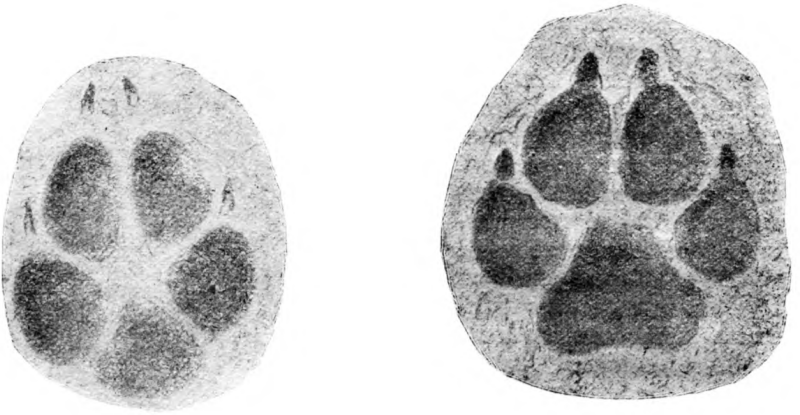

Рис. 123. Следы правых передних лап: лисы (слева) и собаки (справа).

также теряют резкость очертаний и начинают как бы сплавляться с той снежной поверхностью, на которой они лежат. Весь след по этим причинам становится нерезким, как бы чуть-чуть оплывшим. Это особенно хорошо заметно при солнечном освещении, особенно когда солнце не очень высоко.

При разной погоде и в разных местностях эта потеря свежести и резкости вида следа происходит не с одинаковой быстротой, и нужен постоянный навык, чтобы приобрести и поддерживать привычку оценивать глазом этот общий вид следа на снегу.

Другим не менее—даже более важным признаком свежести следа является мягкость, рассыпчатость разорванной следом снеговой поверхности. Выпавший снег с поверхности постепенно становится более и более жестким, и снежинки его как бы слипаются или сплавляются между собой. Зверь

при проходе пробивает эту корочку и обнажает внутренние, более рассыпчатые части снега. Понятно, что как только эти внутренние части обнажатся внутри следа, так и они сами постепенно также начинают крепнуть. И чем сильнее мороз, тем скорее это идет, и тем более жестким становится и этот рассыпчатый и мягкий вначале снег внутри следа. Опытный охотник, ощупывая рукой снег внутри следа (не дно его, где снег стиснут тяжестью зверя, а боковые осыпи), скажет, прошел ли зверь с полчаса или час назад, или 3—4 часа, или же, может быть, больше полудня назад. И это окрепление внутренности следа зависит прежде всего от силы мороза, а затем и вообще от условий местности (так как влияют и ветер, и влажность воздуха).

Рис. 124. Следы серны (черный козел). Слева спокойный ход, справа—вскачь.

Вообще одна практика и только практика может научить молодого охотника быстро и верно читать следы, а также привычка обращать внимание на все, что видишь и с чем встречаешься в поле и в лесу. Поэтому и нужно при каждом удобном случае практиковаться в этом и поддерживать в себе уменье. Видя живого зверя (да и птицу тоже) по пороше, по старому снегу, или и по черной тропе, нужно пойти на то место, посмотреть, какие следы на каком ходу оставлены, и таким образом научиться их разбирать. Изучать, как стареет и крепнет след при разных погодах, легко можно даже и в городе—по следам собак или своим собственным в палисадниках, на дворах и т. п.

Общее правило при выслеживании состоит в том, однако, что если идешь не для того, чтобы изучить ход и след зверя, то никогда не следует итти действительно „по следу". Надо итти в стороне шагах в 15—30, чтобы не затаптывать нигде след и быть в состоянии везде и всегда его проверить, а также не возбуждать подозрительности зверя: зверь, если и не видит из логова, то хорошо определяет слухом, идут ли именно по его следу, и отлично понимает смысл последнего события.

Рис. 125. Следы кабана, слева—секач шагом, справа—свинья вскачь (1—передние, 2—задние ноги).

Затем нельзя выхаживать все петли и прогулки за пищей („жировки") зверя: у него четыре ноги и, в большинстве случаев, длинная ночь, а у вас две — и короткий зимний день. Приняв откуда-либо след и проследив настолько, чтобы, зная характер местности и привычки зверя, понять общее его направление, дальше надо облегчать и выпрямлять по возможности с в о й путь, обходя гривами или дорогами болота и трущобные, крепкие места, окружая как их, так и жировки до пересечения того же следа, пока не попадешь на угодье, где зверь остался, что и выяснится при завершении полного круга вокруг этого угодья. При этом надо быть очень внимательным, чтобы не проглядеть (по дороге, по каким-нибудь другим следам) выхода того зверя, которого следишь. Конечно, и по сторонам надо смотреть, не лежит или не стоит ли зверь где-либо на виду. Вообще зверь несравненно меньше обращает внимания на человека, идущего стороной, мимо или поперек его пути, чем на идущего прямо по его следам.

Если следов несколько, или вообще след не особо приметный, то, обходя сомнительный участок, надо пересчитывать все входные туда и выходные из него следы, которые пересекаешь, и перечеркивать каждый замеченный след, чтобы знать, что он уже считан.

Если выходов больше, чем входов, — в кругу наверное ничего не осталось, а если входов больше,—зверь в кругу.

Если число выходов и входов одинаково, то в большинстве случаев зверя в кругу нет, однако, надо разобраться. Если характер местности такой, что зверь едва ли там останется, или ясно видно, что выходные следы более свежи, чем входные,—ясно, что зверь прошел дальше. Но если входы посвежее, или же этого заметить нельзя, но самая местность круга такая, что можно предположить обычное пребывание там зверя, то и при равном числе выходов и входов зверь может быть там.

При выслеживании раненого крупного зверя надо быть особенно внимательным и осторожным. И крупные хищники, и крупные быки-лоси нередко, обозленные раной и преследованием, стараются поймать охотника очень простым образом: делают **большой** круг, но, не заканчивая петлю вполне, остаются сторожить в укромном месте близ следа. Охотник идет по следу, глядит внимательно вперед, надеясь увидеть, не стоит ли или не лежит ли раненый зверь впереди, на своем следу, и не видит признаков, что далеко впереди зверь вдруг сделал полкруга и, не доходя до своей тропы, ждет, когда поравняется с ним охотник, чтобы броситься на него.

Рис. 126. Следы косули, снизу—вскачь, сверху—шагом.

У некоторых зверей, например, у волков, есть привычка итти совершенно след в след, так что невозможно сказать, сколько именно зверей прошло этим следом. Тогда нужно таким следом пройти до каких-нибудь зарослей, где следы на-время разойдутся, и их можно сосчитать и по сравнению размеров определить пол и возраст, — у самца крупнее, чем у самки.

У копытных зверей след быка или вообще самца не только крупнее, но и круглее и тупее, грубее, а у самки продолговатее, впереди острее, тоньше.

По „пороше“ вообще легко следить; пороша — такой снегопад, который окончился еще днем или в течение ночи,

так что старые следы запорошило, и видны лишь следы последней ночи (длинная пороша) или даже лишь части ее (короткая). Но и по старому снегу можно отличить свежие следы, в которых снег рассыпчатый, от старых, с зачерствелым внутри снегом. При некотором навыке и хорошем морозе можно узнавать разницу между следами всего в несколько часов.

Самым обыкновенным зверем, на котором чаще всего приходится упражняться в разбирании следов, является заяц. Поэтому о „тропленнии" его, т.-е. схаживании по следу, скажем вкратце.

Все зайцы ходят только на прыжках, при чем задние, длинные ноги заносят вперед передних. При этом продолговатые следы обеих задних ног лежат приблизительно рядом, а короткие следы передних — почти всегда один впереди другого. Итти значит надо в ту сторону, куда лежат отпечатки задних, а не передних ног. Только у сидячего зайца передние лапки отпечатываются между концами отпечатков задних пазанков. У беляка лапа большая, округлая, а у русака, хотя он и больше, лапа меньше, продолговатая.

Тропить беляка в сплошном лесу обыкновенно не стоит труда, так как он любит ложиться в чаще, где часто вскакивает без выстрела; ложится он и в моховых болотах и кустарниках пойм. Ложатся русаки в кустарничках, в кочковатых логах, по межам и водомоинам, по краям оврагов, иногда просто на жниве. Логово его, как и беляка, нередко так задувает снегом, что видно только отверстие от дыхания.

Когда выпадает пороша, то из осторожности заяц обыкновенно первую ночь постится, оставаясь на логове. От логова, в котором заяц сидел до сумерек, он идет сперва „жировыми" следами, т.-е. коротенькими прыжками, а потом концевыми, или обычным средним ходом, ведущим иногда прямо на жиры (т.-е. на кормежку). На жирах заяц передвигается жировыми следами, часто садясь. Иногда, поев, заяц бегает и играет на жирах, давая „гонные" следы очень большими прыжками, и или вновь принимается за еду, или (обыкновенно на заре) отправляется с жиров концевыми следами на новое логово, чтобы залечь на целый день до сумерек. Перед тем, как выбрать логово, заяц делает петлю, т.-е. делает более или менее большой круг, при чем пересекает свой след. Петли эти бывают иногда очень велики, поэтому довольно редко можно угадать, пересек ли заяц свой след, или прошел другой заяц. Более двух петель замечается редко. Вскоре после них начинают встречаться двойки, т.-е. сдваивание следа, при чем, остановившись на каком-нибудь определенном месте, близ которого намеревается залечь, заяц бежит обратно по собственному следу, чтобы враг подумал, что это другой заяц. Идя по прежнему направлению этим двойным следом,

вы скоро приходите к его концу. В сторону никакого следа не видно. Приходится возвращаться обратно, и тут у начала двойки вы открываете, что прозевали прыжок зайца в сторону. Отпечаток этого прыжка называется „сметкой" или „скидкой". Сделав сметку, русак бежит в сторону от общего направления того следа, которым он шел, затем снова делает прыжок в сторону, возвращается опять по направлению к двойке и, не доходя до нее, делает один или два прыжка прямо на место своей лежки, откуда ему хорошо видна его двойка, а следовательно и рассматривающий ее враг.

Иногда очень хитрые русаки не удовлетворяются двойкой, а вместо того, чтобы прыгнуть в сторону у ее начала, возвращаются снова обратно, т.-е. троят след. Такое его утроение называется „тройкой". В конце „тройки", т.-е. приблизительно в средине двойки, будет сметка в сторону одна, другая, затем несколько прыжков обратно, так что получается нечто в роде петли, почему о таких зайцах говорят, что они „петляют". Но в общем система остается та же. Надо сказать, что „тройка" бывает сравнительно редко, не достигает значительной длины, и после нее скидка бывает редко, а обыкновенно направление хода не меняется. Нередко русак ограничивается двумя сметками, однако попадаются „малики" (русачьи следы) и с 8 и более сметками.

Рис. 127. Следы куницы: слева—вскачь по песку, в середине—шагом по снегу, справа—на прыжках по снегу.

После тройки, которая бывает сравнительно редко, сметок большею частью не бывает, и заяц идет далее на значительное расстояние. Чаще всего двойной след русака замечается по дорогам или по гребням оврагов, где почти всегда бывает мало снега, а в начале зимы—в лощинах, луговинах и на только-что замерзших ручьях и речках. Длина двоек как в одном и том же малике, так и в разных бывает весьма

непостоянна и изменяется от 5 до 150 шагов. Они несомненно указывают на близость логова, и если русак идет еще после двойки со скидкой значительное расстояние, меняя скидочные прыжки на концевые, то это уже исключительный случай.

Таким образом заяц бежит по направлению к месту, где поблизости решил залечь, затем несколько возвращается, отсюда делает сметку и бежит по другому направлению, вскоре делает снова сметку, бежит по новому направлению и уже отсюда делает последнюю сметку и, наконец, колоссальный прыжок на место лежки.

Рис. 128. Следы горностая: слева — на прыжках, в середине — вскачь, справа 2 верхние — отпечатки лап; и ласки (справа 2 нижние).

Нужно итти шагах в двадцати от следа, делая вид, что его не видишь, а на самом деле зорко следя как за направлением следа, так особенно стараясь не пропустить двойки или сметки. Двойку легко заметить по тому, что в этом месте след делается как бы сплошным, т.-е. без промежутков между двумя, если можно так выразиться, четверками следа; как только двойка замечена, следует сообразить, где приблизительно может быть лежка, и начать обходить как двойку, так вместе с тем и предполагаемую лежку по кругу, постепенно приближаясь и поглядывая, не видно ли где-нибудь сметки, а может быть и самой лежки в виде небольшого отверстия на снегу. Обычно заяц, заподозрив недоброе, вскакивает, взрывая целый фонтан снега, но это бывает уже настолько близко, что выстрел кончает существование „косого".

Выходить тропить надо рано на рассвете, и итти местами, где скорее всего можно принять малик: краем озимых полей, особенно где с пригорков сдувает снег и где поэтому любят жировать зайцы, или между озимями и кустарниками и лугами, а позже зимой — и позади сельских гумен, куда ходят русаки.

Давать в этой книжке описание выслеживания других зверей по видам их — невозможно и вряд ли необходимо. Для подробных описаний нужен был бы огромный том, и все-таки без своего собственного опыта в поле охотник из книги выслеживанию не научится. А краткие описания и вовсе мало дают для практики. Общее же понятие о характере выслеживания ясно из того, что сказано выше. Приложенные же рисунки знакомят читателя с формами следов и походки многих из наших зверей.

ГЛАВА VI

КОЕ-ЧТО О ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ

НОЧЛЕГ В ЛЕСУ

Может случиться, что необходимость заставит охотника ночевать в лесу. Летом такой ночлег не представляет особенных неудобств, надо только выбрать по возможности сухое место, да—если лес хвойный—окопать костер кругом канавкой, но поздней осенью, зимой и ранней весной, чтобы не замерзнуть или, по крайней мере, не иззябнуть, требуется некоторая сноровка. Прежде всего для ночлега выбирается место низменное, за горкою и, главное, за ветром, лучше всего за выворотом, т.-е. за поднявшимися с землею корнями вывороченного ветром дерева. Выбрав место, на нем сначала раскладывают обыкновенный костер, который, когда земля прогреется, убирают, на прогретое же место натаскивают ветоши, сухого мху, хвои, а немного поодаль устраивают не костер, а так называемую нодью уральских промышленников. Для этого выбирают сухостойное дерево, но преимущественно еловое (потому что осина и сосна гаснут, пихта трещит и бросает искры, береза очень скоро загорается вся и быстро сгорает, а ель—та горит медленно, ровно и без треска), отрубают у подходящего дерева два бревешка, одно метров до 3 длиною, а другое немного короче; короткое кладут на землю, а на него вдоль—длинное, предварительно потяпав топором ту его сторону, которая обращена к нижнему бревну; чтобы бревна держались в таком положении, их с обеих сторон по концам укрепляют вертикально вбитыми в землю кольями, но бревна не должны плотно прилегать одно к другому, а должен быть просвет, для чего между ними по концам кладут по чурочке в 4 сантиметра толщины. Стоит только зажечь в промежутке между бревешками с помощью щепок,—и нодья прогорит всю ночь. В ветер

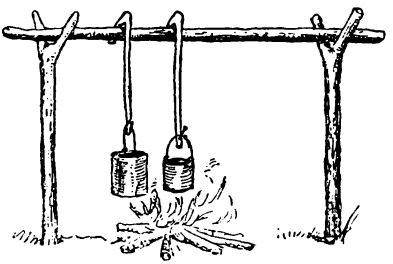

Рис. 129. Варка пищи на костре.

располагают нодью так, чтобы он дул вдоль нее. На снег, вместо постели, набрасывают обыкновенно в несколько слоев еловых, сосновых или пихтовых лапок. Устраивают нодью метра 3—3$^1/_2$ от выворота. При глубоком снеге и отсутствии выворота отгребают снег полукругом от нодьи так, чтобы радиус (принимая за центр средину нодьи) был не менее 3$^1/_4$ метра, и возвышают его в виде вала; при этом спать гораздо удобнее, греет обе стороны, так как теплота отражается от белой снеговой стены. Ложатся, конечно, между нодьей и снежной стеной.

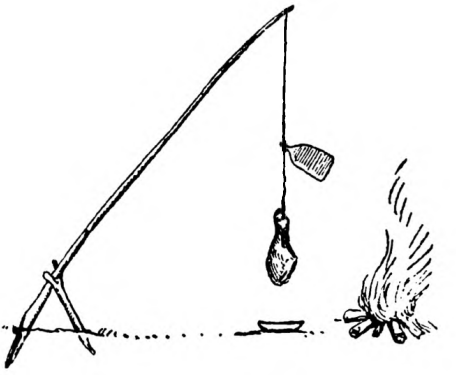

Рис. 130. Жарение мяса у костра. Лопаточка заставляет вращаться мясо.

В других местах Сибири вместо нодьи берут 4 толстые полена метра 3$^1/_2$ — 4$^1/_4$ длиной каждое, и одно кладут на землю, а другие три — поперек, одним концами на землю, а другими—на это нижнее бревно, притом так, чтобы эти концы выдавались около $^3/_4$ метра вперед и сходились вместе, лежащие же на земле концы этих бревешек расставляют врозь около $^3/_4$ метра один от другого. Иначе огонь охватил бы целиком поленья, при таком же расположении горят только обращенные к ночлегу выдающиеся над нижним бревном сходящиеся концы, которые поджигают снизу, и таким манером костер прогорит всю ночь, придется только раза два встать подвинуть вперед горящие бревна по мере того, как сгорят сближенные их концы. Раскладывать костер вплоть у скалы нельзя: может от нагрева отскочить кусок камня, иногда с очень большой силой.

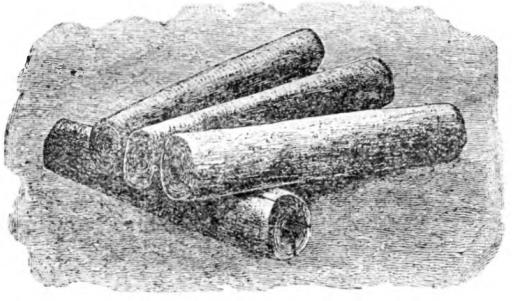

Рис. 131. Костер на всю ночь.

При выборе ночлега в бурное время надо, конечно, подумать о том, чтобы не быть раздавленным каким-нибудь подгнившим или сухостойным деревом или крупным плохо держащимся суком.

Ночуя в холодное время прямо ли на воздухе или в палатке или шалаше, гораздо важнее хорошенько защитить себя от холода снизу, чем сверху. Поэтому, если есть с собою шкуры или теплые запасные вещи, надо гораздо больше класть под себя, чем на себя. Точно так же гораздо лучше спать раздетым. Мне подолгу приходилось жить в легкой палаточке при сорока, пятидесятиградусных морозах. Приходилось переносить и шестидесятиградусные. Раздеваться, а в особенности утром одеваться при этом,—прямо наказание, но это лучше, чем спать одетым. Одежда неизбежно стесняет кровообращение. Поэтому тело не только плохо отдыхает, но и гораздо больше зябнет. Кроме того, одежда при спанье одетым сыреет и плохо охраняет от холода. Хорошенько проветривать и при каждом удобном случае сушить одежду, одеяла и все подобные вещи—первое правило лагерной жизни.

Если есть возможность, то очень полезно бывает нагревать в костре камни так по четверти и немного больше поперечником. Они отлично сохраняют тепло и греют, если их положить в палатке или в сделанной из веток постели (особенно в ногах). Надо только дать им настолько остыть, чтобы они не обугливали бумаги (во избежание пожара).

ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ

Курит охотник или нет, но во всяком случае полезно, кроме спичек, всегда иметь с собою кремень, огниво или кресало, а также хорошо завернутые в промасленную бумагу от сырости обожженный трут в жестяной трубочке и небольшой капсюль (например, старая латунная гильза) с горючей серой. Спички можно (особенно курящему) истратить до последней или промочить насквозь, а кремень и кресало всегда дадут искру. В сухое время, правда, можно достать огонь, просто выстрелив четвертью холостого заряда в охапочку сухой травы. Но в мокрое время без небольшого запаса серы иногда невозможно бывает развести огонь, ночевать же под осенним дождем без огня неприятно.

Есть и другие способы добывать огонь. Хотя бы в солнечное время с помощью зажигательного (двояковыпуклого) стекла. Такое стекло можно получить, отвинтив от бинокля или подзорной трубки объективное (большое) стекло.

Зимой в солнечный день можно даже сделать зажигательное „стекло" из чистого, прозрачного льда, если кусочек его ножом, а затем полированием руками обратить в выпуклую с обеих сторон чечевицеобразную линзу. Но и чистый лед, и солнце далеко не всегда под руками. Поэтому часть спичек лучше хорошенько беречь от сырости. В стеклянном пузырьке или пробирке, или же в металлической гильзе спички не

подмокнут, плотно заткнутые пробкой. Если головки спичек обмокнуть быстро в растопленный, горячий парафин, то это тоже предохраняет их затем от отсырения.

Наконец, есть очень древний и до сих пор далеко не везде вымерший способ добывать огонь трением дерева о дерево. Если знать приемы, то это вовсе не такая сложная и трудная вещь. Как это делается — понятно из прилагаемого рисунка и следующего объяснения. Нужно иметь лучок из какой-нибудь несколько погнутой палки около 60—70 *см* длиной и $1^1/_2$—2 *см* толщиной, с довольно свободно висящей тетивой из прочного сыромятного ремня, или прочной бечевки (бечевка довольно быстро мочалится при этой работе).

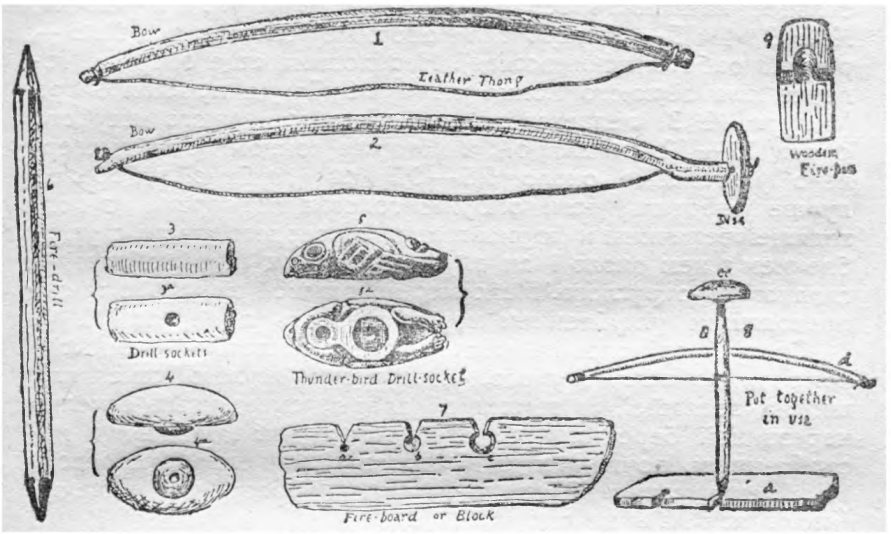

Рис. 132. Добывание огня трением.

Затем из совершенно сухого соснового, кедрового или елового дерева (годятся, говорят, и многие лиственные породы) надо сделать палочку и дощечку. Палочка около 30—40 *см* длиной и около $1^1/_2$—2 *см* толщиной. Она должна быть грубо закругленная или многогранная, но не правильно, и гладко круглая: в последнем случае тетива лучка может скользить по ней. Палочка на обоих концах заостряется: как карандаш — на одном конце и значительно более тупо — на другом. Дощечка должна иметь примерно около 15—20 *см* в длину и 5 *см* в ширину, толщиною же быть $1^1/_2$—$1^1/_3$ *см*. В одной из двух длинных сторон этой доски, в краю ближе к одному из концов делают зарубку или вырез. Как видно на рисунке, вырез идет во всю толщину доски, ширина его в основании, т.-е. вдоль края доски, около 6—$6^1/_2$ миллиметров; вглубь

доски вырез этот проникает около 1,2—1,3 *см*; края этого выреза должны быть не совсем ровные, отвесные, а так, чтобы вырез был несколько пошире на нижней стороне доски, чем на верхней. На верхней поверхности доски у самой вершинки зарубки концом ножа делается маленькое углубление. Углубление это по мере употребления доски разрабатывается, и когда оно проверчено уже насквозь, то приходится делать, немного отступя, новые зарубки и углубления (на рисунке под № 1—лучок, под № 2—другой, сложнее устроенный лучок, с просверленными отверстиями для тетивы, которая с одной стороны пропущена через деревянный кружок; при работе, опираясь рукой на кружок, можно сильнее натягивать тетиву; № 6 — палочка и № 7 — доска; №№ 3, 4 и 5 — разного типа опорные головки: под № 5 — резной работы эскимосская). Необходима еще опорная головка для верхнего конца палочки. Самая простая опора (фигура № 3) делается из соснового или иного твердого сучка 10—12 *см* длиной, в котором концом ножа высверлено углубление около 0,6—0,7 *см* глубиной. Гораздо лучше работать, если опорная головка подобрана из подходящей величины и формы гладкого, твердого камня с углублением в нем около 1 *см* глубиной и 1 *см* шириной, также гладкого и округлого. Наконец, небольшой камень с таким подходящим углублением можно вставить в дерево (№ 4).

Следует приготовить также немного растопки: маленький комочек тонкого, мягкого, совершенно сухого сена или вполне завядшей и высохшей травы, смешанных с мелко нарезанной берестой или даже мелко нащепленным и наскобленным, почти как вата, сосновым или еловым деревом. Надо еще какую-нибудь щепку или небольшую дощечку (напр., как № 9 на рисунке).

Самое добывание огня этим прибором производится так (№ 8 на рисунке). Доска кладется на плотную землю или на что-нибудь твердое, с небольшой дощечкой или щепкой, подложенной под вырез доски. Палочку обвивают одним оборотом тетивы лучка (тетива для того и делается довольно свободной, чтобы можно было ее навернуть на палочку, после чего она должна оказаться натянутой). Делают это так, чтобы лучком удобно было работать правой рукой, и чтобы более острый конец палочки упирался в углубленьице у вершины зарубки. Верхний конец палочки упирают в углубление нижней стороны опорной головки. В таком положении ногой или коленом плотно становятся на доску, левой рукой крепко держат и прижимают опорную головку, чтобы палочка не колебалась, а правой рукой двигают лучком взад и вперед, заставляя этим быстро вращаться палочку. Полезно бывает смазать салом или маслом верхний конец палочки (опирающийся в головку). Чтобы крепче держать прибор,

хорошо бывает стать на правое колено, а в левую кисть, держащую опорную головку, упереться подбородком. Правая рука должна водить лучком ровными и сильными, непрерывными движениями во всю длину лучка. Быстро вращаясь, палочка как бы всверливается в доску, образуя трением деревянный порошок, который, разгорячаясь и постепенно обугливаясь, сыплется в вырезку и на лежащую под вырезом щепочку. Тогда надо еще крепче прижимать палочку левой рукой и еще быстрее вращать ее правой. Когда порошок почернеет и начнет хорошо дымиться, надо прекратить работу и проворно, но осторожно поднять доску, а оставшуюся кучку дымящегося черного порошка на щепке осторожно раздуть (напр., помахав слегка на нее ладонью) в тлеющий уголь. Тогда надо положить на тлеющий порошок приготовленный комочек растопки и раздуть в огонь.

Надо помнить, что доска должна быть совершенно неподвижной, и палочка также должна стоять совершенно прямо и не шатаясь. Начинать работу лучком нужно сравнительно медленно и нажимать опорную головку не сильно, но значительно усиливать давление и ускорять вращение, как только начнет показываться дымок. Если все эти правила соблюдаются, и дерево доски и палочки действительно совершенно сухо, но не гнило и не трухляво, то огонь непременно получается, требуя для получения его от 1 до 3 минут. Но пока не привыкнешь к этому, приходится возиться и дольше.

УСТРОЙСТВО ИНДЕЙСКОГО ЧУМА

Короткое время или в хорошую погоду отлично можно и отдыхать, и ночевать под открытым небом. Но в холод или ненастье это уже неудобно и тяжело, а если приходится делать какую-нибудь работу (набивать патроны, снимать шкурки и т. п.), то какое-нибудь более солидное прикрытие становится необходимым. Имеется очень много различных типов довольно удобных палаток. Самому их изготовить не так легко, и здесь я изображаю и описываю одно из самых простых и удобных переносных жилищ, один из типов чумов американских индейцев. Как материал, годится легкий брезент, парусина и всякая другая достаточно прочная материя.

Для небольшого чума надо иметь 18,6 кв. метров материи куском 3,05 на 6,10 метров. Разостлав ее на земле, посредине одной из длинных сторон (в точке *А* верхней половины рисунка) колышком или гвоздем укрепляют конец веревки, а петелькой на другом конце ее—уголек (обожженная палка), мел или карандаш так, чтобы от колышка до карандаша было 3,05 метра,—и очерчивают по материи полукруг, как

показано точками на рисунке. От той же точки *A* отмеривают по краю в обе стороны (до *E* и *G*) по 15¼ *см* и размечают два глубоких угла *EFA* и *GRA* на глубину 30 *см* от края. Наконец, в отчерченных нижних углах материи размечаем еще два неправильных четыреугольника: *HLMJ* и *IONK* совершенно одинаковых размеров: сторона *HJ* (и *KI*) — по 152,4 *см*, стороны *LM* и *NO* по 122 *см*, *HL* и *IO* — по 61 *см* и, наконец, *MJ* (и *NK*) — по 30½ *см*. На каждый из этих четыреугольников — на углу *H* одного и на углу *I* другого нашиваем по небольшому треугольному куску той же материи (из освобождающихся отрезков), чтобы образовать по карманчику по 15—16 *см* глубиной (они впоследствии послужат для упора жердей).

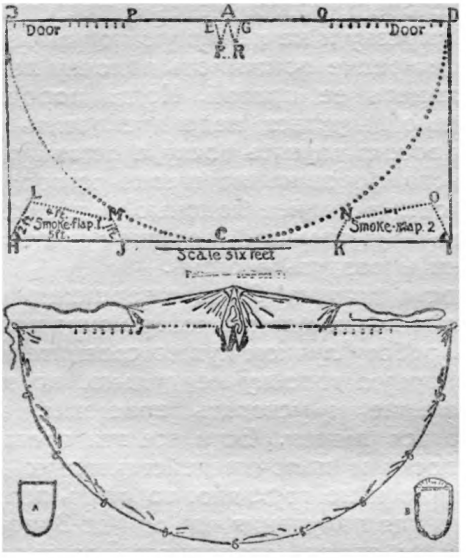

Рис. 133. Выкройка индейского чума.

По отмеренным таким образом и означенным на рисунке точками линиям вырезаем большой полукруг *BCD*, два маленькие угла *EFA* и *GRA* и четыреугольники *HLMJ* и *IONK*; эти четыреугольники пришиваем направо и налево от вырезанных треугольников так, чтобы сторона *LM* четыреугольника пришита была по линии *PE*, а сторона *NO* второго четыреугольника пришлась по линии *GQ* прямой стороны полукруга. Тогда получится так, как изображено на нижней половине рисунка. Далее, отступя на 5 *см* от прямого края полукруга, делаем с каждой стороны по 9 пар дырочек так, чтобы в каждой паре одна дырочка была, как сказано, в 5 *см* от края, а другая — еще на 3¾ *см* дальше от края. Каждая же пара дырочек от соседних пар должна отстоять на 12¾ *см*. От углов *B* и *D* делается по две пары дырок, затем оставляется пространство в 61 *см* для двери и далее еще по 7 пар дырок. Так как дырки обеих половин должны вполне сходиться, то лучше аккуратно сложить полукруг по линии *AC*, чтобы углы *B* и *D* сошлись, и уже сразу делать дырки в обеих половинах. Чтобы укрепить дырки, можно подшить с одной или даже с обеих сторон материи по четыреугольному кусочку кожи или брезента в местах, где пробиваются дырки.

Далее, к концу треугольного лоскута *FAR* прочно пришиваем серединой ее веревку около 122 *см* длиной. Другие две веревки, по 3,05 *м*, пришиваем к углам четыреугольных лоскутов, как это показано на нижней половине рисунка (эти углы были означены *J* и *K* на верхней половине). Другую веревку нужно вшить вдоль всего полукруглого края *BCD*, подрубив на ней край материи. Наконец, надо взять 12 кусков веревки по 38—40 *см* длины и крепко пришить их: одну — в углу *B*, другую—в углу *D* и десять остальных—на равных промежутках вдоль всего полукруглого края ко вшитой в нем веревке одна от другой на 87 *см*.

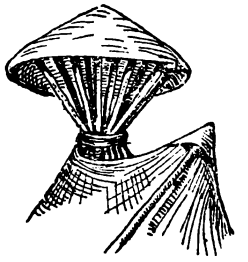

Рис. 134. Покрышка индейского чума

Таким образом покрышка для чума готова. Можно сделать (часто не делают этого) привесную дверь. Она делается из гибкой (лещина, рябина и т. п.) палки около 168 *см* длиной и 2 *см* толщиной. Ее сгибают дугой и поперек скрепляют концы прямой палкой около 56 *см* длиной (как в левом нижнем углу рис. 133). На эту раму натягивают кусок материи так, что у нее кверху остается свободный край (см. правый нижний угол рис. 133), и в этом крае делают две небольшие дырочки. Этими дырочками дверь навешивается на одну из тех десяти гладких, прямых, круглых, крепких палочек по 30—31 *см* длиной и по 6—6½ *мм* толщиной, которыми поперечно соединяются, как бы скалываются края чума (по линии *BP* и *DQ*).

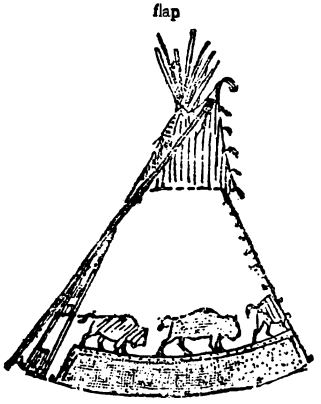

Рис. 135. Индейский чум.

Для предохранения внутренности чума от очень сильных и продолжительных дождей делают еще особую покрышку или шапку около 122 *см* поперечником и 46 *см* глубиной. Край материи широко подрубается и туда вставляется гибкий прут (верба, ивняк и т. п.), чтобы придать ей форму. Покрышка эта надевается на концы жердей и в случае надобности привязывается.

Для установки чума надо еще иметь 12 по возможности прямых и гладких жердей около 4—4¼ *м* длиной и около 2½ *см* поперечником в верхнем отрубе,—и 12 же коротких, крепких колышков около 38—40 *см* длиной и около 4 *см* толщиной, заостренных на одном конце. Три (иногда берут и четыре) жерди связываются приблизительно в 3,35—3,36 *м* от

нижних концов и расставляют, как треножник, чтобы нижние концы были около $2^2/_3$ *м* друг от друга. Затем еще 6 жердей кладут, вернее говоря—ставят в промежутках так, чтобы все девять нижних концов образовали круг, и все девять наверху перевязывают длинной, крепкой веревкой, конец которой должен висеть внутрь чума до земли (с излишком). Эта веревка служит в качестве якоря в случае бури. Далее, оба конца веревки, пришитой к треугольному лоскуту *А* покрышки чума, о которой говорилось выше, надо привязать к одной из трех еще остающихся жердей в 3 метрах от ее нижнего конца. Затем эту жердь и покрышку чума вместе с ней надо поднять на место со стороны противоположной той, где желательно иметь дверь. Далее обе полы покрышки чума заносятся на место так, чтобы они зашли друг на друга, и тогда их скрепляют через соответствующие пары дырочек упомянутыми ранее девятью гладкими палочками. Остальные две жерди вставляются верхними концами в карманчики, нашитые на упоминавшихся ранее четыреугольных лоскутах. Эти жерди стоят снаружи чума (как на рис. 135). Наконец, вбиваются вокруг короткие колышки и к ним привязываются 12 свободных веревок нижнего края (или эти веревки уже вшиваются в виде петель, и колышки вгоняются в землю сквозь эти петли), и вся покрышка плотно натягивается раздвиганием нижних концов жердей.

Рис. 136. Установка индейского чума.

Рис. 137. Установка индейского чума.

После этого на соответствующую поперечную палочку навешивается дверь. Внутри чума вбивается толстый кол так, чтобы не мешал, к которому и привязывается спущенная внутрь веревка, связывающая жерди. Остается выкопать в середине ямку около 46 *см* шириной и 15—16 *см* глубиной для костра. Такой чум и при горении костра хорошо может продуваться от дыма, в зависимости от установки так или иначе к ветру тех двух лоскутов, которые образуют вверху отверстие для дыма. Можно бывает приподнимать покрышку и снизу. Если при этом слишком дует, можно между 2—3 жердями натянуть кусок материи с метр над землей.

Рис. 138. Проветривание индейского чума.

СВЕЖЕВАНИЕ И РАЗЪЕМКА ТУШИ ЗВЕРЯ

При добыче зверя в высшей степени важно обескровить тушу скорее и полнее, т.-е. воткнуть нож спереди в грудную клетку и порезать либо сердце, либо выходящие из него большие кровеносные сосуды.

Свежевание туши. Как только кровь перестанет вытекать, обыкновенно сразу приступают к потрошению туши, делая разрез посредине брюха и давая внутренностям вывалиться. Разрубается кость между задними ногами, что дает доступ к прямой кишке и заднему проходу. Кругом заднего прохода делается прорез, чем освобождается прямая кишка и ее втягивают в брюшную область. С небольшим усилием кишки и желудки освобождаются от своей связи со спиной и постепенно извлекаются наружу. Когда они вывалены, то видно, что их удерживает единственно пищеводная трубка, которую следует перевязать ранее, чем перерезать. После того делается кругообразный прорез сквозь грудобрюшную преграду. Теперь можно найти небольшие хрящевые утолщения на ребрах несколько сбоку от грудной кости. Эти хрящи легко перерезываются, и таким образом вскрывается грудная клетка. Шея взрезывается вдоль до самой головы, и пищевод и дыхательное горло освобождаются до самой грудной клетки, после чего достаточно одного—двух ударов ножом, чтобы извлечь сердце с легкими, и туша остается совершенно пустой, с одной лишь печенью. Печень можно извлечь или оставить на месте.

Внутренности можно удалять после того, как туша будет подвешена, но надо помнить, что у оленей желудки очень непрочны, и при грубом обращении их легко порвать. Часто первый желудок бывает так полон и тяжел, что лопается сам собою. Поэтому безопаснее потрошить оленя, пока он лежит на земле. Если по неосторожности внутренности порваны, и часть содержимого в них пролилась на тушу, то грязь эта должна быть обтерта и испачканному месту надо дать просохнуть; иначе выпачканное место даст начало порче. Выпотрошенную тушу следует подвесить, если есть поблизости деревья, и дать ей остыть. Следует всячески избегать мытья мяса: вода его размягчает и способствует заражению его гнилостными началами. Грязные или кровяные пятна можно обтереть сырой тряпкой, но не следует такой загрязненной тряпкой затем обтирать другие части туши. Когда туша выпотрошена, ее следует раскрыть как можно шире, чтобы она поскорее остыла. Шерсть превосходно сохраняет тепло, и потому через шкуру с шерстью мясо охлаждается очень медленно. Бывали случаи, когда мясо северного оленя портилось в самую холодную погоду,

если его подвергали перевозке ранее, чем оно достаточно остынет. После того, как жизненная теплота туши рассеялась, и мясо остыло или замерзло, шкура с шерстью является самым наилучшим и ценным покрытием для него.

Мясо в шкуре можно перевозить на большие расстояния. Пересылая, например, мороженый окорок дичи, можно завернуть мясо в оленью шкуру шерстью наружу, затем упаковать в ящик, обложив опилками или сеном, и оно останется мерзлым в течение ряда дней, даже во время оттепели. Есть и другие выгоды оставлять шкуру на туше: вес не теряется от испарения, мясо остается чистым и сохраняет свой цвет. Поэтому шкуру зверей, битых на мясо, по возможности надо оставлять на туше. К сожалению, охотник часто убивает зверя вдали от своей стоянки или в конце дня, так что сейчас же после потрошения бывает вынужден взвалить его на спину или волочить к стоянке, не дав остынуть. Конечно, лося (сохатого) или крупного оленя приходится оставлять на время из-за величины зверя, и он успевает остыть до перевозки, но мясо мелких видов оленей — косули, кабарги и других некрупных зверей очень часто повреждается или портится таким образом. Очень важно дать остыть ему хотя бы в течение получаса, если нет больше времени. Когда охотник на пути домой останавливается для отдыха, хотя на несколько минут, тушу следует открывать как можно более.

Съемка шкуры. Оленя можно оставить лежащим на боку или же перевалить на спину. Продольный разрез проводится от головы посредине тела до самого хвоста. Затем берут переднюю ногу и делают разрез вокруг „колена", соединяя этот круговой разрез вдоль внутренней стороны ноги со срединным разрезом туловища. Ногу при этом охотник может держать между своими коленями, чтобы иметь обе руки свободными для работы. Когда несколько сантиметров шкуры освобождено, за эту часть можно взять рукой и стянуть шкуру вниз. Обыкновенно она легко сходит до плеча. Затем надо взяться за заднюю ногу, начав также с кругового разреза вокруг скакательного сустава, от которого по внутренней стороне ноги проводится разрез до первоначального длинного разреза примерно в середине промежности. Заднюю ногу также придерживают коленями и снимают, как переднюю, при чем шкура сдирается до бедренного сустава. После этого зверя переваливают на другой бок и снимают ноги другой стороны. Затем снимают брюхо; подпоров немного шкуру, можно между нею и мышцами просунуть сжатый кулак и подобным образом освобождать значительную часть шкуры. Время от времени приходится применять нож, но обыкновенно шкура оленя сходит легко. Шкуру нужно держать распластанной по

земле во время съемки, чтобы не попачкать самой туши. По мере возможности съемка шкуры должна предшествовать разъемке туши. Часто это бывает неприменимым, но в раннюю часть охотничьего сезона, когда погода тепла, снимать шкуру следует без всякого замедления, чтобы не дать мясу испортиться. При неснятой шкуре в жаркую погоду разложение наступает очень быстро. Ободранную тушу нужно подвесить и дать ей остыть. Как только поверхность мяса несколько подсохла и сделалась плотной, его можно перевозить без порчи на большие расстояния.

Разъемка туши. Лапландский способ разъемки туши представляет для одинокого охотника свои удобства. Одним из главных является возможность расчленить всю тушу простым охотничьим ножом. Оснимав и выпотрошив зверя, разделку продолжают следующим образом: голова отделяется в первом шейном суставе. Шея отрезается вместе с первыми двумя ребрами. Грудная кость отделяется перерезыванием реберных хрящей и с нею вместе отрезываются брюшные мышцы проведением разреза по бокам до бедренных суставов. Спинная кость отделяется целиком, при чем ребра отделяются в самом сочленении головок. Передние ноги отделяются в локтевом суставе, а задние—в коленном. После этого остаются два бока с лопатками и окороками при них. Их разрезают на три части каждый, отделяя лопатку (передний окорок) и окорок от ребер. Спинная часть или „седло“ является прекрасным кушаньем. Ноги лопари отделяют высоко, как для того, чтобы сохранить сухожилья, так и ради костного мозга: длинные кости варят, раскалывают и достают из них мозг. Когда мясо остынет или замерзнет, его упаковывают в шкуру и так перевозят.

Повреждение мяса выстрелом. Часто случается, что пуля попадает по брюху зверю, и если другие части тела не тронуты, то он способен бывает убежать на большое расстояние. В таком случае гнилостные начала, которые всегда имеются в брюшных внутренностях, могут попасть в кровообращение и быть разнесенными по всему телу. На способности мяса сохраняться это отзывается пагубным образом: гнилостные начала размножаются в кровеносных сосудах и в мышечной ткани, и в самое короткое время при теплой погоде мясо получает зеленоватый цвет и скверный запах. Это разложение может наступить гораздо быстрее, чем воображает большинство людей, так как немногих биений сердца достаточно, чтобы разогнать гнилостные бактерии по всему телу. Когда пуля проходит через брюшные органы в грудную клетку, то подобная порча весьма вероятна.

Что касается птиц, то при обыкновенной стрельбе из-под собаки по большей части приходится стрелять в угон, и брюшные органы очень часто повреждаются, но при стрельбе

на перелетах или из-под загона чаще случаются головные раны, и мясо получается лучшего качества.

Другой причиной, влекущей за собою быстрое разложение мяса, является перегревание тела раненого животного при продолжительном его преследовании. В другом месте будут указаны средства для выбора и сохранения мяса. Вышеизложенное же говорится для того, чтобы обратить внимание на необходимость хладнокровия и обдуманности при стрельбе: пулю надо посадить по месту, чтобы добыть мясо наилучшего качества.

СОХРАНЕНИЕ ПЕРНАТОЙ ДИЧИ

Стрельба уток и другой пернатой дичи. При всякой стрельбе как на суше, так и на воде, для сохранения дичи применимы одинаковые основные правила. Разложение начинается почти сейчас же, как птица застрелена, и чем скорее жизненная теплота покинет тушку, тем лучше птица сохранится. Обыкновенная температура тела птицы вообще 38 градусов по стоградуснику. Понятно, что особая забота должна быть приложена для сохранения птицы, битой в теплую погоду. Никогда не следует оставлять птиц сколько-нибудь долго в ягташе или мешке. При каждой даже короткой остановке птиц следует раскладывать, давая им остыть. Вечером, когда охота кончена, полезно птиц, разбитых выстрелом и вообще сильно поврежденных, а также и маловесных, отделить от остальной добычи для позднейшей обработки. Птиц надо развешать в самом прохладном и проветриваемом месте. Многие любят, чтобы птицы повисели несколько дней, и мясо их „дошло". Это явление некоторого брожения обыкновенно считается желательным во всяком мясе, но оно не означает действительного гниения. Гниение происходит в том случае, если пробиты брюшные органы, и содержимое их распространилось по тушке. Поэтому при выборе птиц для развешивания впрок полезно несколько ощипать брюшко и посмотреть, не пробито ли оно. Птиц, сильно разбитых, надо выпотрошить, вытереть сухой тряпочкой и слегка присолить внутри. Против потрошения птиц говорит то, что они затем могут сильно подсыхать и бывают не сочными при жарении. Можно до некоторой степени устранять это: выпотрошив и обтерев досуха тушку, набивать ее смятой бумагой, которая в значительной мере мешает высыханию. Если погода теплая и нет возможности поместить птиц в холодную кладовую, их можно выпотрошить, ощипать и положить в слабый рассол. Но самое лучшее—это как можно скорее изжарить сильно разбитых птиц. Многие любят очень лежалую дичь, и эти замечания, конечно, не относятся к таким случаям,

но для тех, кто любит есть свежую дичь, следует затратить немного добавочного труда, чтобы охранить птиц от порчи.

Холодильники и погреба. При добыче большого количества птиц в холодное время года или там, где есть холодные погреба, можно помещать ее в ледник. Качество при этом не всегда бывает удовлетворительным, например, потеря влаги иногда бывает так велика, что мясо птиц становится совершенно сухим. Чтобы помешать этому, можно заворачивать птицу в бумагу, как скоро она замерзнет. Затем следует обращать внимание на быстроту, с которой морозится дичь. Чем быстрее идет замораживание, тем лучше. В упаковочных помещениях птица, быстро замороженная, сохраняет белый цвет мяса, при слишком же медленном замораживании под кожей при оттаивании появляются темные пятна. Колебания температуры сильно понижают качество мяса, и их следует остерегаться. Если температура поднимается выше точки замерзания на сколько-нибудь значительное время, то легко образуется плесень. Иногда в холодильниках приходится видеть значительные количества заплесневелой дичи. Избегнуть всего этого не легко, но все это полезно знать. Старый и хороший способ сохранения мяса таков: внутренняя поверхность бочки покрывается льдом, затем ее наполняют слоями мороженого мяса и плотно забивают крышкой. Упакованное таким образом мясо не теряет своей влажности, и температура внутри бочки не подвергается значительным колебаниям. Этот способ можно рекомендовать и для птицы. Если дичь развешивать на ветру, то мясо слишком скоро сохнет и сморщивается. Помешать этому можно завертыванием в бумагу, как только мясо остынет. При обыкновенном приготовлении и охлаждении мяса на бойнях потеря в весе от высыхания нередко достигает 2 или 3 процентов. Легко понять, что дичь потеряет столько же или даже больше, если о ней не позаботиться надлежащим образом.

КАК ОПРЕДЕЛЯТЬ СТРАНЫ СВЕТА

Самое простое и надежное средство определять, где север, где юг, где восток и запад,—это пользоваться компасом (как поморы наши называют—„матка“).

Однако и без компаса можно найти страны света: 1) по часам, если они верны. Число часов, которое указывается стрелкой, разделить пополам (считая при этом время от полуночи). Полученную делением цифру (число) запомнить. Потом, положив горизонтально часы, поставить над срединой вертикально соломинку и, не выводя часов из горизонтального положения, вращать их, пока тень от соломинки не закроет запоминаемую цифру. При этом последнем положении

цифры на часах будут указывать: XII—юг, VI—север, IX—восток, а III—запад.

Если солнце настолько затенено туманом или облаками, что спичка или соломинка не дает тени, но глазом приблизительно видно, где оно находится, то часы в горизонтальном (лежачем) положении приближаются к глазу и нацеливаются от найденной расчетом цифры через ось стрелок на солнце. Получается то же самое. Таким образом, в 8 ч. утра часы надо вращать, пока тень от соломинки не закроет цифру IV, в 11 ч. утра—пока тень не закроет цифру 5½, в 2 ч. пополудни (или 14 часов от полуночи)—цифру VII, а в 6½ часов вечера (или 18½ ч. от полуночи)—цифру IX ¼.

Или, еще проще, смотрим, который час, направляем часовую стрелку на солнце. Середина между этим направлением и направлением от оси стрелок на цифру „12“ (XII) показывает прямо на юг, если дело происходит после полудня, и прямо на север, если дело до полудня. При этом, во-первых, для точности надо иметь в виду местное, солнечное время, которое несколько отличается от гражданского времени; насколько, примерно,—это в каждой данной местности известно. И, во-вторых, деля пополам угол между направлениями по часовой стрелке и направлением на 12 часов, надо брать всю дугу от 12 часов по ходу стрелок, а не обратную сторону. Так что если стрелка показывает 7 часов, то серединное направление пойдет между 3 и 4 часами, а не между 9 и 10.

2) По солнцу. Чтобы найти страны света по солнцу, нужно помнить, что

В	6	час.	утра	оно	бывает	на востоке,
„	9	„	„	„	„	„ юго-востоке,
„	12	„	„	„	„	„ юге,
„	3	„	дня	„	„	„ юго-западе,
„	6	„	вечера	„	„	„ западе.

3) По луне, которая

в полнолуние	в	6	ч.	вечера	бывает	на востоке,
„	„	12	„	ночи	„	„ юге,
„	„	6	„	утра	„	„ западе,
первую четверть	„	6	„	вечера	„	„ юге,
„ „	„	12	„	ночи	„	„ западе,
последнюю четверть	„	12	„	„	„	„ востоке,
„ „	„	6	„	утра	„	„ юге.

4) По полярной звезде. Для этого прежде всего нужно найти, где находится созвездие Большой Медведицы (которое состоит из семи звезд, хорошо видимых в безоблачную ночь, и имеет форму кастрюли с ручкой).

Если вообразить прямую линию, проходящую через две крайние (передние) звезды Большой Медведицы, т.-е. самого тела кастрюли, в противоположной от рукоятки стороне, то эта прямая встречает довольно яркую звезду, называемую Полярной. Она находится от передних звезд Большой Медведицы на расстоянии в пять раз большем, чем расстояние между этими двумя звездами. Полярная звезда находится всегда на севере.

По млечному пути определять нельзя, так как он постоянно вращается.

Много есть местных приемов. Например, муравейники у дерева обыкновенно находятся с южной стороны дерева. На деревьях и камнях мох растет преимущественно с северной и северо-восточной стороны, но это надо определять не по одному—двум предметам, а пересмотрев ряд их.

На деревьях, особенно отдельно стоящих, ветви и сучья направляются более в ту сторону, куда дуют господствующие в данной местности ветры. Если знать эти ветры, по этому можно определиться. Заструги или продолговатые небольшие надувы снега также указывают господствующие ветры.

В южной и средней полосах РСФСР в конце зимы и начале весны солнце, протаивая снежную поверхность, как бы выедает снег ячейками, оставляя между ними перегородочки. Эти ледяные перегородочки указывают полуденную линию, направляясь на юг. На срезанном пне годовые кольца древесины расположены несколько шире с южной и теснее с северной стороны.

При отыскивании дороги в зимнее полугодие надо помнить, что небо над снежной поверхностью светлее, беловатее, а над лесною площадью и над открытой водной поверхностью—темнее. Поэтому их можно найти, даже когда они за горизонтом. Это важно, так как зимой приятнее заночевать в лесу, чем в поле.

Есть растения, которые держатся определенного положения к странам света. Например, цветок общеизвестного подсолнечника как бы следит за солнцем и потому утром бывает обращен в восточную сторону, около полудня—в южную, и в вечерние часы дня—в западную сторону. Дикий салат или латук также может служить компасом, так как у него листья при стебле располагаются в отвесной плоскости так, что одна широкая сторона листа обращена к востоку, другая—к западу, а к югу и северу—край листа.

НЕКОТОРЫЕ МЕЛКИЕ УКАЗАНИЯ

И в лагерной жизни, и при рыбной ловле, и в разных случаях на охоте приходится возиться со связыванием и завязыванием веревок, привязыванием лодки, лошади и т. п.

Под холодным дождем, в темноте, в мороз не всегда удобно и приятно возиться с узлами. А в иных случаях не во-время затянувшийся или, наоборот, самопроизвольно распустившийся узел может послужить источником неприятностей и опасности. Поэтому не лишними, быть может, окажутся прилагаемые здесь изображения некоторых из огромного числа известных узлов. Самая форма узлов, как их завязывать,— это вполне ясно видно на рисунках. Здесь я только скажу несколько слов в пояснение рисунков.

На рисунке с десятью узлами слева показан рыбацкий способ соединять две веревки. Он не развязывается сам, и

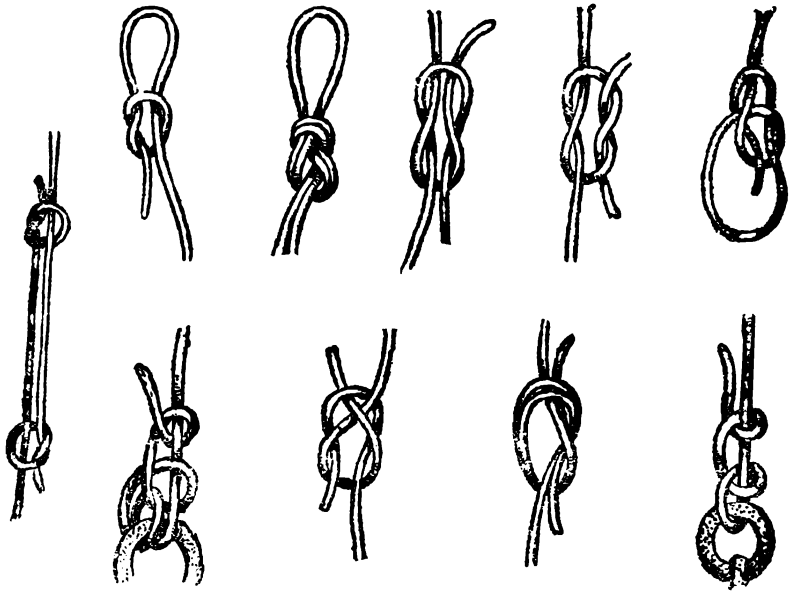

Рис. 139. Разные узлы и петли.

этот узел легко развязать, освобождая короткие концы веревок. В верхнем ряду, идя слева направо, сначала изображена обыкновенная живая или подвижная петля. На втором месте—мертвая петля, завязанная на середине веревки. На третьем—отличное связывание двух концов веревок: узел не распускается и не затягивается, и легко развязывается. На четвертом месте—подобная же, но неправильная, плохо работающая связка. На правом краю верхнего ряда—хорошо завязанная петля.

В нижнем ряду того же рисунка 139 слева изображено привязывание якоря. На втором месте показано соединение двух кусков веревки. На третьем — соединение

двух толстых бечевок. И на правой стороне—также привязывание якоря или иной тяжести.

На рисунке 140 слева показано соединение двух канатов или толстых веревок. На втором месте—очень хороший узел для привязывания бревен или жердей. На третьем месте вверху изображено привязывание также к бревну или столбу. Под этим—другой род подобного же привязывания, а внизу—плотная обмотка тонкой бечевкой со спрятанным концом. Предпоследняя фигура изображает быстрый прихват веревкой железного крюка и крайнее справа изображение—привязывание веревки к канату.

Иногда бывает нужно или желательно более или менее точно определить расстояние до места, до которого нельзя

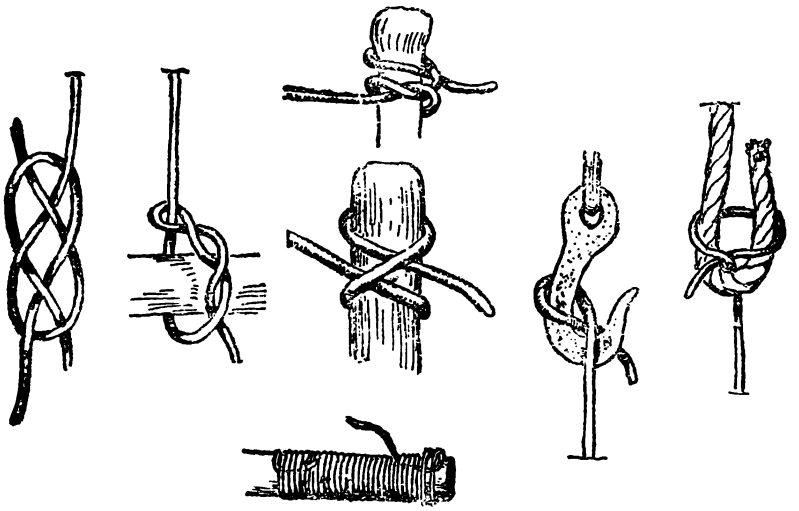

Рис. 140. Разные узлы и петли.

пройти прямо и измерить длину веревкой или хотя бы шагами. Например, определить ширину реки, болота или озера. Это можно сделать несколькими способами. Один из них показан на прилагаемом рисунке 141.

Надо определить ширину реки по линии *DH*. Берем три длинных, прямых жерди, обравниваем их до одной и той же длины и сбиваем из них треугольник со всеми тремя равными сторонами. Кладем этот треугольник *ABC* на берегу слева от линии *DH* так, чтобы одна сторона треугольника, *AB*, была направлена как раз на приметную точку *D* (камень, кочка, растение и т. п.) на той стороне реки. Небольшими колышками аккуратно отмечаем все три угла треугольника: *A*, *B* и *C*. Затем треугольник из жердей переносим на правую сторону от линии *DH* и притом как раз по

линии *ACH*, и переносим настолько вправо от *H*, насколько ранее устанавливали его левее *H*. На новом месте опять укладываем треугольник так, чтобы одна сторона его была направлена как раз на точку *D*, а другая—прямо вдоль линии *ACH*.

Отметим новое положение углов треугольника колышками, назовем их соответственно *PET*. Значит линия *TE* направлена прямо на *D*, а *TP*—на *A* через *H* и *C*. Наш треугольник из жердей был равносторонний (все три жерди

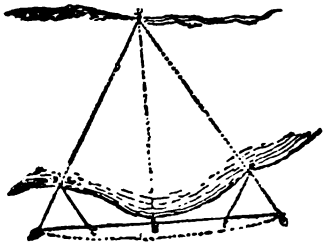

Рис. 141. Определение расстояния до недоступного предмета

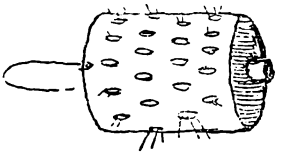

Рис. 142. Фонарь из жестянки.

равны). Значит и большой треугольник *ADT*—тоже равносторонний и, измерив линию *AT*,—мы тем самым узнаем длину и сторон *AD* и *TD*. Половина этого треугольника, а именно треугольник *ADH* будет прямоугольным треугольником, в котором мы знаем бо́льшую сторону *AD* и одну из меньших (*AH*—так как она равна половине измеренной

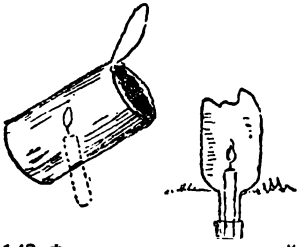

Рис. 143. Фонарь из консервной банки и из битой бутылки.

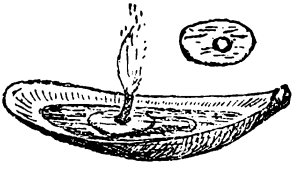

Рис. 144. Лампа из раковины.

стороны *AT*). Зная это, легко находим совершенно точно и сторону *DH*, т.-е. ширину реки (по формуле: *AD* в квадрате без *AH* в квадрате равно квадратному *DH*). Но приблизительно и довольно близко можно определить еще много проще, принимая, что высота равностороннего треугольника (т.-е. *DH*) немножко меньше, чем семь восьмых любой его стороны (напр., *AT*), и немного больше, чем семь шестых ее частей (или, в процентах,—86,6% этой стороны). Так, если

сторона AT оказалась 112 шагов, то ширина реки (DH) будет равна 97 шагам.

Несколько прилагаемых рисунков показывают, как можно использовать в лагере остающиеся пустыми банки из-под консервов, разбитые бутылки и т. п., чтобы устроить фонарь и помешать задуванию ветром и чрезмерному оплыванию свечи.

Один из рисунков показывает створку раковины с жиром или растительным маслом и светильней из кусочка тряпочки, бечевки и т. п. Чтобы светильня не падала, можно пропустить ее через просверленный кусочек другой раковины.

НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ ОСТОРОЖНОСТИ

О необходимой осторожности при обращении с оружием говорится в своем месте, здесь же имеются в виду различные другие случаи лагерной и охотничьей жизни.

Питьевая вода имеет большое значение для сохранения здоровья. В полярных безлюдных странах можно безопасно пить из любого болота, хотя бы вода была цветом, как крепкий чай, и кишела мелкими рачками. Но в средней полосе, где воды загрязняются густым населением, и климат благоприятствует размножению болезнетворных начал, пить сырую воду из первого попавшегося водоема (особенно ниже жилого места по течению) опасно. В средне-азиатских же странах это совершенно недопустимо, почти наверняка угрожает тифом, поносом и т. п. Поэтому лучше всего воду кипятить и пить кипяченую. Можно также обезвреживать сырую воду хлором, о чем сказано немного ниже. В наших средних широтах и не вблизи селения, жилья или мест, где ходит скотина, можно пользоваться водой из озера или пруда таким образом.

Вырыть в нескольких шагах от края воды на берегу ямку около 45—50 *см* поперечником и примерно на четверть глубже поверхности воды в пруду. Когда в этой яме наберется вода, ее надо отчерпать, дать опять набраться и второй раз отчерпать. Тогда набравшаяся в третий раз вода будет достаточно чистой.

Хлорная вода. Вода сомнительной безопасности может быть обезврежена хлорированием. Запас хлорной воды, годной на 10 дней, можно сделать, разведя три чайных ложки хлорной извести (хлорнокислый кальций) в одном литре (почти $1^3/_4$ бутылки) воды. Одна чайная ложка этой смеси приливается на 9 литров (почти 15 бутылок, т.-е. $^3/_4$ мерного ведра) воды, хорошенько размешивается и оставляется на четверть часа. После этого вода совершенно обезвреживается.

Мытье глаз. Глаза охотнику необходимо беречь, между тем у нас во многих местах чрезвычайно легко заразить их трахомой—очень упорной болезнью, иногда кончающейся слепотою.

Всякое полотенце, употребляемое для мытья глаз, нужно сначала прокипятить в воде. Руки человека, промывающего кому-либо глаза, также должны быть тщательно вымыты. Для промывки глаз хорошо употреблять теплый соляной раствор, одну чайную ложку соли на пол-литра (около $^{9}/_{10}$ бутылки, т.-е. $^{1}/_{22}$ ведра) чистой кипяченой воды. Лягте на спину и поверните голову так, чтобы между глазом и ладонью можно было налить как можно больше этого раствора. Налив, двигайте веками и вертите глазным яблоком вверх и вниз; затем слейте жидкость и налейте еще, и так три или четыре раза. Повторяйте это пять или шесть раз в сутки.

Некоторые общие предосторожности. Секрет безопасности при лазании состоит в том, чтобы никогда не отпускать одной опоры, пока не найдена другая. Это применимо и к лазанию по скалам—весьма опасное занятие при заряженном ружье. Испытайте гнилые, скользкие или в других отношениях подозрительные опоры, прежде чем положиться на них. Поднимаясь куда-либо, держите рот закрытым, дышите через ноздри и не торопитесь. При плавании не тратьте бесполезных усилий, стараясь пересилить течение, уступайте ему отчасти и направляйтесь наискось вниз по течению; в случае утомления отдыхайте, лежа на воде без движения: обыкновенно ничтожнейших движений рук достаточно бывает, чтобы поддерживать лицо над водой. И ни в каком случае не теряйте хладнокровия.

Переходя глубокий брод, вы будете гораздо устойчивее, держа под водой тяжелый камень в руках. Никогда не пробуйте управлять парусом, если не умеете, берите с собой моряка или оставайтесь на суше. Проходя по узкой тропе на высоте, никогда не смотрите ниже уровня, на котором находитесь: мышцы ваши будут работать правильно, если их не будут сбивать шаткие указания подверженного головокружению мозга. На топкой почве смотрите, нет ли следов прошедших перед вами. Отпечатки крупных копыт обыкновенно означают, что путь безопасен. Если следов нет, то удостоверьтесь в безопасности сами, прежде чем итти вперед. Плывучий песок—самая предательская вещь, так как он гораздо опаснее, чем кажется. Однако и в самой обыкновенной грязи может иногда с головою утонуть лошадь. Тропы, выбитые скотом, как бы ни были извилисты, обычно оказываются самым надежным путем, чтобы выбраться из затруднения, будут ли это густые заросли или топкое место.

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ В НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЯХ

Сделать кратким наставлением из охотника хорошего лекаря нельзя, и разных лекарств и противоядий обычно ни в лесу, ни в деревне не достанешь. Но в охотничьей практике не так редко приходится встречаться с такими случайностями, как ознобленный, полузамерзший или полуутопший человек. Очень часто в таких случаях толковая помощь вовремя спасает жизнь, а неумелые, хотя и очень распространенные приемы, в роде общеизвестного „откачивания", приносят только вред. Поэтому необходимо здесь вкратце дать наставление, как поступать в таких нередких случаях.

Ожог. При легкой красноте с небольшой опухлостью и болью или опускать обожженный член тела в умеренно горячую воду, или держать перед огнем, пока боль не утихнет, либо прикладывать холодную воду с уксусом и лед. Если на обожженном месте образовались волдыри, прикладывать мягчительные: сливки, сырой тертый картофель, мазь из хорошего деревянного, льняного, конопляного масла, сбитого со свежими яичными белками, до утоления боли. По утолении боли проколоть тонкой, чистой (проведенной для обезвреживания через огонь) иголкой пузырьки, осторожно, не разрывая кожицы, и выпустить жидкость. Затем уже прикладывать спуск или мазь из льняного масла с известковой водой. Если от сильного обжога часть онемела или покрылась темным струпом, смазывать два раза в день скипидаром или нефтью. Прикладывать 3—4 раза в сутки кислое ржаное тесто с порошком мела. При опалении порохом присыпать гороховой мукой до заживания. Вообще при сильном обжоге нужно скорее призвать врача. При обваре горла пить небольшими глотками маслянистое, слизистое питье или воду с яичным белком.

Замерзание. Внести в сарай или совсем холодную горницу осторожно (члены ломки, как стеклянные), обкладывать мокрым тающим снегом (с водой). Так оттаивать, пока члены не будут гибки, затем клистир из холодной воды, нюхать нашатырный спирт и пр. Искусственное дыхание. Внести в прохладную комнату, оттирать щетками или суконками потихоньку (чтобы не сорвать кожицы), начиная с рук и ног, и постепенно укрывать все теплее, нагревая мало-по-малу горницу. Теплый клистир из бутылки молока с ложкою соли. Теплое питье, коньяк или водку с чаем.

Утопление. Очистить нос, рот и глотку от земли, песка и проч. Положить сначала на живот и, приподняв ноги, встряхнуть хорошенько, чтобы вытекла вода из легких, затем внести в ближайший покой, положить на спину и начать искусственное дыхание, и именно с выдыхания, чтобы

удалить остаток воды. При первых признаках оживления давать нюхать нашатырный спирт или эфир, растирать горячими компрессами, ставить клистиры из теплой воды с уксусом, мылом, солью, водкой или ромом.

Упоминаемое здесь несколько раз искусственное дыхание есть безусловно лучшее, вернейшее средство для оживления всякого обмершего, и при настойчивом применении оно многим спасло жизнь, поэтому мы говорим о нем подробно.

Оживление мнимоумерших. Помощь должна быть направлена к восстановлению дыхания, но следует помнить, что у обмерших сначала появляется сердцебиение, потом дыхание, восстановляется чувствительность и возвращается сознание. Для возбуждения дыхания нужно вынести обмершего на свежий воздух или раскрыть все окна и двери и освободить от всякой плотно прилегающей к телу одежды. Если нужно, очистить нос и рот от земли, слизи, тины и пр. Затем немедленно приступать к искусственному дыханию. В то же время приказывают окружающим обрызгивать больного холодной водой, обтирать и снова брызгать, щекотать нос бородкой пера или соломинкой, давать нюхать нашатырный спирт, табак, тертый хрен и крепкий уксус, растирать фланелью ноги, снизу вверх, обкладывать разные места кожи горчичниками, хреном, бутылками или кувшинами с теплой водой, гретыми платками или одеялами.

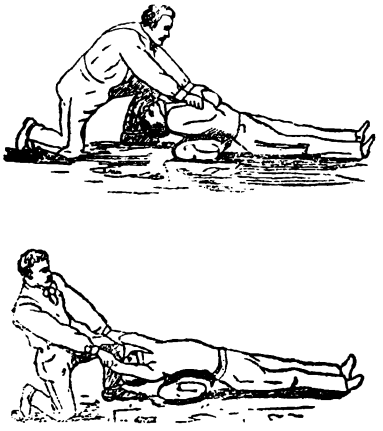

Рис. 145. Искусственное дыхание.

Искусственное дыхание. Обмершего кладут на ровную поверхность и подкладывают что-нибудь под спину, чтобы грудь выдалась кверху; пальцами, обвернутыми носовым платком, захватывают язык обмершего, крепко вытягивают и дают держать помощнику. Затем становятся за головою обмершего, захватывают обе его руки под локтями, поднимают их вверх через его голову, держат таким образом на верху в течение двух секунд (рис. 145, низ), затем снова опускают и прижимают согнутые локти плотно, в течение двух секунд, к бокам груди (рис. 145, верх). Известны случаи, в которых после трех и даже четырех часов искусственного дыхания удавалось еще возвратить исчезнувшую было жизнь.

При солнечном ударе, а также при оглушении молнией лучше всего помогает обливание холодной водой или даже завертывание в простыню, намоченную в холодной воде.

При глубоком порезе, когда повреждена артерия (кровь бьет фонтаном), необходима тугая перевязка (напр., связать на носовом платке большой узел и туго перевязать пораненную руку или ногу выше раны так, чтобы узел давил на сосуды, дающие кровь из раны. Для крепкого затягивания иногда недостаточно завязать платком (или полотенцем) руку или ногу, но еще подсунуть палку под перевязку и закручиванием ее туго сдавить раненый орган. Разумеется, сверх того, необходимо скорее обратиться к врачу. Затягивание нельзя делать больше часа,—иначе может омертветь затянутая часть тела.

ГЛАВА VII

ОХОТНИЧЬЕ СНАРЯЖЕНИЕ

ОХОТНИЧЬЕ ПЛАТЬЕ

Одежда охотника прежде всего зависит от его средств и от местных условий охоты. Местная туземная одежда почти всегда оказывается наилучше приспособленной к местному климату и условиям. Здесь возможно дать только некоторые самые краткие и общие указания.

Чаще всего приходится использовать для охоты какое-либо свое старое платье, но все же нижеследующие указания могут и пригодиться.

Цвет одежды охотника имеет очень большое значение, и яркий или черный цвета очень неудобны, бросаясь в глаза осторожному животному при всяком свете и обстановке.

При охотах по белой тропе в местах открытых (нагон зверя псковским способом) хорошо иметь белую одежду или же легкий белый чехол или балахон, накидываемый сверх одежды другого цвета. Помня, что зверь смотрит больше понизу, чем вверх, не надо забывать о брюках и валенках или сапогах. Впрочем, если эти части темные, то можно прикрыться за невысоким кустом или натыкать перед собой погуще, но невысоко, веток или же набросать снежный валик. Становиться за высокий куст или дерево не следует, так как придется из-за него выглядывать, а движения беспокоят животных сильнее всего. Поэтому выгоднее становиться перед деревом и стоять смирно.

В лесу или зарослях даже и зимой, пожалуй, еще менее выделяется какой-либо оттенок „защитных" цветов, в бору — более желтовато-рыжеватый, в лиственничниках — более сероватый, в березняках же хорош и белый; осенью и весной отлично все, что подходит к цвету сухой растительности.

В Америке и, кажется, на Дальнем Востоке при охотах на сторожкую водяную птицу делают иногда защитные костюмы, сплошь нашивая на одежду грубые пучки сухой травы, и делая очень широкополую шляпу из такой же травы (нашивая, например, пучки ее звездообразно на какую-нибудь шапку). Такой охотник, пока не двигается, совершенно похож и сверху, и сбоку на куст тростника или

кучу травы. Нашивать можно и на особый холщевый или парусинный халат или балахон.

При охотах с подъезда или подхода важен не защитный цвет, но возможно полнейшее сходство (и экипажа, и упряжи при подъезде) с наружностью местного, мирного с точки зрения дичи, населения, которого местная дичь не боится.

Покрой одежды желателен такой, который совершенно не стесняет движений и настолько свободен, что в случае нужды позволяет поддеть лишнюю фуфайку или теплую рубаху, или жилет.

Воротник, особенно в летнем платье, желателен не стоячий, а отложной, но высокий, и который можно было бы плотно застегивать лежачим, а также поднимать и застегивать поднятым. Это нужно вот зачем. На всем Севере, а

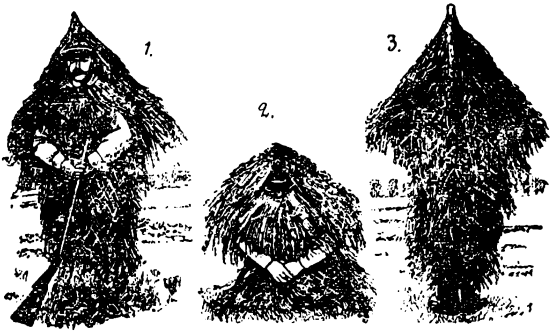

Рис. 146. Травяное платье.

местами и в более южных частях, временами бывает чрезвычайное обилие комаров и т. п. гнуса, совершенно одолевающего даже привычного человека. Лучшим средством против них является газ или тюль и тому подобная материя. Кусок ее 106 *см* длиной и 62 *см* шириной сшивается цилиндром (трубкой) узкими сторонами. В нижний и верхний концы трубки надо вшить резинку или же шнурок, которым можно было бы затягивать концы. Такая сетка надевается так, чтобы одна резинка охватывала или же один шнурок затягивался вокруг тульи шляпы (самое лучшее—имеющей поля кругом, как у шляп, носимых духовенством), а другой конец таким же образом охватывает шею вместе с поднятым воротником. После того воротник отгибается и таким образом держит, как и поля шляпы, сетку вдали от лица и ушей.

В тундрах даже местные туземцы, ламуты и другие носят или сетку, или что-либо ее заменяющее, и толстые замшевые самодельные перчатки, так как иначе комары, выпивая кровь, могут быть опасными. Весьма полезно иметь

в охотничьем платье как можно больше карманов и наружных и внутренних, притом больших и глубоких. Наружные должны иметь покрышку, застегивающуюся на пуговицы. Хорошо, если и внутренние тоже застегиваются. Тогда для всякой необходимой мелочи охотничьего обихода будет свое привычное, постоянное и надежное место.

В зимнем платье особенно полезны два продольно прорезанных кармана по сторонам живота, где очень удобно держать и отогревать руки. Иначе надо делать широкие рукава, чтобы можно было засовывать руки в противоположные рукава, что не так удобно (в широкие рукава набивается иногда снег).

Платье должно быть не длинно, на 18 *см* не доходить до колен.

Что касается материала, то белье предпочтительно бумажное. Прекрасная вещь—толстые вязаные шерстяные рубахи, которые бывало продавались в Архангельске по 3 рубля. Они очень теплы, легки, не стесняют движений, и в случае необходимости можно надеть две, одна на другую. Конечно, в начале осени приходится ее носить за спиной, надевая на ночевке, под открытым небом.

Превосходная и широко употребляемая в северо-восточной Сибири вещь—„ровдуга“ или замша, из которой шьют и панталоны, и рубашки или куртки. Толстая вязаная рубаха или две, а сверху замшевая рубаха и такие же брюки—гибкий, легкий и теплый костюм для ходьбы даже в сильный мороз и ветер.

Для поздней осени, если не ходовая охота, и для зимы очень удобная вещь—теплый жилет, глухой, высокий—до шеи, но, конечно, без рукавов. Он должен быть весь кругом простеган и тогда позволяет на порядочном морозе обходиться с очень легкой курткой. Простегивать можно и на вате, и на ватине; тепло, но тяжелее, на пакле; великолепный материал для этого—пух, особенно гагачий, по необычайной легкости и теплоте. К сожалению, он очень дорог. Я лично всегда предпочитал „капок“, который был дешев, также тепел и, пожалуй, легче ваты, но притом не намокал даже в воде, так что такой жилет одновременно был и теплой одеждой, и превосходным „спасательным поясом“: он легко держал на воде охотника в полной амуниции. При осенних охотах на воде, где от холода и хорошего пловца может, в случае несчастья с челном, свести судорога,—этим качеством пренебрегать нельзя. Капок—растительный пух, получаемый от тропического (главным образом остров Ява) дерева из семейства Bombacaceae; его научное имя Eriodendron anfractuosum. Быть может, у нас в СССР нашлось бы, чем его заменить: попробовать, например, пух общеизвестных коричневых „головок“ камыша („рогоз“, Typha)?

Для верхнего платья хорошим материалом является бурочная материя (бывает и белая, и рыжеватая), а также материал наших деревенских волжских чапанов. Но для зимней куртки можно взять легче материю, но делать зато на меху. Мех, по необыкновенной легкости и дешевизне, лучше всего заячий. Хотя он не прочен, но все же на самой легкой подкладке прослужит хорошо года три-четыре.

Кстати сказать, не так легки, как на вате, но теплы и дешевы вещи на пакле. Овчинные полушубки, даже очень короткие, для ходьбы тяжеловаты, если надо много ходить. При большой ходьбе вообще выгодно быть легче одетым, имея для привала и отдыха за спиною вязаную запасную рубаху или теплый жилет, или меховую куртку.

Шапка для лета удобнее с широкими полями, для зимы же очень хороши малахаи (собачьи) поволжских татар, мехом внутрь. Они дешевы, надвигая их на голову, вы краями их и висящими космами меха закрываете и греете и весь затылок, и почти все ухо, в то же время вовсе не загораживая ушного отверстия. Только надо состричь излишек висящего меха с края, который приходится на лбу, чтобы не мешал глазам. Покрой таких малахаев самый простой— стаканом или колпаком с плоским дном.

Для рук хорошо иметь шерстяные или пуховые вязаные полуперчатки: для большого и указательного пальцев по отдельному персту и третье помещение для остальных трех пальцев. В них удобно и стрелять. Сверху же них надевать рукавицы, при ходовой охоте хотя бы брезентовые, или же замшевые, или простые голицы, но длинные и с раструбом, чтобы закрывали концы рукавов куртки.

Для одежды летнего полугодия очень ценное качество непромокаемость. Превосходные непромокаемые вещи делает знаменитая английская фирма Бюрберри, но для них требуется валюта. Разные резиновые и виксатиновые накидки и пальто не практичны: виксатин рвется, как бумага, шумит, и притом те и другие не пропускают испарения, почему в них чувствуешь себя, как в бане, и легко простужаешься.

Лучше кожаные, лайковые вещи, в роде шведскойкуртки. Если их часто хорошенько смазывать (приходилось и прямо вазелином, и ворванью), то они хорошо сопротивляются дождю. Только испарину они все-таки задерживают, и обычный покрой их очень неудобен.

Есть, однако, несколько простых и дешевых способов, хорошо предохраняющих всякую материю от впитывания воды, так что и старая одежда, обработанная таким образом, становится непромокаемой под дождем, который скатывается с материи, и в то же время вполне пропускает испарину.

Простейший и прекрасный способ: взять на 6 литров воды по 150 граммов обыкновенных квасцов и свинцового сахара. Истолочь квасцы и сахар, если они не в порошке, хорошенько растереть с водой и размешать, чтобы получилась похожая на молоко однородная жидкость. Затем положить туда одежду, затолкав ее хотя бы палкой так, чтобы она совершенно промокла и вся погрузилась в жидкость, а не всплывала наверх. Так оставить на сутки, затем вынуть и повесить сушиться, на что при толстой материи пойдет несколько дней. Сначала на одежде останется беловатый налет, но это при ношении пройдет. Для одной куртки достаточно взять и меньше—4 литра воды и свинцового сахара и квасцов по 100 граммов. Обрабатывать надо именно готовое платье, а не материю до шитья, чтобы и швы обработались.

Лучше, однако, квасцы и свинцовый сахар разводить отдельно. Воду следует брать мягкую, лучше всего дождевую. Для скорости разведения часть воды хорошо взять в виде кипятка, т.-е. вести дело (в вышеуказанном примере) таким образом: 150 граммов квасцов распустить в 1 литре кипятка, затем долить другие 2 литра воды, размешать и оставить этот раствор спокойно стоять. Отдельно развести 150 *г* свинцового сахара в 1 *л* кипятка, также долить двумя литрами воды и оставить оба раствора стоять, пока они не просветлеют. После того сначала квасцовый раствор слить в чистую кадку или иную подходящую посуду, не выливая туда осадка, если он накопился на дне. Затем туда же в квасцовый раствор влить раствор свинцового сахара (также не выливая осадка), смешать и оставить спокойно стоять на несколько часов и дать отстояться образовавшемуся вновь осадку. Наконец, очистившуюся от осадка жидкость осторожно слить в другую посуду, в ней хорошенько вымочить материю в течение суток, вынуть, несколько выжать, растянуть и высушить. Надо помнить, что свинцовый сахар и все растворы, в которые он входит, являются ядовитыми. Посуда после него должна хорошенько отмываться.

Для полотнища более или менее большой палатки надо брать растворов побольше, около 230 *г* на 18 *л* воды и столько же свинцового сахара на другие 18 *л* воды. Этот раствор более слабый, так как полотнище палатки не подвергается такому трению и мятью, как одежда при носке.

Очень хвалят для полотнищ такие составы: 450 *г* квасцов распустить в 2¼ *л* кипятка, долить 9⅛ *л* воды. В этом растворе вымачивать полотнище сутки. Потом 225 *г* свинцового сахара распустить в 2¼ *л* кипятка и долить 9⅛ *л* воды. Вынуть полотнище из квасцов, слегка отжать и положить во второй раствор на полдня (часов 5—6), затем опять слегка отжать и высушить.

Другой рецепт для полотнища палатки: 284 *г* негашеной извести и 113½ *г* квасцов хорошенько размешать в 12$^1/_3$ *л* воды, пока все не распустится. Положить полотнище в пустое ведро или кадушку, залить этим раствором и оставить на целый день (12 часов), вынуть и, не отжимая, повесить для просушки.

Для одежды другой рецепт: отдельно распустить в воде по равным частям мыла, рыбьего клея и квасцов, затем все три раствора смешать и смазывать смесью материю с внутренней стороны, пока она не станет мокрой и снаружи. Тогда обтереть снаружи мокрой тряпкой (внутри не обтирать) и повесить хорошенько высохнуть. Если есть горячая вода, то можно в ней распустить указанные снадобья, а затем долить холодной водой, чтобы класть вещи не в горячую, а в тепловатую воду.

Привожу и другие обычные способы, которые годятся для обработки холста, или парусины, сетей, веревок, а 2-й, 3-й и 6-й—и для одежды.

1. Растворяют 50 частей рыбьего клея в мягкой (дождевой) воде при нагревании; 10 частей квасцов в 300 частях воды и 3 части белого мыла в 150—200 частях воды. Все эти растворы смешивают вместе и нагретую смесь наносят на холст щеткою.

2. Ткань намачивают в крепком мыльном растворе и, когда она хорошо пропитается раствором, отжимают и погружают на некоторое время в раствор квасцов.

3. Кладут парусину в 40-процентный раствор жидкого мыла и затем—непосредственно в раствор медного купороса (крепостью в 150—200°). При этом парусина окрашивается в зеленый цвет.

4. Берут 150 *г* глета, 130 *г* умбры и 11 *л* льняного масла. Все эти вещества варят при постоянном помешивании в продолжение двух часов, затем горячею массою обмазывают растянутый холст. Благодаря такой обмазке последний делается вполне непромокаемым для воды.

5. Чтобы сделать брезент, надо парусину выкрасить составом из 7$^1/_3$ *кг* льняного масла и 300 *г* воска; смесь варить 2 часа.

6. Ткань или сеть следует предварительно намочить крепким мыльным раствором, и, когда волокно достаточно пропитается им, нужно отжать и затем погрузить в раствор квасцов, который на долгое время сообщит волокну свойство несмачиваемости. Вместе с тем такие сети будет, конечно, легче тянуть в воде.

7. Для того, чтобы придать особую прочность и предохранить от гниения какую-нибудь ткань, а также веревки, бечевки, сети и т. п.,—надо вымочить эти предметы в течение 4—5 дней в растворе медного купороса (300 *г* на ведро воды), затем высушить и прополоскать в мыльной воде.

Мешки, обмотки для ног, вообще грубую парусину можно еще обрабатывать так: смешать порошок талька пополам с неочищенным вазелином, намазать на материю и хорошенько втереть.

При разъездах и летом и зимою прекрасная вещь—обыкновенный поволжский „чапан", лучше только вместо обычного его воротника делать капюшон или колпак, который мог бы прикрывать всю голову или откидываться назад.

При долгих поездках в очень сильные морозы нет ничего лучше обычных на Севере вещей из двойной оленьей шкуры. В то время как овчинный тулуп перестает греть при 40-градусных морозах, олений мех, будучи несравненно тоньше и легче, греет при 60°. К сожалению, он в нашем климате средней полосы РСФСР непрочен и не выносит переходов от мороза к оттепели.

При таких поездках хороши и шапки северные из двойного меха, наружу и внутрь, с отворачивающимся козырьком и назатыльником с ушами. Но для ходьбы они слишком теплы и совершенно закрывают уши, а на охоте слух почти так же важен, как зрение.

ОХОТНИЧЬЯ ОБУВЬ

Для охоты тонкие носки не годятся: протираются и натирают ногу. Хороши шерстяные носки, лучше из некрашеной шерсти, и чем толще, тем лучше: две пары лучше, чем одна, охраняют ногу и от ушибов, и от натирания, и от укуса змей.

Прежде в Поволжьи мордовское население вязало очень толстые шерстяные носки мешком, без пяток. Я их предпочитал всем другим, так как при появлении дырки на пятке легко было тут же на охоте надеть носок другой стороной, и ходить опять было хорошо.

Еще практичнее, пожалуй, холщевые или суконные подвертки, или портянки, и тому, кто не умеет ими пользоваться, стоит научиться этому искусству.

При морозах одно из лучших средств от холода—обыкновенная бумага, газетная или оберточная, которую навертывают в один или два слоя на ногу под носок или портянку. При ходьбе это не нужно, да при большой ходьбе она и перервется, но очень полезно воспользоваться бумагой при привале или ночевке на морозе, а также при разъездах.

Самая теплая обувь—хорошие валенки (катанки, пимы), если они нигде не жмут ногу. Лучший сорт их — белые с красными мушками были теплее, чем даже носимые на Севере меховые сапоги с меховыми же чулками; но для ходьбы эти валенки были тяжелы и высоки: для ходьбы нужны валенки с невысокими голенищами. Вообще при ходьбе все, что стесняет икры и суставы, утомляет. В этом отношении

гибкие и легкие меховые сапоги гораздо лучше, к тому же хорошо сшитые—они не пропускают воды; валенки для этой цели (при оттепелях и т. п.) следует осоюзить.

При ходовых охотах и небольших морозах, как в средней полосе РСФСР, достаточно и сапогов, только бы можно было взять суконную портянку или 2—3 пары шерстяных носков, да под ногу положить стельку из кошмы (войлока) или толстого сукна. Голенища тоже лучше не достигающие колена. Штаны удобно—как и при валенках—делать широкими и не заправлять в голенище, а выпускать и плотно обвязывать по верху голенища. Тогда и снег не засыпается внутрь и если в сапогах попадешь в болото (или летом идешь по росистой траве), вода сливается не в сапог, а наружу.

Очень удобно и легко для зимней ходьбы сверх двух пар шерстяных чулок надевать мягкую валеную туфлю или обернуть ступню длинным сеном, а сверху туфли или сена—поршень из толстой лосиной замши или телячьей кожи волосом внутрь, или иной кожи мездрой наружу. Поршень должен иметь голенище около четверти в высоту из шерстяной материи, как это изображено на рис. по В. М. Сухоровскому.

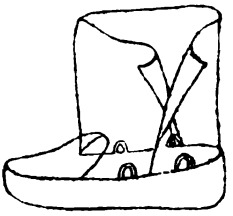

Рис. 147. Поршень с голенищем.

Только ранней весной или поздней осенью может быть нужен большой, выше колена, „охотничий“ непромокаемый сапог, да и то, в сущности, только пожилому или подверженному простуде человеку, или при неподвижных охотах. Эти сапоги тяжелы, стесняют движения, далеко не всегда действительно не промокают. Очень часто, в погоне за фасоном, сапожники их обуживают при соединении головки с голенищем, и тогда надевать их сырыми—сущее наказание, не всегда и порошок талька при этом поможет. Если уже делать такие сапоги, то делать просторными вполне, а чтобы они не садились на ноге и не болтались, их пристегивают ремнем, идущим от верхней наружной части голенища к поясу и, кроме того, стягивают на ноге ремешком у подъема. Ремень (с пряжкой на одном конце, под которую, чтобы не давило, подшивается кожаный язык) завязывается таким образом: положив пряжку на внешней стороне ноги между подъемом и щиколоткой, ремень пропускать под ремешок, пришитый к голенищу над серединой задника, а затем ведут через подъем, под подошву и вновь через подъем в пряжку, где и затягивают.

Такие ремни употребляются к сапогам, башмакам, поршням.

Сапог следует делать с низким задником, на одной подошве, но желательно выступающей кругом. Желательно, чтобы был прикрыт носок, где иначе трава легко пробивает

единственный слой кожи. Каблук должен быть широкий и самый низкий,—очень мало людей, которым действительно удобны высокие каблуки. Большинству каблук вовсе не нужен или довольно каблука в 1 слой кожи.

Что касается резиновых сапог, они не прочны, в них неудобно ходить, нога сильнейшим образом отпотевает и страшно (при неходовых охотах) зябнет, несмотря на толстую байковую подкладку. Черпнув в них случайно воды, их приходится сушить несколько дней.

Гораздо лучше, чем тяжелые сапоги, система, которую применяют в Якутской республике, а также многие английские охотники: надевают прочные на всю ногу совершенно непромокаемые чулки, которые гораздо легче и меньше стесняют движения, а на них надевают низкие, но крепкие штиблеты, башмаки или поршни.

Англичане делают эти чулки из очень тонкого, хорошо прорезиненного брезента, якуты же шьют их из конской кожи (обыкновенно из кожи задних ног), при чем кожу разрезают вдоль, чтобы была совершенно тонкой. Такие чулки—„сары"—отличнейшим образом носятся и без всякого башмака на тундре или на моховом болоте, где нет ни камней, ни корней или сучков деревьев. Чтобы не было трудно подошвам, туда под ногу кладут пучок сухой травы. Для сушки сары легко выворачиваются наизнанку. На более жесткой почве на такие кожаные чулки надо надевать поршни.

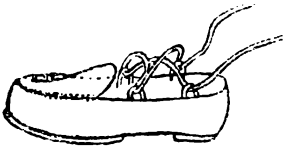

Рис. 148. Поршень без голенища.

Но вообще для охоты в летнее полугодие лучшей обувью является обувь совершенно короткая. Таких образцов не мало есть в разных местах: „пьексы" в Финляндии, „поршни" на юге, „пастолы" из средней толщины подошвенного полувала, юфти или сыромятной кожи. Их шьют без подошвы и кладут под ногу сухую траву или еще лучше солому. Но лучше подшить нетолстую подошву и каблук в 1 лист. На рис. 148 изображены поршни и способ продевания в ушки ремней для их завязки по В. М. Сухоровскому.

Образцы, у которых есть голенище в 15—18 *см*, считая от подошвы—лучше, чем более короткие, охраняют ногу. Лучше, если они зашнуровываются не вперед, где шнурки или ремешки и складки кожи цепляются за корни и сучья,—а назад.

Такая обыкновенная вещь, как бродни или лапти,—также хороши, если привыкнуть ходить в них.

Если под эту обувь надевать шерстяные чулки, то они должны быть до или почти до колен, штаны туда заправляются, и их подвязывают над икрами. При портянках же

удобны обмотки или отдельные завязывающиеся сзади голенища, называемые забайкальскими промышленниками „арамузы".

По возвращении с охоты надо обувь (сапоги, поршни) надеть на колодки, смыв предварительно грязь. Если колодок не имеется, то сапоги следует насыпать сухим овсом или даже опилками. Смыв грязь, надо обувь протереть насухо, а затем смазать раньше, чем она успеет высохнуть. Следует смазывать и подошву; особенно тщательно надо смазывать все швы. Полезно смазывать перед топящейся печкой, но на таком расстоянии, чтобы рука могла вынести жар. Всего удобнее мазать заячьим пазанком или прямо рукой.

Лучшая охотничья сапожная мазь (годная и для смазки сбруи) составляется из 800 *г* внутреннего свиного сала, 800 *г* ворвани и 400 *г* чистого березового дегтя. Мазь эту нужно варить 5—10 минут на легком огне, остерегаясь, чтобы она не вспыхнула, мешая постоянно палочкой; затем ее выливают в глиняный муравленый горшок, который завязывают пузырем и хранят в холодном месте. Очень хороша также старинная мазь, приготовляемая несколько иначе, а именно из 200 *г* очищенного свиного сала, 400 *г* сальных свечей, 600 *г* чистого березового дегтя и небольшого количества воска (прежняя 10-копеечная восковая свеча). Приготовляется она таким же образом.

Вполне непромокаемою обувь делается при употреблении следующей мази: 1¼ литра (2 бут.) льняного масла (лучше уже вареного) разогреть на легком огне, распустить 256 *г* свиного внутреннего сала (или бараньего), 26 *г* воска и 26 *г* древесной смолы (или канифоли); последняя иногда заменяется березовым дегтем. Для умягчения кожи весьма полезно (раза два в лето) смазывать ее рыбьим жиром. Если нет никакой мази, то, чтобы сделать сапоги непромокаемыми, надо поставить их на полчаса в мыльную воду.

Другой хороший состав: на ¼ литра соснового дегтя положить около 50 граммов чистой сырой сосновой смолы, осторожно нагреть, хорошенько смешивая и, пока смесь горячая, втирать щеткой в совершенно сухую кожу, затем поставить сапоги на день в теплое место, при чем в течение дня еще два раза хорошенько втереть состав в подошвы и во все швы.

Хорошо также сало пополам с воском распустить в нагретом касторовом масле. Или же распустить в касторовом масле парафин до густоты обыкновенного сливочного масла. При втирании рукой (а все жирные смазки лучше втирать рукой вследствие ее теплоты) мазь эта делается почти жидкой и лучше втирается в кожу.

Местами пользуются барсучьим жиром, жиром крупных водяных птиц и т. п.

В настоящее время настоящего березового дегтя пожалуй не везде достанешь, а плохими подделками можно и испортить кожу.

Если сапоги сильно промокли, надо их сушить, вывернув голенища сколько возможно и вставив в них тонкую деревянную доску (или даже лист папки), вырезанную таким образом, чтобы она была шире вверху и суживалась в нижней части. Ее вставляют не вдоль, а поперек сапога и так, чтобы нижний обрез доски не доходил до подошвы на 4 *см*. Если теперь поставить сапог носком к костру или к горячей печке (но метрах в трех от огня), то быстро образуется в сапоге кругообращение воздуха, и он быстро высыхает.

Должен сказать, что действительно совершенно непромокаемую обувь я видел только у северных туземцев. Чукотская, эскимосская или коряцкая девушка сочтет себя обесчещенной, если сшитые ею сапоги промокнут. И понятно, так как при охоте на тюленей или при ловле рыбы при 40—50° мороза совершенно непромокающая обувь так же необходима для жизни, как воздух. Но они шьют не нитками, а сухожилиями, которые от сырости разбухают и только лучше закупоривают дырку.

Если обувь трет ногу, то хорошо бывает натереть соответствующее место носка парафином или хотя бы стеариновой свечой. Важно для ходьбы, конечно, держать ногу в чистоте и сухости.

Брезентовую обувь смазывать так же, как и кожаную, но еще лучше—несоленым бараньим салом.

Если сырые сапоги надеты на колодки, то, продержав на них день-два, надо снять и повесить таким образом, чтобы нутро проветрилось, иначе оно долго останется сырым; затем вновь надеть на колодки.

Поршни перед охотой надо слегка размачивать в воде.

Добавим, что для ходьбы на лыжах особенно хороши пьексы, настолько просторные, чтобы можно было надеть 2—3 пары толстых шерстяных чулок и подложить побольше соломы под ноги. Хороши и коротенькие валенки с пришитыми из сукна или тонкой кожи невысокими голенищами и с нашитыми из кожи острыми, слегка загнутыми вверх, как у пьекс, носками.

ЛЫЖИ

Для зимней охоты в северной и средней полосах РСФСР и в Сибири лыжи—необходимая вещь. В разных местах их делают разно, но главных типов два: голицы и подшитые шкуркой.

Лыжи-голицы легче и ходче, в особенности на рыхлом снегу. Но в сильный мороз они скрипят, что неудобно для

подхода, по крепкому насту склонны скользить вбок, а при оттепели к ним подлипает снег и итти становится чрезвычайно трудно, что может поставить в очень неприятное положение. Правда, против прилипания снега есть средство—хорошее пропитывание голиц при выделке и затем частое смазывание жирными составами.

Первоначальное пропитывание производится так: берут 400 *г* льняной олифы и вливают в котел, на легком огне. Когда олифа вскипит, туда прибавляют 400 *г* парафина и 400 *г* хорошего дегтя, все это хорошенько перемешивают и затем прибавляют 800 *г* скипидара простого и 50 *г* формалина.

Смесь эту осторожно, чтобы не вспыхнула, разогревают и большою кистью или помазком еще в горячем виде наносят на нижнюю поверхность лыж. Она должна хорошо впитываться в дерево, если же впитывается плохо, то прибавляют в смесь немножко дегтя и вдвое больше, чем дегтя,—скипидара или керосина. Покрыв лыжи этой смесью, дают им подсохнуть, потом опять покрывают горячим составом, повторяя это до тех пор, пока смесь не перестанет впитываться в дерево. Тогда их высушивают окончательно и затем еще раз покрывают льняной олифой сверху.

Если формалина и скипидара не достать, то можно делать смесь пополам из дегтя и парафина и для лучшего ее впитывания нагревать и нижнюю поверхность лыж перед нанесением смеси. Если при впитывании смеси на дереве показываются пузырьки, их надо удалять кистью или помазком.

Перед выходом из дома лыжи снова надо смазывать снизу, если нет ничего лучше, то смесью из костяного масла и сала, или даже просто сальной свечкой, нагрев нижнюю поверхность лыжи перед огнем. Но лучше действуют специальные мази.

Мазь для морозной погоды: 3 части воска, 1 часть стеарина, 1 часть ворвани, немножко дегтя и канифоли, все это хорошенько смешивается в горячем виде и затем хранится куском.

При оттепели или небольшом морозе (до 8—6° по Цельсию) состав такой: 3 части парафина, 2 части коричневого воска, немного дегтя.

Куском одного из этих составов проводят по нижней поверхности лыжи и затем оставшийся от этого на ней тоненький слой мази растирают хорошенько ладонью. Таких слоев накладывают таким образом несколько, один на другой.

При очень сильном морозе (35° и более по Цельсию) и сухом снеге лучше просто намазать лыжи снизу хорошим дегтем.

При оттепели лыжи смазывают дегтем и намазывают куском соответствующей мази. Затем нижняя поверхность лыжи подогревается (перед печкой или помощью паяльной лампы, примуса и т. п.), но не сильно, чтобы деготь не растопился, и опять натирают куском мази горячую поверхность лыжи. Дав ей остыть, повторяют это. При оттепели или близкой к ней погоде лыжи рукою не полируют.

Главным недостатком голиц является то, что на холмистой поверхности в них труден подъем: они скользят назад, и подниматься приходится зигзагами или иными медленными приемами. Лыжи, обшитые „кисой"—шкурками, снятыми с пазанков лося или оленя („камасы"), в крайнем случае лошади или даже нерпичьей шкурой (тяжела),—превосходны на неровной местности, так как легко подаются вперед по ворсу волоса, но моментально останавливаются при упоре назад, не скользя „против шерсти". Поэтому на них можно легко подниматься даже на крутую гору прямо. Но по рыхлому снегу они несколько тяжелее на ходу, а при оттепели сильно намокают.

В некоторых частях Сибири остроумно устраняют главный недостаток голиц таким образом. На нижней поверхности лыж при самом их приготовлении выбирается часть дерева во всю ширину лыжи под тем местом, где придется ступня охотника, четверти на 2—1½ в длину, так, чтобы задняя часть выемки приходилась несколько позади пятки. В этой части глубина выемки едва заметная, к переднему же концу, приходящемуся несколько впереди носка, глубина ее постепенно доходит до 2 *мм*. К углублению этому пригоняют доску той же ширины и из того же дерева, как и сама лыжа, также аккуратно взятую вдоль слоя волокон, толщиною в 5,5 *мм* или немного меньше.

Прежде чем вклеить эту доску в углубление, ее сострогивают (не с той стороны, которая будет наружу, а с исподней) кпереди так, чтобы впереди она осталась всего толщиной в 2 *мм*, и обструганной стороной вклеивают на выемку лыжи. Такая доска сходит вперед совершенно заподлицо с лыжей и не мешает ей скользить вперед, но при упоре назад задний гребешок доски врезывается в снег и останавливает лыжу.

Еще совершеннее, но и сложнее, описанные П. Толмачевым лыжи Р. Г Эльцберга. В них также делается на нижней стороне плоская выемка, но не короткая и широкая, а почти во всю длину лыжи с оставлением дерева лыжи в виде закрайка шириной 9 *мм* по бокам и в передней части лыжи. В это выбранное углубление вклеивается киса—лосиные, оленьи или жеребячьи камасы или тюленья шкура—шерстью по ходу лыж. Вклеивается столярным клеем, при чем углубление выбирается именно такой глубины, чтобы оно как-раз заполнялось толщиною вклеиваемой шкуры

вместе с приглаженным волосом. Можно для прочности прибить мелкими медными гвоздиками.

Вообще говоря, чем длиннее и уже лыжи, тем они быстрее и легче на ходу, за то тем труднее с ними справляться в лесу или кустарнике.

Если принять вес охотника в полном снаряжении в 90 *кг*, то финские лыжи для открытых мест делаются в 306 *см* длиной, а горные телемаркенские—в 250 *см*. Лесные охотничьи 213—178 *см* и даже короче,—до 160 *см*. Такие короткие лыжи наиболее поворотливы в чаще, но и тяжелее на ходу. Ширина лыжи при таком весе охотника берется так, чтобы площадь лыжи (каждой) была для открытых местностей—2300—2600 *кв см*, значит ширина—около $7^3/_4$—$8^3/_4$ *см*,

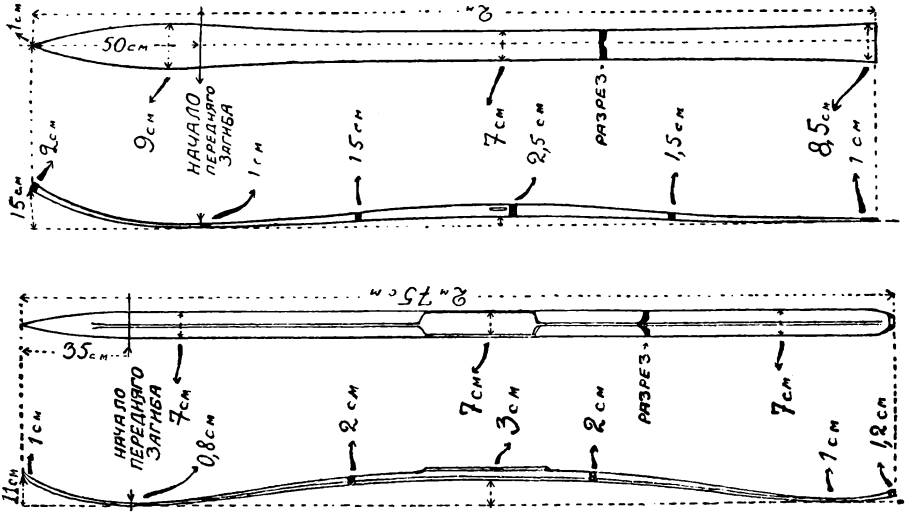

Рис. 149. Лыжи телемаркенские (верхняя пара) и финские (нижняя пара). Размеры в *см*.

для лесистых же мест от 2300 до 2800—3000 *кв см*, т.-е. шириной в 13—18 *см*. Местами, где очень рыхлые снега, делают даже шире, до 22 *см*, доводя площадь лыжи до 4000 *кв см*, но в средней полосе РСФСР достаточна ширина 16 *см*.

Если охотник с оружием и прочим весит на 16—17 *кг* меньше или больше, то лыжи можно делать соответственно покороче (четверти на полторы при самых длинных и 13 *см* при коротких лыжах) или подлиннее, и поуже или пошире, соответственно уменьшая или увеличивая общую площадь каждой лыжи на $^1/_{10}$ часть.

Очень важно для хода лыж придавать им напружину, или выгиб вверх, под серединой их протяжения. Этот выгиб,

или подъем, делается около 4 *см* в финских и 2 *см* в „охотничьих" лесных лыжах. Передний конец около 35 *см* длины слегка загибается вверх на 9 *см* в вышину. У обшитых лыж слегка загибается и задний конец.

Выгибы делаются путем распаривания и выгибания уже вытесанной лыжи в особом зажиме или же в деревянных рейках, сложенных в клетку.

Толщина дерева лыж делается: у предназначенных к обшивке кожей—посредине почти 6 *мм*, к концам—вдвое тоньше:[1] финские—площадка для ноги 3 *см* впереди и позади от середины лыжи—чуть поменьше 2 *см*, в концах—чуть-чуть меньше впереди (1 *см*) и чуть-чуть больше назади (1,2 *см*).

Для лыж Эльцберга доска берется не меньше $3^1/_4$ *см* толщиной и отделывается так, что толщина площадки под ногой $35^1/_2$ в длину остается чуть побольше 29 *мм*, и, в оба конца постепенно суживаясь, площадка переходит в гребень, идущий вдоль середины лыжи и сходящий к концам лыжи на высоту (считая всю толщину лыжи) чуть побольше 14 *мм*, от гребня же к краям лыжа сходит на толщину 8 *мм*. Можно для легкости сделать гребень несколько

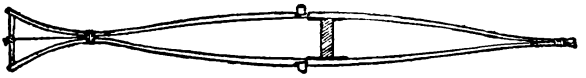

Рис. 150. Сохранение лыж.

повыше, но спускать его покруче в бока, с большим выкатом или желобком. Такая толщина этой лыжи берется потому, что затем для вклейки камаса приходится выбирать дерево приблизительно на 1,5 *мм*. Место для ноги делается так, чтобы петля для носка ноги приходилась 7—9 *см* впереди от середины лыжи. Для нее, т.-е. для ремня, прорезывается отверстие сквозь площадку. Чтобы нога не скользила назад, под ногу прибивается киса волосом вперед, или резина (подошва от старой галоши нижней стороной вверх). Иногда просто прибивают позади пятки поперек брусочек около $1^1/_2$ *см* высотой. Пяточные ремни для охоты неудобны.

Иногда вместо просверливания площадки оставляют по сторонам ее в передней трети возвышающиеся ушки, в которых и делают отверстие для ремня или пеньковой веревки.

Лыжи не следует вносить сразу с мороза в тепло, и лучше вообще их держать не в теплой комнате, а в сенях или на чердаке. Держать их следует аккуратно, чтобы они сохраняли форму: складывать обе лыжи подошвенной стороной,

[1] Местами берут и тут и там вдвое толще.

посредине помещая распорку—деревяшку толщиною побольше двойного размера напружины или выгиба; если напружина лыжи 2¼ *см*, то деревяшка может быть 5½—6½ *см* толщиной. Соответствующая распорка помещается и между самыми носками, а пятки и места с 35½ *см* перед носками зажимаются в зажиме или крепко связываются.

Пятка лыжи срезывается прямо поперек, носок же сужается и закругляется языком.

В голицах снизу вдоль всей середины выстругивается, начиная отступя почти 35½ *см* от переднего конца, желобок шириною не больше 2¾ *см* и глубиной поменьше 2¾ *см*.

Лучшее дерево для лыж—ясень и клен, затем рябина, черная ольха, некоторые сорта ив, береза, лиственница, ель и сосна. Другие породы менее пригодны.

Дерево должно быть здоровое, прямослойное, без трещин и сучков, мелкослойное, лучше расколотое, а не распиленное, хорошо выдержанное, совершенно сухое. Материал заготовляется из нетолстых деревьев, 18—22 *см*, зимой; тогда же очищается от коры и раскалывается пополам; лиственные деревья полезно вымочить в течение недели в 10-процентном растворе соды, затем торцы закрашиваются масляной краской, и дерево постепенно высушивают (если в теплом помещении—не менее полугода, в холодном—долее), ватем уже обрабатывают.

СПИННОЙ МЕШОК И МЕЛКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Излюбленные городскими охотниками разного рода „ягдташи“ крайне неудобны; болтаются сбоку, мешают, давят на одно плечо. Несравненно удобнее для ношения как багажа своего, так и убитой дичи — „крошни“ наших промышленников или спинной мешок, висящий на двух ремнях и потому давящий на оба плеча равномерно. Такой мешок, или „рукзак“, делается из тонкого брезента или из прочной парусины, прорезиненной или иначе обработанной для непромокаемости.

Очень удобно делать его двойным, т.-е. со вшитой внутри парусиновой же перегородкой во всю ширину. Кроме того, снаружи (не на той стороне, которая прилегает к спине) можно нашить на него еще два больших кармана с большими покрышками на пуговице или ремешке с пряжкой. Отверстие мешка может иметь кругом дырочки, обшитые кожей, или ряд кожаных нашитых снаружи петель, и затягиваться плотно пропущенным в них шнурком или ремешком, и во всяком случае должна быть большая покрышка сверху, на пуговице или ремне с пряжкой.

Вместо обшивания дырочек кожей, проще нашить с обеих сторон материи по квадратному кусочку достаточно толстой

кожи (даже из сыромятных ремней), и потом пробойником пробить отверстия.

Вверху той стороны, которая прилегает к спине, в самой середине верха прочно вшивается кольцо, к которому прикреплены два ремня, или — но это хуже — две полосы брезента. Можно их пришить и без кольца, рядом. Главное — чтобы они не были узки, а то будут при тяжелой поклаже резать плечи. Желательна ширина не меньше 3½ *см* (лучше 4½ *см*). Левый из этих ремней (смотря со спины на охотника с надетым мешком) перекидывается через левое плечо и под левой рукой охотника проходит к левому нижнему углу мешка, где пропускается в соответствующей ширины пряжку, прочно пришитую на коротеньком ремешке. Правый ремень идет соответственно через правое плечо к правому нижнему углу мешка, где прочно пришит на ремне в 4—7 *см* длиной крепкий, большой металлический крючок, за который большой ремень застегивается находящимся на нем кольцом.

Рис. 151. Спинной мешок затянутый.

И правый, и левый ремни должны быть около 90 *см* длиной, и на правом тоже должна быть пряжка, чтобы его можно было сокращать, забирая вдвое, и удлинять. Для левшей правый ремень должен застегиваться глухо на пряжку, а левый — на кольцо и крючок.

Хорошие размеры мешка — высота 53½ *см* и ширина — 60 *см*, для небольшой поклажи — 44 на 49 *см*.

Спинной мешок заменяет отлично и всякие сумки, и плетеные сетки для дичи. Лазать каждую минуту в спинной мешок, конечно, скучно, и то, что желательно иметь всегда под рукой, лучше класть в карманы (или в особую боковую сумочку, что однако менее удобно).

Рис. 152. Спинной мешок раскрытый.

Охотничий нож, понятно без разъяснений, — вещь всегда совершенно необходимая. Хорош любой достаточно большой и массивный нож с удобной и прочной рукояткой, носимый на поясном ремне. Очень удобный тип—так называемые „финские" ножи, выделываемые и у нас. Совершенно пригоден размер „№ 8", с клинком длиной 18 *см*, а вся длина с ручкой 29 *см*, ширина клинка 2½ *см*, толщина у основания обуха $3^2/_3$ *см*.

Не беда, если нож будет и побольше у основания обуха. Но очень длинные и громоздкие, тем более обоюдоострые,

неудобны. Хороши, но дороги, заграничные ножи, имеющие обух в виде двойной острой пилы.

Главный недостаток ножа — если он легко вываливается из ножен. Он должен легко выниматься, но в то же время кожаные ножны должны закрывать не половину, как часто делается, а три четверти длины рукоятки, так что только конец рукоятки торчит из ножен, но благодаря предвершинному сужению или выему рукоятки легко извлекается из ножен.

Самоеды и другие туземцы Севера делают отличные ножи из старых, сработавшихся, плоских подпилков.

В таких местах, где часто приходится прорубаться в чаще (напр., в кавказских зарослях), многие находят очень удобным небольшой кавказский кинжал (с клинком около 25 *см* длины). Им легко и удобно рубить. Но, чтобы он не мешал при ходьбе, та ременная петля, на которой его носят, должна быть пропущена в соответствующее кольцо или отверстие не снизу вверх, как это упорно делалось в дореволюционной армии, а, наоборот, сверху вниз. Тогда кинжал, вися посредине живота, обязательно висит очень косо и при подъеме ноги скользит по ней, не путаясь между ног.

Годятся, конечно, и большие складные ножи, но они при открывании непременно должны запираться (защелкиваться), чтобы в спешке случайно захлопнувшимся ножом не порезаться.

При многодневном походе, конечно, полезно иметь также 1 легкий топор на всю компанию. Котелок с плоским предпочтительно дном или широкогорлый чайник, конечно, не с припаянной, а с приклепанной дужкой, кружка — в таких случаях тоже нужны.

При продолжительных охотах в открытых местах в светлое время зимы необходимы очки-консервы, которые полезны и в очень ветряных песчаных местах. Туземцы тундры, которым негде достать очков и которые отлично знают, что в марте, апреле, мае (снег в тундре сплошной до конца мая) неизбежно получить воспаление незащищенных глаз от постоянного отблеска солнца на снегу, — мастерят консервы сами: или делают грубую деревянную либо кожаную оправу, в которой натягивают частую сетку из собственных волос, или же делают сплошные деревянные наглазники, только с узенькой продольной щелью, сквозь которую все видно, но проникает недостаточно лучей, чтобы повредить глазам.

Для охраны глаз цвет стекол довольно безразличен — синеватый, сероватый (дымчатый) или зеленоватый. Но густота окраски важна и зависит от местных условий: чем ярче солнце, тем гуще должны быть окрашены стекла. Но не безразлична окраска их для стрельбы, и в этом отношении далеко лучше всех других цветов, в то же время хорошо предохраняя глаз, ярко-желтый цвет стекла.

При охотах на зверя в открытых местах—степи, тундры, горные хребты—очень большую помощь оказывает подзорная труба или хороший бинокль, позволяя издали разглядеть затаившегося между камней зверя и лучше рассмотреть пути похода, чем избавляешься иногда от потери многих часов лишней работы. При выборе особое внимание надо прежде всего обращать на светосилу, затем на поле зрения, на вес и величину прибора, а не на силу; большая сила (сильное приближение или увеличение) идет за счет светосилы и поля зрения. Кроме того, при большой силе становится затруднительным наблюдение с руки: всякое ничтожное дрожание и колебание (при сильных ветрах неизбежное) заставляет так прыгать изображение, что ничего не разберешь. Дождь, туман, мгла—при сильных увеличениях также мешают смотреть, и в сумерках сильная труба малой светосилы гораздо хуже, чем слабая труба большой светосилы. Поэтому самым практичным является прибор с наибольшей светосилой, но с увеличением всего около 6—8, самое большее 10, если желательно наблюдать без треноги или иного штатива.

Для этого приходится брать призменный прибор, и можно выиграть вдвое и на объеме, и на весе, и на цене его, если брать не бинокль, а одиночную трубку („монокуляр"). Проигрыш же в выпуклости изображения не имеет, по-моему, значения.

Конечно, хорошие бинокли и трубы дороги, но и польза от них очень велика, так что с промысловой точки зрения расход окупается. Самым действительно бесподобным по удобству, к сожалению, редко попадающимся прибором является бинокль или одиночная трубка (собственно, половина бинокля), у которого двойной „окуляр", т.-е. два глазных стекла. Одно дает увеличение, скажем, в 5 раз, а другое—в 10 раз. Достаточно тут же, не отнимая от глаза, дать пальцами полоборота головке трубы,—и перед глазом одно стекло заменяется другим и наоборот. Тогда пользуешься тем или другим увеличением, смотря по погоде и освещению, а также летящую птицу или бегущего зверя можно ловить в малое усиление, у которого поле зрения больше, а, поймавши, подробно рассматривать в большем усилении.

В не близко знакомых, просторных местах очень полезно иметь с собой компас. Наш архангельский промышленник редко уходит в тайгу без „матки", небольшого, кустарного компаса в деревянной коробочке. С утра определив по компасу, в какую сторону от дома или привала уходишь, знаешь потом, куда направиться при возвращении. Наблюдая компас,—не держать его у самого ружья, а лучше отставлять последнее в сторону.

Необходимо всегда иметь с собой ружейную отвертку и полезно—небольшой точильный брусочек, маленький

подпилок, небольшой навертыш и небольшой моточек нетолстой, мягкой проволоки.

Если у охотника ружье центрального боя, то необходимо иметь экстрактор для вытаскивания туго засевших гильз. Хороши стальные пружинящие экстракторы, так как годятся для нескольких калибров, и в особенности хорошо, если у него на ножках, кроме желобка на внутренней стороне, захватывающего края шляпки гильзы, есть еще зазубренные выступы для захвата за дульце гильзы, если вытянулась латунная шляпка, а картонная труба осталась.

Так как при перезаряжании латунных винтовочных гильз иногда после выстрела обрывается и вынимается экстрактором головка гильзы, а тело застревает и вытащить его чрезвычайно затруднительно, то крайне полезно при винтовке иметь специальный американский экстрактор. Он имеет форму того патрона, для которого он предназначен, но, конечно, телом потоньше и дульце подлиннее, так что вставляется, проходя сквозь засевшую гильзовую трубку, и дульце его проходит в пульный скат. Но размеры так соображены, что в этот момент стальной шарик, лежащий в выемке передней части экстрактора, начинает задевать за стенку и выкатывается назад: но кзаду долок, в котором он катится, более мелок, и поэтому шарик, откатываясь, с силою прижимает выдающуюся отчасти из дульца гильзы головку экстрактора вниз (экстрактор, конечно, вкладывается шариком кверху). Тогда один из поперечных зубцов головки экстрактора захватывает за край гильзы и легко затем вытаскивает трубку гильзы с собою вместе.

Конечно, весьма желательно иметь и патронташ, лучше всего поясной; разумеется, кожаный лучше брезентового, непременно с покрышкой, застегивающейся на кнопку или пуговицу.

Для шомпольного пистонного ружья нужно иметь булавку или соответствующий кусок проволоки для прочистки шпилек. Если порох у охотника крупен, то нужно иметь небольшой запас мелкого пороха для подсыпки в шпильки (брандтрубки). Держать его можно с удобством в любой небольшой скляночке с пробкой, и такое же помещение, непромокаемое и крепкое, годится и для пистонов (капсюлей).

Держать ли порох и дробь в отдельных пороховнице и дробовнице, как чаще делали городские охотники, или же в патронташе с жестяными трубочками, как чаще делали деревенские, — дело вкуса. По-моему, один патронташ на поясном ремне гораздо удобнее, чем болтающиеся через плечо пороховница и помещение для дроби. Кроме того, в трубках патронташа заряды и пороха, и дроби аккуратно дома заранее отмерены, что удобнее, чем отмерять их из пороховницы в спешке, может быть под дождем. Трубки

заткнуты уже готовой припыжкой, и в каждой трубке с одного конца—заряд пороха, с другого—дроби, это гораздо удобнее.

Какое бы ни было ружье, надо с собой иметь принадлежности для прочистки его, в особенности же, если ружье (или один из стволов) — нарезное.

ГЛАВА VIII

РАЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ И ПРОГРАММЫ

ЧЕМ КАЖДЫЙ ОХОТНИК МОЖЕТ ПОМОЧЬ ОХОТНИЧЬЕМУ ДЕЛУ

Какое важное значение имеет охота для государства, и особенно для народного хозяйства, о том подробно говорилось в первых главах этой книжки. Указано было и трудное положение этой отрасли хозяйства. Из этих указаний ясно, что в своих собственных интересах каждый сознательный охотник должен сделать все, что может, чтобы помочь делу.

Первое, что ему следует сделать, это записаться в одном из местных товариществ охотников, объединяемом Всероссийским союзом промыслово-охотничьих кооперативных организаций; если же такового т-ва нет—помочь организовать его в своем районе. Ведь ясно, что не приходится нам, охотникам, искать помощи на стороне, а надо самим сплотиться покрепче в один, крупный союз. И тогда правительству легче будет оказывать нам помощь в работе.

Не менее важно, чтобы каждый из нас, охотников, сам соблюдал все правила и законы, установленные в интересах охраны дичи и охотничьего промысла, да и другим мешал бы их нарушать, а не говорил бы: „не я, так другие!"

Но грамотный и сколько-нибудь опытный охотник может сделать и много больше для охотничьего дела, если захочет потрудиться немного. Страна наша огромна и разнообразна и чрезвычайно плохо исследована. Что касается именно охоты и промысла, то положение этого дела и ранее было почти неизвестно, да и те сведения, которые были, не соответствуют больше действительным условиям жизни, так сильно изменившейся за последние 12 лет. А ведь понятно, что нельзя принимать никаких широких государственных мер (да и вообще нельзя приступать к налаживанию крупного хозяйства), если неизвестны его состав и точное положение в настоящее время, а также движение разных его сторон.

Дело сознательных охотников—выяснить теперешнее положение охоты во всех уголках страны по возможности подробнее и сообщить свои сведения и наблюдения центру, а также и в дальнейшем продолжать свои наблюдения

и сообщения. Всякое сообщение важно и интересно, только бы было правдиво. Не нужно бояться сообщать вещи, как-будто всем известные и не новые, или вещи, как-будто мелкие и не важные. И мелочи бывают нужны и важны для практики, и очень часто весьма важны для научных целей. Конечно, надо точно указывать, — о какой именно местности и о каком времени даются сведения, сколько времени эта местность знакома сообщающему, а также указывать, — что сообщается по слухам и чужим рассказам, что — по своим воспоминаниям или по приблизительной оценке, и что, наконец, — по точным записям, наблюдениям и подсчетам.

Указывая место наблюдений, надо по возможности ясно и понятно указать его положение и размер (округ, район или какие-нибудь части некоторых районов). Краткое общее описание района: какие угодья, каково их относительное пространство, какие населенные пункты, их величина и расстояние друг от друга. Сколько населения и чем преимущественно занимается (желательно количество скота и посевов на душу). Сколько в данном районе охотников, сколько из них промысловых (т.-е. живущих всецело или главным образом охотой), сколько полупромысловых, т.-е. серьезно прирабатывающих охотой и не могущих обойтись без этого подсобного заработка. Сколько трудовых, т.-е. прирабатывающих охотой, но без особой нужды в этом. Сколько просто охотников-любителей. Как и чем вооружены охотники (системы оружия, калибры, какие орудия и ловушки, кроме ружья, названия и размеры всех частей; материалы — из какого дерева и т. п.; чертеж устройства в закрытом и в настороженном виде с помощью хотя бы грубого рисунка или фотографического снимка); сколько охотников безоружных, какова стоимость оружия и огнеприпасов (как в червонных рублях, так и в обменных товарах), какова потребность в них и на какие сорта и калибры спрос. Относительно оружия, как и других предметов снаряжения, например, лыж, чрезвычайно важно установить приблизительный срок их службы, так как это бывает по местам очень различно. Так, на побережьях Ледовитого океана у туземных промышленников винтовка служит в среднем два года, местами же оружие служит 10 лет и много более. В таком же роде различается и служба лыж.

Для лыж желательно знать точно их тип, размеры, материал, а также применение и для не охотничьих целей. Интересны также сведения — какие и в каком количестве в районе имеются охотничьи собаки, их породы и происхождение, стоимость; много ли охотников без собак, есть ли славящиеся в районе собаководы. Ведутся ли родословные книги или записи, есть ли питомники — чьи, каков состав;

бывают ли выставки, полевые испытания, есть ли дрессировщики (если есть хорошие — их адрес). Собаки, конечно, имеются в виду и привозные, любительские, и местные — промысловые, пастушьи и ездовые. Если их разные породы, то в чем различия в наружности и в работе по зверю и птице. Как их содержат и натаскивают, по каким приметам выбирают. Описание масти и наружности вообще. Если будут фотографировать, то желательно прежде всего снимать стоящую собаку сбоку (в профиль) и упряжку и указать ее рост.

Не менее важны сведения о том, есть ли меры охраны охотничьих богатств и надзор за тем, чтобы не собирались яйца, не истреблялись гнезда и молодежь, есть ли заповедные и заказные места, питомники пушных или копытных зверей, маральники и т. п., увеличивается или падает их число и почему; какова доходность хозяйства (учитывая всякие расходы и работы). Есть ли охотничьи организации— союзы, общества, кружки, колхозы, артели — постоянные или временные. Если есть: их количество, состав, адрес, уставы. Как в промысловых артелях и колхозах распределяется труд, как делится добыча, как решаются спорные случаи (как внутри артели, колхоза, так и в отношении других подобных организаций). Конечно, во многих местах эти и другие сведения придется давать отдельно для разных групп охотников (городские, промышленники - русские, промышленники тех или других туземных племен).

Важны также сведения — какие в районе существуют способы охот и какие практикуются общественные охоты (облавы, охоты с гончими, борзыми или ловчими птицами, загонивание верхом и т. д.), каких правил и обычаев при этом придерживаются, как делится общая добыча, нет ли между охотниками или селеньями обычного раздела охотничьих угодий, нет ли старинных охотничьих преданий, поверий, поговорок, старинных названий зверей, предметов снаряжения и т. п., их описания и по возможности изображение (описание всегда подразумевает и материал). Всякие остатки всяких обрядов и суеверий, приметы и т. п. крайне ценны с научной, этнографической точки зрения. У разных племен бывают точно установленные сроки выхода на охоту, отдельная охотничья одежда, определенный способ укладки их принадлежностей. Как перевозят и свежуют убитое животное, какие части хоронят или кладут на особое место и вообще не используют и т. п. Как устраивают охотничьи балаганы или промысловые избы и т. п.

Особый интерес имеют взгляды промыслового населения на право и порядок пользования различными охотничьими угодьями: каково значение „рода“ и отдельных семей. Как распределяется право пользования—наследственно или нет.

Какие охотничьи и промысловые звери и птицы попадаются в районе (перечислить их по породам, указывая по возможности и туземные названия), много или мало их попадается и увеличиваются ли в числе или наоборот (и по каким причинам это происходит). Если они не равномерно распределены по району,—то в каких частях встречаются и в каких нет, и не связано ли это с характером местности (безлесьем, безводностью одних частей и т. п.).

Много ли каждой породы добывается, как ценится и как используется добыча (на домашние нужды, вывозится из района, сбывается на заводы и т. п.).

О каждой породе птиц нужно сообщить, что известно о жизни их: когда, примерно, прилетают, когда начинают и кончают токование, где и когда гнездятся, когда и сколько детей выводят, куда затем перекочевывают, чем кормятся в разное время, когда молодежь вполне взматереет, когда начинается и кончается отлет (если прилетные птицы), или где и как проводят зиму. Много ли хищных птиц держится, в какое время, и чем кормятся.

Относительно зверей интересны сведения—когда бывает у них течка, когда и сколько мечут детенышей, чем кормятся, когда засыпают на зиму и просыпаются, когда выкунивают в зимний мех и начинают весеннюю линьку, какой вред или какую пользу приносят полям, лесу или дичи; в частности сколько домашних животных гибнет от диких зверей и от каких именно; как ценится шкурка и на что употребляется, как ценятся мясо и другие части и куда идут. Какими способами и какими орудиями каждая порода преимущественно добывается, есть ли специальные знатоки охоты на отдельных животных (например, волчьи, медвежьи капканщики, подвыватели, окладчики и отравители). Если есть—их имена и адрес.

Большой интерес в научном отношении представляют еще сведения о том, какие есть связанные с охотой фабричные, заводские, кустарные или домашние производства, делается ли или ремонтируется огнестрельное оружие и огнеприпасы, капканы или иные орудия, где, в каком количестве, каких сортов и по какой цене. Выделываются ли лыжи, охотничья обувь и одежда, выделываются ли шкурки на меха и шкуры на кожу или замшу, варится ли клей из копыт и костей, делаются ли консервы, коптится ли дичь; где и в каком размере производится это, много ли рук этим занято, много ли перерабатывают, сколько обходится выработка и какова стоимость получаемого продукта и куда он сбывается. Нет ли чучельных мастерских и производства наглядных пособий, выделки птичьих шкурок, сбора пуха и пера, варки мыла из яиц и из жиров диких зверей. Где и как снабжаются охотники и где и как сбывают свою добычу,

где и когда происходят ярмарки и сбыт, кто главные скупщики и поставщики, на каких условиях и по каким ценам; какие главные торговые пути в районе (от ближайших городов и железнодорожных станций—в днях пути и в стоимости провоза килограмма (пуда) груза, как в навигационное время, так и зимой), с какого и по какое время бывает правильная навигация, и с какого по какое время—санный путь; какая стоимость перевозки. Время указывать точно (т.-е. с означением стиля). Цены—на червонный счет и на наиболее ходовые товары (например, хлеб). В каких товарах наиболее нуждаются местные охотники и размер годовой потребности (действительной, т.-е. с учетом покупательной способности). Какова доходность промысла (от—до—средняя) по разным группам охотников, и отдельно, показывая, что сбывается на сторону и что идет на свою семью.

Наконец, важны сведения о том, какие культурно-просветительные учреждения, касающиеся охоты, имеются на местах (музеи, библиотеки) и нет ли кружков, обществ и лиц, изучающих местную природу, быт и промыслы. Если есть—адрес.

Как ни кратка эта программа, но ее вполне заполнить можно лишь в ряд лет; поэтому нужно, не откладывая, сообщать по ней, что уже известно местному жителю и наблюдателю, а потом со временем дополнять.

Посылать сообщения лучше всего в правление Всеросс. союза промыслово-охотничьих кооперативных организаций—(Всекохотсоюз), по адресу: Москва, Никольская ул., Ветошный, 4/5 или в Наркомзем РСФСР, Управление лесами (Боярский двор, Старая площ.), или в Комитет Севера при президиуме ВЦИК, Москва, Воздвиженка, 4.

В этом отношении очень полезно иметь правильную связь с местными краеведческими организациями, кружками юных натуралистов, местными научными обществами, музеями.

КАК И ЧТО НАБЛЮДАТЬ ОХОТНИКУ

Выше была дана коротенькая программа тех сведений, которые в первую очередь желательно иметь от охотников разных концов страны; она, значит, и служит отчасти ответом на то, какие сведения собирать. Но она касается именно охотничьего промысла и главным образом с хозяйственной и бытовой сторон. Но и для научного изучения природы нашей страны (правильное же хозяйство только и может строиться на широком научном фундаменте), да и для самого охотника, для необходимого близкого ознакомления с местными зверями, птицами и подробностями их жизни, конечно, надо знать много больше. А собрать эти

знания можно только путем постоянных наблюдений и аккуратных записей. Для записей на месте надо иметь карманную записную книжку; писать не химическим, а простым карандашом (химический легче смывается и расплывается при подмочке, нередкой на охоте); писать непременно на одной стороне странички; это как-будто не экономно, на самом же деле необходимо: при носках и перевозках с течением годов записи, сделанные на обеих сторонах листков, смазываются до полной невозможности их разбирать. За летний день охотник многое перевидает, поэтому лучше записывать замеченное прямо на месте, а затем вечером, дома или на привале только дополнять упущенное. И во всяком случае не откладывать записи до другого дня.

На первой страничке всякого сообщения и каждой записной книжки полезно ясно и точно надписать не только свое имя и адрес, но и где именно и когда начата книжка, а когда она исписана до конца, то на той же первой странице надо добавить—где и когда она закончена. Время, конечно, надо обозначать со стилем, а место—так, чтобы всякий мог понять, где дело было. А то разных Ивановок, Светлых или Черных озер, Аксу или Олбутов у нас видимо-невидимо. Надо указать область или округ, хорошо и район или часть района, затем ближайший населенный пункт и расстояние и направление от него, а для дальнейших записей вообще—если упоминается о речках, то указывать, притоками (и какими—правыми или левыми) каких более известных рек они являются; в горных странах желательно упомянуть и склон и систему хребтов. Очень полезно кратко означать год и число записи на верху каждой странички.

При записях всякие цифры, а также названия, выписывать особенно разборчиво, так как в этих случаях по смыслу потом не догадаешься. При размерах, весе—указывать меру,—определяется ли „на глаз“ или точно,—и как и чем измерено. Если что-нибудь записывается с чужих слов—отметить это. Словом, надо быть возможно точным и отмечать в записях то, что действительно происходит, не примешивая к виденному своих собственных пожеланий и предположений. Если я скажу: „я чуть не наступил на зайца, он испугался и бросился в кусты“, то это будет лишь наполовину правдой: я мог видеть только одно—как заяц бросился в кусты. А испугался он или нет—это уж прибавлена догадка или вывод из виденного, может быть догадка верная, может быть нет,—во всяком случае видно-то этого не было: у зайца физиономия недостаточно выразительная, чтобы читать по ней его чувства.

Что наблюдать и, следовательно, записывать, кроме вопросов, указанных в предшествующей статье?—Да все, что касается местной природы и охоты. В частности желательно

прослеживать вообще ход местной весны: начало таяния, вскрытие водоемов, появление зелени, цветение растений, появление насекомых и т. д., конечно, поскольку наблюдатель знает растения, насекомых и т. д. То же относительно осени. Замечать появление и жизнь не только охотничьих, и других зверей и остальных животных—птиц, рыб и т. п., насколько наблюдателю это доступно.

Полезно записывать вес и размеры добываемой дичи, отмечая, выпотрошена ли добыча; а также ее пол и, по возможности, возраст. Затем окраску глаз, птичьих клювов и ног (по возможности, сейчас же после убоя). Определяется пол у птиц так: сняв шкурку, положить тушку на ее правый бок, хвостом к себе, и прорезать брюшную стенку наискось от заднепроходного отверстия вдоль верхнего, т.-е. левого бока по направлению к подмышечной области через несколько ребер; сделав это, отодвинуть кишки и желудок влево и открыть этим почки, лежащие в глубине поясничной области по обеим сторонам спинного хребта. Почки эти темно-красного цвета, довольно плоские, с неправильными перетяжками. У самца против передних долек или лопастей почек, немного впереди места прикрепления ног к туловищу, лежит пара семенников—округленно-овальных или бобообразных (иногда удлиненных) беловатых телец с гладкою, плотною поверхностью. Величина их, напр., у воробья, зимою — с булавочную головку, а весною — с крупную горошину (см. рис. Мужские половые органы птицы, на котором кишки устранены).

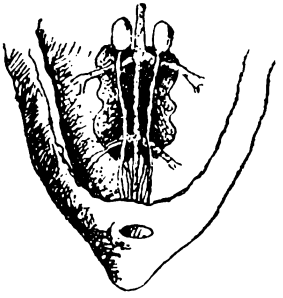

Рис. 153. Самец.

Надо остерегаться, чтобы не принять за семенники надпочечных желез, имеющихся у обоих полов. Это небольшие кругловатые органы, лежат не перед передней долей почек, но вплотную примыкают к переднему концу их; к тому же железы эти желтого или оранжевого цвета и не имеют гладкой, плотной поверхности, но дряблого, как бы жирового состава. У самки имеется лишь один (у хищных и немногих других, впрочем, также пара) яичник, прикрывающий отчасти переднюю дольку лишь левой почки (правой от хребта, если глядеть со стороны брюха) или лежащий почти посредине между почками. Он имеет неправильно-плосковатую форму, беловатого или желтоватого цвета с поверхностью мелкозернистого сложения, вне времени половой деятельности, нередко едва заметного, весною же принимает ясно гроздевидные очертания (см. рис. Женские половые органы птицы).

Весьма желательно записывать окраску незнакомых животных. При этом у зверей надо отмечать не только общее впечатление от окраски определенной части тела, но и окраску отдельных волосков, у которых основная средняя и вершинная части на разных местах нередко бывают окрашены различно.

У птиц надо давать описания по отдельным участкам оперения, названия которых, а также и способы измерения, указаны в одной из следующих далее глав. Для названия окрасок можно пользоваться хотя бы красочной таблицей, приложенной к моему „Определителю видов птиц СССР", изданному Всекохотсоюзом (выпуск 1-й вышел, выпуск 2-й готовится).

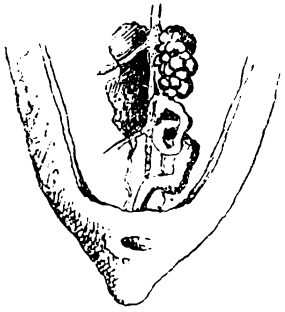

Рис. 154. Самка.

Интересные наблюдения можно делать над птицами в клетках. Не подлежит, например, сомнению, что дикие птицы играют в природе не малую роль не только как истребители насекомых, но и как удобрители почвы. Ведь птичий помет является одним из лучших удобрений („гуано"). Куры, например, на каждые 100 *кг* живого веса дают в день 3,98 *кг* помета, т.-е. больше, чем овцы—3,41 *кг*, очень немного меньше, чем лошади—4,88 *кг*, и несколько больше половины того, что дают коровы—7,41 *кг*. Зато по силе действия помет кур почти вдвое сильнее овечьего, почти в 2½ раза сильнее конского и в 3½ раза сильнее коровьего помета. Очень было бы интересно выяснить количество помета, даваемого разными дикими птицами. Если земляные черви играют огромную полезную роль в образовании почвы, как доказал Дарвин, то и роль птиц не может быть малой.

В особенности же интересны и важны две группы вопросов. Во-первых, географическое распространение.

Из множества водящихся в нашей стране более крупных животных, как звери и птицы, вряд ли найдется хотя одно, о котором бы мы достаточно подробно и точно знали, в каких именно частях страны оно есть, и в каких оно не водится. А между тем нахождением определенных сообществ животных и растений характеризуются отдельные участки страны. При этом различные особенности в распространении животных имеют громадный интерес, так как нередко указывают не только на теперешние условия климата и растительности, но и на давно прошедшую историю целых стран и частей света.

Если кулик-сорока или средний кроншнеп и некоторые другие болотные и водяные птицы в немалом числе гнездятся

в Прибалтийских странах, в области Белого моря, в Среднем Поволжьи и в южной части СССР (некоторые части Украины) — и в то же время совершенно не остаются на гнездовании в богатых болотами и водами, да и менее густо населенных, чем часть упомянутых мест, округах центральной полосы РСФСР,—если также кобчик гнездится в изобилии во всей южной России и нередок в северной, в то же время только пролетая, но почти не гнездясь в центральной России, то, конечно, не климат, не теперешние условия жизни и не человек являются причиной: такая странность распространения есть чувствующееся до сих пор последствие (и очень сильное косвенное доказательство вдобавок к имеющимся геологическим данным) бывшей некогда среднерусской пустыни, тянувшейся от Галиции и Вислы до среднего течения Волги и от быв. Новгородской до Харьковской губ. (работы Тутковского, Станчинского). По ее животному населению можно, например, уверенно сказать, что Камчатка была островом, и притом более долгое время отрезанным от материка, чем, например, теперешние Британские острова существуют отделенными от Европейского материка. Поэтому, напр., рябчик, лось туда не проникли, а белка только-только начинает проникать; таких примеров можно бы привести множество. Между тем для охотников вовсе не так трудно собирать сведения о распространении птиц и зверей.

Второй крайне интересный вопрос—это перелеты птиц.

О ПЕРЕЛЕТАХ ПТИЦ

Птиц совершенно оседлых в действительности очень мало (таких, как, например, ворон, парочка которых круглый год околачивается в определенном районе). Большинство птиц именуется нами оседлыми только в том смысле, что мы видим в нашем районе птиц этого вида круглый год. Но это не значит, что они те же самые птицы. Так, уже очень давно я заметил, что те вороны, которых я видел и стрелял зимой в Эстонии, и по „физиономии" своей, и по повадкам как-будто в мелочах отличаются от гнездящихся там ворон. Позже удалось точно установить, что вороны Латвии, Эстонии, Пскова и Ленинграда на зиму летят в Германию, Бельгию, даже Францию, а на их место зимовать прилетают вороны Лапландии и Финляндии. Серая куропатка в местах с мягкой и сравнительно тихой зимой, с лесами, защищающими от ветров, как центральная и северо-западная часть РСФСР, до Ленинграда,—живет оседло. В южном же и частью среднем Поволжьи и Заволжьи, с суровыми зимними морозами и вьюгами и почти без лесных прикрытий, они совершают массовые перелеты. Синички, корольки,

пищухи и поползни остаются у нас и зимой, но кочуют смешанными стайками так широко, что, например, под Москвой случается зимою добывать уральского поползня или под Олекмой—открытого мною в предгорьях Верхоянского хребта—полярного поползня. Дрозды в годы урожая рябины частично остаются не только в Прибалтийских странах, но и в тверских и московских лесах, частью же летят южнее. Многие из наших птиц зимуют в степях Украины и Крыма (напр., дрофы, отлетая далее в холодные, снежные зимы), другие летят на Кавказ и Балканский полуостров (напр., вальдшнепы), третьи—еще южнее, в Закавказье, на южный Каспий, в Малую Азию, в Персию (стрепета, краснозобая казара, многие другие гуси и утки, тундровые сапсаны, турухтаны и др.). Наконец, есть целый ряд птиц, которые вовсе не обращают внимания ни на погоду, ни на количество корма. Они отлетают еще при наличии тепла, света и корма и торопятся не за сотни, а за тысячи километров, частью в тропический пояс, но частью даже и не в него, а еще далее, за экватор и южный тропик, в умеренный пояс южного полушария. В последнем случае их пути достигают 10—13 и более тысяч километров в одну сторону. Так, дупель гнездится от Венгрии и Пруссии до за-енисейских тундр, зимует же (кроме единичных особей) в Африке и главным образом—южной. Отлетает он тогда, когда его сородичи—бекас, гаршнеп, вальдшнеп—долго еще находят корм у нас. Куличок фифи гнездится во всей почти нашей стране (кроме совершенно голых северных частей тундр). И из тундры он исчезает в первой четверти августа, при едва заходящем солнце, направляясь в Индию и на Малайские острова. Стрижи появляются в Лапландии в начале июня, а в середине августа уже исчезают на пути в Африку, главным образом—южную. Береговой стрижок появляется в дельте Колымы в начале второй половины июня, а в начале августа отлетает уже в Индо-Китай. Таким образом „дома" на местах вывода птенцов он проводит меньше двух месяцев.

Более 30 видов птиц Восточной Сибири летит зимовать на острова Великого океана, в Австралию и Новую Зеландию, совершая сплошные перелеты между островами открытым морем по 3000 километров и более. И далеко нельзя сказать, что все птицы летят осенью на юг, а весной—на север, хотя в общем это, конечно, главное направление путей в северном полушарии. Чудная розовая чайка, например, гнездовья которой открыты мною на травянистых озерах плоских приколымских тундр, появившись 1 июня, уже в начале второй трети июля вплавь и пешком уходит со своими еще большею частью пуховыми птенцами из южной полосы тундр к северу, к ледовитому побережью, а в течение последней трети отлетает в море, рассыпаясь в течение осени

веером к северо-западу, к берегам Ново-Сибирского архипелага, Северной земли и земли Франца-Иосифа, и к северо-востоку, к северным берегам Аляски. Здесь она околачивается по постоянно появляющимся и исчезающим зимним полыньям полярного бассейна, и лишь немногие отбившиеся особи попадают к берегам Камчатки, Охотского моря и даже западной Европы.

Вообще и весной и осенью пути перелетных птиц перекрещиваются почти по всем направлениям, вовсе не направляясь по кратчайшим и удобнейшим путям к ближайшим „зимним курортам". Кулик-мородунка из долины Суры, овсяночка-крошка, дубовник от границ Финляндии, вместо того, чтобы лететь к югу на сравнительно близкие берега Средиземного моря,—летят осенью на восток, переваливают через Уральский хребет и, уже достигнув Сибири, поворачивают на юг и, совершив путь по громадной дуге, попадают на зиму в Индию. А в то же время навстречу им летят—дупель с Оби и Енисея, кулик-краснозобик с Таймырского полуострова, кобчик из юго-западной Сибири, обыкновенная горлица и малый кроншнеп—из долины Иртыша, направляясь на зимовки через Урал и нашу страну в Африку. Они тоже делают огромную дугу, но в другую сторону, вместо более короткого для них пути прямо к югу, в Индию. То же происходит и на востоке: через Берингов пролив осенью из Аляски в Сибирь летят: варакушка, желтая трясогузка, острохвостый кулик и др., а им навстречу летят: кулик-дутыш, белый гусь, один мелкий дрозд и др. При этом кулик-дутыш, гнездящийся в тундрах значительной части Восточной Сибири, вместо зимовок в Южном Китае и Индии, где зимуют многие из гнездящихся с ним вместе куликов, летит через восточную часть Северной и большую часть Южной Америки, где и зимует в Аргентине и Чили. Еще удивительнее то, что делает амурский кобчик. Он пролетает через южный Китай и Индию, где, при богатстве насекомыми, ему так хорошо было бы зимовать, но где лишь небольшая часть особей останавливается. А главная масса летит через Индийский океан на Мадагаскар и в южную Африку.

Многие виды возвращаются весной совсем не тем путем, каким улетали осенью, и это расхождение путей достигает иногда нескольких тысяч километров. Напр., один из американских куличков летит с начала июля из тундр восточным, атлантическим побережьем обеих Америк и Вест-Индией, минуя Мексику и Центральную Америку, и зимует на южной оконечности материка, в Аргентине, Патагонии, на Огненной земле и Фальклавдских островах, достигая мыса Горна около средней трети сентября (тамошняя весна). Весной он отлетает из южных частей Южной Америки в середине и конце марта и частью в апреле и прибывает в тундры в последней

трети мая и начале июня, но летит туда уже долиной реки Миссисипи. Таким образом годовой путь его описывает огромный овал около 14 тыс. *км* в длину и около 3 тыс. *км* в ширину. Подобным же различием сезонных путей отличаются черная казарка Якутии и ряд других птиц.

Из наших птиц полярная или длиннохвостая крачка (мартышка) гнездится от Норвегии и Эстонии до Чукотского полуострова и в Америке—от Аляски до восточных берегов Северной Америки и в Гренландии. Те из них, которые гнездятся в Восточной Сибири и в Аляске, прекрасно могли бы направляться к югу и зимовать у берегов Китая, Японии, Калифорнии и центральной Америки. Но они летят вместо этого кругом полмира: чукотские особи—на запад, аляские—на восток, вдоль берегов полярного моря, и затем по обоим берегам Атлантического океана одни спускаются к берегам западной и южной Африки, другие—к берегам Центральной и северной части Южной Америки. Эта крачка еще не открыла Берингова пролива!

В этом случае, как и во многих других, применимо объяснение М. А. Мензбира и Г. Зибома, что пути пролетов многих птиц более или менее точно повторяют пути их расселения. Длиннохвостая крачка населяла первоначально область побережья северной части Атлантического океана. Постепенно размножаясь, она понемногу захватывала гнездовьями своей молодежи все больше и больше пространства к западу и к востоку каждую весну, но осенью направлялась с этих аванпостов знакомыми путями на зимовку. Такое объяснение, конечно, не применимо, как указывает и М. А. Мензбир, к тем видам, у которых между областью зимовок и областью гнездовий лежит огромный перерыв, как у многих куликов, гусей и др.

Одни птицы летят днем, другие—ночью,—и удивительно, как они находят дорогу, особенно над беспредельными морскими пространствами. Одни летят на огромной высоте, другие—низко. У одних видов молодежь и старики, самцы и самки летят смешанно, у других—отдельными стаями. Одни вообще летят одиночным порядком, другие—беспорядочными стаями (напр., ласточки). Многие—определенными, но различными строями.

„Углы" или „клины" летящих гусей, журавлей, крякв или шилохвостей хорошо известны. Хорошо известно и ходячее, даже в научных книгах, но совершенно вздорное объяснение, будто они так летят, чтобы „легче разрезать клином воздух". Железным или дубовым клином можно колоть поленья. Но ведь „клин" гусей—не настоящий клин, а только воображаемое подобие клина; в нем каждая птица летит на несколько метров сзади и сбоку от другой. Таким воображаемым клином так же невозможно

резать воздух, как невозможно проволочным решетом с дырками по четверти в поперечнике носить воду. Впрочем, и из других обстоятельств видна нелепость этого ходячего объяснения: ведь для разрезания каждого вещества имеется своя наивыгоднейшая форма клина. Между тем, при одном и том же давлении воздуха, температуре и ветре, словом, в одно и то же время и на одной высоте мы часто можем видеть одни и те же или близкие виды уток, летящие стайками с очень не одинаковой формой угла или клина. Совершенно непонятным с точки зрения рассекания воздуха является и то, что летят клином как-раз сильные, хорошие летуны (журавли, гуси, „благородные" утки). А гораздо более слабые летуны, разные мелкие птицы, не летят клином. Простой расчет показывает, что чем меньше птица (как чем мельче дробь), тем труднее ей дается разрезывание воздуха. И как-раз тут-то „клина" и не оказывается. И последнее соображение: очень многие птицы летят определенным, правильным построением. Форм этих построений очень много, но тем или иным клином летят сравнительно немногие. Например, из тех же уток гоголи никогда не летят клином, а всегда широкой, отлогой дугой (иногда в один ряд, иногда большая дуга внутри выполнена несколькими малыми дугами). Пиголицы (чибисы) и многие другие кулики летят прямым поперечным рядом (развернутым фронтом). Бакланы также летят прямой линией, но продольной, „в затылок". Наконец, те же гуси, лебеди и речные утки часто летят не клином, а одним косым рядом. Ясно, что все это к облегчению рассекания воздуха никакого отношения не имеет.

Правильное объяснение строя перелетных птиц должно объяснять все имеющие место факты: и разнообразие построений, и то, почему какого-нибудь строя придерживаются крупные и средние по величине птицы, и не придерживаются, а летят беспорядочной гурьбой, все мелкие виды. Такое объяснение было дано мною еще в 1898 г. в моем докладе зоологическому отделению Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и не раз опубликовано у нас и за границей. Основная причина полета строем—необходимость соблюдения такта. Такт нужен перелетной стае затем же, зачем он нужен марширующему батальону. Перелетная стая идет за тысячи километров и идет более или менее спешно. Летя гурьбой, более сильные и длиннокрылые особи будут уходить вперед, слабые и короткокрылые будут отставать. Стая будет сильно растягиваться, лучшим летунам время от времени придется замедлять свой полет, поджидая отставших; слабым, наоборот, то и дело придется напрягать все силы, чтобы догнать передних. Все время будут суматоха, беспорядок, переутомление более слабой половины стаи. Только при соблюдении некоторой средней,

наивыгоднейшей для большинства скорости полета (то-есть определенного наивыгоднейшего такта взмахов крыльями) вся стая, как одно целое, перенесется через тысячи километров пути, почти не теряя отстающих. Конечно, более слабой части придется работать с усилием, а самым сильным единицам несколько сдерживаться, но равномерное, однообразное, хотя и большое усилие истощает организм гораздо меньше, чем работа беспорядочными рывками. Но для соблюдения постоянного и равномерного такта нужно, чтобы кто-нибудь его поддерживал. Если каждый член стаи сам по себе будет стараться вести определенный такт, то соблюдаться он будет плохо, да это и не экономно. На заботу о поддержании определенного темпа полета надо ведь затрачивать некоторое постоянное внимание, психическое напряжение. В конечном итоге оно также утомляет организм. Зачем 20—30 особям стаи всем в одно время затрачивать это усилие, когда гораздо лучше это сделает одна из них, а другие будут только машинально подражать, соблюдая даваемый им такт. Для того, чтобы одна птица в стае поддерживала постоянный наивыгоднейший для всей стаи такт, а другие—только машинально подражали ей, нужно расположить стаю так, чтобы дающая такт птица была видима всем членам стаи, или, во всяком случае, чтобы ее движениями могли руководиться все остальные. Это дает почти всякий определенный, правильный строй, и потому-то мы и видим такое разнообразие строев в природе. Пожалуй, клин и косой ряд дают несколько больше удобств в этом отношении, и, вероятно, потому они несколько чаще встречаются, чем разные другие построения, взятые каждое в отдельности. При построении в вертикальной плоскости, т.-е. при расположении членов стаи на разных высотах, следить друг за другом (особенно для находящихся ниже) значительно труднее,—и потому в природе таких построений и не встречаем (а „резать воздух" клином, расположенным в вертикальной плоскости, было бы так же легко, как и горизонтальным).

Почему же выгодами такта не пользуются как-раз слабые, мелкие летуны? Самая простая механическая причина. Сохранение ровной, однообразной скорости передвижения тем важнее для каждого существа, чем оно крупнее, т.-е. чем больше его масса, вес, а стало-быть и инерция. Легкую, детскую тележку легко и столкнуть с места, и задержать катящуюся. Но груженый большой вагон на самых гладких рельсах сдвинуть с места очень трудно, а раз он двинулся—так же трудно остановить или замедлить его движение. Точно так же для мелких пташек с их ничтожным весом и инерцией беспорядочный полет, то с некоторым замедлением, то с ускорением движения отдельных особей, не

представляет серьезных неудобств. Для крупных же, тяжелых птиц это было бы уже очень большой лишней затратой мышечной энергии. Вот поэтому-то все стайные крупные птицы летят каким-нибудь правильным строем, все мелкие летят беспорядочно, а из птиц средних размеров и веса одни (и чаще именно более крупные из них) соблюдают какой-нибудь строй, другие же—нет.

Конечно, есть еще и другие попутные выгоды строя. Например, лететь легче в спокойном, не взволнованном воздухе. При полете взволнованный ударами крыльев воздух вырывается главным образом в определенных направлениях из-под крыльев (именно вбок и назад в плоскости крыла). Любой определенный строй легко можно расположить так, чтобы эти струи взволнованного воздуха из-под крыльев одной птицы не попадали на других птиц строя. Очевидно, и в этом смысле строй особенно важен для крупных птиц с их могучими ударами крыльев и с их потребностью в солидной точке опоры,—и не важен для мелких видов, нуждающихся только в слабой опоре и мало возмущающих воздух своими крыльями. Ведь как инерция птицы, так и сила ее летательных мышц растут или падают, как куб линейных измерений: в 8 раз, если линейные измерения (длина или размах птицы) изменяются вдвое, и в 27 раз, если линейные измерения изменяются втрое. Уже несколько лет в Канаде Вильям Роуан производит массовые опыты над одним северным вьюрком, по характеру перелетов похожим на наших чечетку или чижа. Судя по его опытам, побуждение к перелетам исходит не из температуры или вопросов корма, но от развития и деятельности половых желез. Когда железы в полном развитии и деятельности,—птица пребывает на месте в гнездовой области и выводит потомство. Спадение, уменьшение половых желез вызывает стремление к отлету на юг, пока продолжается этот процесс спадения. Когда железы уже сжались до наименьшего предела, стремление к перелету прекращается. Если искусственно процесс этот ускорен, и железы совершенно съежились, еще пока птица на Севере, то она там, несмотря на морозы и снега, остается зимовать: покоящееся состояние желез, достигнуто ли оно предельным набуханием или, наоборот, предельным спадением их, не совместимо со стремлением к перелету. Наоборот, когда железы растут, увеличиваются в объеме, возникает стремление к отлету на север. И если искусственно вызвать рост половых желез в разгар зимы, птица полетит на север, несмотря на время и погоду. Самое изменение в состоянии половых желез проф. Роуан производил путем искусственного освещения. Сотни птиц содержались осенью и зимой в одинаковых клетках и всех прочих условиях, на воздухе. Но одни клетки пользовались только

естественным солнечным светом, и их птицы служили для контроля результатов, другие же после заката освещались на определенное время сильными электрическими фонарями, чем для них удлинялся день, как бывает весной,—или задерживался на определенной длине.

Исследования эти безусловно крайне интересны и поучительны. Но, конечно, они дают ключ далеко не ко всем случаям перелетов. Молодежь летит осенью при покоящемся состоянии половых желез. У ночных птиц железы эти растут не под влиянием солнечного освещения. Наконец, интереснейшие и замечательнейшие дальние перелеты этим тоже не объясняются. Дупель и аист летят из Южной Африки, или азиатская сивка из Австралии в марте и апреле, когда там в южном полушарии наступает осень, и длина дня вовсе не увеличивается, а, наоборот, сокращается. Кулик фифи летит из северных тундр в начале августа, когда там ночь едва заметна, через средние широты, с их более длинной ночью, в тропики с их в это время еще более коротким днем.

Словом, явления перелета слишком сложны и многообразны для какого-нибудь единого объяснения всех случаев, да и массы спорных фактов надо еще установить. Летят ли птицы предпочтительно с попутным или с противным ветром, на какой высоте, руководят ли старики молодежью или нет, летят ли определенными путями или „широким фронтом", куда улетают некоторые из перелетных птиц,—обо всем этом и многом другом и до сих пор спорят ученые. Только недавно, например, выяснилось, что крошечные кулички-поплавки улетают не в какие-нибудь „страны", но всю зиму проводят огромными стаями в открытом море, в тропических и южных частях Великого океана, во многих сотнях километров от ближайших материков и островов. Последние десятилетия, однако, решение этих вопросов направилось по верному пути. Именно с 1889 г. Мартензен в Дании начал ловить птиц как нелетную молодежь, так и старых, и надевать им на ноги нумерованные алюминиевые кольца, записывая место, время и вид птицы, получившей данный номер. С 1903 г. эта работа весьма широко была поставлена на специальной Орнитологической наблюдательной станции в Росситене в Пруссии, с 1907 г. в Прибалтийском крае и затем в Венгрии, Англии, Америке и у нас, в СССР.

Так как число отмеченных птиц исчисляется многими десятками, даже сотнями тысяч, то уже было достаточно возвратов, давших много интересных и часто неожиданных сведений.

КАК ОТМЕЧАТЬ ПТИЦ КОЛЬЦАМИ

Кольцевание птиц, т.-е. отметка их надеванием на ногу легкого нумерованного кольца, практикуется широко в разных странах Европы и Сев. Америки за последние 25—30 лет с целью точного выяснения целого ряда интереснейших научных вопросов из жизни птиц, — вопросов, без выяснения которых трудно хорошо и правильно поставить дело охраны полезных птиц от чрезмерного истребления.

В каких направлениях и какими путями летят осенью и весной перелетные птицы, где они зимуют, держатся ли пары и семьи вместе и на зимовках, куда возвращаются на гнездовье, широко ли кочуют летом молодежь и холостые птицы, каким порядком расселяется молодежь и расширяет гнездовую область, в каком возрасте начинает гнездиться, долго ли живут разные виды, как меняется оперение с возрастом, разные ли виды или только разные возрасты одного вида „беркут“ и „халзан“ и „обыкновенная“ и „белокрылая“ сороки, как происходят осенние и зимние кочевки, все ли „оседлые“ виды и особи их действительно оседлы, или же, наоборот, совершают правильные перелеты, где, главным образом, гибнут перелетные птицы, — и много других важных вопросов птичьей жизни может быть точно, несомненно и сравнительно быстро разрешено только кольцеванием.

Кольцевание должно быть по возможности массовым, для чего особенно удобны колониальные гнездовья (грачей, крачек, береговых стрижков и т. п.), так как получаются затем сведения только о небольшом проценте окольцованных птиц. Однако, интересно и важно кольцевать всевозможных птиц, крупных и мелких, хищных, певчих и охотничьих, молодых и старых, летних и зимних, перелетных, кочующих и оседлых. Надо только сейчас же, тут же по окольцевании, выпускать птицу, а также не кольцевать птиц раненых, больных, обсидевшихся в клетках, привезенных со стороны.

Кольцо не вредит птице и может носиться много лет. Надо лишь быть осторожным и не помять самую птицу при кольцевании. Бояться, что молодая птица вырастет, и кольцо станет теснить ей ногу, — не приходится, так как плюсна молодых птиц обыкновенно бывает очень толста.

Самое кольцевание не сложно. Птицу следует держать левой рукой, головой от себя (т.-е. к тому краю ладони, где мизинец) и спиной кверху, за нижнюю часть спины и концы крыльев, в то же время большим и указательным пальцами той же руки придерживая под хвостом ногу за самое „колено“ (т.-е. в действительности за пяточный сустав между плюсной и голенью), правой же рукой надеть кольцо

на плюсну повыше пальцев; если кольцо сплошное, то через пальцы, а если, как чаще бывает, разрезное, то прямо на плюсну через разрез кольца. Затем кольцо сжимается пальцами или какими угодно щипчиками, чтобы концы разреза сошлись. У более крупных колец обыкновенно имеется особый затвор в виде загиба, куда входит другой конец разреза; такой загиб плотно обжимается щипчиками. Кольцо никоим образом не должно жать ногу.

При кольцевании нужно строго соблюдать следующие правила, без чего работа потеряет научное значение и будет бесполезной тратой сил и средств:

1. Раздавая или рассылая кольца, непременно сейчас же точно записывать фамилию, имя, отчество, точный адрес лица, коему посланы кольца, время посылки и точный и полный перечень номеров, серий или литер, — словом, полных обозначений посланных колец.

2. Никогда не метить птиц произвольными кольцами. Идеальный порядок был бы такой, при коем во всем мире употреблялись бы кольца одного учреждения. К сожалению, национальный шовинизм повел к тому, что в каждой стране употребляются свои кольца. Умножать образцы колец очень вредно для дела и уменьшает шансы возврата колец. Гнаться за тем, чтобы иметь „свои" кольца, „свой" адрес, и тем производить пестроту и путаницу,—дело, недостойное научного учреждения. За кольцами следует заблаговременно обращаться на Биостанцию юных натуралистов (адрес ниже), давая все требуемые ею сведения.

3. Кольцуя птиц, нужно тут же на месте немедленно записывать полностью год, месяц, число и стиль, место настолько подробно, чтобы можно было найти его на карте и понять, к какой речной или горной системе оно относится, т.-е. область, округ, район, направление и расстояние от ближайшего селения и почтового учреждения, берег или долина какой речки или озера и принадлежащих к какому более крупному бассейну, какой склон хребта и т. п., вид птицы (если не научное название, так местное и русское, с понятными пояснениями), возраст (взрослая или полуоперенный птенец и т. п.), номер, серию или литеру,—словом, полное обозначение кольца, и сколько птиц из того же гнезда, выводка или колонии отмечено.

4. Не кольцевать не только больных или держаных в клетке птиц, но и таких, в видовом определении коих не уверен. А если представляется удобный случай окольцевать большое количество незнакомых птиц какой-нибудь колонии, то надо одновременно с кольцеванием добыть 1—2 штуки, изготовить шкурки и послать знатоку для точного определения. Если трудно сохранить шкурку, то взять ножку, клюв и крыло.

5. Потерянным или поломанным кольцам вести особый учет, что легко сделать, раз при получении колец записаны все их серии и номера.

6. Никогда ни одного кольца не пускать в дело второй раз, хотя бы оно было найдено тут же на другой день после

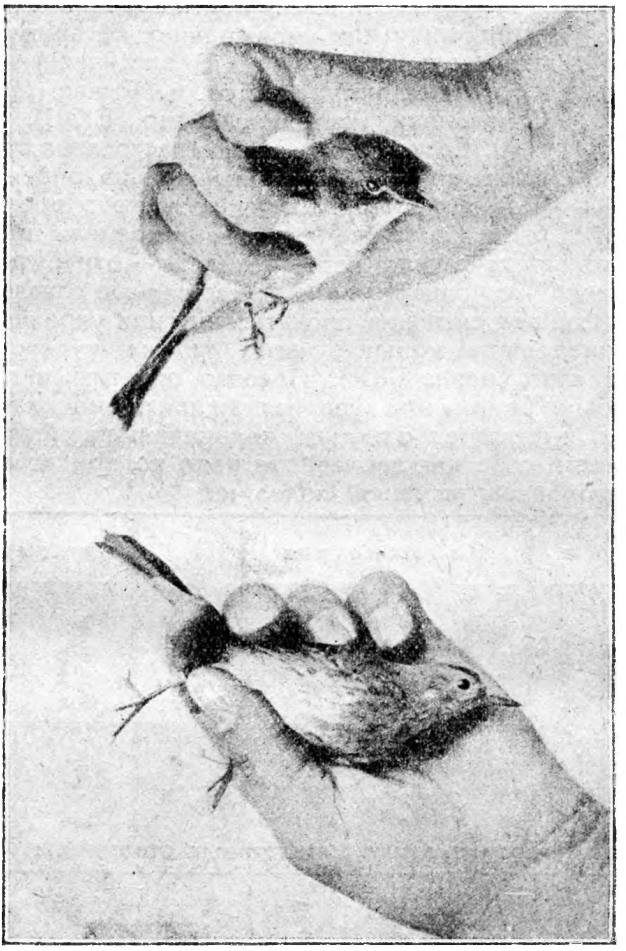

Рис. 155. Как кольцевать птиц.

кольцевания, но возвращать кольцо лицу или учреждению, от коего получено кольцо, и которое ведет учет этих колец.

7. Кольцуя птиц, нужно в возможно скором времени все сведения, упомянутые выше в пункте 3, сообщать тому лицу или учреждению, от которых получены употребленные в дело кольца.

8. Ни в коем случае не стрелять птиц ради добычи кольца, но возможно шире стараться организовать лов их

живьем (с выпуском на волю). Если сетью, самоловами или иначе добыта живая птица с кольцом,—лучше всего полно и точно списать все литеры, цифры и надписи кольца, точно определить вид и, по возможности, пол и возраст птицы, записать особенности ее оперения и сейчас же отпустить ее на волю, отнюдь не снимая кольца, сообщив все эти данные и точное место и время поимки и освобождения птицы лицу или учреждению, которому принадлежит кольцо, через Биологическую станцию юных натуралистов, в Москве (Москва, Сокольники, Ростокинский пр., БЮН).

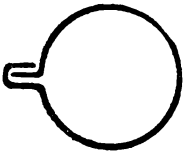

Рис. 156. Кольцо.

9. Если птица с кольцом застрелена, то надо также списать все данные кольца, определить и записать вид птицы и место и время добычи, а также снять и сохранить шкурку птицы, и только в случае невозможности — отрубить ногу (выше „колена“) с кольцом и эти вещественные доказательства и записанные сведения послать лицу или учреждению, коему принадлежит кольцо, через те же учреждения, т.-е. лучше всего через БЮН. Полезно отметить и другие условия добычи (жирна или худа, из стаи или одиночка и т. п.).

Для тех, кто хочет заняться кольцеванием, было бы удобно завести себе для записей тетради по прилагаемому образцу заголовков; на левой половине:

№№ по порядку	Кольцо		Наблюдателя		Когда выданы кольца	Кому выданы	
	Серия	Номер	Фамилия, имя	Адрес		Фамилия и имя	Адрес

а на правой половине листа или правых страницах:

Место кольцевания	Условия (пол, возраст, как добыты)	Время кольцевания	Названия птиц	Когда получено сообщение о кольцевании	Примечание

ЧТО И КАК СОБИРАТЬ ОХОТНИКУ

О собирании сведений было сказано выше. Но никакие описания и рассказы не могут заменить самих вещей, о которых говорят. Рассказ и самое подробное описание делается с определенной точки зрения, может быть не полно, не точно,—наконец, позже могут возникнуть совершенно новые способы исследования. Поэтому подлинные материалы, вещественные оправдательные документы к описаниям—всегда очень полезны и ценны, особенно при крайней бедности наших музеев. Но собирание предметов охотничьего быта, оружия, ловушек и прочего снаряжения (даже моделей, несравненно менее важных, чем подлинники) требует денежных средств на приобретение и перевозку. То же надо сказать об образцах мехов (по крайней мере ценных сортов).

Есть, однако, много предметов, которые собирать и пересылать не затруднительно и не требует больших издержек, и которые чрезвычайно интересны для музеев. Напр., хотя бы „погадки" птиц и помет их и зверей. Вещь как-будто не ценная, а музею Петербургского лесного института при очень маленьких средствах пришлось выписывать помет таких обычных у нас животных, как барсук или рябчик, от заграничного торговца естественно-историческими предметами!

Образцы плодов, орехов, шишек, поврежденных белками, сойками, клестами и др.; побеги и отрезки стволов, объеденных зайцами, козами, лосями; отрезки стволов, потертые рогами лосей и других оленей; отрубки стволов, „окольцованных" дятлами, или с их „кузницами", в которые они вставляют шишки для обработки; ветки с насаженными на шипы или маленькие веточки жуками, мышами, птичками и пр., как это делают сорокопуты,—все это предметы, за которые многие музеи и естественно-исторические кабинеты и курсы охотоведения были бы глубоко признательны. Снимая или потроша какую-нибудь птицу или зверя, часто приходится находить паразитов наружных — блох, вшей, мух-пухоедок, клещей, и внутренних — разных глистов, финнов и т. п. Сохранить эту мелочь в каком-нибудь пузырьке со спиртом или—экономии ради—с формалином не трудно, а изучение паразитов имеет не только научный, но и очень большой практический интерес, так как многие внутренние паразиты, от которых страдают люди, проходят сначала в определенном порядке через ряд других „хозяев"; только зная всю их историю, можно целесообразно бороться с ними. В Москве (Тверская, Пименовский пер., 5) имеется специальный „Гельминтологический институт" проф. Конст. Ив. Скрябина для их изучения.

Не трудно собирать и желудки птиц, перевязывая ниткой начало кишки и пищевода и опуская в спирт (70°) или формалин (продажный, т.-е. 40-градусный формалин разбавляется в 10—20 раз водой), а по ним специалисты определяют, когда, чем и в каком количестве кормится птица, а, значит, насколько она полезна или вредна. Таких материалов по нашей стране имеется еще очень и очень мало.

Далее, не трудно также собирать черепа зверей, в особенности некрупных. Между тем, это — материал первостепенной важности для музеев, потому что разделение зверей по „родам" и „видам" и более крупным группам производится на основании, главным образом, строения зубов и черепа вообще. Нашим музеям настоятельно нужны черепа не только диких зверей, но и домашних, в частности различных пород собак. И сколько такого материала выбрасывается охотниками и валяется у промысловых избушек и по деревням, в то время как ученые специалисты годами откладывают решение разных вопросов из-за отсутствия или недостатка в музеях этих самых материалов. Вместо того, чтобы выбрасывать головы белок, зайцев, лис, ласок и др. попадающихся зверей, следует без особых хлопот удалить язык, глаза, мозг, отнюдь не повреждая и не расширяя затылочного отверстия, но выцарапав через него мозг проволокой или выдавив паклей с помощью деревянной палочки,— срезав и соскоблив по возможности мясо, а затем либо присолить оставшиеся частицы мяса, либо вымочить хорошенько в воде,—и во всяком случае хорошенько высушить на воздухе. Если при черепе есть и шкурка—это еще лучше.

Что касается птиц, то приготовление их шкурок несколько хлопотливее, хотя в сущности и не трудно. А надобность в них в музеях большая. Конечно, определить вид птицы можно и по частям шкурки: если засушены ножки, клюв и крыло (не одна кисть, а все крыло), то определение вида легко. Но для определения подвида, конечно, нужна вся шкурка в большинстве случаев. Как приготовляется птичья шкурка, об этом есть особые подробные наставления, указанные в конце этой книжки, краткое же понятие дается ниже.

Вообще о собираемых материалах надо сказать, что интересны для музеев и ученых исследователей вовсе не только промысловые звери и птицы, но всякие, и обыкновенно даже мелкие звери и птицы бывают много интереснее крупных. Мелочь (различные „мыши", а также насекомые) интересна не только сама по себе, но и как кормовой материал для ценных промысловых животных. Необходим материал, собранный из самых различных мест, а в каждом данном месте нужен материал по возможности от самого различного времени: если, например, птица оседлая, то желательно иметь образцы от каждого месяца года, и даже

чаще собранный. Ведь самки часто отличаются от самцов, молодежь—от взрослых, годовалые (а часто и двух- и трехлетние) птицы отличаются от более старых. При этом для вывода средних величин и наибольшего и наименьшего развития какого-нибудь признака (величина, отличия в окраске той или иной части)—нужно иметь не один-два, а целый ряд штук. Ход такого важного для жизни птиц и интересного явления, как линька пера, часто требует почти ежедневного сбора материалов. Так, белые куропатки сменяют за летнее полугодие три наряда (разные у самцов и у самок), именно—брачный, летний и осенний, при чем все три линьки следуют одна за другой почти без перерыва, и только четвертый—зимний белый наряд носится долго.

Таким образом полная коллекция из одного небольшого района должна для каждого местного вида состоять из длинного ряда экземпляров, и лишних во всяком случае не может быть. Само собою понятно, что нужны не только какие-нибудь „необыкновенные" или редкие виды, но всякие, и прежде всего как-раз самые характерные для данного района, значит самые обыкновенные в нем.

Желательность собирать по возможности целые партии материалов в разное время относится не только к шкуркам, но и ко всему другому: например, пища тоже зависит от времени, в разное время года разные насекомые или растения попадаются, да и в одно время одна, скажем, сойка поест больше одного, другая — другого, а общие выводы можно делать только по средним подсчетам. Из этого не следует, что кто не может собрать много, не должен ничего собирать: лучше что-нибудь, чем ничего.

Наконец, еще очень ценный материал во многих отношениях—фотоснимки. Все те предметы, которые желательно иметь в подлинниках, в моделях или описаниях, очень полезно иметь также и в хороших снимках. Начиная с промыслового балагана или зимовья, промышленника в полном снаряжении, отдельных предметов снаряжения, всяких пастей и ловушек в настороженном и спущенном виде и с добычей, промысловых нарт и лодок, отдельных моментов промысла, типов собак, и до снимков добычи, съемки и сушки пушнины, а также снимков живых зверей и птиц в их природной обстановке, их следов, нор, гнезд, видов угодий в разное время года, и т. д. и т. д.

Фотографирование живой природы—в сущности интереснейшая и настоящая охота; охота с камерой вместо ружья. Тут тоже приходится бороться с осторожностью и хитростью животных, с их недоверием и, пользуясь знанием их нравов и привычек, знанием местности, побеждать их. Только, вместо шкурки и мяса, получаются негативы и отпечатки, навсегда сохраняющие память об охоте, очень

интересные для натуралистов. Самым интересным временем для охоты с камерой являются весна и лето, когда охота иного рода по меньшей мере нежелательна. А осторожно сделанные снимки с гнезд, птенцов, яиц, разные сцены ухаживания самцов за самками, кормления птенцов — вся эта домашняя жизнь особенно интересна. Есть местности, где можно сделать особенно оригинальные и интересные снимки. Например, дупеля токуют у нас в совершенной темноте, и наблюдать их токование поэтому очень трудно. Но в низовьях Печоры, Оби или Енисея, за полярным кругом, им волей—неволей приходится токовать при солнце, которое в это время там не заходит.

Надо твердо помнить, что, каков бы ни был материал, он теряет совершенно всякое значение, если неизвестно, что он собою представляет, где и когда собран. И так как сопровождающие посылку списки, письма и т. д. могут теряться, да и во всяком случае не могут прилагаться к каждому предмету, а разные предметы одного сбора могут расходиться по разным музеям или отделам одного музея, то основное правило собирания материалов — снабжать каждый предмет непременно и без замедления ясным, понятным, полным ярлыком или этикеткой. Ярлык надо по возможности прочно прикреплять к предмету; так, даже при собирании черепов и яиц предпочитают и время, и место сбора надписывать, хотя это и не красиво, на самом предмете. При мокрых сборах (в спирт, в формалин) ярлык пишется не чернилами, а либо тушью, либо не химическим карандашом (но потуже и пояснее), свертывается в несколько раз, чтобы не размыло, и кладется так, чтобы было ясно, к чему он относится, если нельзя привязать. К мелким сборам приходится класть один ярлык на целый сбор (напр., много паразитов из одного животного), беря сборы в разные баночки или отделяя надежно ватой разные слои в банке.

На ярлыке пишутся время и место сбора общепонятным образом (см. в статье о наблюдениях), местное название (русское и туземные) предмета и его назначение, если это какое-нибудь изделье. Если животное или его части, то означается его пол. Желательно еще указать характер местности, где добыто животное (степь, березняк, моховое болото, горькое озеро; если в горах, то и пояс гор—напр., мелколесье, луга, а еще лучше—высота). Если от этого животного что-либо еще взято для сохранения, полезно означать это обстоятельство на обоих ярлыках: при шкуре означить—„взяты глисты“ или „взята грудная кость“, или, наконец, „добыта от гнезда“,—и соответствующее означение в другом ярлыке: „взяты из птицы № такой-то“.

Во всяком случае охотник, начавший понемногу и между делом собирать материалы по природе и промыслам своего

местожительства, с течением годов может внимательным отношением к делу, перепискою со специалистами и с их помощью сделаться прекрасным собирателем и знатоком своего района и собрать прекрасные материалы для его изучения и для обогащения наших бедных музеев, являющихся однако совершенно необходимыми научными и образовательными учреждениями. Даже богатейший в мире Британский музей создан больше чем на три четверти руками сборщиков-любителей, из которых не один, как и у нас, стал с течением времени известным специалистом.

При пересылках сборов надо укладывать их так, чтобы материалы отнюдь не болтались, не терлись друг о друга и не пылились. Во избежание кожеедов и моли хорошо пересыпать нафталином, толченым табаком и т. п.

ОПИСАНИЕ ОПЕРЕНИЯ ПТИЦЫ

В охотничьих изданиях и в частной переписке очень часто охотники сообщают об интересных залетах редких птиц или обращаются с просьбой о названии добытой птицы, при чем дают описание такое, что и автор этой книжки,

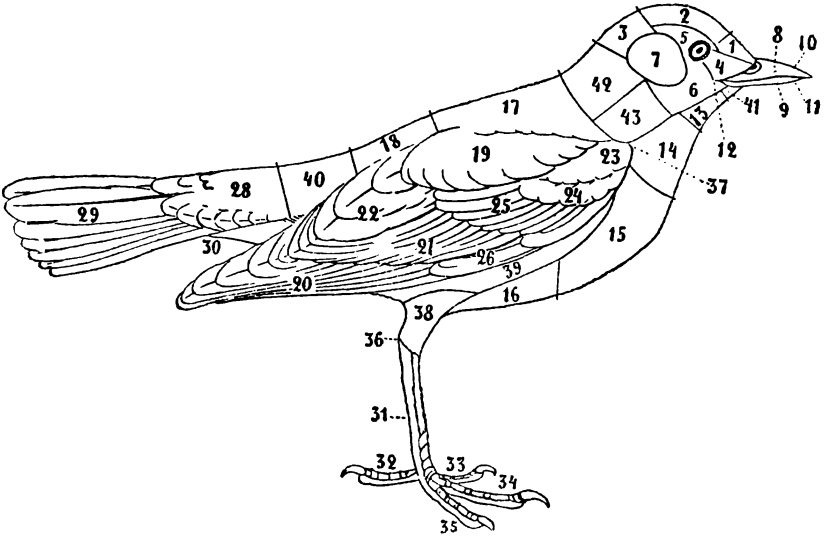

Рис. 157. Название частей оперения.

старый орнитолог, всю жизнь посвятивший научному изучению птиц, часто не понимает, о чем идет речь. Чтобы помочь в этом отношении охотникам, я даю здесь на рис. 157 фигуру птицы, а на рис. 158—отдельно ее полураспущенное крыло, где цифрами отмечены отдельные участки оперения. Вот их названия:

1—лоб, 2—темя, 3—затылок, 4—уздечка, 5—надглазная полоса или бровь, 6—щека, 7—кроющие (перья) уха, 8—верхняя челюсть или надклювье, 9—нижняя челюсть, 10—ребро верхней челюсти или хребет клюва, т.-е. линия, идущая от лба посредине верхней челюсти к кончику клюва; соотвественно этому ребром нижней челюсти или килем клюва называется средняя линия, идущая от вершины подбородка к кончику нижней челюсти; 11—разрез рта, края челюстей, 12—угол рта, 13—горло, 14—зоб (у птиц с длинной шеей лишь нижняя часть этого участка зовется зобом, верхняя же — передней стороной шеи), 15 — грудь, 16 — брюхо, 17 — передняя часть спины, 18—задняя или нижняя часть спины, 19—плечевые или лопаточные перья (снизу крыла им соответствуют важные для определения птиц подмышечные перья), 20—первостепенные маховые (перья)—обыкновенно их десять, 21—второстепенные маховые (и у тех и у других более близкие к спине зовутся внутренними, а более близкие к краю крыла—внешними или наружными), 22—третьестепенные маховые, 23—малые или мелкие кроющие крыла, 24—средние, 25 и 26 — большие (верхние) кроющие перья крыла, из них 26—большие кроющие первостепенных махов или кисти, а 25—большие кроющие второстепенных махов или предплечья, 27—крылышко; 28—(верхние) кроющие хвоста, 29—рулевые перья (рули или хвост), 30—нижние кроющие перья хвоста, называемые также до заднего прохода подхвостьем, 31 — плюсна, 32—задний палец, 33—внутренний палец, 34—средний, 35—наружный или внешний палец (на левой ноге, конечно, расположение обратное), 36—пяточный или голенно-плюсневой сустав, 37—кистевой сгиб крыла, 38 — голень, 39—бок, 40—поясница или надхвостье (иногда 40 и 28 вместе), 41—подбородок, 42 —зашеек, задняя сторона шеи, 43—боковая часть шеи. Измерения делаются по прямой линии: крыла (сложенного) от кистевого сгиба до вершины самого длинного из первостепенных махов, хвоста—от корня центральной или средней пары рулей до вершины самого длинного, плюсны — от пяточного сустава до основания среднего пальца, клюва—от кончика верхней челюсти до точки, где хребет клюва выходит из-под оперенья лба, иногда же до переднего края ноздрей или до угла рта (оговаривать, как взято).

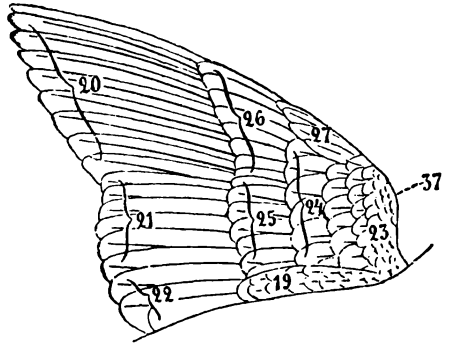

Рис. 158. Полураспущенное крыло.

СЪЕМКА ПТИЧЬИХ ШКУРОК

Убитую птицу до съемки следует сохранять по возможности так, чтобы она не мялась и не пачкалась: ранки, задний проход, ноздри и глотку присыпать картофельной *мукой или чистым песком и заткнуть кусочками ватки (ноздри—изнутри, с нёба). Птицу носить завернутой в бумагу или листьях лопуха* и т. п.

Самая съемка шкурки производится так: кладут птицу брюхом вверх и хвостом влево, раздвигают перья вдоль средины брюха и делают продольный разрез от середины или лучше—заднего конца гребня грудной кости до самого заднепроходного отверстия. Желательно не прорезать стенку

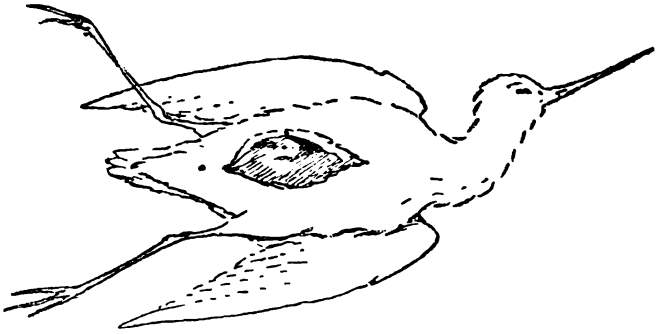

Рис. 159. Съемка шкурки, начало.

брюшной полости, чтобы не испачкать перьев. Захватывают край шкурки в разрезе пинцетом или ногтями и осторожно отделяют шкурку от тушки возможно дальше к бокам и спине. При этом надо не тащить шкурку,—это ее разорвет или растянет,—но действовать на места соединения шкурки и тушки. Очень полезно все время съемки присыпать обнаруживающиеся места картофельной мукой, а при ее отсутствии—мелким песком (см. рис. 159: Съемка шкурки, первый прием). По бокам брюха встретится препятствие дальнейшей съемке—голени ног. Возьмите рукой ногу снаружи и старайтесь всунуть ее как бы внутрь птицы, слегка отводя наружную часть ног от тела. Тогда в глубине разреза ясно видно станет колено, которое и надо перерезать (остерегаясь, чтобы не прорезать вместе и кожу под коленом), бедренная часть остается при тушке, а голень прямо рукой выворачивается из своей кожи, как палец из перчатки. Кость голени остается при шкурке, но ее мышцы удаляются (рис. 160: Съемка шкурки у ног). Проделав то же с другой ногой, перерезают самый нижний конец кишки у заднепроходного отверстия, а затем и мышцы и позвонки

так, чтобы хвост отделился от тушки и со всею подвижною частью репицы остался при шкурке. Делать это надо осторожно, с одной стороны—чтобы не повредить самых корней рулевых (больших хвостовых) перьев, глубоко сидящих в позвонках репицы, с другой стороны—чтобы не прорезать шкурку в пояснице.

Далее, придерживая за нижний перерезанный конец поясницы пинцетом или пальцами, спускают кожу до самых крыльев „чулком", т.-е. выворачивая по мере съемки наизнанку (рис. 161: Съемка шкурки с тушки). Еще удобнее подвесить всю птицу за поясницу на крючок, укрепленный в стене или в поставленной на столе подставке. При съемке лишь изредка приходится делать разрезы для отделения шкурки от тушки, обыкновенно же достаточно бывает для этого пальца или ногтя, но опять-таки никоим образом не надо стаскивать шкурки с туловища, чтобы ее не растянуть, но, так сказать, спихивать ее. Плечевые кости у соединения

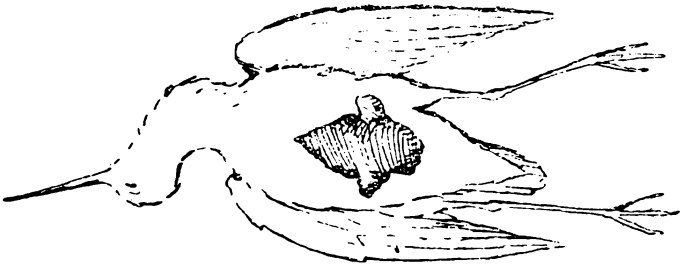

Рис. 160. Съемка шкурки, продолжение.

с туловищем перерезываются или отделяются в суставе (лежащем довольно глубоко в грудных мышцах), после чего шкурка легко чулком же снимается и с тела так, что голова исчезает внутри. Снимать голову лучше всего, держа пальцами левой руки клюв и голову снаружи (вставив пальцы внутрь вывороченной шкурки), а ручкою скальпеля или ногтями правой руки отделяя кожу от черепа, стараясь вытягивать ее не в продольном, а в поперечном направлении, то-есть не вытягивать, а как бы расширять шею. Около ушей нужно осторожно подрезать соединяющую перепонку как можно ближе к черепу, а у более мелких птиц—просто осторожно выдернуть ногтями ушные мешки. Также очень осторожно нужно действовать у глаз, чтобы, прорезая полупрозрачную перепонку, соединяющую глазное яблоко с веками, не повредить их. Спустив кожу до самого корня клюва, осторожно вырезывают из орбит глаза. Очистку черепа можно производить, отрезав шею прочь, расширив затылочное отверстие—или даже без такого расширения—и шпилькой или проволочной петелькой вынимая мозг;

затем вырезывают язык, мягкие части неба и мышцы нижней челюсти (рис. 162: Съемка шкурки с головы).

Но есть и более простой прием. Не отрезая шеи, взять голову пальцами левой руки так, чтобы кончик клюва торчал по направлению к снимающему шкурку, и нижняя (небная) сторона головы был повернута кверху. Обратить внимание на пространство, ограниченное сзади затылком черепа, где соединяется с ним шея, спереди—полостью рта, а с боков—разветвлениями нижней челюсти, резко выступающими. Возьмите в правую руку ножницы и воткните

Рис. 161. Съемка шкурки, третье положение.

конец нижнего лезвия как-раз рядом с одною ветвью нижней челюсти так, чтобы лезвие проникло в ниже лежащую (так как голова повернута) глазную впадину и далее сквозь нее в череп. Затем прижмите верхнее лезвие ножниц около шеи перпендикулярно вниз и прорежьте разрез параллельно этой ветви нижней челюсти. То же самое проделайте с другой стороны, вдоль другой челюсти, и эти два разреза соедините поперечным разрезом сквозь нижнюю поверхность рта и нёба ближе к подбородку с одной стороны, а с другой—прорезав поперек заднюю часть черепа близ основания, как-раз повыше прикрепления затылочных мышц. Таким образом четырьмя ударами ножниц вы вырезали более или менее квадратную поверхность костей и мышц, к которым прикреплена шея, и, потянув последнюю, мы вытащим весь отрезок вместе с мозгом или частью его. Нужно только не повредить соединения нижней челюсти с черепом. В некоторых случаях (дятлы, утки и т. п.) голова не проходит сквозь шейную кожу. Тогда, не снимая шкурки с шеи, делают очень небольшой продольный разрез на

затылке, перерезают сквозь него шею и выдергивают ее, таща за туловище, а голову выворачивают через этот разрез и очищают, как уже описано.

Плечевая кость очищается от мышц просто, как и голень. Очистив плечи лишь по локтевой сустав, выворачиваем шкурку перьями наружу, затем поднимаем перышки и проводим продольный разрез посреди нижней стороны предплечья, через который и удаляем все мышцы. У крупных птиц так же поступаем и с кистью. У самых крупных птиц и у имеющих очень мясистую плюсну полезно выдернуть из последней сухожилья, осторожно подрезав их пониже пятки через подошву, а если плюсна оперена, то снять и с нее шкурку и очистить кость.

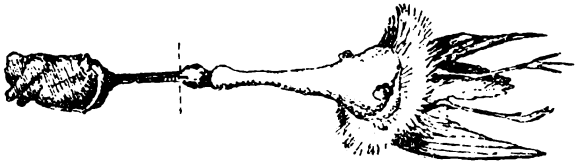

Рис. 162. Съемка шкурки, перед окончанием.

Выворачивая после съемки шкурку пером наружу, голову выправлять нужно осторожно, чтобы не растянуть кожу, и для удобства полезно заранее продеть через ноздри длинную нитку, помогающую этому. Репицу хвоста также следует очистить от мяса и кобчиковой железы (если она есть), не повреждая оснований хвостовых перьев. Хорошо также при выворачивании шкурки пером наружу слегка обернуть кости конечностей и череп тонкими слоями ваты, льняных оческов, пакли и т. п. растительных материалов. Это помешает шкурке присохнуть к костям и облегчит последующие сушку и набивку.

Жир удаляется с внутренней стороны шкурки проще всего прямо ногтями, а также особыми скребками или тупой стороной ножа, но во всяком случае действуя осторожно и по направлению корней перышек, а не „против шерсти", иначе легко порвать тонкую шкурку. Обильное посыпание и натирание картофельной мукой или сухой глиной, а лучше всего порошком гипса, также помогает вытянуть жир, соскребываемый вместе с этими порошками. Но лучший способ получить из сколько-нибудь жирной птицы прекрасную и долговечную шкурку — это хорошенько вымыть снятую шкурку до полного обезжирения с содой, а потом отмыть чистой водой и высушить полотенцем и картофельной мукой.

Худшим врагом птичьей шкурки являются: сырость, свет, пыль, и насекомые-вредители—моль и кожееды. Для предохранения от вредных насекомых при укладке и упаковке

полезно перекладывать шкурки листовым табаком или пересыпать персидским порошком, но лучше всего нафталином. А кроме того необходимо отравлять хорошенько шкурки, для чего сырую шкурку изнутри следует посыпать продажным мышьяком в виде белого порошка (собственно мышьяковистая кислота), хорошенько втирая щеткой или заячьей лапкой. Экономичнее же брать раствор мышьяковистого натрия. Мышьяковистый натр приготовляется так: 2 части по весу прокаленной в печи или выветрившейся простой соды (углекислой, не двууглекислой), или же 3 части этой соды в кристаллах растворяют до отказа (насыщенный раствор) в небольшом количестве кипящей воды, затем, подогревая раствор, растворяют в нем же небольшими порциями 1 часть мышьяковой кислоты, т.-е. белого мышьяка в порошке, предварительно растертого с небольшим количеством воды. Раствор хранят закупоренным, перед употреблением взбалтывают и разводят в 5—10 раз водой (если хотят экономить мышьяк, конечно), обильно смазывают всю внутреннюю сторону шкурки и все кости. Дав впитаться жидкости, недурно повторить смазывание. Очень хорошо этот раствор смешивать с некоторым количеством инфузорной земли или пластичной, чистой глины: получающееся жидкое тесто меньше стекает со шкурки, и потому равномернее впитывается яд, и легче смазать шкурку, ничего не пропуская, так как видно, где нанесен презерватив, где—нет. Полезно сверх того смазать снаружи голые части—клюв, ножки, гребни и т. п.—спиртовым раствором масла горьких миндалей или нафталина, или просто тем же мышьяковистым натром. Затем, слегка набив шкурку—мягкой стружкой, мягкой бумагой, паклей, ватой и т. п. (только не шерстью, вообще не животными, а растительными материалами), надо хорошенько высушить ее не на солнце и не на печке, а в тени. Очень хорошо сохнут шкурки, положенные на подвешенных полосах марли и накрытые ею (от мух).

Такие шкурки хорошо и удобно можно пересылать для определений и хранить в музеях. О хорошей же набивке, так сказать, более художественной и о приготовлении чучел есть указания в соответствующих руководствах (см. конец книжки).

Приготовленные таким образом шкурки несравненно проще сохранять от пыли, света, моли и других насекомых. Их легче пересылать и исследовать. Чучела же, т.-е. шкурки, поставленные в живых, естественных положениях, чрезвычайно громоздки, занимают массу места, и сохранить их от выцветания, а главное—от поедания кожеедами и молью—задача сложная и очень дорогая. При желании же и из приготовленной в виде „покойничка“ шкурки можно приготовить чучело (как, указано в соответствующих руководствах)

ЧТО ЧИТАТЬ ОХОТНИКУ

Богатейший материал к познанию всех сторон охотничьего дела, включая и промысловую охоту, накоплен за полвека в русских охотничьих журналах, имеющихся во многих библиотеках. Здесь называю лишь главные из них: „Журнал коннозаводства и охоты" с 1842 по 1863 г.; „Журнал охоты и коннозаводства" с 1869 по 1874 г.; „Охота" с 1874 по 1877 г.; „Природа и охота" проф. Л. П. Сабанеева с 1878 по 1892 г. (и затем по 1912 г. перешел к Н. В. Туркину); „Журнал охоты" А. Е. Корша (около 1890—92 гг.); „Псовая и ружейная охота" С. В. Озерова с 1894 по 1907 г.; „Наша охота" Н. Н. Фокина с 1907 по 1917 г. Затем издания Всероссийского Союза охотников: в Москве—„Охотник" и „Охотничья газета", в Харькове—„Украинский охотник и рыболов" (изд. ВУСОР), в Свердловске—„Уральский охотник", в Новосибирске—„Охотник и пушник Сибири", в Ленинграде—„Охота и природа". Специально вопросам пушнины посвящен журнал Наркомторга „Пушное дело", а охране природы—„Охрана природы", 1928—1930 гг., Москва, изд. Об-ва охраны природы при Главнауке.

Разных сторон охоты касаются: А. П. Ивашенцев, Охота и спорт, 533 стр. СПБ., 1898 г.; Д. К. Соловьев, Основы охотоведения, части 1—5, 1062 стр., 1922—1929 гг.; „Ежегодник Всероссийского Союза охотников", 121 стр., Москва, 1922 г.; „Труды II Всероссийского съезда охотников" в двух томах, Москва, 1910 г.; Д. К. Соловьев, Охота в СССР, 256 стр., 1926 г.

По охотничьим промыслам: А. А. Силантьев, Обзор промысловых охот в России, 615 стр. 1898; Д. К. Соловьев, К. П. Лавров, В. И. Белоусов, Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем, 464 стр. СПБ., 1912 г.; Е. К. Суворов, Командорские острова и пушной промысел на них, 324 стр. СПБ., 1912 г. (обе книги, несмотря на заглавие, имеют не только местное значение, давая указания на приемы и способы изучения промыслов); Б. М. Житков и С. А. Бутурлин, По северу России, 178 стр. Москва, 1901 г.; Н. М. Кулагин, Русский пушной промысел, 58 стр. Петроград, 1923 г.; Г. Г. Доппельмайр, Соболиный промысел на северо-восточном побережьи Байкала, 272 стр., Верхнеудинск, 1926 г.; его же, Пушной и охотничий промысел Якутии, 47 стр., Ленинград, 1927 г.; А. А. Битрих, Охота и пушной промысел Севера Европейской части СССР, 84 стр., Ленинград, 1926 г.; Б. Э. Петри, „Охотничьи угодья и расселение Карагас, 32 стр., Иркутск, 1927 г.; его же, Промыслы Карагас,

54 стр., Иркутск, 1928 г.; В. Я. Генерозов и Ф. А. Голубин, Дичный промысел в СССР и торговля его продуктами, 184 стр., Москва 1929 г.; А. С. Шосток, Охотничье хозяйство Джетысу, 184 стр., 1927 г.; Н. М. Кулагин, Учет пушных зверей в СССР, 14 стр., Ленинград, 1928 г.; К. Г. Абрамов, Пятнистый олень, элементарные сведения по пантовому оленеводству, 76 стр., Владивосток (без даты).

По пушному звероводству: В. Я. Генерозов, Промышленное разведение серебристо-черных лисиц и песцов в Северной Америке, 256 стр., СПБ. 1916 г.; В. Я. Генерозов, Как разводить пушных зверей в неволе, 40 стр., Петроград, 1910 г.; В. Я. Генерозов, Промышленное разведение скунсов, 40 стр. Петроград, 1922 г.; его же, Ондатра. Американская выхухоль и ее акклиматизация на Соловецких островах, 76 стр., Соловки, 1927 г.

По правильному охотничьему хозяйству: Н. Ф. Томкевич, Об организации правильного охотничьего хозяйства, 87 стр., СПБ., 1914 г.; Г. Г. Доппельмайр, Очерки германского охотничьего хозяйства, 127 стр., СПБ., 1916 г.; Д. К. Соловьев, Типы организаций, способствующих охране природы, стр. 46, СПБ., 1918 г.; Е. Ф. Корш, Устройство охотничьих заказников 11 стр., Москва, 1922 г.; Ю. А. Кудрявцев, Пути строительства охотхозяйства, 124 стр., Москва, 1929 г.; А. Р. Штамм, Руководство к организации и ведению охотничьего хозяйства, 92 стр., Ленинград, 1929 г.; Ф. Ф. Шиллингер. Разведение серых куропаток, фазанов, бронзовых индеек, павлинов, цесарок и кур в диком и полудиком состоянии в качестве охотничье-промысловой дичи в охотхозяйствах, с предисловием С. А. Бутурлина, 150 стр., Харьков, 1929 г.; его же, Зайцы—русак, беляк и дикий кролик, промысловое заячье и кроличье охотхозяйство, с предисловием С. А. Бутурлина, 62 стр., Харьков, 1929 г.

По охотничьему законодательству и государственной организации охоты: С. А. Бутурлин, Охотничий законопроект, 185 стр., СПБ., 1909 г.; Г. Л. Карякин, Всероссийский Союз Охотников и его значение в Народном хозяйстве, 32 стр., Петроград, 1921 г.; „Труды" I, II, III съездов Всероссийского Союза охотников; М. Ильин, Сборник декретов, постановлений, инструкций и циркуляров по вопросам охотничьего, кооперативного и налогового права, 368 стр., Москва, 1928 г. (вскоре выходит второй подобный сборник за последующее время).

По птицам: С. Т. Аксаков, Записки охотника Оренбургской губернии (много изд.); С. А. Бутурлин, Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи, 126 стр., СПБ., 1901 г. (определитель всех охотничьих птиц); М. А. Мензбир, Охотничьи и промысловые птицы Европ. России и Кавказа, тт. I, II и атлас; М. А. Мензбир, Птицы

России (Европейской), тт. I и II, 1135 плюс 958 стр., Москва, 1895 г.; С. Н. Алфераки, Гуси России, 196 стр., Москва, 1904 г.; С. Н. Алфераки, Утки России, вып. 1—3, 258 стр., СПБ., 1900 г.; С. А. Бутурлин, Кулики Российской империи, вып. 1 и 2, 261 стр., Тула, 1902 г.; Москва, 1905 г.; Эрнст Шеф, Руководство для определения дневных хищных птиц по их лапам, перев. Г. Г. Петц, 46 стр. (есть издание под ред. П. П. Сушкина); С. А. Бутурлин, Определитель видов птиц СССР, их подвиды, распространение, польза и вред для хозяйства. Выпуск I: Дневные хищники и совы, 120 стр., Москва, 1928 г. (вып. 2: Охотничьи и промысловые птицы—готовится к печати); А. Н. Промптов, Определитель птиц в природе, Певчие, врановые, дятлы, стрижи и кукушки, 126 стр., Ленинград, 1929 г.

По зверям: А. Черкасов, Записки охотника Восточной Сибири, 690 стр., СПБ, 1884 (2-е изд.); Н. Ф. Кащенко, Определитель млекопитающих животных Томского края, 72 стр., Томск, 1900 г.; А. А. Ширинский-Шихматов, По медвежьим следам; Дм. Соловьев, Волк и его истребление, 72 стр. Москва, 1919 г.; К. А. Сатунин и Н. В. Туркин, Звери России; С. И. Огнев, Звери Восточной Европы и Северной Азии. Том I: Насекомоядные и летучие мыши, 631 стр., Москва, 1928 г. (том II печатается); его же, Млекопитающие Северо-восточной Сибири, 200 стр., Владивосток, 1926 г.; Н. А. Бобринский, Определитель охотничьих и промысловых зверей нашей фауны, 102 стр., Москва, 1927 г.; Б. Виноградов, Грызуны Европейской части СССР, 46 стр., Ленинград, 1926 г.; М. К. Лаптев, Определитель млекопитающих Средней Азии (насекомоядные, рукокрылые, хищные, копытные), 106 стр., Ташкент, 1929 г.

По перелетам птиц: Ч. Диксон, Перелет птиц, перев. Е. П. Шереметьевой; В. К. Анфилов, Перелеты птиц, 32 стр., СПБ., 1916 г.; Б. М. Житков, Перелеты птиц, 100 стр., Москва, 1924 г.

По географическому распространению животных: А. М. Никольский, Распространение животных, 262 стр. Харьков, 1909 г.; Р. Ф. Шарфф, Европейские животные, их геологическая история и географическое распространение, перев. С. А. Бутурлина, Москва, 1916 г.; Н. А. Бобринский, Зоогеография и эволюция, 150 стр., Москва, 1927 г.

По нравам животных и общим жизненным вопросам: А. Уоллес, Дарвинизм, 68 стр., Москва; П. Кропоткин, Взаимная помощь как фактор эволюции, 216 стр., Москва, 1918 г.; Л. С. Берг, Номогенез; А. Брем, Жизнь животных (мн. изд.); Н. Ю. Зограф, Животные-художники. Естественно-исторический очерк, СПБ., 1910 г.; Б. М. Житков и С. А. Бутурлин, Материалы для орнитофауны

Симбирской губернии, 277 стр., СПБ., 1906 г.; Д. Н. Кашкаров и В. В. Станчинский, Курс биологии позвоночных, 576 стр., Москва, 1929 г.; А. А. Браунер, Сельскохозяйственная зоология, 436 стр., Одесса, 1923 г.; Д. Н. Кошкаров, Метод количественного изучения фауны позвоночных и анализа полученных данных, 24 стр., Ташкент, 1927 г.; И. И. Полянский, Сезонные явления в природе, 344 стр., Ленинград, 1925 г. (4-е изд.).

По природе и быту северных окраин: Советский Север, под ред. П. Г. Смидовича, С. А. Бутурлина и Н. И. Леонова, 272 стр., Москва, 1929 г., с картой Севера (2-й сборник печатается); Устроение северных туземных племен, Комитет содействия народностям Северных окраин при Президиуме ВЦИК, 54 стр., Москва, 1926 г.; Б. М. Житков, Наш крайний Север, 176 стр., Москва, 1924 г. (2-е изд.); М. В. Назаров, Оленеводство, 72 стр., Москва, 1926 г.; Н. Галкин. В земле полуночного солнца, с предисловием П. Г. Смидовича, 220 стр., Москва, 1929 г.

По разным охотам (кроме уже упомянутых, как С. Т. Аксаков и А. Черкасов): М. П. Вавилов, Охота в России во всех ее видах, Москва, 1873 г.; Л. П. Сабанеев, Охотничий календарь, 607 стр., Москва, 1885 г. (много изданий); Н. А. Зворыкин, Охота на волков с флагами, 80 стр., Москва, 1925 г.; Вл. Як. Генерозов, Как добывать пушных зверей капканами, 100 стр., СПБ., 1922 г.; Н. Н. Челищев, На волков по черной тропе, 54 стр., Москва, 1928 г.; А. А. Ширинский-Шихматов, Медведь и медвежья охота, под редакцией и с введением С. А. Бутурлина, предисловие Н. В. Крыленко, 76 стр., Москва, 1927 г. (есть 2-е изд.); Н. А. Зворыкин, Охота на лисиц, 80 стр., Москва, 1926 г.; В. Н. Каверзнев, О зайце и его добывании, 99 стр., Москва, 1928 г.; Гр. Рахманин, Утиная охота, 88 стр., Свердловск, 1926 г.; его же, Тетеревиная охота, 80 стр., Свердловск, 1926 г.; Беломор, Глухариная охота, 55 стр., Свердловск, 1927 г.; М. И. Петрункевич, Охота на куропаток, Москва, 1929 г.; В. Н. Каверзнев, Охота на глухарей, 1930 г.; Н. А. Зворыкин, Охота по перу, 125 стр., Москва, 1930 г.

По выслеживанию: А. Н. Формозов, Следопыт-охотник, 158 стр., Ленинград, 1928 г. (2-е изд.); Н. Зворыкин, Как определить свежесть следа, 35 стр., Москва, 1929 г.

По собакам: В. Де-Коннор, А. П. Ивашенцев, С. К. Лейдекер и др. (издано без имени), Легавые собаки и охотничье оружие, 388 стр., Тула, 1902 г.; В. Аркрайт, Пойнтер и его история, перев. А. В. Столярова и К. К. Фелейзена, 230 стр., Москва, 1905 г.; Н. И. Яблонский, Воспитание, дрессировка и натаска современной легавой,

176 стр., СПБ., 1906 г.; Н. П. Кишенский, Ружейная охота с гончими, 156 стр., Москва, 1906 г.; М. Дмитриева-Сулима, Лайка и охота с нею, 137 стр., СПБ., 1911 г. (2-е изд.); Л. П. Сабанеев, Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Книга I: легавые, 436 стр., Москва, 1896 г.; Н. Н. Челищев, Гончая, ее воспитание и охота с ней, 96 стр., Москва, 1928 г. (3-е изд.); Ю. Ливеровский, Лайки и охота с ними, 77 стр., Ленинград (год не озн.); В. Белоусов, Лайка и ее натаска, 42 стр., Новосибирск, 1927 г.; Вс. Языков, Курс теории дрессировки собак, 280 стр., Москва, 1928 г. (2-е изд.); Н. И. Яблонский и А. П. Ивашенцев, Воспитание, дрессировка и натаска легавой, 96 стр., Москва, 1927 г. (2-е изд.); Н. А. Зворыкин, Обучение легавой, 64 стр., Свердловск, 1927 г.; Б. М. Новиков, Как самому натаскать легавую собаку, 44 стр., Москва (без года); М. Петрункевич, Как самому натаскать легавую, 40 стр., Москва, 1929 г.; Г. Мюллер, Болезни собак. Краткое руководство, перевод С. С. Остроумова под ред. и с добавлениями А. Н. Макаревского, 208 стр., Витебск, 1928 г.; его же, Здоровая собака (кинология), перевод под редакцией и с добавлениями проф. А. Н. Макаревского, с приложением статьи проф. С. А. Грюнера: Ездовые собаки крайнего севера Азии и Америки, 219 стр., Витебск, 1929 г.; В. С. Михайлов, Уход за здоровой и больной собакой и первая помощь при заболевании, 74 стр., Москва, 1928 г.; В. Н. Баснин, Пойнтер, его стати и признаки качеств, 56 стр., Рязань, 1929 г.; Р. Ф. Гернгросс, Полевые испытания легавых собак и судейство на них, 133 стр., Москва, 1929 г. (2-е изд.).

По оружию и стрельбе: А. П. Ивашенцев, Усовершенствования последних лет в охотничьем оружии, припасах и снарядах, 69 стр., СПБ., 1906 г.; С. А. Бутурлин, Охотничье пульное оружие, 197 стр., Брест-Литовск, 1902 г.; А. П. Ивашенцев, Бой и служба дробового ружья, 226 стр., СПБ., 1911 г.; С. А. Броунс, Бездымные охотничьи пороха, 180 стр., Киев, 1900 г.; П. В. Ланге, Опыт исследования конструкции охотничьих ружей, 138 стр., Киев, 1909 г.; С. А. Бутурлин. Стрельба пулей, томы I и II, 471 + 262 стр., СПБ., 1912 и 1913; В. В. Гринер, Ружье, перевод Г. Тарновского, 392 стр., Москва, 1887 г.; С. А. Нетыкса, К теории ружейного дробового ствола и механике дробового выстрела, 142 стр., Петроград, 1916 г.; Н. И. Андогский, Ружейный дробовой снаряд, чч. 1 и 2, Петроград, 1916 г.; П. В. Ланге, Тройник, его конструкция и применение в условиях русской охоты, 60 стр., Свердловск, 1928 г.; В. Е. Маркевич, Бой дробового ружья, 36 стр., Харьков, 1928 г.; Э. Сенкевич, Выбор винтовки и домашнее переснаряжение патронов к ней, 64 стр., Свердловск, 1927 г.;

С. А. Бутурлин, Дробовое ружье и стрельба из него, 170 стр., Москва, 1930 г. (4-е издание); его же, Пулевое охотничье ружье и стрельба из него, 114 стр., Москва, 1929 г. (2-е издание, готовится 3-е); Б. Дейнерт, Искусство стрельбы дробью, перевод В. К. Алкалаева под ред. и с примеч. С. А. Бутурлина, 152 стр., Москва, 1928 г. (печатается 2-е изд.); А. Д. Иванов, Правка ружейных стволов. Теория и практика выпрямления погнутостей в гладких и нарезных стволах по теням их каналов, 44 стр., Москва, 1928 г.; Вл. Я. Генерозов, Как научиться метко стрелять пулей, со вступительной статьей С. Качиони, 40 стр., Свердловск, 1926 г.; С. Бутурлин, Спортивная стрельба дробью и пулей, 91 стр., Москва, 1928 г. (2-е изд.); В. Я. Генерозов, Учись стрелять. Теория и практика стрельбы дробью и пулей, 62 стр., Москва, 1928 г.; С. А. Бутурлин, Уход за ружьем дробовым и нарезным, 50 стр., Москва, 1929 г.; В. Чунихин, Глазомерное определение расстояний. Теория и методика. Под ред. Н. Филатова, 40 стр., Москва, 1928 г.; С. А. Бутурлин, Снабжение северных районов охотничьим оружием, 13 стр., Москва, 1926 г.; Н. Булыгин, Стрелковый спорт. Часть I: Обучение стрельбе и практика, 232 стр., Москва, 1926 г.; В. Цитович, Стрелковый спорт. Часть I: Методика и техника стрелкового обучения, 80 стр., Москва, 1928 г.

По набивке чучел и сбору коллекций: С. Т. Павлов, Набивка чучел птиц, 70 стр., Москва, 1909 г.; С. А. Бутурлин, Наставление к собиранию птиц, 16 стр., Москва, Госиздат, 1919 г.; И. Залесский, Набивка чучел птиц и зверей, 73 стр., Москва, 1927 г. (вышло 3-е изд.); Н. А. Бобринский и С. С. Четвериков, Сбор и приготовление зоологических коллекций, 112 стр., Москва, 1925 г.

По пушнине и ее выхаживанию: В. В. (опечатка, д. б. В. Я.) Генерозов, Пушной промысел, 72 стр., Ленинград, 1926 г.; И. Кирсанов, Пушнина, 136 стр., Москва, 1929 г.; А. Натольский и И. Хороший, Пушное дело в Якутии, 110 стр., Якутск, 1928 г.; И. Квятковский и В. Федосеев, Как снимать шкурки пушных зверей, 62 стр., Москва, 1925 г.; В. Ф. Федосеев, Съемка и оправка пушных шкурок, 94 стр., Москва, 1927 г. (есть новые издания); Всесоюзный стандарт на пушнину и меховое сырье (официальное издание) 190 стр., Москва, 1927 г. (есть новые издания).

По фотографированию: С. А. Бутурлин и А. П. Ивашенцев, Охота с камерой. Фотографирование живой природы, 246 стр., СПБ, 1913 г.; С. И. Огнев, Фотография живой природы, 143 стр., Москва, 1926 г.

Из не указанных выше я еще отмечу: Л. С. Берг, Рыбы пресных вод Российской империи, 563 стр., Москва, 1916 г.

(были позднейшие издания) — превосходное руководство, и Н. Бобринской, Определитель змей Туркестанского края, 16 стр., Ташкент, 1923 г.

Кроме указанных немногих важнейших или практичнейших работ, написанных авторами, всю жизнь посвятившими соответствующим научным и промысловым отраслям, много интересного и поучительного найдет охотник в таких журналах, как „Естествознание и география", „Природа", „Орнитологический вестник", „Птицеведение и птицеводство", „Урагус" (изд. Сибирского Орнитологического об-ва, Томск), а равно в общеизвестных сводках, в роде Брема, Жизнь животных, различных „путешествиях" по России и Сибири и т. п.

Для общего ознакомления вообще с зоологией — наукой о животных — можно рекомендовать один из новейших и превосходный учебник проф. А. А. Браунера, Сельскохозяйственная зоология, Одесса, 1923 г. (Госиздат Украины), XII + 436 страниц, а также недавно вышедший курс проф. Д. Н. Кашкарова и проф. В. В. Станчинского, Курс биологии позвоночных, изданный Госиздатом в этом году.

Цены не указываются, так как многие из этих книг приходится разыскивать по букинистам и нередко платить дороже номинальной цены. Издания последних годов можно выписывать из Всекохотсоюза или Госиздата.

МЕРЫ, УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ В ОРУЖЕЙНОМ ДЕЛЕ

Вес метрический: 1 тонна = 10 центнерам = 1000 килограммам = 61,047 пуда; 1 килограмм (*кг*) — 1000 граммам (*г*) = 2,4719 русск. фунта = весу 1 литра перегнан. воды при 4° С; 1 *г* = 100 центиграммам (*цг*) = 1000 = миллиграммам (*мг*) = 15,42 грана = 0,23442 золотникам = 22,505 доли.

Вес русский: 1 берковец = 10 пудам, 1 пуд = 40 фунтам = 16,33 *кг*; 1 фунт = 32 лотам = 96 золотн. = 409,5 *г*; 1 лот = 3 золотника = 288 долям = 12,79 *г*; 1 золоти. = 86 долям = 4,26 *г* = 65,85 гранам; 1 доля = 44,43 *мг* = 0,686 грана.

Английский торговый: 1 тонна = 20 центнерам = 1016,1 *кг* — 60,27 пуда; 1 центнер = 4 квартерам = 8 стонам = 11,2 англ. фунт. = 3,104 пудам; 1 фунт англ. 16 унциям 1 — 256 драхмам = 7000 гранов = 1,1076 русс. фунта = 454 граммам; 1 унция (*oz*) = 16 драхмам (*drs*) = 436 гранам = 28,38 граммам — 6,653 золотника; 1 драхма = 27 гранам = 1,773 грамма = 39,9 доли; 1 гран = 64,8 миллиграммам = 1,458 доли = 1 гран аптекарский.

Длина метрическая: 1 километр = 1000 метров = 0,937 версты = 468,7 сажени = 3280,9 фута = 1093,6 ярда; 1 метр = 100 сантиметрам = 1000 миллиметрам = 1,401 аршина = 22,498 вершк. = 3,2809 фута = 39,3706 дюйма = 1,0936 ярда; 1 сантиметр = 10 миллиметрам = 0,225 вершкам = 0,3937 дюймам.

Русская: 1 верста = 500 сажен = 1500 аршинам — 3500 футам = 1166,6 ярда — 1066,8 метра; 1 сажень = 3 аршинам = 48 вершкам = 7 футам = 84 дюймам = 2,18 метра; 1 аршин = 16 вершкам = $2^1/_3$ футам = 28 дюймам = 71 сантиметру; 1 фут = 12 дюймам = 120 линиям = 0,42857 аршина = 6,86 вершкам = 30,4 сантиметрам; 1 вершок = 1,75 дюйма = 44,45 миллиметрам; 1 дюйм = 25,4 миллиметрам.

Английская: 1 ярд=3 футам=36 дюймам=1,286 аршина=91,44 *см*.

Давление: 1 атмосфера=1 *кг* на *кв. см*=10 *т* на 1 *кв. мм*=15,76 фунта на 1 кв. дюйм; 1 тонна англ. на 1 кв. дюйм=157,42 *кг* на 1 *кв. см*; 1 фунт на 1 кв. дюйм=63,48 *т* на 1 *кв. см*; 1 килограмм на 1 *кв. мм*=100 атмосферам.

Живая сила: 1 пудофут=5 килограммометрам; 1 килограммометр=8 фунтофутам.

Площади: круг 75 *см* диаметром=223 кв. вершка=685 кв. дюймам—4418 *кв. см*; круг 30 дюйм. диам.—231 кв. вершков=707 кв. дюймов=4561 *кв. см*; круг 1 аршин диам. 20 кв. вершк.—616 кв. дюйм—3959 *кв. см*; круг 15 дюйм. диам.=58 кв. вершк.=177 кв. дюйм.=1141 *кв. см*; 1 кв. аршин=256 кв. вершк.=684 кв. дюйм.=5057,5 *кв. см*; 1 лист писчей бумаги=86 кв. вершкам=264 кв. дюймам=1706 *кв. см*.

Граммы	Граны	Доли	Граммы	Драхмы	Граны	Зол. и доли	Граммы	Унции	Золотники и доли
0,065	1	1,5	0,44	1/4	6,8	—10	1,77	1/16	—40
0,130	2	2,9	0,89	1/2	13,7	—20	3,55	1/8	—80
0,194	3	4,4	1,33	3/4	20,5	—30	7,10	1/4	1—64
0,259	4	5,8	1,77	1	27 1/3	—40	14,19	1/2	3—31
0,324	5	7,3	3,55	2	55	—80	17,74	5/8	4—16
0,389	6	8,7	3,99	2 1/4	61	—90	21,29	3/4	5—
0,454	7	10,2	4,43	2 1/2	68	1—04	23,06	13/16	5—40
0,513	8	11,7	4,88	2 3/1	75	1—14	24,84	7/8	5—80
0,583	9	13,1	5,32	3	82	1—24	26,61	15/16	6—24
0,648	10	14,6	5,75	3 1/4	89	1—34	28,38	1	6—63
1,296	20	29,2	6,21	3 1/2	96	1—44	30,16	1 1/16	7—07
1,944	30	43,7	6,65	3 3/4	102	1—54	31,93	1 1/8	7—47
2,592	40	58,3	7,09	4	109	1—64	33,70	1 3/16	7—87
3,240	50	72,9	7,98	4 1/2	123	1—84	35,48	1 1/4	8—31
3,888	60	87,5	8,86	5	137	2—08	37,25	1 5/16	8—71
4,536	70	102,1	9,75	5 1/2	150	2—28	39,03	1 3/8	9—15
5,184	80	116,6	10,64	6	164	2—48	40,80	1 7/16	9—55
5,832	90	131,2	12,41	7	191	2—87	42,57	1 1/2	9—95
6,480	100	145,8	14,18	8	219	3—31	56,76	2	13—30

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию 5
Из предисловия к первому изданию 9
Заповеди охотника-промышленника и любителя 11

Глава I. Охота как часть народного хозяйства 12

Доходность охоты 12
Важность охоты для государства 23
Всероссийский союз промыслово-охотничьих кооперат. организаций 25
Как выгоднее снимать и сохранять шкурки 35

Глава II. Охотничьи богатства и их сбережение 46

Наши охотничье-промысловые животные 46
Необходимость охраны наших животных 51
Главные враги пушного зверя и дичи 54
Заповедники и заказники 56
Правильное охотничье хозяйство 60
Полезные и вредные животные 62
Борьба с вредными животными 71
Сбережение полезных животных 77
Питомники ценного зверя 82
Освоение или „акклиматизация" 88

Глава III. Законы и правила для охотников 92

Право охоты и охотничий сбор 92
Хранение и пользование охотничьим оружием и припасами к нему . 97
Получение охотничьего оружия из-за границы 102
Орудия и способы охоты дозволенные и запретные 103
Весенняя охота 107
Право научной охоты 111
Сроки открытия и закрытия охоты 115
Таблицы сроков охоты 121
Охотничьи полосы 124
Законная охрана правил об охоте 129
Положение об охоте и охотничий кодекс 131

Глава IV. Собаки 133

Значение собаки для человека 133
Применение охотничьих собак и главные породы их 135
О лайках 150
О стандартах 153
Разведение кровных собак 157
Родственное разведение 161
Наследуемые и не наследуемые качества 161
Выставки и полевые испытания 164
Менделевские законы наследственности 165
Выращивание и содержание собак 178
Витамины 181
Приготовление пищи 184
Источники витаминов 186
Бешенство собак 187

Собачья чума 190
Глисты 193
Чесотка и блохи 195
Домашнее обучение и полевая натаска собак 197
О рефлексологии 201
Значение рефлексологии 206

Глава V. Приемы охоты 212

Общее понятие о приемах охоты 212
Куда бить зверя 215
Приметы, куда ранена дичь 219
Кому принадлежит взятое животное 222
Разделение или разные роды охоты 227
Охота с камерой 233
Охоты одиночные и общественные 237
О вспомогательном персонале на охоте 241
Правила некоторых сборных охот 243
О некоторых других приемах охоты 252
Выслеживание 257

Глава VI. Кое-что о лагерной жизни 268

Ночлег в лесу 268
Добывание огня 270
Устройство индейского чума 273
Свежевание и разделка туши зверя 277
Сохранение пернатой дичи 280
Как определять страны света 281
Некоторые мелкие указания 283
Некоторые меры осторожности 287
Первая помощь в несчастных случаях 289

Глава VII. Охотничье снаряжение 292

Охотничье платье 292
Охотничья обувь 298
Лыжи 302
Спинной мешок и мелкие принадлежности 307

Глава VIII. Разные сведения и программы 313

Чем каждый охотник может помочь охотничьему делу 313
Как и что наблюдать охотнику 317
О перелетах птиц 321
Как отмечать птиц кольцами 329
Что и как собирать охотнику 333
Описание оперения птицы 337
Съемка птичьих шкурок 339
Что читать охотнику 344
Меры, употребительные в оружейном деле 350

ЧИТАЙТЕ НОВЫЕ КНИГИ

С. А. БУТУРЛИН

„ДРОБОВОЕ РУЖЬЕ И СТРЕЛЬБА ИЗ НЕГО“

172 страницы, 135 рисунков

4-е издание **Цена 75 копеек**

С. А. БУТУРЛИН

„ПУЛЕВОЕ ОХОТНИЧЬЕ РУЖЬЕ И СТРЕЛЬБА ИЗ НЕГО“

114 страниц, 176 рисунков

2-е издание **Цена 75 копеек**

С. А. БУТУРЛИН

„УХОД ЗА РУЖЬЕМ ДРОБОВЫМ И НАРЕЗНЫМ“

50 страниц, 6 рисунков

Цена 30 копеек

С. А. БУТУРЛИН

„ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ВИДОВ ПТИЦ СССР“

ВЫПУСК I «ДНЕВНЫЕ ХИЩНИКИ И СОВЫ»

120 страниц, 104 рисунка, 1 цветная таблица

Цена 1 рубль 65 копеек

БЕРНГАРД ДЕЙНЕРТ

„ИСКУССТВО СТРЕЛЬБЫ ДРОБЬЮ“

Перевод с немецкого В. К. Алкалаева под редакцией и с примечаниями С. А. Бутурлина

160 страниц, 32 рисунка

2-е издание **Цена 75 копеек**

А. А. ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ

„МЕДВЕДЬ И МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА“

Предисловие Н. В. Крыленко, под редакцией и с введением С. А. Бутурлина

90 страниц, с планами и рисунками

2-е издание **Цена 70 копеек**

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВУ ВСЕКОХОТСОЮЗА

Москва, Центр, Никольская ул., Ветошный пр. 5

Цена 2 руб. 25 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА
ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧЬИХ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

«ВСЕКОХОТСОЮЗ»

Москва, центр, Никольская улица, Ветошный проезд, 5

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Аскаров, Г. К.—Культурно-просветительная работа в системе охоткооперации — р. 35 к.
Берг Бенгт—В стране слонов и исполинских листов (из охот на Белом Ниле) — р. 90 к.
Бобринский, Н. А.—Определитель охотничьих и промысловых зверей нашей фауны — р. 50 к.
Бутурлин, С. А.—Дробовое ружье и стрельба из него 4-е изд. — р. 75 к.
» —Настольная книга охотника 2 р. 25 к.
» —Определитель видов птиц СССР. Выпуск I. „Дневные хищники и совы СССР" 1 р. 65 к.
» —Пулевое охотничье ружье и стрельба из него, 2-е издание — р. 75 к.
» —Уход за ружьем дробовым и нарезным — р. 30 к.
Генерозов, В. Я., и Голубин, Ф. А.—Дичный промысел в СССР и торговля его продуктами 3 р. — к.
Гернгросс, Р. Ф.—Полевые испытания легавых собак и судейство на них, 2 изд. — р. 65 к.
Дейнерт, Б.—Искусство стрельбы дробью, 2-е изд. — р. 75 к.
Елеонский, А. Н.—Рыбоводство и его значение для народного хозяйства СССР — р. 15 к.
Ешурин, А. М.—Средства и финансовая работа т-ва охотников — р. 80 к.
Залесский, И. М.—Набивка пучей — р. 55 к.
Зворыкин, Н. А.—Как определить свежесть следа, 2-е изд. — р. 20 к.
» —Охота на лисиц, 3-е изд. — р. 35 к.
» —Охота по перу 1 р. 15 к.
Зернов, А. А.—Как научиться хорошо стрелять из дроб. ружья, 2-е изд. — р. 40 к.
Ильин, М. Т.—Сборник декретов, постановлений, инструкций и циркуляров по вопросам охотничьего, кооперативного и налогового права 1 р. 80 к.
Канерзиев, В. И.—Белка и беличий промысел — р. 65 к.
» —О зайце и его добывании, 2-е изд. — р. 60 к.
» —Охота на вальдшнепов — р. 35 к.
» —Охота на глухарей — р. 30 к.
» —Охота на рябчиков — р. 30 к.
» —Охота на уток, 2-е изд. — р. 40 к.
» —Промысловые звери наших пресных водоемов — р. 75 к.
Кудрявцев, Ю. А.—Пути строительства охотхозяйства 1 р. — к.
Кунилов, Ф. П.—Уженье рыбы зимой — р. 45 к.
Мальцев, В. В.—Как снять, набить и сохранить шкурку птицы — р. 40 к.
Миллнер, Д. К.—Ирландский сеттер и его натаска — р. 60 к.
Михайлов, В. С.—Первая помощь заболевшей собаке, 2-е изд. — р. 15 к.
Петрункевич, М.—Как самому натаскивать легавую собаку, 2-е изд. — р. 25 к.
» —Охота на куропаток, 2-е изд. — р. 30 к.
Рахманин, Гр.—Охота на тетеревей, 2-е изд. — р. 50 к.
Рождественский, Н.—Простейшие способы уженья рыбы — р. 65 к.
» —Спутник рыболова-удильщика, 2-е изд. 1 р. — к.
» —Удочки, их выбор, снаряжение и починка — р. 65 к.
Семенов, А., и Соболянов, А.—Самодельная складная переносная лодка — р. 35 к.
Соловьев, Д. К.—Охота в СССР 2 р. 25 к.
Степанов, П. Н.—Вексель и его роль в работе охоткооператива — р. 85 к.
Уваров, А. В.—На лисицу с манком, 2-е изд. — р. 25 к.
» —Охота на гусей — р. 25 к.
Ускова, О. И.—Кролиководство и его продукты, 2-е изд. 1 р. — к.
Федосеев, В. Ф.—Как снимать и выправлять пушн. шкурки, 2-е изд. — р. 95 к.
Фомин, Е.—Делопроизводство в т-ве охотников — р. 20 к.
Хархардин, И. В.—Лесные побочные промыслы 1 р. 50 к.
Худолей, В. С.—Как вести хозяйственную работу в т-ве охотников — р. 40 к.
Челищев, Н. Н.—Гончая, ее воспитание и охота с ней, 4-е изд. — р. 50 к.
» —Как выбрать хорошую гончую — р. 20 к.
» —Как самому натаскивать гончих, 2-е изд. — р. 20 к.
» —На волков по черной тропе, 2-е изд. — р. 25 к.
» —Русская борзая, ее воспитание и охота с ней — р. 70 к.
Шиллингер, Ф. Ф.—Кормовые площади в охотничьем хозяйстве 1 р. 80 к.
Ширинский-Шихматов, А. А.—Медведь и медвежья охота, 2-е изд. — р. 70 к.
Юдин, И. С.—Как вести плановую работу в т-ве охотников, 2-е изд. — р. 80 к.
» —Что такое охотничья кооперация и как организовать т-во охотников — р. 10 к.
Яблонский, Н. И., и Ивашенцев, А. П.—Воспитание, дрессировка и натаска легавой, 3-е изд. — р. 75 к.